М. ТОМСКИЙ

СТАТЬИ И РЕЧИ

IV

Печатается
по постановлению
VI Съезда
Профессиональных
Союзов СССР

Печатается
по постановлению
VI с'езда
Профессиональных
Союзов СССР

М. ТОМСКИЙ

СТАТЬИ И РЕЧИ

КНИГА
ЧЕТВЕРТАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО В·Ц·С·П·С МОСКВА-1928

Главлит № А—5-723. Тираж 10.000.
Типография РИО В.Ц.С.П.С.
Москва, Крутицкий Вал, 18.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

ЗАДАЧИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

От V Всероссийского С'езда Профсоюзов к VI С'езду Профсоюзов СССР

V С'езд Профсоюзов и задачи союза транспортных рабочих.

Речь на II Всероссийском Об'единенном С'езде союза транспортных рабочих 2 октября 1922 г.

Товарищи! Позвольте от имени ВЦСПС приветствовать с'езд транспортных рабочих [1]).

Недавно состоявшийся V Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов положил начало новому периоду развития рабочего движения в России, новой тактике, новым методам работы [2]).

Вы знаете, что российское профессиональное движение взяло новый курс, что оно применяет новые методы в своей деятельности. Что же нового, в этом отношении, дал V Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов? Он подвел итоги проделанной в новых условиях работе и определил переживаемый период, как период, когда задачи союзов приобретают практический характер.

Определяя тактику союзов в новых условиях, V Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов указал нам, что в зависимости от места, которое занимает тот или иной союз в общей системе пролетарского государства, от роли и задач того или другого вида хозяйства, работников которого об'единяет данный союз, находится не только тактика союза, но и его организационные формы. Это первое и важнейшее, что сказал V Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов. Если мы так подойдем к вопросам и задачам данного с'езда и союза транспортных рабочих, то мы скажем, что и они определяются ролью данной отрасли народного хозяйства в общей системе пролетарского государства.

Российское профессиональное движение, на V С'езде, осталось верным основным принципам всего российского рабочего движения, и в частности, принципам, провозглашенным на I С'езде Профессиональных Союзов [3]). V Всероссийский С'езд Союзов подтвердил, что независимо от новых задач, стоящих перед профессиональным

движением, одна старая задача неизменна — всемерно укреплять пролетарское государство, всемерно усиливать его производительные силы. Несмотря на то, что союзы в центре своей деятельности и повседневной работы, в настоящий момент, ставят защиту интересов своих членов, их другая основная задача — всемерное укрепление диктатуры пролетариата, всемерное усиление производительных сил страны — остается целиком и полностью. Этим подтверждаются наши старые принципы: задачи и интересы класса в целом мы ставим выше задач и интересов какой-нибудь отдельной группы работников, занятых в той или иной отрасли народного хозяйства.

Без усиления и укрепления транспорта нет и не может быть строительства социализма. Если мы так подойдем к задачам нашего транспортного союза, то они сведутся к двум основным положениям: 1) к всемерному усилению транспорта посредством планомерной и целесообразной организации труда и 2) к всемерной и целесообразной заботе об экономических и материальных нуждах и интересах членов вашего союза.

Вот две задачи, которые в настоящий момент стоят перед российским союзом транспортных рабочих и перед вашим с'ездом.

V Всероссийский С'езд сказал, что линия, данная ВЦСПС, правильна, что она подтверждена опытом, практикой движения, ими конкретизирована. В развитие этой конкретизации V С'езд сказал российскому профдвижению: давайте, не будем теперь искать новых принципов, не будем заниматься отвлеченными вопросами, ибо задача ближайшего периода — повседневная, будничная, кропотливая работа над осуществлением тех правильных и подтвержденных опытом принципов, которые даны II Пленумом Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов в 1922 г. [4]).

Это — работа трудная и тяжелая, несмотря на ее видимую простоту: данный с'езд должен искать пути для ее проведения на местах.

Как должны мы, на этом с'езде, подойти к разрешению этих, по видимости, простых, а на самом деле чрезвычайно сложных вопросов? Мы должны руководствоваться тем же, чем руководствовалось общероссийское профессиональное движение в лице его V Всероссийского С'езда. На этот с'езд с'ехались со всех концов

необ'ятной республики уполномоченные, доверенные лица организованных в профессиональные союзы рабочих, представители разных видов труда, начиная с самого тяжелого физического и кончая представителями труда интеллектуального. У каждого свои задачи, свои интересы, местные, цеховые, групповые, общесоюзные. Но когда они сошлись вместе, то работа всероссийского профессионального об'единения, в лице его с'езда, руководилась одной основной задачей,— общеклассовыми интересами и задачами пролетариата, стоящими перед ним в данный исторический момент.

Каковы же задачи вашего с'езда?

Здесь представлены разные виды работников транспорта. В памяти многих из присутствующих еще живо воспоминание о том с'езде, в котором участвовали представители чуть ли не 13 союзов [5]). Всем нам памятны дебаты, происходившие в этом и ближайших залах, в секционных, групповых собраниях. Вы знаете, как много,— старину не грешно вспомнить,— было недоверия, как подозрительно подходили кондуктора к телеграфистам, телеграфисты к мастерам и рабочим, а все вместе — к вопросу об общем едином союзе работников транспорта. Вы помните разговоры о кассе, о том, что станет с кассами, которые были у этих 13 союзов. Но в процессе совместной работы эти 13 союзов подтвердили общность интересов всех работников транспорта, независимо от профессии и места, где протекает их работа. И когда здесь, на с'езде, присутствуют представители всех видов и профессий на транспорте, ни в одной голове не шевелится мысль, что между сцепщиком и телефонистом — непроходимая пропасть. У нас еще сильны цеховые тенденции, местные интересы еще очень сильно господствуют над нами, каждый из нас, в силу тяжелого положения, в котором находится транспорт и транспортный пролетариат, в повседневной работе изболелся душой, намучился и потому думает, что его положение особо тяжелое и что повседневные интересы его группы и его округа преобладают в данный момент над интересами других. Я уверен, как уверен и Президиум ВЦСПС, что здесь по-иному будут подходить к этим вопросам. Мы убеждены, что на этом с'езде общие задачи и общие интересы транспортных рабочих будут преобладать над местными групповыми интересами, подобно тому как и в старое время первые торжествовали над вторыми.

V Всероссийский С'езд, вырабатывая план практической деятельности и линию работы союзов, прямо сказал: следует перейти от отвлеченных вопросов, которые мы уже разрешили, к осуществлению повседневных задач, стоящих перед российским профессиональным движением.

Мы многого пока не сумели сделать. Задача профессионального движения в целом,— в том числе и вашего союза,— учиться работать, провести все то хорошее, что дал V С'езд. V Всероссийский С'езд дал не только общую линию направления деятельности союзов, он явил нам пример небывалого в истории российского профессионального движения единодушия представителей союзов всей России. Мы имели на этом с'езде группу беспартийных, около 50 человек, но все основные резолюции, все основные принципы с'езда голосовались единогласно. Это единодушие поучительно. Российское профессиональное движение не только осознало себя, не только нашло методы своей работы, но и поняло, что в настоящее время задачи деловой работы являются основными. Перед союзами стоит, казалось бы, неразрешимое противоречие: с одной стороны, союзы — хозяева производства, заинтересованные в его сохранении, с другой — они защищают перед администрацией интересы своих членов, наемных рабочих. Как-будто непреодолимое противоречие, в котором очень легко запутаться. На самом деле, такого противоречия нет и быть не может. Нельзя построить наше хозяйство, не может быть поднята производительность труда без улучшения экономического положения членов союзов. Но, с другой стороны, не может быть поднято народное хозяйство, не может быть поднята ни одна отрасль промышленности в том случае, если союзы, хотя бы на минуту, забыли о своей заинтересованности в хозяйственных вопросах, если бы они ставили голые требования, не считаясь с об'ективными условиями.

По вопросу о заработной плате V Всероссийский С'езд высказался, не обманываясь красивыми фразами: было бы величайшей ошибкой и иллюзией полагать, что мы уже сейчас можем довести заработную плату рабочих до довоенного прожиточного минимума. Мы — бедная страна, производительные силы которой разрушены и ослаблены. Способствуя поднятию производительности труда, не отказываясь от участия во всем, что касается его организации, союзы в то же время неуклонно, в меру развития производительных

сил страны, в соответствии с ростом ее ресурсов, должны добиваться повышения заработной платы, улучшения материального положения рабочих. Этим определяется и подход к вопросу, который, вероятно, волнует многих делегатов этого с'езда,— о дальнейшем существовании единого союза работников водного и железнодорожного транспорта или «разлиянии» до того единого союза на два самостоятельных. Президиум Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов не дает определенной директивы, не ставит рогаток перед с'ездом. Мы считаем, что союзы, в том числе и ваш, достаточно выросли, достаточно осознали свои интересы и задачи. Приступая к разрешению этого вопроса, вы должны руководствоваться теми основными задачами, которые стоят перед всем рабочим классом, а значит, и перед вами. Эти задачи таковы: 1) восстановление транспорта, находящегося в тяжелом положении,— проблема хозяйственная, требующая соответственного подхода, и 2) столь же важная, наравне стоящая задача, которая заключается в правильном, целесообразном, своевременном и полном обслуживании экономических интересов об'единяемых вами членов.

Приступая к этому вопросу, с'езд должен учесть, как отразится то или иное его разрешение на хозяйстве. Будет ли «разлияние» способствовать или препятствовать росту хозяйства? Как оно отразится на правильности, своевременности, целесообразности и полноте обслуживания интересов об'единяемых союзом членов? Вы должны разрешить вопрос, руководствуясь хозяйственными соображениями и быстротой организационного обслуживания. Мы не сомневаемся в том, что ваше решение, основанное на учете этих двух факторов, будет правильным, разумным и единственно целесообразным.

Позвольте мне в заключение еще раз указать на решения V С'езда Профессиональных Союзов. Этот с'езд формулировал взаимоотношения союзной организации и об'единяемых ею членов. Что такое союз по отношению к его членам? Что такое члены союза по отношению к союзу? Если вы спросите об этом многих членов наших союзов, в том числе и вашего, они вам ответят: «Центральный Комитет, дорпрофсож, учкпрофсож». Правилен этот ответ или неправилен? — Неправилен. Только тогда ваша работа будет завершена, только тогда мы выполним директивы

V С'езда, когда каждый член союза на вопрос о том, что такое союз, ответит: «союз, это — я и другие транспортные рабочие».

Только добившись такого понимания вопроса от каждого рабочего, входящего в ваше об'единение, вы сможете сказать: мы выполнили директивы V С'езда, мы осуществили ту задачу, над которой работает все профессиональное движение,— теснейшее единение масс с органами союзов. Вот как надо понимать отношение членов к союзу в целом и вот как должны относиться органы союза к своим членам.

Товарищи! Один из английских министров при обсуждении вопроса о том, кто повинен в открытии военных действий в Южной Африке — буры или англичане,— заявил: «какое мне дело, в конце концов, кто виновен, плохи ли, хороши ли те, кто начал войну, но они — наши». Так понимал капиталист, выразитель интересов своего класса, задачу этого класса. Плохи ли его капиталисты, но раз они представляют его класс — он должен их поддерживать.

Наше отношение к членам наших союзов должно быть столь же определенно классовым. Плохи ли, хороши ли эти члены, но они — наши. Они — члены нашего союза. Мы живем в такой обстановке, что лучше этих членов — нет.

Если вы согласитесь с такой постановкой вопроса, то она будет обязывать вас вот к чему. Вы часто слышите, читаете о том тяжком развале, который царит на наших железнодорожных и водных путях, о той язве, которая раз'едает ряды членов вашего союза,— о взяточничестве. Мы знаем, что одна из причин этого явления — тяжелое экономическое положение не только транспортников, но и самого транспорта. Однако, это только одна из причин. Другая причина — слабость влияния самого вашего союза на рабочих, но не будем понимать только что сказанное, как обвинение, брошенное вашему союзу. Ваш центральный комитет и ваши местные органы делали все возможное в существующих об'ективных условиях. Но факт остается фактом, и помните, когда осуждают, когда ругают, когда издеваются по поводу царящего на железных дорогах и других дорогах взяточничества, помните, что эти люди — члены вашего союза, помните, что ваш союз, который представляет почти пятую часть всего российского профессионального движения, который является самым мощным по количеству членов, не может и не должен

терпеть этого явления. Задача союзов — всеми мерами бороться, чтобы отдельные члены не позорили всю организацию. Одна из важнейших задач, стоящих перед вашим об'единением, заключается в том, чтобы приблизить органы союза к массам, усилить всем своим влиянием, авторитетом работу на транспорте, принять энергичнейшее участие в этой работе неусыпной деятельностью, направленной к организации труда, к поднятию его производительности.

Вот деловые задачи, которые стоят перед вашим с'ездом и центральным комитетом вашего союза, имеющим быть избранным на этом с'езде. Этот с'езд должен дать вашему союзу общие директивы. Эти задачи требуют сугубо хладнокровной, сугубо деловой, сплоченной работы.

Позвольте же мне от имени ВЦСПС, только-что избранного V Всероссийским С'ездом,— тем с'ездом, который показал пример сплоченности, единодушия и деловитости,— пожелать вам и вашему будущему ЦК побольше деловитости, поменьше разговоров о принципах, об отвлеченных материях. В сторону все второстепенное, детальное и неделовое. Основные задачи важнее для нас, ибо ими обусловливается дальнейшее процветание Советской республики.

Позвольте пожелать вашему союзу еще и еще раз побольше единодушия, деловитости, солидарности и выразить уверенность от имени Президиума ВЦСПС, что при правильном подходе к задачам, поставленным V С'ездом Союзов, мы справимся с разрухой на транспорте, создадим крепкое и мощное, не только по численности, но и по качеству об'единение транспортных рабочих. Тогда на следующем с'езде мы будем, если не численно, то своей сплоченностью, своей связью с местами в пять раз сильнее, чем на этом.

Позвольте выразить эту уверенность и пожелать успеха в деле, которое еще целиком стоит перед вами!

Опубликовано в стенографическом отчете VI Всероссийского С'езда союза работников железнодорожного транспорта. Изд. Лит.-Изд. Отд. Цектрана, 1922 г.

Общие вопросы профдвижения и союз печатников.

Речь на IV Всероссийском С'езде союза полиграфического производства 18—21 октября 1922 г.

Товарищи! Позвольте мне приветствовать настоящий с'езд [6]) от имени ВЦСПС и коснуться в этом приветствии тех конкретных задач, которые стоят в настоящий момент перед российским профессиональным движением, в том числе и перед вашим союзом. Я говорю — «*конкретных задач*» и усиленно подчеркиваю эти слова. Я считаю, что V С'езд Профессиональных Союзов резко отличается от наших предыдущих с'ездов тем переломным характером, который он имел и который должны носить все другие с'езды и вся наша работа [2]). Отличительной чертой этого с'езда было то, что он не искал новых принципов. Ко времени V С'езда общие задачи движения были уже достаточно выяснены для всех русских профессионалистов. Их определил II, февральский, Пленум ВЦСПС [4]). Перед V С'ездом стоял вопрос о их дальнейшей конкретизации на основе опыта и учета ошибок.

Раньше мы жили в более бурной обстановке,— в обстановке, когда русским профессионалистам, впервые в мире, приходилось нащупывать пути профессионального движения при диктатуре пролетариата. Это было особенно трудно в первый год.

Наше профессиональное движение строилось на опыте германского, английского и американского профессионального движения. Если вы посмотрите на тип и строение наших союзов и проследите историю их развития, то увидите, что различные союзы заимствовали и разные организационные формы.

В 1905—1906 гг., в первый период профессионального движения, одни союзы копировали американское профессиональное движение, другие — английское, третьи — германское. Мне вспоминаются заседания в 1906—1907 гг. правления союза рабочих печатного дела в Петербурге [7]). Тогда главные аргументы в наших

спорах были таковы — вот в таком-то году у английских механиков учреждено было «то-то», «у английских механиков вопрос о коллективном договоре разрешен так-то и так-то», «а вот у германских печатников другой был прецедент».

Наступила Октябрьская революция [8]), наступила пора диктатуры пролетариата, и опыт американских механиков и германских печатников пошел на смарку. В новой обстановке все умные книжки, написанные на основании этого опыта, полетели в корзину. Профессионалисты других стран не могли дать нам руководящей линии в вопросе о том, как мы должны работать в эпоху диктатуры пролетариата. Так было перед I С'ездом Профессиональных Союзов [8]). Перед II и перед III С'ездами [9]) [10]) ставился вопрос о сращивании союзов с государственными органами; говорили,— «если сращиваться, то скорее». Перед IV С'ездом [11]) мы имели знаменитую профдискуссию [12]), а уже на V С'езде единогласно голосовали все основные резолюции. Правда, по анкетам на этом с'езде было два меньшевика, но никто их не заметил, и с'езд от этого ничего не потерял. Раньше мы искали всякие «перспективы», они для нас были важнее всего, мы избаловались и приобрели скверную привычку каждый вопрос непременно сводить к принципиальной проблеме, к писанию тезисов, сочинению теорий — и «пошла писать губерния». А это легче, чем работать. Открывай нам Америку на каждом с'езде, а открытие Америки досталось на долю ЦК РКП(б) [13]) и Пленума ВЦСПС. Последнее — не случайно, это свидетельствует о том, что российское профессиональное движение уже нашло свой путь, нашло правильные принципы, в общих чертах соответствующие тем задачам, которые перед ним стоят. Союзы подтвердили это на V Всероссийском С'езде, где они правильно учли весь свой опыт.

Мы несколько лет нащупывали правильную линию профессионального движения, мы дали правильное содержание работе союзов в обстановке военного коммунизма [14]), в обстановке диктатуры пролетариата. При наличии развивающегося товарного рынка и появившегося частного предпринимателя нам стало очень трудно. Исходя из общей формулы профессионального движения в новых условиях, мы определили порядок изменений, которые надо провести в каждой отдельной отрасли союзной работы. Но в одном у нас существует громадный недостаток. Мы, как будто все

наметивши, сперва горячо взялись за практическую работу, а потом начали оставлять её. На этом отрицательном явлении приходится остановиться, чтобы не наделать в будущем больших ошибок.

На самом деле, были ли споры, были ли возражения по вопросу о добровольном членстве? Нет, об этом не было никаких споров, по этому вопросу никто не выступал, никто не отстаивал необходимости попрежнему собирать членские взносы через аппарат главков и центров, таких «мужественных» людей не нашлось, а, между тем, теперь, после девятимесячной работы, когда для всех это уже стало истиной, все еще находятся такие союзы, которые нет-нет, да и соберут членские взносы старым способом. Это свидетельствует о консерватизме, лени, косности, бюрократизме, это свидетельствует о том, что, несмотря на молодость профессионального движения, создается вреднейший тип консервативного профессионального чиновника, который из канцелярии выйти не хочет, которого мы должны прогнать хоть палкой из канцелярии. А если нам это не удастся, то это хорошо сделают рабочие.

Новой программы нам с вами хватит на несколько лет; чтобы как следует осуществить ее, необходим такой срок. Но как мы подходим к осуществлению этой программы? Что мы должны предпринять, чтобы изжить отрицательные явления: с одной стороны, неумение претворять программу в жизнь, с другой — нежелание проводить ее? Основная задача, стоящая перед профессиональным движением России, заключается именно в проведении конкретных мероприятий. Основной вопрос — как все это осуществить? Об этом надо подумать не только руководящим центрам, но и каждому профессиональному работнику.

Я уже сказал, что у нас выработалась очень скверная привычка от конкретных вопросов уходить в область высокой политики. Мы привыкли всякий вопрос сводить к какой-либо крупной проблеме. И это из достоинства превратилось в недостаток. Создалась такая дурная привычка, что когда людям поручают что-нибудь сделать и дело почему-либо не клеится, то они заявляют, что виною этому плохие взаимоотношения, давайте, мол, сначала наладим взаимоотношения, посмотрим, кто кому мешает работать.

Возьмите хозяйственника. Та же картина. Он начинает работать, работа не ладится; во-первых, потому, что он не умеет

Фот. П. Оцуп.

Президиум ВЦСПС, избранного V Всероссийским С'ездом Союзов (1922 г.).
(*Слева направо:* В. В. Куйбышев, А. И. Догадов, А. А. Андреев, М. П. Томский, С. А. Лозовский, В. В. Шмидт, А. А. Коростелев, Н. К. Антипов и А. И. Удов).

ховяйничать, да и обстановка сложная. И вот он начинает ставить вопрос о «взаимоотношениях», о том, что следует перестроить орган, который «над ним» или «под ним», или «рядом с ним». Нарисует разные квадратики, клеточки, зеленые, красные, синие, и по ним вы очень хорошо увидите, кто кому должен подчиняться. А завод разваливается. Потому что о «взаимоотношениях» говорить легче, чем делать конкретное дело.

Кто знает не по бумаге, не по инструкции бумажной, о правах и обязанностях фабзавкома? Кто знает о них по-настоящему? Кто изложит нам, что такое фабзавком, каковы его функции в различных отраслях производства? Мы не знаем, что делает фабзавком, что он обязан делать, и соответствует ли нашей инструкции то, что он действительно делает, не делает ли он лишнего, и т. д. А что такое фабзавком? Это — низовая ячейка, без которой никакой профессиональный союз не построишь. Как же, действительно, установить живую связь между центром и местами? Нужно искать такие методы. Готовых методов нет, их нужно найти. Я утверждаю, что мне легче доказать профессионалисту необходимость изменения принципиальной линии профессионального движения, нежели доказать необходимость применения в работе какого-нибудь нового метода.

Как же осуществить связь с нашими низовыми органами? Это нужно делать не так, как мы до сих пор делали,— не путем снятия с верхов работников и посылки их в низы. Взять хорошего работника, годного для руководства центральной работой, и послать его в низы,— будет ли это полезно? Нет, нужно взять любящего профессиональное движение человека из центра, знающего движение, хотя бы из организационного отдела ЦК или ВЦСПС, и послать его сперва в губпрофсовет рядовым инструктором, пусть он посмотрит, что там делается, пусть две недели поработает, а потом пониже пойдет, в губотдел, и там тоже поработает рядовым. Затем он пойдет в фабзавком и после этого возвратится обратно и тогда будет знать, что делается в низах. А через 6—7 месяцев пусть повторит эту поездку и изучит, как живут рабочие. Кажется, простая идея. Но эту идею приходится вколачивать людям в голову. Об'езды хороши, но это гастролерство. Приедет человек, а что он в три дня может изучить? Будь у него голова, как у лошади, и тогда в три дня он не сможет все обследовать, а только заметит самые,

бьющие в нос, факты. Нам же нужно знать технику,— где лучше делается, где хуже. Свободным творчеством нащупывают люди хорошие методы и формы. Надо взять хорошие опыты местной работы,— самые лучшие из них, самые жизнеспособные и простые.

Вот в чем заключается задача, и при ее выполнении нельзя ограничиться об'ездами и циркулярами. Мы пытаемся изменить наши письма в том отношении, чтобы они не имели казенного, чиновничьего характера, который годен для всех и непригоден ни для кого. Мало того, что инструкторская работа идет «вообще» хорошо. Нужно, чтобы она была хороша конкретно, в каждом данном случае. Поэтому приходится индивидуализировать работу. Может быть, в Петрограде совсем обойдутся без нашего циркулярного письма, может быть, сами лучше его напишут. А в Одессе или в Нижнем нужно письмо о том, как приспособить работу к их своеобразной обстановке, к нижегородской обстановке. Следовательно, вторая задача, это — индивидуализация инструктивной работы союзов и затем учет того, что будет сделано и что уже сделано.

Затем следует культурно-просветительная работа. Тов. Луначарский сказал здесь, что с просветительным делом обстоит очень плохо. Я с ним согласен и полагаю, что и с культурно-просветительной работой союзов у нас обстоит очень плохо. На целом ряде союзных собраний я уже касался этой отрасли работы. О ней нельзя говорить иначе, как юмористически. Либо нужно дойти до белого каления, глядя на эту работу, либо иронически относиться к ней. Что делают? Занимаются «взаимоотношениями». Поинтересуйтесь, ознакомьтесь с программой научно-технических клубов и вы прочтете: сегодня — «лекция о звездном мире», завтра — «лекция по козоводству», послезавтра — «социальные противоречия во Франции в 1855 г.», затем следуют «новые радио-телеграфные приемники» и т. д. и т. п. Семь дней и семь ночей читают без всякого уменья, без плана, и читают это рабочим. Молодой рабочий хочет танцовать, заниматься атлетикой, старый хочет играть в шашки или еще что-нибудь делать. Вспомните, как обстояло дело в нашем клубе печатников в Петербурге. За одним столом секретарь занимался своими делами, там кассир принимает взносы, а в самом уголке сидят двое и играют в шашки. И в этом никто ничего зазорного не видит. Сейчас в газетах вы-

часто встречаете жалобы на то, что рабочие редко посещают свои клубы, предпочитая им кинематографы, театры и т. д. Почему это так? Потому, что вы работать не умеете, потому, что человек может один, два дня выдержать рассуждения о звездном небе и Антанте, но на десятый день не выдержит.

И поэтому, если мы хотим, чтобы рабочий не ушел от нас к буржуазии, мы должны изменить свою работу. Мы должны взять его целиком, не забывая, что он — человек, что после работы он устал и хочет отдохнуть. Вот в этом отношении нам нужно поучиться, быть может, у Германии, потому что там дело поставлено хорошо. Там при клубе имеются велосипедная секция, певческий кружок и т. д., даже кооператив пристроен так, что у рабочего все под руками. Конечно, это тоже может привести нас к вопросу о «взаимоотношениях». Если хочешь от работы увильнуть, то обращайся к вопросу о «взаимоотношениях». От этого вопроса следует отказаться, нужно браться за выполнение практических задач, пора от принципов переходить к осуществлению заданий, а вот этому-то мы до сих пор и не научились. Тех, кто пытается в профессиональном движении заниматься вопросом о «взаимоотношениях», нужно считать устаревшим типом людей, которых следует послать либо в санаторий, либо в сумасшедший дом, либо просто гнать их в шею из союза, потому что это больные люди или непоправимые идиоты — самый вредный тип в работе. О «взаимоотношениях» может всякий толковать, поставить же работу сумеет далеко не всякий.

Возьмите конфликты, тарифную работу,— то, что для нас наиболее важно, и вы увидите в отчетах о забастовках примечание: «без ведома союза». Как же это возможно, чтобы 10 или 25 человек забастовали без ведома союза? Разве, будучи чем-нибудь недовольны, они это недовольство не высказывали? Но ведь наши рабочие умеют высказывать свое недовольство иногда в очень энергичной форме. Где же был союз, если забастовка возникла без его ведома?

Значит, наши хорошие резолюции о том, что при первом возникновении конфликта представитель союза должен немедленно выехать на место, в этом случае не проводились в жизнь. Говорить, писать целый ряд резолюций о связи с массами, голосовать, принимать их на с'ездах всероссийских и на с'ездах губернских, на

конференциях фабзавкомов, и после этого — забастовка без ведома союза! Абсолютно недопустимая вещь. Значит, люди продолжают работать по-старому. Обычно, когда говорят: «меня выбрали в члены правления» — это означает, что работает президиум, а я звание члена правления ношу, но на заседания правления не прихожу. Президиум, значит, никуда не годится и правление тоже никуда не годится. Если ты хочешь занимать высокую должность,— так, пожалуйста, прими на себя какую-нибудь определенную работу. В правлении должны быть очередные дежурства, должны быть вечерние занятия. Город надо разбить по районам, и каждый член правления обязан взять под свое наблюдение несколько предприятий. Если забастовка произошла без ведома союза, следует немедленно выяснить, где был ответственный инструктор, в чьем ведении этот завод. С него и нужно спросить. А когда будет голосоваться его кандидатура в правление райкома, нужно сказать, что забастовки у него возникали неожиданно. Таких не нужно выбирать, хотя бы они великолепно умели говорить и разбираться в вопросах «взаимоотношений».

Но мало того, что у нас нет связи, оказывается коллективные договоры пишутся еще по-старому [15]). И самое обидное, что никто, ни один человек, не спорит. В этом сказывается консерватизм невежества, и с этим нужно бороться. Никто не спорит о том, что коллективный договор является лучшей формой организации рабочих масс вокруг союза. И именно поэтому коллективный договор должен писаться не в тиши союзных канцелярий, а вместе с рабочими. Даже если вы принимаете на себя только моральную ответственность за соблюдение коллективного договора, то и тогда вы принимаете эту ответственность за тысячу человек, а эта тысяча ни сном, ни духом не знает, что она обязана делать и что ей обязаны делать, как и того, чего она не обязана делать!

Между тем, только тогда можно дать гарантию в соблюдении договора, если эта тысяча человек знает, что и зачем она подписывает. Мы забыли, что появился частный предприниматель, правда, еще маленький, слабенький, хиленький, но ведь он может вырасти и появиться и в более серьезном обличии, а мы к этому не готовимся и, как евангельские девы, спим, потушив светильники. Такая беспечность уместна для евангельских дев, но недопустима для профсоюзов. Когда раньше, в 1907 году, мы подписывали

в Петербурге прелиминарный договор с Обществом заводчиков и фабрикантов[16]), с полиграфической секцией его, : последняя обязалась уплачивать то-то, а мы — давать такие-то нормы; кроме этого, мы дали обязательство в том, что члены нашего союза не будут требовать улучшения своего положения против подписанного коллективного договора, что они обязаны работать на условиях, предусмотренных договором, и в течение такого-то срока не пред'являть никаких дополнительных требований. Мы подписали договор с Обществом фабрикантов и заводчиков и были накануне заключения генерального коллективного договора как раз в тот момент, когда в Петербурге забастовала типография Тилле. Мы поручились за то, что члены союза будут работать, не пред'являя новых требований, а типография Тилле забастовала без ведома союза... Что было делать? Мы послали безработных в типографию Тилле на место тиллевских рабочих, которые забастовали не только без ведома союза, но и вопреки ему. Было ли это штрейкбрехерство? Вопрос был поставлен на делегатском собрании, и оно этот шаг одобрило. Но для того, чтобы не прибегать к таким мерам, нужно быть уверенным, что члены союза, от имени которых подписывается договор, будут соблюдать его.

Здесь я должен коснуться норм производительности труда и способов ее поднятия. Если к этому вопросу мы подойдем, руководствуясь интересами рабочего класса, стоящего у власти, то этот вопрос мы решим довольно быстро.

Выгодно ли одновременно поднимать нормы производительности труда и нормы заработной платы? Нам выгоднее связать одно с другим, т.-е. поставить вопрос о росте заработной платы в прямую зависимость от роста производительности труда. Нам опасна заграничная конкуренция. Во время блокады нас западно-европейской буржуазией мы могли спокойно сидеть и давать какие-угодно нормы производительности, потому что не было заграницы, а, значит, не существовало и конкуренции западно-европейских рабочих и западно-европейской промышленности. Теперь же, когда в Западную Европу открывается не только окно, но и дверь, когда в Россию идет не только металлический хлам, в то время как русский рабочий работает (как и работал!) хуже германского,— если мы не подтянемся и не будем работать лучше, быстрее, тогда конкуренция заграницы сотрет нас с лица земли.

Все наши разговоры о том, что мы не позволим превратить себя в полуколониальную страну,— ни к чему, если мы не научимся работать, как американский или, хотя бы, как французский рабочий. Иначе весь мир нам скажет: «вы лучшего и не стоите, как только быть полуколониальной страной». Из-за границы не только хлам идет, но даже русская, советская, книжка заграничной выделки! Почему же в Берлине издание книжки обходится дешевле, чем в России? Самый факт издания книжки за границей свидетельствует уже об очень многом. Товарищи, бывшие директоры, когда мы научимся чисто печатать (ведь на одну бумагу не свалишь!) без марашек и грамотно? Вы посмотрите на теперешнюю книжку. Посмотрите, старые наборщики! Разверните ее и возьмите в руки красный карандаш; вам попадутся такие страницы, за которые отвечающего за них наборщика в былое время не стали бы держать и в самой плохой типографии. Где они учатся? Ведь буквально ничего не разберешь! *(Голос с места:* «На фронте»).

Улучшение качества работы и поднятие производительности труда имеют для нас колоссальное значение. Вспомните старое время — ведь и тогда западно-европейские печатные издания были лучше наших. Если мы не сможем выдержать конкуренцию с Западной Европой, противопоставив ей нашу трудоспособность, если мы не сумеем показать, что мы умеем делать не только революции, не только говорить о «взаимоотношениях» и заниматься мировыми вопросами, но и научились за это время работать, и не потому, что сами хозяева, а потому, что вообще хотим давать хорошее качество и поднимать норму производительности, если мы не сможем этого сделать — положение будет для нас угрожающим.

На таможенных пошлинах (вся мировая история об этом свидетельствует) далеко не уедешь: на таможенных пошлинах можно продержаться 1—3 года, но затем нужно научиться работать [17]). Вот почему мы заинтересованы в повышении норм производительности: за хорошую работу — хорошая плата и, наоборот, за хорошую плату — работа хорошего качества. Это все старые фразы, что сверхурочные работы недопустимы. Правда, при безработице недопустимы, ну, а сдельные — допустимы? Если скажут: «недопустимы потому, что истощают человека, а повышение нормы производительности невозможно, потому что оборудование развалится», тогда может быть показана и другая сторона медали.

Нам могут сказать: «заработная плата не может быть повышена потому, что финансы в затруднительном положении, потому что эмиссия не выдерживает, пайка не будет потому, что недород и голод». Одни будут валить на оборудование, другие не будут платить, ссылаясь на эмиссию, на Антанту и т. д., а в итоге — и та и другая сторона ничего не получат.

Кроме того, что коллективный договор нужно приблизить к массам, т.-е. чтобы массы подписывали его сознательно, отстаивая не только высокую заработную плату, но и хорошее качество работы, важной стороной нашей тарифной работы является изучение конфликтов и вопроса о том, как сделать так, чтобы без ведома союза их не было. Это относится не исключительно к данному союзу, а ко всем абсолютно профессиональным союзам. Здесь есть одна деталь: в мировом рабочем движении, в профессиональном движении в особенности, не имеется соответствующей литературы. Из литературы, которая имеется по профессиональному движению, вы никакого опыта не почерпнете — в ней совершенно не освещен вопрос о том, как разрешать конфликты, как проводить их, нет определения стачки, не указано, как она организуется, не выяснена тактика союзной работы, тактика союзов. Эта сторона рабочего движения не имеет ни литературы, ни героев, ей никто не оказывает помощи. Как в России, так и в Западной Европе имеются лишь кое-какие слабые намеки на обобщение практики движения. Все у нас покоится на опыте отдельных лиц: проработал человек 18—20 лет в профессиональном движении, накопил в течение своей многострадальной профессиональной жизни опыт, память хорошая,— записывать мы ничего не записываем (русский человек боится пера) — и на этом опыте и он и мы живем. Но молодой инструктор, может быть, и способный, талантливый и знающий, теряется при первом же конфликте. С чем он пойдет туда, как он проведет этот конфликт, что такое конфликт, как его организовать, почему произошло так, что рабочие об'явили забастовку вопреки постановлению союза,— все это для него неясно.

Союз в требовании отказал, дело пошло в примирительную камеру, примирительная камера стала на сторону рабочих, и рабочие выигрывают забастовку. Такие явления существуют сейчас. О чем это свидетельствует? Это свидетельствует о слабости, безрукости нашей практики. Поэтому само собою напрашивается

изучение конфликтов, ибо вся эпоха, которая впереди, заключает в себе два момента: 1) проведение и практическое осуществление постановлений общепрофессиональных с'ездов и 2) учет опыта этого проведения — со внесением тех или иных коррективов в практическую работу.

Мы отказались от системы регламентирования союзной жизни, но для разумного проявления инициативы необходим учет опыта. Тут приходится агитировать и пропагандировать с гораздо бо́льшим трудом, чем когда мы агитировали, чтобы союзы дали 10% своих членов на фронт. Профработник — дитя своего народа и своего союза, он целиком отражает их волю и настроение. Итти умирать на красном фронте, это — сколько хотите, а правильно вести дневник конфликтов — свыше сил человеческих. И никак нельзя приучить правильно, разумно и рационально изучать свой повседневный опыт.

Попробуйте осуществить, чтобы секретарь союза по звонку из типографии № такой-то записал: 1) что он в 2 часа 15 минут получил сообщение такого-то фабзавкома о возникновении конфликта и 2) что товарищ такой-то должен выехать на место для разрешения конфликта. Потрудитесь-ка вот это ввести. Скажут: «бюрократизм разводить — писать...» А когда получите распоряжение выехать в типографию № 2, то должны записать в книжке: «в 2 ч. 30 мин. получил распоряжение, выехал в 2 часа 40 минут, прибыл туда тогда-то», при чем должны записать, что́ вы поддерживаете и что́ считаете недопустимым.

Вот мобилизовать на какой хотите фронт — хозяйственный, голодный, продовольственный, сколько хотите, можем, а провести вот этот учет — в двадцать раз труднее, а между тем, если бы это было осуществлено, мы получили бы не только «впечатление от конфликта», но имели бы и ценный документ и, изучив два десятка таких конфликтов, могли бы учесть как в различных союзах, в различной обстановке, мы можем поддерживать рабочих и когда не надо их поддерживать, и что надо делать, чтобы избежать конфликта, как его умело ликвидировать в пользу рабочих. Мы могли бы с этими документами, с помощью их, осуществить то, чего нигде нет и в Западной Европе. Учета опыта у нас нет и потому ближайшая наша задача — привести союзы в такой вид, чтобы этот учет был ими поставлен.

Никто из нас принципиально концессий не отвергает, все мы стоим за привлечение крупного иностранного капитала, а это значит — эксплоатация труда со всеми вытекающими отсюда последствиями. Недаром мы говорим — хотя стачка, как метод борьбы, и не годится, но от стачки зарекаться не приходится. Нужно лишь правильно ее применять. Мои выступления на с'ездах, особенно те, которые опубликовываются, весьма энергично используются меньшевистской затраничной печатью, а в последнее время даже буржуазной. Когда я указываю на дефекты нашей работы, то там говорят: «сам Томский сказал, что союзы не умеют работать с местами,— связи нет». Это уж «об'ективная характеристика», тут пристрастия не может быть. Конечно, на то они и меньшевики — что им больше делать: сидят за воротами Советской России и лают от нечего делать. Но это нас мало печалит! Конечно, и из настоящего выступления можно сделать такой вывод — русский народ безрукий, плохо работает и работать не умеет. Все-таки мы должны констатировать, что за последние восемь месяцев союзы подтянулись невероятно и проявляют интерес к новому, особенно молодежь. Консерватизм есть, бюрократизм есть и косность есть, но мы настолько сильны, что не только перед нашими русскими рабочими, но и перед пролетариатом всего мира можем показать, что мы вовсе не принадлежим и не будем принадлежать к ура-патриотам, которые утверждают, что в их отечестве все хорошо, все идет гладко; мы, мол, народ героический — русскую революцию сделали, Антанту поколотили и всех вдребезги расколотим. Это самодовольство очень опасно и угрожает тем, что мы только и будем, что любоваться на себя в зеркало — «как мы хороши!» — а вперед не двинемся. Героизма у нас сколько хочешь, но аккуратности, опрятности в работе нам нужно еще учиться. Кто знает историю вашего союза в период 1906 — 1907 гг., тот помнит знаменитые питерские партизанские стачки, когда русские печатники героически боролись с московскими и саратовскими локаутами, отсылая в помощь уволенным рабочим двухдневный и однодневный заработок, и в то же время — членские взносы платили плохо. Было свыше наших сил научить их этому. Если вы просмотрите старые кассовые книги союза рабочих печатного дела, вы увидите, как легко союз шел на однодневное отчисление и как он не шел на регулярные членские взносы. И в старые времена

трудно было приучить рабочего к тому, чтобы он нес известные обязанности, и теперь трудно приучить местный фабзавком в каждом отдельном случае правильно сообщать в союз обо всем, что его непосредственно касается,— как все еще трудно вышестоящую головку руководителей приучить не только правильно, но и аккуратно работать — и не только работать, но и выводы делать из произведенной работы.

Союзные верхи должны не только голосовать на с'езде за резолюцию, но и следить в ближайшие месяцы после с'езда за тем, как осуществляется такой-то пункт резолюции. Если какой-либо пункт не осуществляется, то надлежит установить, какие об'ективные причины мешали этому. А вот этому-то научиться очень трудно. Наше достоинство и наш героизм известны всему миру, известно, что сделали мы с российским профессиональным движением за эти пять лет, неомотря на отдельные слабые стороны в нашей работе. И когда из-за рубежа брешут на нас и говорят — «союзов нет», «союзы ничего не делают»,— то в ответ мы можем им посоветовать сравнить дореволюционный и современный союзы, сопоставить конкретные задачи союзов в 1907 г. и 1922 г. Сопоставив, они увидят, что в 1907 г. задачи союзов были чрезвычайно просты — они сводились к поднятию заработной платы, к улучшению правового положения рабочего класса. К чему пришли союзы тогда, в течение двух лет? Они собирались заключать коллективные договоры и это все, что дали им все их усилия. А теперь наши задачи каковы? Улучшение и защита экономического положения рабочих — это одна из сторон работы, поднятие культурного уровня — другая, укрепление союзов — третья сторона. Союзы живут теперь не так, как тогда. Тогда, как идеал, выдвигали создание Всероссийского союза рабочих печатного дела, а теперь Всероссийский союз рабочих печатного дела создан, дисциплина проведена, связь установлена, и перед союзом стоят другие, необ'ятные, задачи. Разве можно союзу в настоящий момент отказаться, например, от участия в хозяйственном строительстве? Даже культурно-просветительная деятельность, которая сравнительно очень плоха и слаба, является сейчас работой не только одного отдела, а всей нашей союзной организации. Мы распределяем средства, содержим целый ряд школ, посылаем молодежь на рабочие факультеты и т. д. Задачи культотделов теперь, несомненно, более

обширны, нежели в старое время, ибо наши союзы являются не только органами защиты интересов наемных рабочих, но и участниками государственной власти. Задачи союзов сейчас настолько многообразны в отношении участия в хозяйственных и разных других государственных органах, в различных комитетах страхования, в строительстве рабочей кооперации, что нет ни одной отрасли советской жизни, до которой бы нам не было дела. И когда к нам теперь подходят с таким масштабом, что, мол, «то-то и то-то сделано плохо», надо вспомнить, что раньше было еще хуже, что культурные, передовые рабочие, в то время говорили: «настанет ли такое время, когда и в России будут рабочие министры, как в Англии?» Теперь у нас рабочих министров сколько хотите!

Мы тогда целый месяц проводили кампанию вокруг несчастной II или III думы, куда мы всеми силами старались протиснуть хоть одного рабочего, и даже не того, которого мы хотели, а того, у которого был ценз [18]). Теперь у нас такие вещи совершаются как-то между делом. Теперь пункты рабочего законодательства, облегчающие труд подростков, проводятся в полчаса, а в Западной Европе, это — целое событие. Там за это борются и устраивают десятки демонстраций. Мы можем похвалиться своим Кодексом Законов о Труде [19]), хотя в него и внесено очень много коррективов, и на сессии ВЦИК он будет решительным образом дебатироваться. Те вопросы, которые раньше разрабатывались в течение месяцев и медленно подвигались вперед, теперь разрешаются десятками в день. И когда бедные «бывшие» люди, находящиеся сейчас за границей, пытаются критиковать наше профессиональное движение, то это смешно. Ведь это те люди, которые имеют о профессиональном движении старые понятия, представления, по старым книжкам и не знают теперешнего положения дела. Мы сами можем о себе сказать: мы знаем свои достоинства и свои недостатки так же, как и трудность работы.

Главная трудность заключается в том, что наша работа будничная, серая, скучная работа. Ильич говорил, что русского человека сначала нужно учить самым элементарным истинам: «не воруй, не озорничай, не бей стекол», а потом уже можно итти дальше. Это верно. Надо теперь посмотреть на то, что мы сделали, сколько мы успели хотя бы в области техники, являющейся необходимым цементом для создания крепкого союза. Здесь мы отстали.

Были такие люди, которые меня упрекали в том, что я предлагаю учиться у Западной Европы. Я отвечал: «если вы не хотите итти, то я пойду туда». Почему? Потому, что Шейдеманы умеют создавать и без помощи государства союзные дома. Правда, теперь в газетах осторожно сообщается, что и Шейдеманам часто приходится прибегать к субсидиям государства, но все-таки они эти дома содержат без убытка, ибо умеют поставить дело. Там у секретаря всегда под руками необходимые и элементарные справки, а у нас для каждой ерунды необходим информационный отдел. Недостатки нашей союзной техники нужно искоренить. Мы от своего звания инструкторов в некоторых вопросах международной революции не откажемся, ибо мы его кровью завоевали и продолжаем с честью это звание носить. Определять свои задачи в обстановке диктатуры пролетариата мы умеем, а ставить правильно отчетность пока не научились. В этом ничего позорного нет. Во всяком случае мы не скрываем этого дефекта.

Теперь насчет аккуратности. Давайте учиться ей вместе, усидчиво и кропотливо. Это очень скучная и тяжелая работа, но от нее нам никуда не уйти. Не нужно забывать, что не позор то, что мы живем в стране, которая получила в наследство от царизма 79% неграмотных, что создает особенно большие перспективы для развития у нас печатного дела в связи с предстоящей большой работой по просвещению всей этой огромной массы.

В заключение, от имени ВЦСПС, желаю от души успеха вашему с'езду и позвольте выразить уверенность в том, что мы научимся побеждать буржуазию не только в уличных схватках, но и на мирных фронтах. Мы выделили из своей среды целый ряд хозяйственников, и, несомненно, российское профессиональное движение сумеет выделить из себя 1000 грамотных трудолюбивых профессиональных работников. Перед нами будничная работа. Но каждый из нас, работников рабочей организации, в той или иной степени облечен доверием пославших его рабочих. Это большая честь для нас, и позвольте выразить уверенность, что мы сумеем в серой, повседневной работе оправдать это доверие к нам на благо рабочих профессиональных союзов и рабочего класса! *(Аплодисменты).*

Печатается впервые.

Задачи союза работников земли и леса.

Речь на IV Всероссийском С'езде союза работников земли и леса 16 декабря 1922 г.

Товарищи! Позвольте мне от имени Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов приветствовать IV С'езд работников земли и леса [20]).

Товарищи! Ваш союз уже выполнил одну из стоявших перед ним задач. Первая задача, стоявшая перед новорожденным союзом работников земли и леса, организованным на наших глазах силами, главным образом, индустриального пролетариата, вчерне выполнена. Это — вопрос о связи между индустриальным пролетариатом городов и пролетариатом деревни. Он разрешен уже самым фактом создания вашего союза. В нашей темной стране, которую мы получили в наследство от правительства помещиков и капиталистов, с составом населения чуть ли не на 80% неграмотным — никогда не существовало сколько-нибудь значительного союза сельскохозяйственных рабочих. Сельскохозяйственные рабочие во всем мире, в силу своей распыленности, в силу условий сельскохозяйственного производства, всегда являлись наиболее забитым, наиболее эксплоатируемым слоем пролетариата и, конечно, в России (где вообще профессиональное движение было так слабо) не могло быть, в прошлом, благоприятных условий для создания какого-либо союза, который об'единял бы этих рабочих. Этот союз мог организоваться только тогда, когда власть из рук помещиков, капиталистов и мелкобуржуазных элементов перешла к крестьянам и рабочим. Лишь тогда мы смогли двинуть на организацию пролетариев сельского хозяйства надежные и надлежащие силы из сложившихся уже индустриальных союзов. Правда, и раньше были кое-какие союзики, но эти союзики не захватывали толщу, настоящую батрацкую толщу деревни. То были союзы лесничих, землемеров, т.-е. союзы более сознательных и более

интеллигентных работников земли, между ними и основной, главной массой — батраками, существовала непроходимая пропасть [21]).

Городской пролетариат, питерский и московский, напр., московские ткачи, порою в качестве продотрядников, порою — с винтовкой за плечами собиравшие хлеб для Петрограда и Москвы, одновременно выполняли инструкторскую задачу по организации пролетариата в деревне. Немудрено, поэтому, что в вашем союзе, на первой стадии работы, руководящий кадр, головка союза, состояли из текстильщиков и, главным образом, металлистов.

Перед союзом Всерабземлеса стоит большая, важная, серьезная классово-политическая задача; я бы сказал, без преувеличения, что у нас нет ни одного союза, перед которым стояла бы такая задача, которого ожидал бы такой непочатый край работы, как ваш. Вот почему, с первых же шагов, организация вашего союза больше чем какого-либо другого заинтересовала Владимира Ильича Ленина, которого вы избрали почетным председателем. Владимир Ильич (я открыто об этом говорю) в этом отношении проявил наибольший интерес и наибольшую инициативу, пожалуй, даже большие, чем мы, которые по своей службе, по своему долгу, должны быть здесь наиболее заинтересованы. Если мы работали над созданием этого союза в обычном порядке, то в этом нет ничего удивительного — это входило в наши обязанности. Владимир Ильич первый понял ту политическую роль, которая выпадала на долю новорожденной организации и, главным образом, о ходе работ по строительству именно этого союза он требовал информации.

Развитие союза прошло различные стадии. В первый период мы принимали и элементы полупролетарские, лиц не наемного труда; но общий ход профессионального движения в обстановке нэпа и появления частного капитала заставил иначе группировать ряды профессионально-организованного пролетариата [22]). Эта перегруппировка коснулась и вашего союза. Ваш союз сейчас пролетарский на две трети. Несомненно, с уверенностью можно это сказать, союз выиграл в своей идейной крепости и боеспособности от этой перегруппировки.

Перед вашим союзом стоит гигантская, громадная, колоссальная политическая задача: быть авангардом пролетариата в деревне, в той мелкобуржуазной деревне, где мы видим перед собою часто спутывающего и не разбирающего простые понятия среднего

крестьянина. Мы видели, как у некоторых, под впечатлением внешнего сходства, возникли идеи о вливании в ваш союз непролетарских чисто крестьянских элементов, — это было бы гибельно для вашего союза, мы против этого боролись, и к настоящему с'езду союз максимально очищен. Я не берусь сейчас сказать с точностью, совершенно ли он очищен, может быть, ваш с'езд и новый ЦК найдут необходимым еще более его почистить, это дело практики и более тщательного и внимательного рассмотрения вопроса. Но в обстановке нэпа союз может быть только пролетарским.

Я упомянул о внешнем сходстве между крестьянами и сельскохозяйственным пролетариатом. И те и другие трудятся на земле; и те и другие едят одну и ту же пищу, носят одно и то же платье, одинаково нуждаются,— как будто одно и то же, но все же имеется чуть-чуть «маленькая» разница: одни работают на своей земле, а другие — на чужой. Эта разница является решающей для определения классового самосознания тех и других. Мы, марксисты, всегда говорили, что у крестьянина две души: одна душа — пролетарская, душа труженика, другая душа, правда, маленькая, но все-таки мелкобуржуазная, душа хозяйчика. Одна душа — труженика, угнетавшегося капиталом Западной Европы, земельными банками, малоразвитыми крестьянскими банками, помещиками, кабальной системой и т. д. Эта душа, эта половина души, целиком идет за пролетариатом, который один только может дать крестьянину освобождение. Вторая половина души все время думает: «а хорошо бы лошадку купить, земельку расширить, да еще кого-нибудь в работнички взять». Как видите, разница между этой половиной души и пролетарской все же значительная. Вот чем определяются иные классовые идеалы крестьянина, нежели батрака. Батрак же — продавец своей рабочей силы, он может видеть выход из своего рабства и беспросветной нужды только в связи с пролетариатом, с его мощью. Вот почему наша первая задача заключается в том, чтобы ваш союз окончательно слился с рядами общеиндустриального городского пролетариата, вот почему у него нет и не может быть другой задачи и другого идеала. В этом отношении союзу предстоит проделать гигантскую, колоссальную работу. Мы говорим, что в обстановке нэпа нашей основной задачей является не канцелярская работа, не «установление» тех или иных аппаратов, не писание циркуляров, а живейшая

связь всех членов союза. Эта задача тогда лишь будет выполнена, когда каждый член союза почувствует, что без союза он не человек, что без союза он ничего сделать не может, что он живет и работает благодаря союзу, что союз обслуживает все стороны его жизни — и производственные, и бытовые, и материальные, и культурные запросы. Если это верно по отношению ко всем союзам, то по отношению к вашему союзу это в тысячу раз вернее. Отсюда вытекает необходимость колоссальной работы, огромной работы, необходимость нового подхода к внедрению вашего союза в деревню в целях идейного подчинения деревни пролетариату, в целях гегемонии пролетариата над деревней. Ваш союз в силу условий труда его членов, в силу огромной территории России, занимающей одну шестую часть света, все еще остается весьма слабым в организационном отношении и многого спросить с него мы не можем. Гегемонию пролетариата над деревней мы осуществляем целым рядом организационных приемов, — мы все свои союзные организации двигаем поближе к деревне, мы создаем уездные бюро, секретариаты, мелкие отдельчики в селах и городах, которые могли бы подчинить и которые, каждый в отдельности, пронизывали бы своим пролетарским влиянием крестьянскую среду, приводили бы крестьянина к нам, как необходимого союзника.

Новые задачи заставили нас оттянуть свои силы из деревни обратно в город. Задачи профсоюзов сейчас чрезвычайно сложны. Центр тяжести профессионального движения должен сосредоточиться в промышленных городах, в первую очередь, на обслуживании основных кадров промышленного пролетариата. В этих условиях задачи вашего союза еще более тяжелы. Единственная ячейка, единственный авангард наших ячеек в деревне, это — ваши ячейки, ваш союз, они — единственные щупальцы пролетариата в деревне.

Какая же основная задача, поэтому, стоит перед вашим союзом? Установление тесной связи между своими членами. Каковы же организационные формы этой работы? Давайте искать эти формы! Мне кажется, что ни вы, ни мы — может быть, я ошибаюсь — не знаем еще тех форм, посредством которых мы выполнили бы такую задачу в сложной обстановке деревни. Может быть, мы найдем способы ее решения не в течение года или двух,

а в течение трех лет. Мы должны создать крепкие союзные ячейки в деревне и тесно спаять их друг с другом, должны поставить себе самые простые, самые элементарные, но и самые трудные требования — чтобы ни один член вашего союза не был неграмотен, чтобы ни один член союза не чувствовал своей оторванности от других, работает ли он в совхозе или у частного крестьянина, нужно, чтобы он чувствовал, что он член союза, необходимо, чтобы каждый член союза говорил, что союз, это — я и еще несколько сот тысяч мне подобных. Это задача большая, это труднейшая задача, и ее разрешением нужно воочию показать деревне разницу между организованным рабочим и неорганизованным крестьянином. Только тогда, когда члены вашего союза, сплоченные в организациях деревни, будут представлять собою культурно-сознательных, организованных рабочих деревни, только тогда дело культуры и оздоровления деревни сделает колоссальный шаг вперед, и это будет даже бóльшее завоевание, чем развитие целой сети школ. Дать деревне образец организованного рабочего, сознающего, что он член союза, крепко спаянный с сотнями тысяч товарищей по организации, и чувствующего свою связь со всероссийской организацией — это значит выполнить по меньшей мере половину работы в деле подчинения деревни городскому пролетариату. Для достижения этого потребуется целый ряд лет повседневного труда. Необходимо упорно добиваться поставленной цели, не отвлекаясь более или менее эффектной работой, сулящей преходящий эфемерный успех, работой, на которую в действительности подчас переносится внимание союза. Мы уже видели сначала создание, а затем превращение ячеек союза в отделы политического просвещения деревни и тому подобные попытки, — идя по линии наименьшего сопротивления, — добиться быстрого эффекта. Наш путь лежит через культурное развитие членов наших союзов, повышение сознательности в их рядах, через крепкую спайку их со своим союзом и со всем организованным пролетариатом, с которым нужно создать становой хребет пролетарской революции в деревне. Это — задача наиболее трудная, и когда мы создадим хотя бы тоненький каркас, мы сможем сказать, что влияние в деревне завоевано.

Вот те политические задачи, которые стоят перед нами и которые так тонко почувствовал Владимир Ильич, говоривший,

что перед вашим союзом огромная, колоссальная будущность. Он говорил, что несмотря на то, что Всерабземлес состоит из наиболее отсталых и забитых пролетарских слоев, перед ним стоят блестящие задачи: культурно-политическое завоевание деревни, подчинение ее пролетарскому влиянию посредством создания кадра организованных, сознательных членов вашего профессионального союза.

Под углом зрения этих классовых задач нужно подходить и ко всем деталям нашей профессиональной деятельности. Ряд чрезвычайно трудных вопросов стоит перед с'ездом — вопросы заработной платы и регламентации рабочего времени. Я не выскажусь по этим вопросам, так как они будут рассмотрены в детальных докладах, я хочу только указать, что в данной обстановке подход к этим вопросам должен быть чрезвычайно внимательным и осторожным.

Помните, что с начала возникновения профессионального движения союзы всегда стояли, как корабль между двух скал: с одной стороны, нужно было защищать экономические интересы своих членов, а с другой — вопрос заключался и заключается в том, чтобы не поставить этих членов в такое положение, когда для предпринимателя явится очевидно невыгодным принимать их на работу, а для последних — состоять в союзе. Такое положение для членов союза невыгодно. Если члены союза будут пред'являть такие требования, которые на данной стадии развития хозяйство не может удовлетворить, а мы будем бессильны не допустить этого, то члены наших союзов будут механически вытолкнуты с работы. И снова и снова начнется сказка про белого бычка. Снова нужно будет организовывать союзы и снова их члены будут вытолкнуты наиболее несознательными элементами. Снова перед нами встанут очень тонкие вопросы. В то же время не должно никогда забывать и о тех правах, которые предоставлены нашим трудящимся постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об утверждении Кодекса Законов о Труде [19]).

Итак, перед вашим союзом стоит ряд больших практических трудностей, стоят колоссальные, гигантские классовые задачи, которые возлагает наш рабочий класс на советское государство. Это очень почетные и очень трудные задачи. Что же касается ВЦСПС, то мы подходим к вашему союзу с особой меркой. Наша задача состоит в том, чтобы поддержать вас. В то время, когда

все другие союзы мы перевели, говоря модным словечком, на «хозяйственный расчет», к вам мы подходим с другой меркой. Ваш союз, который будет разрешать важнейшие классовые задачи при самых неблагоприятных условиях, нуждается в поддержке всего пролетариата.

Итак, перед вашим союзом стоит ряд важнейших задач. Позвольте мне от имени ВЦСПС пожелать вам успеха и выразить надежду, что вместе со всем рабочим классом вы честно исполните возложенные на вас обязательства. *(Продолжительные аплодисменты).*

Опубликовано в «Бюллетене IV Всероссийского С'езда работников земли и леса», № 1, 20 декабря 1922 г.

Наше профессиональное движение в прошлом и настоящем.

Речь на V Всероссийском С'езде работников народного питания и общежитий 27 января 1923 г.

Товарищи! Позвольте мне от имени Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов приветствовать V Всероссийский С'езд работников народного питания [23]). *(Аплодисменты).*

Позвольте мне в этом приветствии, в самых беглых чертах, остановиться на тех весьма конкретных задачах, которые, по нашему мнению, в настоящий момент стоят перед профессиональными союзами. Я не стану останавливаться на общих вопросах — думаю, что все тт., члены союза, достаточно знакомы с резолюциями XI С'езда Коммунистической Партии [24]), II (февральского) Пленума ВЦСПС 1922 г. [4]) и V Всероссийского С'езда Профессиональных Союзов [2]). Я лишь позволю себе остановиться на некоторых наиболее конкретных частностях, — в развитие общих положений, принятых V С'ездом Профессиональных Союзов.

До сих пор, в предшествующий период, мы часто спорили по общим вопросам профессионального движения. Мы правильно определили путь профессиональных союзов — в этом сомнений нет. Спора по этому вопросу не было ни среди тех работников союзов, которые на V С'езде единогласно принимали основные тезисы, ни среди каких бы то ни было течений в партии коммунистов. Все основные резолюции, несмотря на наличие беспартийных, были приняты V С'ездом Профессиональных Союзов единогласно. И тем не менее приходится констатировать, что вот по части проведения этих резолюций в жизнь и усвоения их профессиональными работниками, даже весьма ответственными, дело обстоит не столь блестяще. Идейно мы никогда не были так крепки, так сплочены, так едины, как сейчас. Это бесспорно. Но

также не подлежит ни малейшему сомнению и то, что на практике, мы, порою, говорили на разных языках.

Профессиональные работники недостаточно уяснили себе, что в настоящий момент важнейшими являются отдельные практические, конкретные, сухие вопросы профессионального движения, которые раньше, в истекший период, мы считали второстепенными, не заслуживающими внимания. Кто из нас серьезно на с'ездах, конференциях, собраниях, вел прения или дебаты по финансовым вопросам, кто задумывался над ними? Эти вопросы считали не заслуживающими обсуждения. Зато много говорилось о том, как работать, с кем работать, о предстоящих задачах. Совершенно обходился вопрос о том, чем работать, на какие средства — денег было, сколько хочешь. Теперь дело обстоит иначе. Вопросы финансовые, практические и вообще техники движения являются, как вам, вероятно, известно по практической деятельности на местах, главнейшими вопросами союзной жизни.

Вопрос о правильной финансовой политике,— а политика правильна только тогда, когда она технически правильно осуществляется,— настолько важен, что ставит перед союзами дилемму: «либо ты меня разреши, либо я тебя с'ем!» И те союзы, которые не могут разрешить этот вопрос в его современной постановке, финансовая проблема с'едает, дробит между своими челюстями. Нужно заметить, что мы к этому относимся если и не вполне равнодушно, то во всяком случае не очень огорчаемся. Тот, кто не может приспособиться, должен быть раздроблен, уничтожен. Тот союз, который, несмотря на директивы и указания, в современной обстановке не может стать на новые рельсы и падает под тяжестью стоящих перед ним в данный момент практических задач, этот союз, если и разрушается (в лице его руководящих органов), то это полбеды. Пройдет месяц, два, три, и мы на его развалинах создадим новый, ибо лица, состоящие в этом союзе, не гибнут, разрушается лишь организация, стоящая во главе. Мы умели и умеем строить профессиональные союзы. Мы умели и умеем строить союзы из ничего. Вместо слабых мы строили и будем строить более крепкие.

Финансовый вопрос — важнейший вопрос, и на почве непонимания этого имеет место целый ряд принципиально недопустимых уклонов — вместо того, чтобы итти по руслу, указанному

V С'ездом Профессиональных Союзов,— к укреплению финансов,— союзы идут по линии наименьшего сопротивления. Единственный путь, на который может ориентироваться финансовая политика союза,— членские взносы, правильно собранные и правильно распределенные. Но это очень трудное дело. Членские взносы находятся в распыленном состоянии, в карманах тысяч членов союза. Нужно их оттуда достать, и это должно сделать правление союза. Это — штука трудная. Про нас французы и в старое время говорили: «Вы, русские, когда голосуете насчет революции, единодушно подымаете правые руки, но когда нужно собирать членские взносы и нужно опустить левую руку в карман,— она у вас не опускается». Это правильно и по отношению к нам — верхам, и по отношению к нашим детям — членам профессиональных союзов. Мы их плохо воспитали...

Русские рабочие не только проголосуют резолюцию насчет революции, но и какую угодно революцию. «Умирать на фронт» — давайте. Внести однодневный заработок в пользу школ и проч.,— это вы проведете и отдадите заработок без особого сожаления, а вносить в кассу своего союза ежемесячный членский взнос, к этому мы не приучили людей. И вот перед нами задача — приучить, наконец, члена союза аккуратно выполнять обязанности по отношению к своему союзу. Ведь для того, чтобы рабочие регулярно вносили членские взносы, нужно вбить в голову каждого из них сознание необходимости уплаты этих взносов, а это длительная и кропотливая работа. Придется перед каждым рабочим отчитываться, раз'яснять, на что им внесены деньги и как они израсходованы. Я просматривал союзные журналы и отметил, что в них отсутствует самая необходимая графа: отчет о состоянии кассы союза. Об этом забывают. Между тем необходимость опубликования таких отчетов сама собой очевидна. Что бы сказал член союза в старое время, если бы правление осведомило его, что сделано то-то и то-то, вынесены такие-то резолюции, написано столько-то циркуляров, и ни звуком не обмолвилось бы о том, на какие средства оно существовало и как их расходовало. Такое правление прогнали бы палками.

Теперь членские взносы нужно так расходовать, чтобы вы могли отчитаться перед любым членом союза и в печати и устно. Это путь очень трудный, здесь требуется очень большая техника.

Какой-нибудь союз старается совершить какую-нибудь комбинацию, руководствуясь правилом, чтобы и овцы были целы и волки были сыты. По этому пути пошли многие, в том числе и некоторые члены вашего союза. И вот сегодня, в день открытия вашего с'езда, я должен предупредить вас, что такой путь ведет за борт профессионального движения, ибо мы можем существовать только на членские взносы — это должен каждый из нас зарубить себе на носу. Кто этого не понимает, тот ничего не понимает в профессиональном движении.

Какова политика наших профессиональных союзов в отношении финансов? Заставить все профессиональные организации жить на свой счет. Жесткими мерами, грубо и жестко мы уже заставили 99 и девять десятых организаций жить на свой счет. Как хотите, так и живите! Но это только первый шаг. Второй шаг — заставить все профессиональные организации содержать на свой счет высшие союзные органы. Это — бесспорная истина. От нее вы не отмахнетесь, ибо близок час, когда государство содержать вас не будет. Итак, второй этап — заставить наши организации, на их собственный счет, содержать свои высшие органы. Тогда и у вас, когда придете к центру, самым боевым вопросом будет, как ЦК расходовал деньги, которые вы ему прислали. Сейчас вы не будете так строго спрашивать с вашего ЦК, — сомневаюсь, чтобы вы ему много посылали,— поэтому и здесь, на с'езде, этот вопрос не будет боевым. Но я уверен, что при вашей доброй воле и при нашем нажиме на будущем вашем с'езде этот вопрос будет самым боевым.

Но это только вторая стадия финансовой политики. Перед нами — третья стадия. Необходимость ее сознают все, об этом я читал и в вашем журнале, кажется, в статье т. Лаптева,— о необходимости создания фондов при союзах [25]). Это — зрелая, правильная, своевременная идея. Но создавать фонды при союзах можно лишь тогда, когда союз стоит на крепком финансовом основании в виде правильно поступающих членских взносов, когда вы знаете, что в этом месяце у вас такие-то доходы и такие-то расходы. Только в этом случае может быть поставлен вопрос о фондах. Итак, третий вопрос — создание специальных фондов. Под «специальным фондом» подразумевается, в частности, стачечный, который в вашем союзе играет не последнюю роль. На стачке

я позволю себе остановиться впоследствии. Сейчас же я коснусь культурно-просветительной работы и фонда, создаваемого для этой цели. Как правильно отмечает ваш ЦК, культурно-просветительные задачи в вашем союзе надо ставить и разрешать под особым углом зрения в виду специфических условий вашей работы. Что касается культурно-просветительного фонда, то нужно пытаться разрешить этот вопрос не путем начислений на предпринимателей. Успех этой меры весьма проблематичен; если вы думаете так строить культурно-просветительную работу, то на этот доход не надейтесь. Мы должны сами у себя порыться в карманах, чтобы изыскать средства на культурно-просветительное дело. А это сложная и трудная задача.

Третий фонд — фонд взаимопомощи. Я не буду останавливаться на проблеме борьбы с безработицей, но в будущем этот вопрос непременно встанет перед нами, и союзам придется уделить ему больше внимания, средств и сил. Мы не напрасно декларировали на с'езде организацию фондов взаимопомощи — союзы должны помогать своим членам в трудные моменты их жизни; а для этого нужно иметь определенные средства. Теперь некоторые союзы поступают так: получают 40% членских взносов, ЦК не платят, губпрофсовету не платят, перебиваются с хлеба на квас, а в то же время создают какие-то маниловские фонды. Когда вы заранее будете знать, что в этом году за вами никому не числится ни копейки долга, что вашим служащим вы заплатите по существующим ставкам, сколько полагается, за дрова отдадите, на культурное просвещение отчислите, в фонд взаимопомощи определите столько-то, на черный день — столько-то, в запасный капитал — столько-то, то это будет завершением финансовой политики, это будет правильной финансовой политикой. Без этого все это будет только простым напоминанием о том, что́ должны сейчас делать союзы, как они должны связаться с массой.

Вообще, когда говорят о связи с массой, то всегда вспоминают соответствующий подзаголовок в тезисах по организационному вопросу. Конечно, каждая из этих мер хороша, но сама по себе она еще недостаточна для связи с массами. Вот когда вы почувствуете, что если массы вам не заплатили, — для вас нет жизни, нет выхода, то это будет самая теснейшая связь. Массы заставят вас тогда обслуживать себя, вы будете энергичнее

взимать у них членские взносы, а они, в свою очередь, внимательнее отнесутся к их расходованию. Нужно, чтобы каждый член союза понимал, почему он платит членский взнос и на что этот взнос расходуется; в настоящее время ему лишь известно, что с него где-то что-то удерживают, а для какой надобности — он не знает. Финансовый вопрос раньше был для нас второстепенным, ибо мы считали, что будет ли пудом «керенок» или «крестинок» больше,— от этого дело не изменится, нужно больше просить, чтобы больше получить [26]). К нам относились так же: вам нужно больше — возьмите. Сейчас все это отошло в область прекрасного прошлого — «пудами» никто никому не дает, нужно собирать эти пуды из золотников и долей, которые находятся в карманах ваших членов.

Несколько слов об уклоне. О линии наименьшего сопротивления надо забыть, она слишком скользкая. Несколько отделений союза надо раскассировать за то, что они шли по линии наименьшего сопротивления. Дозволенное от недозволенного отделяет лишь лезвие ножа. Единственный источник средств, это — членский взнос. Я особенно останавливаюсь на уклонах потому, что в вашем союзе, главным образом, среди официантов, особенно раньше, было заметно стремление к артелям и т. д. Теперь начинается новая форма «артелирования» — кооперация. «Мы, мол, сами по себе, а кооперация сама по себе». Дай вам бог, чтобы одни были сами по себе, а другие — тоже сами по себе. Но если нож союзной инспекции придется проводить между нами и ими и если он вырежет у кого-нибудь по куску живого мяса, тогда не нужно серчать,— а это может случиться.

У меня есть боязнь, что иногда не очень точно разберешь, где начинается союз и где кончается кооперация; в таком случае дело может обстоять скверно — союз может превратиться в кооперацию, и тогда нам придется с вами распрощаться — жили вместе долго, любили друг друга так страстно, а придется распрощаться из-за различного понимания нэпа [22]). Будет, разумеется, очень жалко, если ваш союз, который имеет неплохую историю, так печально кончит свое существование. Поэтому договоримтесь на этом с'езде,— пусть кооперация будет сама по себе, а союз — сам по себе, чтобы люди не стояли одной ногой в кооперации, а другой — в союзе. Либо иди в кооперацию, тогда мы будем знать, что ты кооператор, и как кооператор будешь отвечать, а если ты член

правления союза и мы поймаем твою ногу или руку в кооперации, то отсечем бессомненно. *(Аплодисменты)*.

Вот этот вопрос является основным, кардинальным, для вашего союза. Все остальные вопросы сравнительно второстепенны. О предпринимательской деятельности в союзных организациях, не открытой деятельности — открыто мы никогда ее не ведем, для этого мы слишком хорошие политики, — об этом надо сказать решительное и окончательное слово. Путь вашего союза — путь трудный, и только близорукие люди могут кичиться тем, что труднее работать в крупном индустриальном союзе: гораздо труднее работать в вашем союзе, где членов надо собирать по пяткам, по десяткам. Путь трудный... Вы можете растерять 25—40% ваших членов, но бояться этого не нужно, — если союз будет крепок, он притянет отставших. То обстоятельство, что в вашем союзе есть ядро, может быть, 10%, прошедших школу, старую школу профессионального движения, знающих и умеющих работать, служит лучшим залогом, гарантией того, что союз справится с задачей. Для этого, может быть, придется вернуть старых работников, напр., тов. Булочникова из МПО[27]), союз должен мобилизоваться, союз не должен пошатнуться на скользком месте.

Вопрос, который также стоит перед всеми союзами и в том числе перед вашим, это — вопрос о конфликтной тактике. Я не стану повторять то, что мне приходилось говорить, о чем писали и говорили десятки товарищей и что все вы, вероятно, знаете — о нашем отношении к стачкам и об определении роли стачек в советском государстве, где есть, с одной стороны, частная, с другой — государственная промышленность, которая отличается от буржуазной тем, что последняя является орудием классового порабощения, в то время как наша государственная промышленность является орудием нашего класса, стоящего у власти. В связи с этим вопрос о стачках приобретает у нас другой характер, чем в Западной Европе. Тем не менее нужно признать, что есть целый ряд случаев, когда наши союзы должны были об'являть стачку. Здесь приходится поговорить о стачке несколько серьезнее, особенно в вашем союзе, где эти случаи бывают значительно чаще, ибо именно в вашем союзе частный предприниматель является далеко не исключением. Если бы кто-нибудь когда-нибудь в старое время спросил старого профессионалиста, — мыслимо ли, чтобы

в стране, где у власти стоит рабочий класс, рабочее правительство, где профессиональные союзы организованы чрезвычайно централизованно в достаточно сильную организацию, где государство и профессиональные союзы сотрудничают друг с другом, где, наконец, государственный аппарат целиком за спиной профсоюзов и к их услугам, мыслимо ли, чтобы в таких условиях забастовка, об'явленная на предприятии с 200 чел., чтобы эта забастовка была провалена? Каждый сказал бы, что такая постановка вопроса нелепа, что это, конечно, немыслимо, что такая забастовка не может провалиться. На самом деле: раз забастовка начата, мы можем поддерживать ее до тех пор, пока существует советская власть, пока мы не перейдем в светлое царство коммунизма, пока не прекратятся самые разговоры о подобных вещах. Мы настолько сильны, что можем 200 — 300 человек поддержать, чтобы они не проиграли забастовку, мы имеем централизованный аппарат союзов, и вместе с тем факты из практики говорят, что люди и при этих условиях ухитряются проваливать забастовку. Когда мы решаем эту задачу, то считаем, что самая элементарная и общежитейская истина гласит, что прежде, чем об'явить забастовку, профессионалисты должны знать состав рабочих данного предприятия. Это так же ясно, как ясно для каждого нормального человека, что утираться стеклом вредно.

Второе — прежде, чем об'являть забастовку, нужно установить твердый организационный контакт между рабочими и теми, кто забастовкой руководит. Нужно, чтобы рабочие понимали смысл забастовки, чтобы они были согласны с агитацией союза за забастовку, чтобы была доказана ее необходимость. Об этом мы не говорим, не стремимся этого доказать, потому что это вполне ясно, ведь не нужно же говорить: «не ходите головой, не сморкайтесь левой ногой». Нельзя повторять такие вещи. Между тем есть такие союзы, представители которых ездят на общероссийские производственные с'езды, читают тезисы, инструкции, циркуляры, сами пишут циркуляры, а между тем, когда устраивают забастовки и пред'являют требования, и предприниматель говорит, что он отказывается выполнять эти требования, то они отвечают: «ты обязан выплатить», на что предприниматель в свою очередь: — «я закрываю предприятие». Начинается крик: «это злостный локаут!» Смотрим в книги — оказывается, должен закрывать.

В результате сели в галошу, и 100 безработных на улице. А где вы были раньше, когда об'являли забастовку? Вы не знали, какие капиталы, какие заказчики, на что можно надеяться, какие перспективы? Как можно сбухты-барахты в холодную воду бросаться? Сперва рукой пощупай, куда лезешь!

Например, об'являют забастовку на предприятии, где работают 300 человек. Приходят в союз, говорят, что частный предприниматель угнетает, что условия труда тяжелые, а до ее об'явления представители союза на предприятии не были. Приезжают об'являть забастовку, а на предприятии 70 процентов рабочих русского языка не знают и не знают даже, что значит самое слово «союз». Конечно, забастовка проваливается. Конечно, можно сводить концы с концами, а на самом деле выходит чорт знает что, скандал. Экономические вопросы приобретают в союзах особый, специфический характер. Если спросят мою оценку деятельности двух союзов, из которых один занимается «экономикой» таким образом, что устанавливает «взаимоотношения» между правлением предприятия и правлением союза, слушает отчеты, просматривает производственные планы и только, а другой — всего этого не делает, но зато учитывает хозяйственное положение предприятия, знает его состав, осведомлен о его капитале, в курсе того, откуда идут заказы и по каким ценам, каков доход и расход, как можно повышать заработную плату, когда можно нажимать на хозяйственника и когда нельзя этого делать, т.-е. занимается тем, что называется «экономической деятельностью союза», то я скажу, что второй союз выполняет свои задачи лучше. Когда в пышных отчетах пишут, что за год просмотрено 40 производственных планов, — я в этом никакого толка не вижу. Если 40 человек писали 40 дней и 40 ночей, а ты за 4 дня все это прочитал, то что ты можешь узнать? Профессионалист должен знать, в каком случае со стороны частного предпринимателя имеется злостное нежелание дать заработную плату, которую требует союз, а в каком случае со стороны хозяйственника наблюдается неприспособленность, неумение подсчитать. Профессионалист все это должен знать для того, чтобы не уподобиться евангельской деве с незажженным светильником. Только отчетливое понимание всех обстоятельств дела поможет ему, когда он придет в примирительную камеру, ориентироваться в том, какие

требования можно пред'являть и какие нельзя. Просмотр производственных планов — дело хорошее, может быть, и сами планы хороши,— очевидно, хороши, ибо все их утверждают,— но от этого рабочим не холодно и не жарко. Но если вы вызовете стачку и в результате ее на панели очутится 50 безработных, которых вы не в состоянии будете содержать, то рабочие вам этого не простят, и своими неумелыми действиями вы уроните авторитет союза. Профессионалисты приходят, сами не зная, чего они хотят, хозяйственники приходят со статистикой и тоже ничего не знают, одни других стоят, но сейчас мы думаем заставить, научить хозяйственников считать и разбирать, что полагается на овес лошадям, а что рабочим и членам профсоюзов,— тут уж тоже приходится подтянуться. Частный предприниматель прекрасно знает, какой у него расход и какой приход, что к чему. Он не озабочен общими соображениями о международном совнархозе, зато знает, что у него творится на предприятии. Наш же хозяйственник думает о международном совнархозе, а что у него на предприятии делается, не знает — это сухая материя, второстепенная вещь. Наш хозяйственник все указывает: хорошо бы Госплан сюда поставить, СТО — туда, а ВСНХ — вон туда, а что ему самому делать — не знает. Он не знает действительных, реальных средств, на учете которых должен единственно строиться его производственный план, не знает, из каких частей состоит его предприятие. Как вы полагаете, при таком незнании элементов дела можно работать, можно торговать? Конечно, нельзя!

Третий вопрос, который стоит перед нами: надо уяснить членам союза, как это правильно замечено в одном номере вашего журнала, их права, как рабочих Советской России, и надо, чтобы вы сами также никогда не забывали ваших прав и прав членов союзов, предоставленных им и вам законами Советской республики. Я здесь имею в виду Кодекс Законов о Труде [19]). Товарищи! Мы каждый день переживаем десятилетие, мы шагаем стомильными шагами, идеи у нас грандиозные, жизнь бьет невероятным ключом. Зиновьев однажды сказал, что мы только тогда чувствуем себя хорошо, когда нам присылают телеграммы о двух революциях в день, иначе мы не удовлетворены. Очевидно, поэтому издание Кодекса Законов о Труде проходит незамеченным, и у меня порою является сомнение, каждый ли из союзных работников прочитал

этот Кодекс, при чем я совершенно не сомневаюсь в том, что большинство из прочитавших и не подумало о том, чтó вытекает для них, как союзных работников, из принятого нами Кодекса.

А в старые годы профсоюзные работники потратили бы десятилетия на борьбу, сопровождаемую сотнями демонстраций и десятками петиций, которые они возили бы на четырех лошадях, лишь для того, чтобы осуществить хотя бы десятую часть нашего Кодекса. А у нас — получили Кодекс и спрашивают: «чем он отличается от старого Кодекса?» Если мы возьмем оба Кодекса — старый и новый,— то увидим, что теперешний Кодекс во многих отношениях ограничивает права рабочих, но мы сознательно шли на это ухудшение. Кодекс проводился во ВЦИК при нашем непосредственном участии, и мы сочли своим долгом и правом об'явить там, на пленарном заседании, что, защищая Кодекс в новой редакции, мы принимаем его всерьез, что при его составлении мы учли экономическое положение республики, учли, чтó наша бедная республика действительно может гарантировать нашим рабочим и чего она еще не может им дать. То, чего она не может дать, мы исключили из него, хотя это были красивые декларативные места. Нам не нужны декларации, вот почему мы идем на ограничения, против этого никто не возражал. В такой постановке вопроса Кодекс был принят во ВЦИК, и теперь наша задача проводить его в жизнь. А мы проводим его в жизнь? Того, кто плачет теперь о задолженности нанимателя по заработной плате, ей-богу, по меньшей мере, нужно послать из союза домой, чтобы он там немного посидел и холодной воды испил. Когда подписывается коллективный договор, вы часто не знаете, каковы ресурсы того, кто обещает и должен вам платить зарплату, в состоянии ли он выполнить принятые на себя обязательства [15]). А если он их не выполняет, то были ли вы в здравом уме и твердой памяти, когда подписывали? А после того как выяснилось, что наниматель не выполняет подписанного договора,— куда вы жаловались, куда обратились, кого привлекли к ответственности? Кодекс Законов о Труде действует уже два месяца: нарушение коллективного договора, по Кодексу, карается уголовным судом по 132 статье. Однако, до сих пор я не имею сведений о случаях привлечения к суду по этой статье. Отсюда, очевидно, следует, что по всей Советской России никто не нарушил коллективного договора. Но это может думать

советская статистика, а мы не наивны и знаем, что это происходит потому, что наши профессионалисты целиком проникнуты старой психологией хорошего, благочестивого обывателя, который говорит: «слава богу, сорок лет на свете живу, ни разу в участках не был и ни разу не судился. Прожил мирно — не бывало, чтобы меня тягали в суд, и я никого не тягал». Так нельзя. Только тогда, когда вы сами научитесь пользоваться благоприятными для вас законами Советской республики, вы сможете с полным основанием призывать к тому, о чем говорите в своем журнале — к раз'яснению своим членам принадлежащих им прав. В данных же условиях учителю можно резонно возразить: «сначала научись сам пользоваться своими правами». Теперь рабочий может вам сказать: «По 132 статье ты обязан привлекать нарушителя коллективного договора к суду, а суд обязан посадить виновника на три месяца в тюрьму. Почему же ты не привлек его к ответственности?» Об'яснить ваш поступок международными осложнениями и злопыхательством Антанты вам будет трудно, ибо мы Кодекс этот составляли при вашем участии. Как это ни странно, но в настоящем году приходится высказывать перед весьма ответственными руководителями профессионального движения такие элементарные мысли, которые равнозначащи лозунгу, выдвинутому Троцким в известном положении, что «героев, победивших на всех фронтах, нужно научить чистить сапоги и пришивать пуговицы». Это верно. Троцкий понял дух времени. И нашим союзам тоже нужно научиться тому же. Поэтому нашим героям-профессионалистам приходится напоминать подобные положения. В том, что мы говорили, никто не сомневается, нужно только перестать говорить об этом. Все знают, что мы создали Красную армию, все знают наши заслуги по борьбе с голодом, все знают, что советская власть не может существовать без нас ни одного дня, наши добродетели признаны всем миром, всем известно, что мы построили Красный Профинтерн, что революцию делать мы умеем, а пуговицы пришивать не научились. В заключение я позволю себе выразить уверенность, что в настоящем году мы справимся и с этой задачей.

Западно-европейская пресса, белогвардейская и меньшевистская, не раз подхватывала те мои выступления, в которых я резко высказывался о состоянии наших профессиональных организаций. Но лишь некоторые люди могут считаться с меньшевистскими

заявлениями, с заявлениями людей, которых русский рабочий класс выбросил за рубеж. Мы переросли уже тот масштаб, при котором должны были выставлять только казовую сторону. В 1917 году, до тех пор, пока большевики не взяли власть,— как вам известно, меньшевики утверждают, что большевики разрушили профессиональные союзы,— в России существовали только 3—4 правильно построенных ЦК, остальное представляло собою полную неразбериху. И ни одного общероссийского профессионального с'езда до 1918 г. не было созвано. С 1917 года прошло лишь 5 лет, и весь российский пролетариат вошел в профессиональные союзы. Правда, наши организации страдают целым рядом технических дефектов, профработники пока недостаточно освоились с новым курсом, не приспособились к условиям нэпа, работа эта — большая, трудная и сложная. В упрек нам этого ставить нельзя, и когда я здесь говорю об этом, я вовсе не хочу упрекать русских профессионалистов в лени, в нежелании работать и т. д. Эти дефекты зависят от трудности обстановки и предшествующего воспитания. Мы же, «извратившие», как говорят меньшевики, формы профессионального движения, действительно создали впервые в России настоящее профессиональное движение. Если вы прочитаете книжки по истории русского профессионального движения, то увидите, что оно ограничивалось местными союзами. О необходимости созыва всероссийского с'езда профессиональных союзов говорили, начиная с 1905 вплоть до 1917 года, и созвать его не могли. До 1917 г. состоялись только две конференции [28]). По нашим теперешним понятиям, эти конференции нельзя назвать профессиональными в подлинном значении слова. Первая конференция состоялась при участии представителей обществ взаимопомощи, кооперативов и т. д., т.-е. была неразбериха. Резолюции, платформа, которую выдвинула эта конференция, указывают на рост профессионального движения. Некоторые постановления можно привести на память, например: из докладов с мест выяснилось, что многие союзы очень малы, так как они построены по признаку наибольшего дробления профессий, поэтому — «избегайте очень большого дробления!»

Вторая конференция немного лучше, но дальше этого не ушла, ибо на ней профессиональное движение было еще под руководством меньшевиков. О чем шел спор? Спорили о том, строить ли союзы по типу касс взаимопомощи, и должны ли участвовать на

с'ездах профессиональных союзов кассы взаимопомощи и кассы погребальные.

Если мы теперь обратимся к современным нашим союзам, то нас поразит — какая разница между настоящим и тем, что было 18 лет тому назад. 18 лет тому назад лезли на штыки — для чего? Для того, чтобы, придя на Дворцовую площадь и став на колени перед «батюшкой-царем», рассказать о нуждах рабочего класса. Мне пришлось быть очевидцем того, как питерские мостовые орошались рабочей кровью [29]). И все для того, чтобы притти на Дворцовую площадь... Стоит вдуматься только в этот факт, чтобы понять, какое расстояние отделяет нас от прошлого. Сознание о необычайно быстром продвижении вперед лишь укрепится, если мы рассмотрим историю профессионального движения в разрезе идеологии, законченности каждого круга работы в отношении его размеров и влияния на рабочий класс. Поэтому мы не боимся говорить о наших недостатках. Мы вышли из детского возраста, когда люди только хвалят друг друга, нам не нужно скрывать свои ошибки. Я хочу думать, что, вскрывая их, мы исправляем последние недостатки, которые у нас остались. Позвольте выразить от имени ВЦСПС уверенность, что при той школе, которую прошли русские союзы, при том отношении, которое существует между нами, советской властью и между авангардом рабочего класса — коммунистической партией и профессиональными союзами, — мы излечимся от наших маленьких недостатков и в этом отношении, быть может, уже в ближайшее время нам не придется ни у кого учиться. *(Аплодисменты).*

Печатается впервые.

Новая экономическая политика и задачи союза работников искусств.

Речь на IV Всероссийском С'езде союза работников искусств 26 апреля 1923 г.

От имени Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов приветствую вас, дорогие товарищи [80]).

Мне хорошо известна история Всерабиса, начиная с того момента, когда началось слияние отдельных цеховых союзиков в единый союз работников искусств. Период, в который сейчас вступает ваш союз вместе с прочими союзами Советской республики, — чрезвычайно трудный и сложный, хотя на первый взгляд он и кажется очень простым и легким. Он прост тем, что нет споров, нет разногласий по вопросу о том, каковы задачи профессиональных союзов, каковы должны быть их поступки в том или ином вопросе,— принципиальных разногласий никто, даже самой большой лупой, не откроет среди работников профессионального движения. Это как-будто бы облегчает вопрос: раз ясны задачи,— все ясно для нас. Но на самом деле это не так. Практические задачи, стоящие ныне перед союзом, можно вкратце определить следующим образом: сейчас речь идет не о том, что делать, а как это сделать, а некоторые союзы от задачи — «как это сделать» — перешли к другой: — «как это сделать с наименьшей затратой энергии и как получить наибольший эффект», и ставят теперь во главу угла не общие принципиальные вопросы, а мельчайшие детали союзной работы. Союзный работник, который может говорить только об общих вопросах, о союзе вообще, о задачах вообще — такой работник сейчас не нужен. Нужен работник, который не только знает «задачи вообще», а умеет решить хотя бы одну из них, который знает и умеет понять ход каждого колесика союзного механизма, понять, отчего колесико скрипит, почему колесики плохо цепляются друг за друга.

Это — сложная обстановка, в особенности для Всерабиса, ибо он — один из немногих союзов, находящихся в самом горниле нэпа [22]). Вы помните, что на первом вашем с'езде и отчасти на втором, а в особенности на московском губернском с'езде остро стоял вопрос об отношении к предпринимателю,— тогда спорили, кто является предпринимателем, как отличить предпринимателя от артельщика. Этот спор был весьма замаскирован всякими формулами и подходами, пытались обойти нас, ВЦСПС'ников, как бы желая этим совершенно отрезать группу как-будто полезных работников от союза, и договорились до точки. Затем, в течение достаточного промежутка времени этот вопрос перед союзом не стоял и только теперь он снова ставится перед ним, ибо предприниматели в обстановке нэпа, — а где же их больше, как не среди деятелей искусства! — пойдут к вам в союз и, вероятно, уже идут. Этот вопрос с прежней четкостью и ясностью стоит перед работниками вашего союза.

Коллективы, артели мы знаем, — они в свое время создавались и у металлистов, и у швейников, и у кожевников, и у союза работников искусства [31]). И как странно, когда один союз говорит о другом: «у них — одно, у нас — другое». Между тем, в действительности социально-экономическая сущность этих явлений одна и результаты одни и те же: несколько человек изображают собою артель, а один — в карман деньги складывает! Вот сущность этого явления. Такая артель в сущности мелкая акционерная компания, которая думает, как бы из мелкой стать крупной. И в центре и на местах этот вопрос нужно об'явить боевым вопросом союзной деятельности.

При всех успехах вашего союза,— а я считаю, что ваш союз работал очень хорошо,— не нужно закрывать глаз на то, что уклончики бывали, на то, что члены вашего союза пытались привлечь частный капитал к некоторым комбинациям и организациям. Правда, члены вашего союза проявили наибольшую трезвость и спокойствие и при первом указании отказались от этих «эффектов». Надо добиваться, чтобы ЦК, для мест, был воплощением тех идей, о которых я сейчас говорил. Это — первая, основная и важнейшая задача союза. Сейчас, при безработице, при той бешеной эксплоатации, которой подвергаются рассеянные, распыленные работники искусства, союзу в особенности нужно смотреть в оба.

Союз должен быть боевой организацией, защищающей интересы работников искусств, беспощадно эксплоатируемых в мелких частных предприятиях; на этих пасынков искусства союз должен опереться в своей работе, иначе он превратится в организацию только особо привилегированных, особо «патентованных» кружков и групп, и тогда — смерть такому союзу: такой союз не нужен! Как бы это ни было невыгодно и сколь много это ни требовало бы напряжения и работы, уловить те распыленные элементы, которые выступают в бесконечных увеселительных учреждениях, и вовлечь их в сферу союзного влияния — задача вашего союза. А высокая политика стоит на втором плане. И если бы предо мною, как перед работником союза, стоял вопрос, важнее ли правильно организовать, важнее ли обратить внимание на рассеянных, настоящих пролетариев искусства, их организовать, вовлечь в сферу влияния союза, привязать к союзу и опереться на них, сплотить вокруг себя, на них базироваться в борьбе с капиталом, или же только заниматься «высокой политикой», то я бы выбрал работу по об'единению и сплочению распыленных работников искусства. Все взаимоотношения определяются силой морального духа, силой влияния, и тот союз будет наиболее популярным, наиболее сильным, который действительно выполняет свои задачи и обязанности. Этот вопрос стоит перед вами во весь рост.

Нам приходится теперь, в обстановке безработицы и тяжелого положения рабочих, сталкиваться с тем фактом, что не везде заключаются коллективные договоры [15]). Я уверен, что в большинстве мелких предприятий ни о каких правильно поставленных коллективных договорах, ни о каком контроле союза не может быть и речи. В отдельных случаях союз применял свою силу по отношению к частным предпринимателям, и он должен и в дальнейшем применять её не раз. Если сейчас, в обстановке Советской России, мы не сумеем этого сделать по отношению к частному капиталу, то значит мы ничего не можем сделать. Для этого нужно сочувствие рабочего класса. Это первое условие в борьбе с капиталом. Без этого никто не может победить. Рурские рабочие борются потому, что сочувствие рабочего класса всего мира на их стороне. Каждая забастовка обречена на гибель, если сочувствие пролетариата не на ее стороне. Из этого вытекает вторая задача, о которой мне приходилось говорить еще на втором с'езде вашего

союза,— задача бо́льшего сближения с профессиональными союзами индустриального пролетариата, более братского сближения; в этом отношении до сих пор еще весьма мало сделано.

Я ни в какой мере не хочу упрекать в этом ваш союз. Я знаю, как тяжелы, трудны и сложны условия работы в нем, но если указанная задача не выполнена, ее нужно выполнить. Нужно, чтобы союз работников искусства и его члены были в рабочих клубах не только гостями, выступающими за известный гонорар, но и добровольными инструкторами и помощниками, ибо дело поднятия культурного уровня рабочего класса есть общее наше дело, и здесь каждый делает то, что может. Без того, чтобы поднять на несколько ступеней в культурном отношении рабочий класс, не может быть никакого социализма, никакой успешной борьбы, а с нэпом не могут развиваться рабочие организации, если сами рабочие не прогрессируют в своем развитии, если члены рабочих организаций не только экономически, но и культурно не поднимаются с каждым годом и месяцем все выше и выше по лестнице культуры. Рабочие клубы играют главнейшую роль в деле культурного об'единения и роста рабочих. В эти клубы вы должны являться не только как приглашенные, чтобы за известный гонорар «отыграть» свою роль, но и как представители союза, как товарищи, которые пришли помочь по своей специальности, как инструкторы. Вы не должны ставить себе широких задач по организации этих клубов, а должны итти туда учиться, потому что в них истинная пролетарская культура, а все, что говорят о пролетарской культуре, сидя в кабинетах, это — сплошная болтология. Судить о современных культуре и искусстве нельзя по «умным» книжкам. Искусство не делается, оно создается очень длительно, класс его создает тогда, когда у него есть избыток энергии, когда у него является известная прибавочная стоимость не только в экономическом значении этого слова, но и в смысле свободной духовной энергии. Дикарь смог начать вырезывать рисунки на рукоятке своего ножа только после того, как у него начал оставаться досуг после охоты. Так зарождается и развивается искусство, и иначе это быть не может.

Теперь, в обстановке нэпа, мы видим возрождение самого старого, самого низменного искусства,— возьмите вы современные кино с их популярными картинами в роде «Жокей смерти» и т. п.

Мы видим, какое «пролетарское» искусство несут сейчас пролетариату. Вспомните «Вечер Нефти» в Большом театре [32]). Говорят, что это пролетарское искусство, потому что оно сплошь проникнуто идеей рабочего класса. Я не знаю, какой идеей, может быть, «нефтяной идеей», а искусства в этом никакого нет. Где же мы можем найти зародыш, крупицы этого искусства? Конечно, в гуще самого пролетариата, но для этого к нему нужно иначе подойти и не преподносить ему под видом пролетарского искусства какие-то нечленораздельные звуки. Я не знаю — либо я оторвался от массы и перестал быть рабочим, либо я насквозь проникнут буржуазным искусством,— только я тут ничего не понимаю, в этом нечленораздельном искусстве, которое теперь часто выдают за пролетарское искусство. Нужно итти в самую гущу класса пролетариев, тогда мы сможем уверенно говорить о том, что нужно для пролетариата, тогда мы будем знать, что нравится пролетариату и что ему не нравится; рабочего нужно брать таким, как он есть. Чтобы он был культурен, нужно его подготовить, нельзя преподносить ему музыку Скрябина и на заявление пролетария, что она ему не нравится, отвечать, что это последний крик искусства [33]). Может быть, для нас, для вас это и так, а для рабочего нужно что-то другое. Пролетариат — класс будущего, другого класса нет. Будущее за пролетариатом и в технике, и в науке, и в искусстве. Это — класс будущего, единственный молодой класс, юноша. Он создаст со временем свое искусство, искать зародыши этого искусства нужно у него. Не он должен приспособляться к искусству, которое мы будем ему навязывать, а искусство должно приспособиться к его пониманию. Нужно любовно, а не халтурно подойти к делу, войти в клуб в качестве представителя союза, иногда помочь, иногда потрудиться. Тот, кто действительно понимает, что такое искусство и какое будущее ему предстоит, тот, кто говорит, что он служит искусству, тот,— если это не пустая фраза,— должен понимать, что будущее искусства — в пролетариате.

Нужно помочь развитию этого нового искусства — и это задача всякого честного человека, который считает, что искусство для него небезразлично. Такой помощью союз завоюет симпатии рабочего класса, что необходимо ему в борьбе за улучшение общего и правового существования своих членов.

Перед союзом стоит ряд технических задач, рассмотрением которых я не стану утруждать вашего внимания, ибо мне уже много раз приходилось говорить на эту тему. Сейчас вопрос заключается не в общих задачах, не в налаживании правильных взаимоотношений с разными изо и музо [84]), в данный момент вопрос заключается в том, как правильнее, целесообразнее, разумнее поставить союзный аппарат, чтобы он расходовал наименьшее количество членских взносов, как добиться такой постановки касс взаимопомощи, при которой члены союза получали бы в трудный момент некоторую помощь, как поставить дело так, чтобы союзный фонд не страдал от колебания валюты, чтобы каждый член союза чувствовал, что без союза он жить не может, чтобы он был материально заинтересован в существовании союза, но чтобы вместе с тем заинтересованность эта не выражалась, как мы это видим у некоторых профессиональных союзных организаций на Западе, в погоне за пятачком, в расценивании своих задач с точки зрения количества полученных пятачков. Это все задачи трудные, для их решения нужно внимательно и точно изучить, нужно изучить самую технику, механику профессионального движения. Сейчас детали — прежде всего. Раньше мы говорили, что детали не важны. Мы изжили героический период,— на время он остался позади. Но это не значит, что у нас не будет впереди героических периодов. В этом отношении мы не можем быть настолько спокойны, чтобы сказать, что западно-европейская буржуазия уже больше не постарается подарить нам еще один-два героических периода. Но сейчас наступил более «скучный» период, в сравнении с тем, что мы пережили,— период, который требует повседневной кропотливой работы.

Теперь фразы не годятся, нужны не общие принципы и споры о них и не вопросы о взаимоотношениях: вы будете диктовать любые взаимоотношения, если все члены вашего союза будут плотной, железной стеной стоять за свой союз, если другие, индустриальные, союзы увидят в вас не только формальных товарищей по рядам, но и убедятся, что член союза работников искусств является необходимым, полезным, желанным и постоянным гостем в рабочем районе, как товарищ и как член союза. Тогда ваше влияние и сила будут таковы, что вам никогда не придется разговаривать о взаимоотношениях, вы будете смеяться, когда будут говорить об этом.

Все взаимоотношения, подписанные лишь на бумаге, но без внутренней спайки, непрочны: введя какую-нибудь поправку, можно все наголову поставить. А крепок только тот союз, который неразрывно связан с рабочими, пролетарскими массами,— такой союз никто наголову не поставит, он должен занять свое место в общественной жизни рабочего класса и всей Советской России. Вот задача, которая стоит теперь неразрешенной перед союзом и к разрешению которой я рекомендую подходить не сразу,— здесь нужен осторожный, внимательный подход, в интересах союза нужно пропагандировать эту идею в рядах его членов. Ближе к рабочему классу, ближе к рабочим союзам, к рабочим районам, к фабрикам и заводам, но не в качестве профессионалов-актеров и т. п., а как люди, идущие помочь рабочим. И будьте спокойны,— та энергия, которая будет затрачена вашими членами, с лихвой окупится и скажется и на материальном, и на моральном положении, и на удельном весе вашего союза во всей общественной жизни и структуре Советской России. Вот те основные задачи, которые стоят в данный момент перед вашим союзом.

Позвольте мне, заканчивая приветствие, от имени Центрального Совета Профессиональных Союзов выразить надежду, что ваш союз преодолел уже предрассудки цеховщины, те нездоровые настроения, которые выражались в вопросах: «как может об'единиться оркестрант с артистом?», «что общего между артистом и работником цирка, между корифеем Большого театра и клоуном?» Эти времена остались позади, эти предрассудки сломлены.

Изжит и тот предрассудок, который утверждал, что для Всерабиса якобы не годится та задача, которую мы ставили перед всеми остальными союзами: итти нога в ногу с рабочим классом к диктатуре пролетариата. Сейчас вы видите на опыте, что эта линия была правильной и что этот предрассудок также сломлен. И я думаю, что на этом с'езде даже среди беспартийных не раздастся ни одного голоса о нейтральности союза, о том, что союз должен быть аполитичен, что его не касается, кто у власти, и т. д. [35]).

Мы преодолели и то добродушное отношение, которое существовало в недрах союза к предпринимателю, правда, еще не окончательно, но в дальнейшем мы изживем его целиком

Мы видим, что союз близко вошел в среду профессионального движения, остается еще только сломать тоненькую перегородку, отделяющую ваш союз от других общепролетарских организаций. Будем надеяться, что общей дружной работой и эта последняя тоненькая перегородка будет устранена и ваш союз займет то место, которое ему подобает, что он явится в рабочие районы и как инструктор рабочего класса,— ибо в вопросах искусства вы компетентнее, чем рабочие,— и в то же время, как скромный ученик, искатель зародышей настоящего пролетарского искусства. Позвольте выразить уверенность от имени ВЦСПС в том, что ваш союз справится и с этими задачами. *(Аплодисменты).*

Опубликовано в приложении к № 7—8 «Вестника Работников Искусств». Москва. 1923 г.

Современное положение российских профессиональных союзов.

Доклад на III сессии Красного Профинтерна 29 июня 1923 г. [36]).

Товарищи! В своем докладе я не стану касаться всей совокупности тех задач, которые стоят сейчас перед российским профессиональным движением. Я полагаю, товарищи в курсе этого дела. Равным образом, я не буду касаться и того, почему мы сделали так называемый «поворот» от старых задач к новым. «Старыми» мы называем обычно те задачи и те методы работы, которые мы применяли, начиная с Октябрьской революции и кончая примерно февралем месяцем 1922 года. Я полагаю, что эти вопросы не входят в тему моего доклада. *Моя задача состоит в том, чтобы насколько можно кратко обрисовать настоящее положение российского профессионального движения,*— я говорю «насколько можно кратко», потому что и эта тема необ'ятна!

Общероссийская профессиональная организация слагается из Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов, который об'единяет 23 центральных союзных организации, т.-е. 23 центральных комитета. Это — по вертикальной линии. По так называемой горизонтальной линии мы имеем губернские советы профессиональных союзов. Руководство этими 99 горизонтальными организациями осуществляется посредством 9 областных бюро, а частью — 39 из этих организаций — непосредственно ВЦСПС. Дать подробную, точную картину, при такой сложной обстановке, организационного состояния всех этих 111 организаций представляется, конечно, чрезвычайно затруднительным.

Наше профессиональное движение со времени поворота, происшедшего в феврале 1922 года, проделало, в лице Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов, называемого ВЦСПС, чрезвычайно большую и трудную работу. Трудную потому, что она протекала в чрезвычайно обширной и разветвленной

организации, находящейся на необ'ятной территории и начинающейся на западе, у Балтийского моря, а кончающейся на востоке, теперь опять у Тихого океана, на севере начинающейся у Белого, а на юге кончающейся у Черного моря. При слабой железнодорожной связи и при сравнительно некультурном населении нашей территории протекала эта работа,— это следует отметить. Надо помнить, что в наследие от царского режима мы получили страну, в которой было около 80% неграмотного населения, не умевшего читать ни на каком языке; еще в 1922 году в некоторых профессиональных союзах, среди особенно отсталых пролетариев, как, например, сельскохозяйственных рабочих, имелось около 50% неграмотных.

При таких условиях наша работа была чрезвычайно трудна. При молодости нашего профессионального движения наш инструкторский кадр, чрезвычайно выдержанный в революционном отношении, идейно сплоченный и проверенный, проявивший невероятный героизм (каждый наш рядовой профессионалист имеет колоссальные заслуги перед революцией),— этот кадр в то же время чрезвычайно слаб по его культурному уровню, слаб вследствие того, что мы ведь насчитываем всего-на-всего менее двух десятков лет существования нашего профессионального движения. Настоящее широкое профессиональное движение, начавшееся только с февральской революции, насчитывает всего 6 лет. Кадр, который стоит теперь во главе этого движения, выдвинут Октябрьской революцией, т.-е. немногим менее 6 лет. Таким образом ясно, что проделанный поворот был для нас чрезвычайно трудным. Он был труден еще и потому, что потребовались перестройка всего союзного аппарата сверху донизу, введение совершенно новых методов работы, причем и то и другое сопровождалось перерегистрацией членов союзов. В соответствии с новыми задачами, поставленными перед нами нэпом, в связи с появлением товарного рынка и частного капитала, мы не могли оставить в своих рядах сомнительных — в смысле чистоты их классовой природы — членов, т.-е. полупролетарские элементы и т. п., которые и были удалены из союзов [22]). Это повлекло за собою сокращение количества членов союзов, но это была только одна из причин этого явления. Второй причиной сокращения количества членов профсоюзов явилось сокращение штатов как в учреждениях, так и, вследствие концентрации

промышленности,— на фабриках и заводах, при чем в некоторых отраслях производства оно выразилось в массовых увольнениях. Третья причина, это — то, что по принципиальном пересмотре вопроса о членстве профсоюзы стали переходить от системы коллективного членства к системе членства индивидуального. Между прочим, когда мы, в апреле 1922 года, применили метод так называемого добровольного перехода от общеколлективного членства к членству индивидуальному, среди наших профессиональных работников раздались тревожные голоса, высказывавшие опасения, что мы на этом потеряем много членов.

Вы, вероятно, знаете, что в заграничной печати, в книжках Дана и проч., говорят, что в русские профессиональные союзы чуть ли не палками загоняют. Мы проводим теперь по всей нашей необ'ятной территории неуклонный переход к индивидуальному членству, которому предшествовала проверочная кампания по коллективному членству. Во всех предприятиях и учреждениях перед членами всех профессиональных союзов был поставлен вопрос, желают ли они и дальше оставаться членами своего союза и платить членские взносы. Эта кампания была проведена по всей союзной линии, при чем отмечалось, что те, кто не хочет оставаться в союзах, могут из них уйти. Конечно, тут не обошлось без того, чтобы наши противники не пошептали «на ушко», а кое-где и открыто, что нужно, мол, из этих союзов уходить. Результаты, однако, мы получили следующие: около 95% всех рабочих и служащих заявили, что они желают и впредь оставаться членами своих союзов; количество членов союзов по отдельным отраслям производства, высказавшихся в том же духе, не опускалось ниже 88%, наибольшее — доходило до 99—100%.

И тем не менее мы видим, что количество членов наших союзов, начиная с января 1922 года, т.-е. до нового курса, начало падать. Причины я указал вам раньше.

Таким образом, мы имеем следующую картину движения численности членов наших союзов. На 1 января 1922 г. мы насчитывали 6.740.000 членов, на 1 октября того же года мы насчитываем уже 4.546.000. На 1 января 1923 г. эта цифра падает до 4.502.000, т.-е. мы имеем сокращение на 33%. После января месяца у нас еще не имеется полных цифровых данных. Но на 1 апреля — по имеющимся уже данным, охватывающим более половины России

и ее промышленные центры — снова наблюдается рост числа членов профессиональных союзов — в общем мы имеем 5 — 5½% увеличения.

Если мы примем общий прирост равным 5% и примем одновременно во внимание, что с нами теперь снова об'единились дальне-восточные профессиональные союзы, то мы имеем на 1 апреля 1923 г. приблизительно 4.893.000 членов. Когда мы переходили к новому курсу профессионального движения, мы предполагали, что этот перелом вызовет значительное уменьшение количества членов, но оказывается, что повлиял не перелом, но общие причины, на которые я указал выше.

Переходя к организационным задачам, стоящим сейчас перед нашими профессиональными союзами, надо признать, что главной, основной и труднейшей задачей в настоящий момент является финансовый вопрос.

Профессиональные союзы в предшествующий период, как вы, вероятно, знаете по целому ряду брошюр тт. Андреева и Лозовского, выполняли целый ряд государственных функций. Мы имели при союзах органы наполовину государственные, наполовину союзные; мы имели также и обратную картину: при государственных органах — органы союзные. Выполняя целый ряд государственных функций, профессиональные союзы, естественно, не могли жить на членские взносы, особенно при существовавшей тогда системе почти полной натуральной заработной платы — они и жили тогда за счет субсидий от государства.

С февраля 1922 г. и здесь наступил резкий перелом: субсидии из центра прекратились, и мы поставили перед всеми нашими многочисленными организациями вопрос — либо живи на свои средства, либо погибай. Эта политика потребовала от нас очень крепких нервов, твердой воли, ибо отмеченный перелом мучительно отозвался на целом ряде наших организаций. Но мы и тогда и теперь предпочитали и предпочитаем — в отношении целого ряда наших организаций — распад того или иного слабого профессионального союза — мы его построим снова, ибо профессиональные союзы мы ведь умеем строить! — поощрению неуменья приспособиться к новым условиям со стороны руководителей, поощрению неуменья подойти к члену профессионального союза, неуменья получить от него соответствующий членский взнос!

И все же этот вопрос остается для нас все-таки труднейшей задачей настоящего момента. Вы это поймете, если вы примете во внимание ту финансовую обстановку, в которой мы сейчас живем. А обстановка эта чрезвычайно неблагоприятна для профессиональных союзов: она характеризуется прежде всего тем, что мы живем при падающей валюте. Я думаю, что германские товарищи и германские профессиональные союзы тоже сейчас находятся в очень тяжелом положении, приспособляя свои бюджеты к скользящей по наклонной плоскости валюте. Это обстоятельство является одним из колоссальных препятствий к нормальной работе профессиональных союзов. И все же мы имеем теперь только один из 23 центральных комитетов союзов, который нуждается в помощи от ВЦСПС. Остальные живут на свои средства, при чем некоторые уже имеют и кое-какой капитальчик.

Хуже дело обстоит с горизонтальными организациями — с губернскими советами профессиональных союзов. Они только к настоящему моменту и только на 50% могут жить на те отчисления, которые они нормально получают со своих членов — местных союзов, а остальные 50% им приходится либо выдавать отсюда, из центра, либо из тех же местных союзов. Сам ВЦСПС,— я говорю это с полной отчетливостью и ясностью, и особенно западно-европейским товарищам нужно знать, что мы этого ни на минуту не скрываем,— сам ВЦСПС еще и сейчас, к сожалению, живет целиком на государственные субсидии. Наш бюджет примерно лишь на 15% покрывается членскими взносами центральных организаций.

Здесь мы касаемся того больного места, по которому так часто бьют нас наши противники — бывшие вожди российского профессионального движения, меньшевики, сидящие теперь за границей,— это то, что наши союзы пользуются поддержкой государства. Мы полагаем, что это, действительно, с точки зрения западно-европейского профессионального движения — великий грех, но мы этот «грех» оправдываем тем, что мы ведь получаем деньги не от буржуазного государства, а от своего, рабочего, а ведь ничего плохого нет в том, что рабочее государство помогает своим рабочим организациям, которые являются его же основой.

Мы думали, что товарищи подходят к вопросу принципиально, когда они заявляют, что профессиональные союзы не должны

брать никакой помощи от государства. Однако, мы с величайшим сожалением узнали, что и германские профессиональные союзы берут деньги от государства, что за последние годы им даже повысили субсидии. Вот это уже вызывает в нас сомнение: ведь у них государство уже ни в коем случае не рабочее и даже не похоже на него! Очевидно, наши критики, считающие величайшим грехом тот факт, что мы берем деньги от своего же рабочего государства, не видят такой маленькой подробности, как то, что профессиональные союзы Германии, и не одной только Германии, берут деньги от государств буржуазных. А мы-то знаем, что господа капиталисты даром денег не дают: за определенное количество денег они непременно требуют и определенного количества услуг. И мы своему государству оказываем целый ряд услуг! И если мы считаем грехом брать у него, то только потому, что государство наше бедное, потому, что пора уже нашим союзам перейти к существованию на свои средства, при централизованном профессиональном движении мы можем существовать на свои средства. Мы считаем грехом, повторяю, не то, что мы берем у государства, но то, что берем мы от бедного, в финансовом отношении, рабочего государства, грешно то, что нам приходится вырывать у него куски живого мяса, хотя и небольшие — в виде денежных средств. Мы не отказываемся оказывать и впредь услуги нашему государству, но мы будем оказывать их бесплатно. Когда это нужно, мы принимаем и будем принимать участие во всевозможных кампаниях, вплоть до распространения хлебного займа.

Мы полагаем, что нэп не изменил характера ни рабочего государства, ни его взаимоотношений с профессиональными союзами, но тем не менее мы ставим себе задачу полного перехода союзов на собственные средства, и мы надеемся, что через год мы не будем уже ничего брать от государства в виде субсидий. Сейчас на государственной субсидии остается только ВЦСПС, который по мере необходимости получает эту поддержку и часто в очень больших размерах. Я повторяю, мы считаем, что это очень скверно, то, что мы берем у бедного государства. Все же — в финансовом отношении союзы крепнут. Центральные организации уже все перешли на 50% на свои средства, местные союзные отделы уже целиком существуют на свои средства.

Я позволю себе перейти теперь к экономическому положению русских рабочих и первым долгом считаю необходимым отметить то тяжелое положение, которое мы сейчас наблюдаем. Самый больной вопрос, который затрагивает сейчас русский рабочий класс, это — безработица. Безработица связана с проведением экономии вследствие урезки государственных бюджетов и с сокращением штатов в целом ряде государственных учреждений. Десятки, а то, пожалуй, и сотни тысяч служащих различных советских государственных учреждений были уволены, это — во-первых. Во-вторых — концентрация производства. Мы видим, что количество безработных составляет теперь приблизительно 400.000. Это та цифра, которую мы имели примерно месяц тому назад. Последних цифр я еще не имею. Нужно признать, что в числе безработных, учитываемых биржами труда, много и таких элементов, которые лишь регистрируются безработными, желая воспользоваться теми льготами, которые государство предоставляет безработным; все же я не думаю, чтобы это могло значительно поколебать приведенную цифру, и мы с полной отчетливостью сознаем, что в настоящее время в России безработные составляют 10% общего количества работающих, и в ближайшее время вряд ли есть какая-нибудь надежда на изменение этого положения к лучшему, ибо та концентрация промышленности, которая сейчас происходит, происходит не от хорошей жизни, но вследствие тяжелого экономического положения.

Мы не имеем достаточных оборотных средств, чтобы уже сейчас пустить полным ходом все заводы и фабрики, и поэтому приходится закрывать слабейшие предприятия. Пустить полным ходом нашу промышленность своими силами мы можем только с чрезвычайно большим трудом и с великими жертвами, а западноевропейский финансовый капитал не желает итти к нам на тех условиях, какие мы ему предлагаем: или, как Лесли Уркварт, он желает заключить такую концессию, при которой не он будет нам платить, а мы будем ему платить, что для нас невыгодно, или они предполагают, что Россия, находящаяся на границе между Европой и Азией, является страной, с которой можно бесконечно брать сверхростовщическую прибыль, или нам предлагают концессию и капиталы в те отрасли производства, где мы в них почти не нуждаемся, как, например, в нефтяной промышленности.

Фот. П. Оцуп.

В. В. Шмидт и М. П. Томский (1923 г.).

Все это ведет к тому, что, если политика капиталистов в отношении России не изменится, то указанное количество безработных в течение еще некоторого времени останется на прежнем уровне. Это одно из тяжелых, отрицательных явлений, которые переживает сейчас русский рабочий класс.

Общее экономическое положение рабочих значительно улучшилось. По обследованию, которое мы произвели по Петрограду, Москве, Иваново-Вознесенску, Нижнему, Харькову, Донбассу, Баку и Грозному, т.-е. в самых промышленных районах Советской России, мы имеем значительное повышение заработной платы, к 1 января 1923 года выразившееся в следующих цифрах, которые на последнем пленуме Профинтерна вам сообщал тов. Андреев. Тогда тов. Андреев считал серьезным повышением такое, при котором в августе 1922 года рабочий Москвы достиг 57% довоенной заработной платы. Теперь мы имеем следующие цифры: в январе 1923 года по всем производствам и по всей России средняя заработная плата составляла 54% довоенной заработной платы, в феврале — уже 72%, а в Москве — 90% довоенной заработной платы. Эти цифры нужно несколько раз'яснить, надо об'яснить, например, почему Москва так поднялась сравнительно с Петроградом. Это произошло не потому, что мы сами сидим в Москве и потому больше покровительствуем московским рабочим, нежели петроградским, но, главным образом, вследствие того, что в старое время московские рабочие были более темны и менее образованы, нежели петроградские, и потому получали и более низкую заработную плату, это — во-первых. Во-вторых, Москва находится в центре текстильной промышленности, вокруг нее концентрируется эта промышленность, а положение текстильных рабочих в довоенное время было действительно ужасным и заработную плату им платили более низкую. Поэтому и получается, что в то время, как Петроград достиг 72% довоенной заработной платы, Москва шагнула до 90%.

Если мы станем анализировать цифры роста заработной платы, мы должны будем заметить, что вообще у наиболее сознательных рабочих заработная плата в настоящий момент повышается медленнее, чем в наиболее отсталых отраслях производства, как-то: у пищевиков, текстильщиков и т. п. Это обстоятельство об'ясняется тем (как мы об этом только-что сказали), что в старое

время, в силу их неорганизованности, заработная плата этих профессий была чрезвычайно низкой. Поэтому мы видим такое повышение у пищевиков, на конфектных фабриках, которые держались исключительно на низкой оплате женщин. Сейчас эта заработная плата выравнивается, и, давая им более или менее сносное существование, мы лишь приближаем их к старой заработной плате, которая была очень низка. Секрет чрезвычайного повышения заработной платы текстильщиков, пищевиков и химиков заключается именно в том, что уровень довоенной заработной платы был чрезвычайно низок в этих отраслях производства, между тем как металлисты достигали и в старые годы наиболее высокой заработной платы. Мы видим, что тогда как в Москве металлисты достигли только 75% довоенной заработной платы, пищевики в Москве же получают 117% таковой. Довоенная заработная плата была настолько низка, что даже теперь, при 8-часовом рабочем дне, когда мы предупреждаем, что экономическое положение рабочего класса тяжело, что государственная промышленность не может повышать заработную плату,— даже теперь заработная плата неуклонно повышается по мере развития производительных сил. Есть даже такие отрасли производства, которые перешагнули и через довоенную заработную плату: это — пищевики, союз которых складывается из мукомолов, колбасников, булочников и т. д., заработная плата которых была в довоенный период чрезвычайно низка; у табачников и у химиков заработная плата достигла 108% довоенной заработной платы, а у текстильщиков она дошла до 71% довоенной. Металлисты только в последнее время достигли 78%; только при нашем содействии, ВЦСПС, металлисты смогли подтянуться в уровень с другими союзами. У металлистов в январе месяце 1923 года мы имеем только 61%, в то время как у текстильщиков мы имеем 71%, а у химиков 87%.

Хорошее ли это положение по сравнению с тем, что было год тому назад? Очень хорошее! Экономическое положение наших рабочих, несомненно, улучшилось, но оно, конечно, еще очень плохо, если мы будем брать об'ективно всю совокупность экономических условий, в которых живет и жил наш рабочий,— ведь получавшаяся им в довоенное время заработная плата была далеко не идеальной. Но то экономическое положение, в котором пока

находится наше государство, постепенно и очень медленно оправляющееся, еще не позволяет нам добиться лучшей оплаты труда.

Мы слышали заграничный шопот меньшевиков и проч., говоривших, что, несмотря на декларирование 8-часового рабочего дня и Кодекса Законов о Труде [19]), профессиональные союзы России, поощряя сверхурочную работу, фактически отменяют 8-часовой рабочий день. Нами было произведено соответствующее обследование. Мы, конечно, и до получения его результатов были твердо убеждены, что 8-часового рабочего дня русского рабочего мы не отменяли и не отменяем. Но мы не были гарантированы, что в тех или других местах нет злоупотреблений. Мы произвели обследование, и вот какую картину мы получили по всем производствам. Средний рабочий день в основных производствах равняется: у металлистов — 8 часам, у текстильщиков — 7,7, у химиков — 7,9 — там есть вредные производства, а в общем, по всем производствам, рабочий день не достигает и 8 часов и равняется приблизительно только 7,9. Несмотря на допускаемые нами, в отдельных случаях, сверхурочные работы, средняя продолжительность рабочего дня в России не достигает даже 8 часов, но составляет 7,9. Последнее происходит оттого, что мы имеем ряд вредных производств, где работают только 6 часов, а это понижает среднюю продолжительность рабочего дня русского рабочего.

Я еще позволю себе коснуться нашей политики заработной платы и системы ее проведения. Система предшествующего периода заключалась, как вы, вероятно, знаете, в государственном нормировании заработной платы, теперь же, по всему фронту, мы перешли к системе ее регулирования путем заключения коллективных договоров [15]). Коллективные договоры у нас имеют двоякую форму: центральные коллективные договоры и местные, локальные. Центральный коллективный договор заключается ЦК данного всероссийского профессионального союза непосредственно, либо при участии местных организаций. Локальные договоры заключаются местными отделами данного союза. Мне хотелось бы здесь коснуться более подробно этого вопроса и раз'яснить товарищам смысл и значение центрального коллективного договора, применение которого также вызывает нарекания и может быть при желании истолковано в самую дурную сторону.

Центральные коллективные договоры вызваны к жизни теми формами и той структурой промышленности, которые мы имеем в настоящее время. Профессиональные союзы, главным образом, имеют дело с государственной промышленностью, централизованной в трестах, с громадными мощными трестами, как Гомза или военная промышленность, об'единенная в особый трест, как Сельмаш — орган сельскохозяйственного машиностроения и т. д. Эти тресты имеют свои мощные заводы в Нижегородской, Московской и в целом ряде других губерний. Ясно, конечно, что компетенции местных отделов наших союзов недостаточно, чтобы заключить с трестами такие коллективные договоры, которые охватывали бы все заводы данного треста. Более того: Я скажу вам, что если бы нам пришлось работать в обстановке чистобуржуазного государства, в капиталистическом обществе, и иметь дело с частными предприятиями, то и тогда я предпочел бы заключать такой центральный коллективный договор от имени ЦК того или иного профессионального союза, который охватывал бы целый ряд предприятий, об'единяемых данным трестом, с данным обществом заводчиков и фабрикантов, что мы и делали в старое время, когда мы имели перед собою «Общество фабрикантов и заводчиков[16]). Некоторые центральные договоры заключаются также с теми предприятиями и отраслями хозяйства, которые целиком находятся на государственном бюджете. Таковы, например, транспорт, почта и телеграф, при чем к такого рода центральным коллективным договорам, рассматриваемым обычно, как обязательный минимум, в том или ином отдельном случае разрешается делать дополнения в том смысле, что местным союзным организациям разрешается добиваться заключения дополнительного договора, улучшающего экономическое положение трудящихся сравнительно с тем, которое создает центральный договор.

Правовая часть коллективного договора играет малую роль в нашей практике.

Наш Кодекс Законов о Труде 1922 г., несмотря на то, что он значительно урезан против Кодекса 1918 года и последующих годов, все-таки дает настолько значительные права и преимущества рабочим, что есть очень мало союзов и отраслей производства, которые могли бы предложить улучшение коллективного договора и в его правовой части.

Мне хотелось бы в нескольких словах коснуться одного принципиального вопроса коллективного договора. Его отчасти касался тов. Андреев, но я считаю, что этот вопрос имеет настолько принципиальное значение, что не мешает коснуться его еще раз — это будет полезно для западно-европейских товарищей,— это вопрос о том, каков характер, какова подоплека и каково существо нашего коллективного договора? Мы, как профессионалисты, знаем, что коллективный договор с капиталистом есть зафиксированное на бумаге соотношение сил между трудом и капиталом. Но что представляет собою коллективный договор, подписанный в обстановке пролетарского государства профессиональными союзами с органами государственной промышленности? Есть ли это то же самое, зафиксированное на бумаге, соотношение двух борющихся сил? Нет, существо нашего коллективного договора иное! Не потому тяжело у нас экономическое положение рабочих, что главная и основная база нашего хозяйства — наша государственная промышленность — не желает дать больше рабочему, но потому, что пролетарское государство и его промышленность экономически не могут дать больше того, что они дают. И потому, при заключении каждого коллективного договора нам, предварительно, до установления тех или иных ставок, приходится «прощупывать» экономическое положение каждого данного треста и синдиката. У нас профессиональные союзы добиваются всегда почти той заработной платы, которую только и может выдержать данное предприятие. Бывают иногда и грехи, когда подписывают такие коллективные договоры, которых не могут выдержать данный трест или данная отрасль народного хозяйства. Последнее ведет к целому ряду больших неприятностей и к невозможности для подписавшегося государственного промышленного об'единения выполнить взятое на себя обязательство, вследствие чего происходит задержка в выплате заработной платы, и мы в результате имеем налицо то, что мы зовем конфликтами, недовольством рабочих, а иногда и стачки. Таким образом, наши коллективные договоры, заключенные между государством, между государственной промышленностью и профессиональными союзами, представляют собою отражение современного экономического состояния Советской республики и геспромышленности и в особенности экономического состояния данной отрасли промышленности.

Я позволю себе сказать здесь два слова о нашем отношении к государственной промышленности. Несмотря на то, что изменилась форма хозяйствования, несмотря на то, что нашу государственную промышленность мы перевели на хозяйственный расчет, т.-е. на коммерческий расчет, когда наши предприятия выступают иногда на рынке, как конкурирующие друг с другом (они продают и покупают друг у друга, а иногда и конкурируют на рынке друг с другом), чего мы весьма не одобряем,— несмотря на это, сущность нашей государственной промышленности остается неизменной. Владельцем большинства орудий и средств производства в России был и остается рабочий класс. В зависимости от экономическо-политической обстановки мы меняем системы хозяйствования, но сущность того факта, что орудия и средства производства, промышленные предприятия, транспорт и т. д. находятся в руках рабочего класса,— от этого ни в какой степени не изменяется, так же как и наше отношение к этой промышленности, т.-е. мы при установлении заработной платы и при экономическом конфликте рассматриваем ее не как враждебную нам сторону, но как часть рабочего государства, еще бедного, еще недостаточно стройно организованного.

Тут мы подошли к вопросу о том, каково наше отношение к советскому государству и каково наше участие в хозяйственной жизни. Насколько мне помнится, я в некоторых своих статьях и брошюрах уже касался вопроса о профессиональных союзах и государстве в обстановке диктатуры пролетариата, делал это и тов. Лозовский и другие наши профессионалисты, и я думаю, что для товарищей будет нагляднее, если я оглашу факты, характеризующие наше конкретное, деловое, отношение к советскому государству. Мы имеем своих представителей в следующих учреждениях: в Президиуме ВЦИК — в высшем руководящем государственном органе — 5 членов Президиума из 13; в Большом Совнаркоме мы имеем 1 (совещательный) голос, в Малом Совнаркоме мы имеем представителя с решающим голосом, назначенного нами, в Главном Концессионном Комитете мы имеем также представителя с решающим голосом, назначенного нами. В СТО мы также имеем представителя с решающим голосом и его заместителя, назначаемых нами. В Комиссии Цен Народного Комиссариата Внешней Торговли мы также имеем представителя с решающим

голосом. В Госплане мы имеем 3 членов, в заседаниях президиума Госплана участвует наш представитель, помимо того, мы имеем своих представителей в Промышленной Секции (2 человека), в Секции по Экономической статистике (3 человека), в Секции Энергетики (1 чел.), в Секции Топливной (1 чел.), в Сельскохозяйственной (1 и 1 заместитель), в Транспортной (4 чел.), в Бюро Строительства (1 чел.), в Подкомиссии Внешней Торговли (1 чел.), в Комиссии СТО при Госплане по рассмотрению уставов трестов (1), одним словом, в Госплане мы имеем несколько наших представителей. На заседания президиума ВСНХ мы посылаем нашего представителя с правом решающего голоса. Кроме того, наши представители работают в управлениях Промплана (1 и 1 заместитель), Стройплана (1 чел.), Электроплана (1), Топплана (1 и 1 заместитель), в Экономическом Совете при ВСНХ (2), в Концессионном Комитете при ВСНХ (1 и 1 заместитель), в Центральном Научно-Техническом Совете и Комитете по делам изобретений (1), в Центральном Организационном Бюро по созыву промышленных с'ездов (1), в Комиссии по пересмотру трестов (1). Кроме того, имеются представители в 15 подкомиссиях по концентрации промышленности от ЦК заинтересованных союзов. Имеются наши представители и в комиссиях — Калькуляционной (1), Экономических Исследований (1), в Постоянной Комиссии по установлению и распределению прибылей предприятий, находящихся в ведении ВСНХ (1). Мы имеем своих представителей в Коллегии Народного Комиссариата Труда в лице Народного Комиссара Труда тов. Шмидта и членов коллегии тт. Немченко и Бахутова. Затем мы имеем представителей в Центральной Штатной Комиссии (1), в Комиссии по выдаче тантьем (1), в Центральной Конфликтной Комиссии (1) и в Тарифном Комитете (1). Далее наши представительства располагаются так: Наркомпрод (Продплан—1), Наркомпуть (Коллегия—1, Трансплан —1), Наркомзем (Коллегия —1, Земплан —1, Концессионный Комитет — 1, Комитет по управлению государственными имуществами и оброчными статьями —1), Наркомфин (Бюджетно-сметное Совещание —1), Наркомвнешторг (периодическая связь по наиболее важным вопросам), Центросоюз и Церабсекция — 2, ГУТ (Коллегия по установлению цен на топливо) — 1, Федеральный Комитет по Земельным делам — 1, Всекобанк (Центральный

Учетно-ссудный Комитет —1), Комиссия НКСО по назначению персональных пенсий — 1, Цусстрах — 1, Комиссия по оценке работ правлений ж.-д. и водного транспорта (3). Кроме того, представители ВЦСПС, а равно и ЦК союзов принимают активное участие в заседаниях различных временных комиссий и совещаний по наиболее важным и принципиальным вопросам, при чем ЦК союзов делегируют своих представителей и непосредственно в различные учреждения и совещания по вопросам, относящимся к компетенции данного союза, в разрешении коих союз заинтересован.

Наша законодательная деятельность заключается в том, *что ни один закон, ни один циркуляр, ни одно правительственное распоряжение, которые касаются вопросов труда и быта рабочих, не проходят без визы, без заключения и без отзыва ВЦСПС.*

Такие же отношения, как существующие в центре, имеются и на местах между нашими губернскими органами и государственными органами — советами. Почти никогда не бывает, за редкими исключениями, чтобы председатель губернского совета профессиональных союзов не входил в президиум местного совета. Так, например, тов. Мельничанский по своему положению, как председатель Московского губернского совета профессиональных союзов, обязательно должен входить и в Президиум Московского Совета Рабочих Депутатов; то же самое в Петрограде и в других городах.

Я позволю себе остановиться еще на вопросе о нашей культурно-просветительной деятельности. Мы очень недовольны нашей культурно-просветительной деятельностью, которая страдает у нас очень многими дефектами. Мы не имеем еще достаточного массового развития культурно-просветительной работы среди членов наших союзов. Но то, что мы делаем, очень характерно для нашего профессионального движения и резко отличает наши профессиональные союзы от союзов Западной Европы. Я уже говорил вам, что мы получили в наследие некультурную, неграмотную страну. Россия была страной по преимуществу неграмотных, и к началу 1921 года мы имели такие союзы, как, например, нарпит, в котором было 65% неграмотных, союз коммунальников — 50% неграмотных, деревообделочников — 50%, сельскохозяйственных рабочих — 80%, а среди горняков — нашей красы и гордости — мы насчитывали до 50% неграмотных.

Товарищи! Я думаю, вы поймете нас, когда мы говорим, что для нас было бы позором, если бы мы оставили пребывать в невежестве и безграмотности русский пролетариат, который действительно показал чудеса героизма. Профессиональные союзы взяли на себя главную тяжесть работы по борьбе с безграмотностью. Три месяца тому назад,— позднейших статистических данных у нас еще нет,— мы среди всех членов наших профессиональных союзов насчитывали только 400.000 неграмотных, что составляет 10% всех рабочих, втянутых в наше профессиональное движение.

На 1 января 1923 года мы имели 2.462 школы по ликвидации неграмотности. Таким образом, вы видите, что нам приходилось вести среди рабочих как-будто и несоюзную работу, но с более широкой точки зрения мы делали союзную, и даже очень, работу. Работою по просвещению пролетариата мы помогали нашему Комиссариату Просвещения и не могли не помогать. Но более того: профессиональные союзы до последнего времени содержали и сейчас содержат целый ряд общепросветительных учреждений на собственный счет. Так, например, на их содержании числится: школ I ступени — 4.262, школ II ступени — 403, детских домов (по всем профессиональным союзам) — 943, детских яслей и очагов — 571, с общим количеством учащихся и находящихся в этих детских домах и т. д. — 939.735.

Клубной нашей деятельностью мы пока весьма недовольны. Три месяца тому назад мы имели общую цифру рабочих, охваченных профессиональными клубами — 2.898. По всем союзам России мы имеем 5.083 фабрично-заводских и клубных библиотек, из них главная масса принадлежит железным дорогам — 1.317 библиотек, значительное количество — всеработземлесу — 582. Библиотечная работа идет настолько хорошо, что мы отправили за пять месяцев из центра 544 библиотеки и свыше 100.000 томов книг.

ЦК союзов имеют своих стипендиатов в различных высших учебных заведениях. Количество их следующее: ЦК металлистов имеет 200 стипендиатов, железнодорожники и водники — 725, горняки — 194, всеработземлес — 200, кожевники — 145, сахарники — 287, пишевкус — 10, народная связь — 150, всемедикосантруд — 39 и ЦК местного транспорта — 52.

Возникает вопрос — на какие же средства профессиональные союзы могут содержать школы, посылать библиотеки и т. д.?

В заключаемые коллективные договоры профессиональные союзы включают статью о том, что данное предприятие обязуется дать от 2 до 10% на общую сумму заработной платы в виде отчислений на культурно-просветительную работу. В центре мы имеем отчисления на культурно-просветительные нужды с кооперации — в размере 1%. На эти суммы, которые порою достигают весьма значительных цифр, и содержатся все эти школы, но это тяжело ложится на промышленность, и в настоящее время всю сеть наших школ, кроме рабочих клубов — школы I и II ступени, ясли, детские дома,— мы передаем на иждивение государства. Тем самым мы понижаем процент отчислений на культурно-просветительные нужды с промышленности — до 1%. Все это мы передаем государству, ибо столь колоссальный масштаб работы настолько отвлекает наши союзные силы, что затрудняет нашу главную союзную работу в этой области — работу клубную.

Я не касался еще общеобразовательных и профессиональных курсов. Я могу назвать такие цифры: к 1 января 1923 г. профессионально-техническое образование насчитывало 584 фабрично-заводских школы, образовательных курсов и рабочих университетов имелось при союзах 199. Кроме того, у нас имеются еще так называемые рабочие факультеты, куда в этом году, из общего количества в 30.000 мест, профессиональными союзами было делегировано 18.000 человек. К началу учебного 1924 года общее число делегированных нами на рабфаки повысится потому, что теперь они уже достаточно организованы, набор пополняется, будет укомплектовано 5.000 человек, при чем нами через наши организации и аппараты будет послано 50% этого количества,— места распределяются между всеми членами профессиональных союзов,— т.-е. мы пошлем около 2.500 человек. Всего в высших учебных заведениях находится 130.000 человек. Из них прошло через профессиональные союзы 20.000, в 1923—24 гг. в высшие учебные заведения должны поступить еще около 30.000 человек. Из этого числа 10.000 человек будут посланы через профессиональные союзы. Все это, конечно, порядочная работа, но она нас не удовлетворяет.

Несмотря на то, что мы имеем значительное количество клубов, нам их, конечно, необходимо иметь больше; работа в них поставлена широко и разносторонне, но ее необходимо поднять на

такую высоту, чтобы ни один рабочий не порывал со своим фабрично-заводским клубом. Мы видим опасность, которая стоит перед нами: с развитием нэпа развивается целый ряд увеселительных учреждений — кинематографы с бульварными программами, разные кабарэ, пивные, которые соблазняют рабочих. Мы считаем ненормальным и недопустимым, чтобы буржуазия отравляла своим буржуазным ядом и своей культурой членов наших союзов. Задача, которую мы себе ставим, сводится к тому, чтобы союзный клуб удовлетворял все духовные потребности рабочих. Лишь при этом условии ни один рабочий не пойдет веселиться ни в какое другое учреждение, кроме своего союзного клуба. Это — задача колоссальная. Мы приближаемся к ее решению очень медленно, но мы эту задачу ставим себе, ибо, если мы позволим буржуазии заражать наших рабочих капиталистической культурой, мы можем потерять наших членов. Пока в этой области мы сделали еще мало.

Колоссальная трудность, которая стоит перед нами в нашей работе, это — вопрос о хорошей технике профессиональной работы. Техники мы еще плохие. У нас нет таких точных, хорошо поставленных, десятилетиями выработанных, аппаратов, какие имеют западно-европейские союзы. Русские рабочие очень много знают и многому научились. Самое величайшее искусство, которое знают русские рабочие, это — как делать революцию. И этому мы можем научить, кого хотите. Мы умеем построить профессиональные союзы, мы умеем руководить через эти профессиональные союзы массами. Что наши профессиональные союзы сыграли громадную историческую роль, можно доказать тем, что в такой тяжелый момент, когда из Сибири на нас наступал Колчак, с юга — Деникин, с запада — Юденич и дрогнули даже ряды Красной армии, мы, ни минуты не сомневаясь, взяли на себя задачу быть мобилизационным штабом для нашего рабочего государства. Мы мобилизовали 70.000 наших членов под ружье, и эти 70.000 сыграли решающую роль во всей войне, потому что они явились тем цементом, который спаял нашу Красную армию и сделал ее непобедимой. Многому мы научились, а вот профессиональной технике нам еще надо поучиться на Западе, — поучиться у вас. Вот вам пример. Перед нами стоит новое дело — спорт; спорт у нас в России никогда не был развит, он у нас сейчас возникает

стихийно, и мы всяческие поддерживаем спортивные кружки, которые развиваются и растут у нас как грибы. Но как поставить этот спорт — мы не знаем! А вот в Западной Европе спортивные кружки существуют уже давно; расскажите же нам, как нужно поставить это дело, какой спорт нужен для металлистов, какой нужен для текстильщиков, какой для грузчиков — этого мы не знаем, этому мы не учились. Мы аккуратно переводим ваши книжки, может быть, и какую-нибудь дрянь переведем, но плохое мы всегда отбросим, а хорошее возьмем. Если бы кто-нибудь нам помог в этом деле, мы бы в ножки ему поклонились! В апреле месяце 1922 г. мне приходилось говорить перед русскими рабочими и профессионалистами о том, что наша задача поучиться на Западе — как там строят технику профессиональной работы, как организуют там, при падающей валюте, взимание членских взносов таким образом, чтобы они нигде не задерживались, как там ставят наиболее правильную и дешевую, но точную отчетность, которую мы не умеем ставить; я говорил тогда, что нам нужно поучиться на Западе, как сделать так, чтобы в каждый данный момент знать, какое количество у нас членов, что нам нужно, иначе говоря, иметь правильно поставленную статистику. Сейчас же я должен сказать, что мы и теперь еще не знаем, как все это делать. Когда я в свое время сказал, что для этого нам надо поехать в Западную Европу, надо мной подтрунивали: «Томский хочет послать своих профессионалистов учиться к Легину!», а я скажу, что и к самому Шейдеману пойду и к Гомперсу пойду,— пусть они нас поучат. Гомперс и Шейдеман знают эту технику, потому что у них профессиональное движение существует уже 70—80 лет, а мы еще ничего не знаем, и ничего зазорного нет в том, чтобы поучиться тому хорошему, что знает Гомперс или Жуо. У нас десятки людей прошли через Западную Европу, но когда они возвращаются, они говорят: у них веками выработаны методы, они знают, какой ширины полку сделать для такого-то типа бумаг, они имеют вымуштрованный культурный штат инструкторов, а у нас их нет. Нам приходится сейчас нередко встречать в наших союзах хорошего, умного руководителя, великолепно политически подготовленного, умеющего вести за собою массы, хорошо разбирающегося в сложнейших вопросах, но посмотрите, как он пишет: он пишет крупными буквами, потому что

он самоучка, либо его в тюрьме учили! Мы вот тут создали курсы по профессиональному движению, которые находятся в этом же здании. На этих курсах вы увидите неплохих людей, многие из них были председателями губернских отделов профессиональных союзов, многие были в президиумах губернских профсоветов, все это испытанные революционеры, с хорошим, испытанным партийным стажем, и все же нам пришлось некоторых из них учить самой элементарной грамоте. Читать и писать умеют, но так плохо, что приходится их учить. Вот почему, если бы кто-нибудь нас и поучил западно-европейской технике профессиональной работы, мы были бы тому очень благодарны!

В конце моего доклада я хочу коснуться вопроса, который является одним из злободневных в Западной Европе. Этот вопрос обычно формулируется так: «мы и партия» или «профессиональные союзы и партия». Я предупреждаю, что я не буду здесь на этом долго останавливаться, потому что доказывать или пропагандировать нашу точку зрения на взаимоотношения союзов и партии не входит в тему сегодняшнего моего доклада. Я хочу только указать факты так, как они есть. Я прошу, товарищи, обратить внимание на то, что те взаимоотношения, которые сложились между нами и партией, проистекают из одного немаловажного факта: у нас рабочий класс России имел свою нелегальную рабочую партию раньше, нежели появились профессиональные организации.

У нас рождение рабочей партии предшествовало появлению профессиональных союзов. Более того, 80% наших профессиональных союзов, в 1905 году, были построены социал-демократической партией. В 1917 году, во второй период возрождения профессиональных союзов, 50—60% из них были построены партией, и вот эти-то два условия и явились предпосылкой тех отношений партии рабочего класса и союзов, какие имеют место у нас сейчас: партия родилась на свет до возникновения профессиональных союзов, более того, партия создала профессиональные союзы. В нелегальное время партия скрывалась в профессиональных союзах и создала тот блок, который дает силу нашему рабочему профессиональному движению: блок профсоюзов с партией. Мне, в частном разговоре, пришлось об этом говорить со многими товарищами, и им казалось несколько странным и ненормальным то великое влияние, которое имеет на наши профессиональные союзы

коммунистическая партия. Влияние на нас партии очень сильно, мы не отрицаем этого. Но, с другой стороны, нельзя сказать, что, в свою очередь, и наша партия не подверглась влиянию профессиональных союзов. Я приведу здесь цифры: 4 члена Президиума ВЦСПС являются у нас членами ЦК Российской Коммунистической Партии. Более того, все 4 члена Президиума ВЦСПС наравне с выполняемой ими профессиональной работой, которая является для них основной, исполняют еще важнейшие функции в руководящем партийном органе и в повседневной работе нашей партии, политическими руководителями которой изо дня в день являются два органа: Политбюро и Оргбюро ЦК. Два члена Президиума ВЦСПС входят в состав Политбюро ЦК РКП, 4 члена Президиума ВЦСПС входят в Оргбюро и один небезызвестный профессионалист, тов. Рудзутак, после последнего с'езда партии перешел с профессиональной работы на чисто партийную. На партийной работе потребовался человек-организатор, и нам пришлось расстаться с тов. Рудзутаком для того, чтобы отдать его партии в качестве ее секретаря. Когда существует такая связь, можно ли в самом деле говорить о насилии партии над профессиональными союзами? У нас нет ни одного губернского комитета партии, в который бы не входили одновременно несколько членов президиума местного губернского совета профессиональных союзов, председатели отделений важнейших союзов и т. д.

Вот каковы взаимоотношения между партией и профессиональными союзами в практической жизни. И, однако, наши союзы непартийны, они об'единяют лиц, занятых по найму, независимо от их политических и религиозных убеждений. Я думаю, что эти отношения — тоже неплохая своеобразность! Благодаря такой связи многое загадочное и неясное в истории нашего рабочего движения может стать ясным. Именно потому, что мы имеем две такие силы, как профессиональные союзы и партия, которые всегда идут вместе, только этим фактом и можно об'яснить некоторые чудеса в нашей революции. Если бы мы представили себе на минуту, что завтра все профессиональные союзы Германии пойдут рука об руку с германской коммунистической партией, мы бы ни на секунду не стали сомневаться в том, что советская власть там будет через пять минут после этого об'единения, и очень хорошая советская власть, которая будет гораздо сильнее и гораздо организованнее

нашей русской советской власти, потому что немецкий народ гораздо культурнее, нежели мы. Если бы представить себе, что и в Англии все тред-юнионы пошли вместе с коммунистической партией, то и в Англии вскоре после этого была бы советская власть, и никакая другая. Вот что дал рабочему движению тот союз, который существует в России между коммунистической партией и профессиональными союзами!

Опубликовано издательством ВЦСПС в 1923 г. отдельной брошюрой.

Задачи союза работников питания и общежитий в условиях нэпа.

Речь на юбилейном пленуме союза работников питания и общежитий 25 июля 1923 г.

Товарищи! Если задачи союзов в обстановке нэпа [22]), при новом курсе профессионального движения [4]), чрезвычайно трудны и сложны,— а это чувствует каждый профессионалист во всей своей практической повседневной деятельности,— то особенно трудна и сложна, на мой взгляд, работа в вашем союзе. Я не стану подробно останавливаться на этом, ибо это слишком обширная тема для юбилейного собрания, на котором принято говорить короткие речи, но мне хотелось бы, в самых беглых чертах, напомнить вам историю вашего союза и указать на те задачи, которые особенно остро стоят перед вашим об'единением в отличие от других союзов.

Тов. Енукидзе совершенно правильно остановился на прошлом вашего союза, чрезвычайно трудном, чрезвычайно мучительном. Я думаю, что те старые члены союза и старые работники народного питания, которые помнят еще минувшее, помнят военное и довоенное время, должны почаще рассказывать об этом молодежи, чтобы последняя понимала и ценила, почему рабочие сделали Октябрьскую революцию, и чтобы она знала, что сделал союз работников питания в целом. Мне это очень живо представляется, и, я думаю, тем из вас, которые уже вышли из молодого возраста, тоже это представляется. Мы все помним типичного «человека» в трактире 3-го разряда, всегда заспанного, измученного, работающего по 16—17 часов в сутки. Вы помните и старого лощеного «официанта» — разница в костюме, в оплате, но в правовых условиях никакого различия не было. Многие из вас, вероятно, помнят и систему рукоприкладства, которая существовала в этих «заведениях» по отношению к Ванькам и Гришкам. Припомним: все это было. Мы все помним бесправное положение даже наиболее

квалифицированного слоя — поваров. То были нечеловеческие условия, в обстановке которых рабочего называли «человеком», не по имени, а лишь по аналогии, при чем сытые люди придавали этому слову презрительный оттенок — «чел-а-эк». Вот эти-то условия и привели к тому, что об'единение поваров, в первую очередь, стало большевистским. Вы помните первые союзные организации эпохи 1906—1907 гг., из которых нас, большевиков, повсеместно изгоняли? Нас изгоняли повсеместно, кроме одной организации, где мы были приняты,— то было «Общество поваров» [37]). Это, конечно, было не случайно, что именно «Общество поваров» тогда оказалось большевистским. Облегчило невероятные, каторжные условия работников питания именно то, что ваш союз стал сразу большевистским. Несмотря на то, что Октябрьская революция сразу уничтожила некоторые профессии, и особенно тяжело отозвалась на официантах, поварах и других; несмотря на то, что некоторые союзы по этим основаниям были за сохранение привилегий за господствовавшим классом, несмотря на то, что в то время работники привилегированных газет стали в оппозицию к советской власти, говоря: «вы лишаете нас работы»,— союз поваров и официантов, несмотря на то, что мы разрушили и разграбили буржуазию, от которой они кормились, несмотря на то, что мы разрушили рестораны, в которых они работали,— несмотря на все это, союз этот поддерживал советскую платформу, ибо в его членах были живы воспоминания о старом союзе эпохи 1906—1907 гг., составленном из разнородных элементов и бывшем, как мы уже говорили, большевистским.

Это была гигантская работа основателей вашего союза и многих из тех, которых мы видим сейчас здесь.

Многие из вас помнят, как трудно было подвести официантов и поваров, обособленную старую касту, к кухонному мужику и к прислуге, как трудно было побороть их настроение привилегированности, побороть ту рознь и некоторые замашки, которые у многих из них были — «я, мол, во фраке, а вы — в передниках, поэтому, как-будто, у нас разные интересы». Теперь этого нет. Принцип производственного строительства выражается в том, чтобы все рабочие и служащие предприятий данной отрасли промышленности были в одном союзе. Это сложнейшая задача как раз для вашего союза. И если вместе с другими союзами союз работников

народного питания бросал лучших людей на фронт и на борьбу с голодом и если рабочие всей России, каждого союза в отдельности, проявили небывалый в истории мирового рабочего движения героизм, то особенная тяжесть, если вглядеться в специфические условия вашего об'единения, оказалась на вашем союзе, ибо самый квалифицированный кадр был рассеян революцией, рестораны были закрыты, масса рабочих распылилась по всей России, убежала от голода, кто куда мог. При таких условиях организовать союз, дать ему возможность расти, это — величайшая заслуга как самого союза и его всероссийского центра, так и чрезвычайного, инстинктивного классового самосознания, жившего в ваших рядовых членах.

Правда, в значительной степени влиял и определял эту историю пережитый период царского режима.

Теперь возьмем новый курс профессионального движения — настоящий момент. И опять мы видим, что работа в вашем союзе является самой трудной и сложной. Ваш союз — один из самых мелких по численности, и тем не менее работа в этом союзе наиболее трудна и сложна, она является и наиболее ответственной, ибо два союза выдвинуты у нас, по положению труда, в самое горнило, в самое пекло нэпа, это — союз работников народного питания и союз работников искусств.

Если вообще трудно,— это весьма трудная и тяжелая историческая проблема,— сохранить в обстановке всеразлагающего нэпа партию рабочего класса, рабочий класс с его героическим революционным энтузиазмом, то для вашего союза это, несомненно,— труднейшая задача.

Профессиональное движение мы рассматриваем лишь как движение единое. Мы рассматриваем всех организованных рабочих как членов общероссийского профессионального об'единения, и для нас должны быть одинаково важны и дороги и металлисты, и рабочие народного питания, и работники народного искусства. Если у нас загноится с одного края, то это значит, что загноилось все российское профессиональное движение и весь рабочий класс в целом.

Вот почему на вашем союзе лежит особенно трудная и сложная задача — добиться, чтобы те кадры, которые прошли через революцию, сохранили бы энтузиазм и преданность рабочему

классу и при наличии нэпа, при наличии самых подлых его черт остались бы членами союза, ибо обстановка архиблагоприятная, чтобы махнуть рукой и на рабочий класс и на рабочее движение. Вот в такой обстановке сохранить союзную дисциплину, преданность союзу его членов, сохранить любой союз и ваш в частности — самая трудная и важнейшая задача во всем российском профессиональном движении.

И эта работа еще не выполнена. Союз только вошел в эту полосу. Он многое уже сделал. У него были ошибки, но он их поправил. Одна из этих ошибок — увлечение кооперативной союзной деятельностью[81]). Но союз поправился и изменил свою точку зрения на этот вопрос. Союз только вступил в новую полосу, и задача ближайшего периода его работы заключается в том, чтобы сохранить свои кадры, об'единить их вокруг союзных ячеек, не дать своим членам разложиться в обстановке нэпа. Это одна из важнейших задач. И над ней придется работать. Этой задачей должны быть проникнуты все ближайшие перспективы союзной деятельности, ибо конечная цель состоит в том, чтобы каждый рабочий и на работе и вне ее чувствовал себя членом союза, чтобы союзная идея целиком и полностью охватывала все стороны быта и жизни рабочих, чтобы союз неуклонно поднимал их культурное и классовое самосознание на всех ступенях,— как говорил тов. Ленин,— на всех ступенях, на высших ступенях по пути к коммунизму. Союз должен настолько развить самосознание своих членов, чтобы каждый из них чувствовал, когда его окликнут «чел-а-эк», что он действительно человек, а не скотина. *(Аплодисменты).*

Это большая и трудная работа. Здесь союзу придется потрудиться.

И вторая задача, вторая проблема, стоящая на ближайшее время перед вашим союзом, это — вопрос о труде женщин вообще, о их участии в союзе, и особенно о домашней прислуге.

Мы очень много говорим о равноправии женщин. В правах юридических и всяких прочих женщины у нас уравнены с мужчинами по всем статьям. Все мы понимаем, что здесь мы иногда даже пересаливали, и тем не менее у нас в союзах очень мало сделано в этой области. Во всех союзах, членами которых в большинстве состоят женщины, в частности в вашем союзе, работа должна быть

поставлена по-особому. Я не ошибусь, если скажу, что в союзе народного питания свыше 60% женщин, а между прочим в этом зале мы не видим даже и 50% женщин, мужчин здесь больше, не говоря об органах союза, не говоря о месткомах, куда мы выбираем женщин из приличия — «надо же хоть одну женщину выбрать»! Тут не надо надеяться на женотделы, мы должны с этой работой справляться сами — постепенно, упорно, изо дня в день, не должны забывать эту задачу. Раз в большинстве союзов имеются женщины, раз основой союза является женщина — поднимай женщину. Как бы ни были хороши отдельные слои союза, но если большинство в нем будет темно, несознательно, пассивно, союз не будет жить активно, одна половина его будет хромать. Он не выполнит своей задачи, а она особенно трудна при нынешних условиях нэпа, когда можно и пересолить, тем более — в женском вопросе. Много раз мне приходилось указывать вот на что: любите женщин, благодетельствуйте, но не чрезмерно, а то можете насмерть убить своей добротой и любовью. И мы видим, что одна сторона, в неумеренной заботе о женском труде, старается повысить заработную плату женщины, ограничить ее труд со всех сторон, поставить её в такие условия, что впору маленькому ребенку, а экономика, у которой свои законы, вышвыривает, как негодный элемент, женщину из производства, потому что, действительно, порою дешевле содержать двух мужчин, чем одну женщину. Здесь нужно не пересолить, но поставить женщину в такие условия, чтобы права ее, как матери и работницы, были обеспечены. С другой стороны, не следует ставить таких непомерных рогаток, которые устранят ее из крупного производства и погонят либо на мелкое производство, либо на бульвар, что теперь и бывает. Это очень щекотливый вопрос. Когда один из союзов, не стану его называть, под видом охраны женского труда (ночной труд женщин ведь запрещен), решил, что так как работает незначительная часть, то на эти работы женщин принимать не следует, то под видом благодеяния выходит — выталкивание женщин из производства. Здесь нужно смотреть в оба, и где опыт работы среди женщин противоречит принципу, нужно к принципу подходить критически. Нужно ставить вопрос так, чтобы не убить женщину в производстве, а то ей нельзя будет работать ни днем, ни ночью. Это одна из проблем, которая стоит пред всеми союзами,

в которых большинство членов — женщины; она же стоит и пред вашим союзом, особенно в отношении женщин — домашних прислуг. Здесь необходим чрезвычайно осторожный подход. Мне приходилось встречаться с широкими проектами постройки специальных домов для женщин-прислуг, с тем, чтобы они жили в домах, а работали на квартирах и т. д. Давайте рассматривать всякие проекты, но под таким углом, чтобы не прибавилось безработных женщин. Если этот проект дает уменьшение количества безработных — хороший проект; если дает увеличение — плохой проект, никуда не годится. Это очень сложный и трудный вопрос...

Ваш союз — первый, через который рабочий класс вошел в горнило нэпа. Вы являетесь тем ядром, откуда грозит опасность распада рабочего класса, опасность влияния на него буржуазной психологии. На вашем союзе лежит огромная задача: поднять на высокий уровень женщин-работниц, сохранить классовое сознание своих членов. Вот те конкретные задачи, которые особенно выделяют ваш союз.

Приветствуя вас в день вашего юбилея, я позволю себе от имени Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов выразить надежду, что союз, который проделал такую трудную работу, в таких неблагоприятных обстоятельствах, несомненно, справится со своей задачей и в будущем. *(Аплодисменты).*

Печатается впервые.

О текущей работе наших профсоюзов.

Доклад и заключительное слово на V Петроградском губернском с'езде профессиональных союзов 17 декабря 1923 г.

Товарищи! Прежде чем приступить к докладу, позвольте мне от имени Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов и Центрального Комитета коммунистической партии, членом которого я состою, поблагодарить вас за ваши приветствия и передать вам, в свою очередь, горячие приветствия от руководящих органов профессионального движения и руководящей партии пролетариата [88]).

В настоящий момент наши очередные задачи в области профессионального движения являются задачами мелкой, повседневной но, тем не менее, чрезвычайно важной работы. И советская власть, и партия, и профессиональные союзы в настоящий период имеют перед собою по характеру, по темпу работы одни и те же задачи,— задачи организационного укрепления, задачи развития своих организаций. После того героического периода, который мы пережили,— периода гражданской войны [89]), периода борьбы за власть,— после этого героического периода, в котором на первом месте стояли питерские и московские рабочие, задачи сегодняшнего дня кажутся нам как-будто бы мелкими, второстепенными и порой неважными. Просты и ясны были те задачи, колоссальные по своему размаху, которые стояли в предшествующий период перед всеми рабочими организациями, и такой повседневной, такой скучной кажется та работа, которую принуждены сейчас вести советская власть, партия и профессиональные союзы. Но, тем не менее, в настоящий момент эта работа является важнейшей и труднейшей. Важна она и трудна потому, что русские рабочие, которые имеют за собою такую блестящую революционную историю, в организационном отношении еще очень молоды, имеют слишком мало опыта, особенно в профессиональном движении, тоже еще очень молодом.

Когда на V С'езде [2]) и еще ранее, на II Пленуме ВЦСПС [4]), мы декларировали переход профессионального движения на новые рельсы, мы тогда считали своим долгом указать — и это было всеми принято без спора, — что в области нашей повседневной практической организационной работы мы должны еще многому и многому учиться. На первый взгляд те вопросы, которые стоят перед нами в нашей организационной и тарифной практике, являются вопросами мелкими, но от этих мелочей сейчас зависит все, ибо снова перед нами стоит все та же задача, которою мы занимались на каждом из наших с'ездов: и на IV С'езде Профессиональных Союзов [11]), и на V Всероссийском С'езде Профессиональных Союзов, и на бесчисленных всероссийских с'ездах отдельных союзов, задача связи с массой.

Наибольшая трудность здесь заключается в том, что вопрос этот принадлежит к числу старых, приевшихся вопросов. Когда приходится говорить на эту тему, то обычно у многих профессионалистов, наверное, и у многих из здесь сидящих товарищей, шевелится мысль: «да ведь это не новый вопрос — о связи с массой, это — старый вопрос, стоит ли о нем говорить?» Но отличительная черта современного периода нашей работы и заключается в том, что перед нами стоит задача — не выдумывать Америк в области профессионального движения, ибо ничего нового тут перед нами не стоит. И должен сказать, что чрезвычайно вредно в настоящий момент выдумывать что-нибудь новое, когда у нас не выполнены прекрасные постановления старых с'ездов. Более того, я сказал бы, что наиболее вредным человеком в области профессионального движения является тот, который пытается придумать, путем чисто головных измышлений, что-нибудь новое. Выдумки эти вредны, и те товарищи, которые в области профессиональной работы бьются над принципиальными вопросами, над принципиальными изысканиями, страдают старой и плохой болезнью. Сейчас нам ни разговаривать о новых задачах, ни выдумывать новые нельзя, сейчас нам нужно проводить в жизнь прекрасные старые постановления наших с'ездов.

Когда мы подходим к вопросу о связи с массой, нам приходится констатировать, что в этом вопросе мы не достигли того, чего нам хотелось. Здесь я позволю себе несколько оговориться. Сила и зрелость нашего рабочего движения, что сказывается и в нашей

партийной и в профработе, заключается в том, что мы не боимся перед лицом рабочего класса, перед самими собой и перед всем миром сознаваться в наших ошибках и недочетах. Нам не для чего скрывать наши недочеты, мы знаем, что о наших заслугах нам говорить не приходится, они бесспорны и признаны всеми. Но во-время понять, во-время увидеть наши недостатки, дабы их устранить, не преувеличивая их,— и лучше даже немного преувеличить, чем в какой бы то ни было степени замолчать,— это мы можем себе позволить, ибо мы достаточно сильны. И когда приходится говорить о том, что вопрос о связи с массами снова встает перед нами,— на что мне уже неоднократно приходилось указывать на наших всероссийских с'ездах и на московском губернском с'езде,— то надо говорить не об отрыве профессиональных организаций от масс,— это было бы явным преувеличением,— а об ослаблении некоторых звеньев организационной связи между отдельными профорганизациями и массами. В первом звене связь слабее, чем требуется, во втором звене связь слабее, чем нам хотелось бы. Это положение создает многим чреватые для нас опасности.

Нам незачем скрывать перед рабочим классом те забастовки, которые мы имели за период с июля вплоть до сентября и которые проходили иногда без ведома профессиональных союзов, а иногда и против профессиональных союзов. Это внушало нам в свое время большую тревогу. Мы немедленно приступили и должны были приступить к исследованию причин этих явлений. Это исследование указало нам на ряд крупнейших дефектов. Низовые организации — каждая сама по себе, это — дефект. Это дефект маленький, незначительный и легко устранимый, но в своей совокупности он грозит нам опасностью. Я говорю: низовые организации, ибо в этом-то и заключается серьезный вопрос. Если у нас что-нибудь плохо в ВЦСПС или в каком-нибудь ЦК или даже в губпрофсовете, то это дело легко поправимое, но если что-нибудь неладно в базе профессиональной организации, в ее фундаменте,— а таковым является в первую очередь фабзавком,— то это грозит всей организации. Я позволю себе сделать вторую оговорку. Я ни в малейшей степени не касаюсь вопроса о том, кто виноват во всех наших болезнях. Виноваты, конечно, мы, и в первую голову ВЦСПС, который должен нести и несет ответственность за все болезни

профессионального движения. Не под этим углом зрения надо подходить к рассмотрению этого вопроса, а путем серьезного, делового исследования наших недостатков на предмет их устранения. Я еще раз повторяю, что организационной основой союза является фабзавком. Поэтому каждый недочет в работе этой организации для нас всего серьезнее и опаснее,— без фабзавкома, без райкома нет никакого профессионального союза. С величайшим огорчением нужно признать, что еще не так давно, полгода тому назад, когда мы поставили вопрос об обследовании и изучении работы фабзавкомов, никто в ВЦСПС не знал и никто из товарищей с мест не мог ясно и отчетливо сказать, как живут, что делают, в чем заключается повседневная деятельность этих органов союза. Уже одно это способно было внушить серьезное опасение, как свидетельство об ослаблении нашей связи с низовыми организациями. Потребовался целый ряд обследований, которые производились частью Питерским губпрофсоветом, частью — в Москве, Нижнем, Саратове. И по этим — не обследованиям, а, вернее, изучению работы и жизни фабзавкомов можно было сказать уже не только, что такое фабзавком, но и какими болезнями он страдает.

Когда мы рассматриваем эти болезни, мы видим, как, несмотря на то, что фабзавкомы являются, конечно, самыми близкими к рабочим организациями, что они наиболее тесно связаны с рабочими массами, все-таки даже между ними и массами связь недостаточно крепка. Мы обследовали порядок дня многих фабзавкомов, мы изучили вопросы, которые ставятся на общих собраниях, и установили, что некоторые из тех болезней, которыми страдают верхушечные организации, свойственны и фабзавкомам. Мы видим, что пленумы фабзавкомов созываются так же редко, как и пленумы правлений наших райкомов. Одно это уже никуда не годится. Фабзавком сейчас не чисто профессиональный орган, в меньшей степени профессиональный орган, нежели это можно допустить. На повестке дня общих собраний, руководимых фабзавкомами, мы видели те же самые вопросы, как и везде, но только не вопросы профессиональной жизни. Мы там видели и кампанию о воздушном флоте, и кампанию о хлебном займе, и о сахарном займе, и просто о золотом займе, о международном положении, о японском землетрясении. Все это, конечно, хорошие вещи,— но вопросы профессиональные — доклады райкомов — мы

встречаем там чересчур редко. Конечно, это не вина фабзавкомов, или, вернее, вина и фабзавкомов и райкомов, но ведь для нас не столь важно, кто виноват, для нас важно, *как* это устранить.

Если мы, говоря о связи с массами, бросаем этот лозунг агитаторски, то, кроме сотрясения воздуха, от него ничего не останется. Мы знаем, что только целый ряд организационных мероприятий поможет нам осуществить стоящие перед нами цели. Мы говорили на III [10]) и IV Всероссийских С'ездах Профессиональных Союзов о связи с массами, и там же мы выносили резолюции о том, чтобы производить сбор членских взносов через конторы предприятий. Слова и желания наши были за связь с массами, организационные мероприятия — шли вразрез с ними. Это была наша ошибка, ошибка маленькая, но давшая, как вы знаете, очень большие результаты. Перейдя на новый курс, мы тоже говорили о связи с массами. Эта связь с массами сейчас, конечно, сильнее, чем она была в период III и IV С'ездов, сильнее, благодаря тому, что мы перевернули вверх дном финансирование профессиональных организаций. Вместо финансирования через губпрофсоветы, мы установили порядок финансирования вверх ногами, снизу вверх, т.-е.: «живи на членские взносы, пусть финансируют члены союза». А для того, чтобы они вас финансировали, нужно получить деньги из кармана члена союза в кассу союза, а он будет давать эти деньги только в том случае, когда убедится, что союз о нем заботится, когда он будет знать, как и на что расходует союз эти деньги. А вот этого-то он и не знает. Здесь необходимо провести одно очень небольшое организационное мероприятие, которое имеет, однако, колоссальное принципиальное значение в нашей работе. Возьмите вопрос об отчетности. Мне сейчас приходится просматривать журналы союзов. Перелистываешь журнал, и вот на задней странице видишь отчет союза, самый заурядный отчет: слева — «дебет», справа — «кредит», здесь — «счет подотчетных лиц», здесь — «переходящие суммы», а что куда, какие «переходящие суммы», что выдано за счет подотчетных лиц, сколько получено членских взносов, сколько и куда членских взносов израсходовано,— никто не поймет. Все такие отчеты никуда не годятся. Чтобы понять в чем дело, нужно взять оправдательные документы из союза и посмотреть. Наши рядовые члены часто не знают бухгалтерии, но они должны знать, куда истрачены членские

взносы, правильно ли они израсходованы и как израсходованы. Вот это — связь с массами. А когда мы вместо отчетов подносим членам наших союзов «дебет» и «кредит», то это никуда не годится,— такая двойная или тройная итальянская бухгалтерия годится только для рабкрина или ревизионной комиссии. Нам нужна такая отчетность, в которой каждый член союза мог бы усмотреть, сколько получено союзом членских взносов и куда эти членские взносы израсходованы. Этот вопрос, товарищи, несмотря на то, что это техническая мелочь, приобретает колоссальное значение. Когда мы членам союза станем давать такие отчеты, в которых будет указано, сколько канцелярского штата в союзе, сколько денег ушло на раз'езды, на содержание транспорта, на помощь и т. д.,— мы тогда увидим, что члены союза будут сами поправлять нас и, вместо распоряжения сверху о сокращениях штатов, будут сами указывать, что нужно сократить там-то и такие-то штаты. Эта мера будет сильнее всякого циркуляра, ибо если сегодня циркуляры о сокращении штатов пишутся и пересылаются центром в губпрофсовет, губпрофсовет этот циркуляр рассылает по своим союзам, союзы — по райкомам, а райкомы — по фабзавкомам, то в конечном итоге такие циркуляры забываются. Я не говорю, что эта болезнь свойственна всем завкомам или фабкомам. Достаточно, если она свойственна некоторым; и тогда уже на нее нужно обратить самое серьезное внимание.

Переходя к вопросу о повестке собраний, мы, просматривая протокольные книжки в союзах, читаем: «слушали циркуляр союза номер такой-то, о том-то и постановили: принять к сведению и исполнению». А дальше,— что принять к сведению и исполнению,— об этом ничего не спрашивай. Выполнен ли этот циркуляр — никто не знает. Если попытаться спросить у ближе стоящей к массам организации, выполнен ли циркуляр за номером таким-то, то часто эти близко стоящие организации не могут на этот вопрос дать положительный ответ, а тем меньше можем сказать об этом мы, представители верхушечных организаций. Губпрофсовет получает циркуляры от нас, рассылает губотделам, губотделы рассылают циркуляры фабзавкомам, а там оказывается, что их приняли к сведению, а какой результат от этого принятия к сведению получается — неизвестно. Такая система является болезнью прошлого. От всех грехов прошлого, конечно, сразу избавиться нельзя,

но от такой работы нужно избавиться. За недостатком времени я долго об этом говорить не могу, но должен указать, что я просматривал резолюции, которые предлагаются Петроградским губпрофсоветом на обсуждение данного с'езда. Эти резолюции, в основном, очень хорошие резолюции: они правильно ставят вопрос. Резолюция по организационному вопросу — о разгрузке фабзавкомов от повседневных канцелярских мелочей — очень хороша. Что делает секретарь или председатель фабзавкома, в чем заключается работа, его трудовой день? Он целый день пишет и подписывает удостоверения о том, что умершая женщина является женой рабочего данной фабрики и что данный ребенок является действительно ребенком рабочего данной фабрики, и т. д., и т. п., т.-е. все, что должно делать какое-то правительственное учреждение, взвалено на фабзавком. И несчастный, быть может, очень хороший рабочий, очень преданный и передовой борец за интересы своего класса, но очень плохой канцелярист, сидит и целый день потеет над писанием этих бумажек, которые можно механическим способом на два года вперед заготовить. Товарищи! От этой работы мы должны фабзавкомы освободить. Мы не можем ничего спрашивать с фабзавкома, если он, как нотариус, все время выдает удостоверения и удостоверения. Пусть их выдает кто-нибудь другой, но не члены фабзавкома, тогда у последних останется некоторое количество времени, которое они смогут посвятить действительно союзной работе.

Если говорить об освобождении членов фабзавкомов от технической работы, то давайте разгружать их от анкет. Жаль людей становится, когда посмотришь, какое количество анкет они заполняют. Страшно за человека становится. *(Аплодисменты).* Товарищи! Требуется решительная борьба с этими анкетами. Положение члена фабзавкома можно сравнить только с положением ответственного работника, который также должен все время заполнять анкеты. Мне самому приходится их заполнять. Правда, я их не заполняю, но получаю штук 14 в год. При чем в них имеются вопросы вплоть до таких: кем были мои бабушка и дедушка! Такое же положение у фабзавкомов: его спрашивает и губотдел и непосредственно ЦК, через голову губпрофсовета, и губпрофсовет; к нему обращаются и прочие органы по всяким вопросам. Первый штурм, который выдерживает фабзавком, это —

анкеты, второй, это — бесчисленные циркуляры, от которых мы еще не отвыкли. Это очень скверная и вредная болезнь. Третий, это — бесконечные кампании, которыми также завален фабзавком, так как к нему, между прочим, за проведением пожертвований и т. д., обращаются самые различные организации. Если вы учтете все это и взглянете на ту адскую канцелярскую работу, которую несет фабзавкомист, то, товарищи, вам станет ясным, почему фабзавкомы не могут в должной степени быть органами союза. Мы видим случаи, когда фабзавкомы, грубо говоря, проваливаются, т.-е. фабзавком предлагает одну позицию, а рабочие массы ведут свою линию, иногда против фабзавкома, выходя на забастовку или пред'являя те или другие требования. Часто причиной этого является, конечно, то тяжелое экономическое положение, которое мы все переживаем.

Недуг, с которым нам также надлежит вести самую решительную борьбу и о котором несколько подробнее я буду говорить дальше, это — вопрос о несвоевременной выплате заработной платы, о ее суррогатах и т. д.; при обсуждении этого вопроса фабзавком в большинстве случаев, как правило, стоит на государственной точке зрения, а рабочие, которые по-своему правы, которым тяжело, иногда отстаивают другую линию, более резкую. Достаточно сказать, что во всероссийском масштабе, по союзу металлистов, у нас 96% забастовок — на почве несвоевременной выдачи заработной платы, по союзу горняков — 92% на той же почве, а по союзу химиков примерно 85%. Конечно, положение фабзавкомов архитрагическое — они должны стоять на точке зрения союзной и государственной. Иногда эта последняя точка зрения нашими фабзавкомами немножко преувеличивается, и происходит это по двум причинам. Первая причина — очень трудно и сложно фабзавкомам разобраться в этом вопросе. Нужно сказать, что у нас и губотделы не всегда разбираются, в каких случаях и до какого предела фабзавкомы и райкомы, и вообще профессиональные союзы, могут выступать против забастовки. Бывают такие случаи, как показала история забастовок этого лета, когда и фабзавкомы, и райкомы, и даже губпрофсовет обязаны были об'явить забастовку. Сюда относится, напр., случай, когда рабочим одного крупного предприятия 70% заработной платы выдали облигациями государственного займа. И вот,

если фабзавком в таком случае доказывает рабочим, что они должны принять на 70% своей заработной платы облигации государственного займа, то это значит, что он не понимает обстановки. Нужно сказать, что в приведенном случае дело обстояло еще хуже: не только фабзавком, но и райком и губпрофсовет не разобрались в вопросе. Конечно, такие явления недопустимы. Есть предел, до которого фабзавкомы должны защищать и проводить общесоюзную и общегосударственную точку зрения, должны предостерегать рабочих против забастовки. И нужно сказать, что очень часто, к сожалению, бывают правы рабочие, у них иногда никакого другого выхода не остается, как об'явить забастовку. И это обстоятельство фабзавкомы должны учитывать. Конечно, такие меры фабзавкомы должны проводить вместе с райкомами, но здесь нужно отметить одно болезненное явление: на фабрике — брожение, и вот, фабзавком, вместо того, чтобы сообщить об этом в райком, а если это — крупное предприятие, то и в губпрофсовет, пытается своими мерами и средствами ликвидировать такое брожение, ибо каждый фабзавком считает своею честью, когда у него все благополучно. Не стоит, мол, беспокоить начальство, как-нибудь вывернемся. И вот выворачиваются до тех пор, пока через край перельет.

Здесь мы подходим к другой области нашей работы — тарифно-экономической. О конфликтной практике я позволю себе сказать дальше, здесь же мне хотелось бы коснуться нескольких организационных вопросов.

Если мы поднимемся на ступеньку выше, то увидим, что есть болезни, которыми страдают фабзавкомы, и есть болезни, которые ими восприняты от вышестоящих организаций. С несомненностью можно установить, что часть наших губотделов — я беру эти организации во всероссийском масштабе — старается как можно реже созывать свои правления, почти так же редко, как созываются пленумы некоторых центральных комитетов. Вся работа, и практическая, и принципиальная, и важная, и мелкая, сосредоточивается в президиуме губотдела. Это допустимо для губпрофсовета, у которого большой пленум, который очень трудно созывать, и достаточно широкий президиум, могущий компетентно разобраться в текущей работе, но совершенно недопустимо для губотделов союзов. Наше старое правило было таково: созывать

правление союза не реже раза, а иногда и двух-трех в неделю, лучше избирать правления в немного меньшем составе, но чтобы их члены несли активную работу по своему союзу. Тут возникает несколько вопросов. Первый: союз обладает ограниченными средствами, он не в состоянии всех членов правления взять на свое содержание,— как же он может загрузить их союзной работой? А из чего следует, что члены правления должны быть на союзном содержании? А из чего следует, что каждая услуга, оказываемая союзу, должна оплачиваться? Я приветствую правильную постановку, которую дал ваш орготдел вопросу о сборщиках членских взносов, этот взгляд нужно расширить.

Товарищи! Мы все чуть-чуть избаловались, нечего греха таить, и когда говорят о верхах и низах, то я думаю, что в равной степени немного попортились и верхи и низы. Мы выбираем в члены правления, как правило, нескольких рабочих от станка и называем это выдвиганием рабочих, а правление собираем в три недели раз. На правлении ставим различные вопросы. Вот приходит на это собрание избранный нами рабочий от станка, хороший рабочий, слушает в три недели раз вопросы, к которым он не подготовлен, потому что заседания бывают очень редко,— кроме этого, никакой союзной работы по правлению он не несет,— и идет обратно к станку. Если это называется вовлечением и воспитанием, то это — плохая система. Собрания нужно созывать еженедельно, а к каждому члену правления, от станка ли он или не от станка, нужно приписать определенное количество фабзавкомов. Нам говорят: легко разговаривать, но как трудно обслужить все фабзавкомы, которых так много, особенно в крупных городах. Конечно, труднее в Петрограде, чем в Нижнем, и труднее в Москве, чем в Петрограде. Конечно, трудно обслуживать, и я не могу рекомендовать вам в этой области рецептов, тем более, что вы больше связаны с практической работой, чем ВЦСПС. Найти организационную форму, это — вопрос второстепенный. Но почему нельзя разделить между членами правления определенное количество предприятий и фабзавкомов, за работу которых они отвечают и перед которыми, в свою очередь, они отвечают за работу правления? Почему не ввести обычай, практиковавшийся в старое время, когда была не советская власть, а капиталистическая, обычай, по которому члена правления, работавшего у станка

и нужного нам днем, мы снимали с работы, а за прогульное время, в размере его обычного заработка, уплачивал ему союз? Почему при таких условиях, оставаясь у станка, человек, состоящий членом союза, не может принимать активное участие в делах своей профорганизации? Это вопрос двояко важный. Во-первых, в лице такого члена правления, который остается на предприятии, мы получаем живую связь, вернее, ориентацию правления союза в повседневной работе и жизни предприятия. Во-вторых, идя таким путем мы, действительно, можем говорить о выдвижении все новых и новых слоев профессиональных работников, ибо, как правильно говорили здесь Евдокимов и Залуцкий, профессиональные союзы были и являются школой коммунизма. И не только школой коммунизма, но и основной базой советской власти, ибо они — резервуары, из которых советская власть и партия черпают свои силы. Другого резервуара нет, так как союзы являются самыми широкими беспартийными рабочими организациями.

Если мы говорим об орабочении государственного аппарата, то, понятно, людей для этого могут дать, главным образом, профессиональные союзы. Мы из года в год бросаем все новые и новые группы ответственных работников на различные государственные посты. Вместо них нам нужно получить резервы из рабочих масс. Наиболее правильный, наиболее быстрый метод выдвижения рабочих на ответственные посты в государственном аппарате заключается не только в откомандировании их в какой-нибудь орган, вместе с тем мы должны предоставить им там живую, повседневную, практическую работу. Вот основная задача районного правления, вот при каких условиях, я думаю, можно будет обслужить все фабзавкомы.

Одной из причин, ослабляющих связь фабзавкомов с массами, а отчасти и райкомов, является экономическая зависимость фабзавкомов и других союзных организаций от хозяйственных органов, с одной стороны, и экономическая зависимость отдельных работников этих организаций от хозяйственных органов — с другой. Я разделю эти вопросы и поясню, что я понимаю под экономической зависимостью. У нас в законе, товарищи, оговорено, что мы имеем право получать определенный процент на фабзавкомы, от 1 до 2%; у нас в коллективных договорах оговорено, что мы получаем на культработу, скажем, 1%; можно оговорить больше или

Фот. П. Оцуп.

Группа работников профдвижения на сессии ВЦИК (1923 г.).
(*Справа налево:* сидят — Ю. П. Фигатнер, М. П. Томский, Ф. Я. Угаров, А. М. Гинзбург; стоят — Ф. М. Сенюшкин, Я. К. Яглом).

меньше [15]). У нас оговорены в точных пределах специальные услуги, которые должны оказывать хозяйственные органы профессиональным союзам. Однако, помимо этого, некоторые союзные органы, особенно это относится к фабзавкомам, получают от хозяйственников помощь, не предусмотренную ни коллективными договорами, ни законами,— тот или иной материал, те или иные пожертвования, те или иные экономические услуги. На первый взгляд, товарищи, это очень хорошо. Но если мы посмотрим внимательно, то это уже не так хорошо, ибо всегда, пока стоит свет и пока существует товарное производство, за каждую услугу надо отплачивать услугой. Поэтому, если вы пользуетесь от хозяйственных органов то материальчиком, то денежным пособием, иногда — транспортными средствами и т. п., то не особенно удобно фабзавкому или райкому поднимать скандал из-за каждого пустяка: «ну, задержал на несколько дней заработную плату», «ну, задержал на несколько дней союзные суммы», «ну, немножко не во-время выплатил страховые взносы». Деликатность за деликатность. Но, товарищи, это нам обходится гораздо дороже того, что мы получаем. *(Аплодисменты).*

Второй вид экономической зависимости: когда в экономическую зависимость попадает не только тот или иной союзный орган, но и отдельные руководящие работники. Вы, товарищи, вероятно, лучше меня знаете, как это происходит. Это происходит и путем выдачи авансов в советских знаках с долгосрочной рассрочкой, бывает, как, например, на текстильных фабриках выдача мануфактуры, предоставление лучшего жилища, отопления, машины председателю райкома или председателю фабзавкома и т. д. Это, конечно, товарищеская услуга, за которую потребуется в свое время оказать тоже товарищескую услугу. Нельзя же так: тебе оказывают товарищескую услугу, а ты ничего; платонической любви в жизни нет, об этом только в романах пишут, да и то в очень плохих. *(Смех).*

Вот что у нас было на всероссийском тарифном совещании. Один из работников сказал хозяйственнику, что его ругал председатель фабзавкома, а хозяйственник на это отвечает: «Пусть он у меня завтра машину попросит». *(Смех).* Конечно, это происходит не от того, что у нас союзные работники плохи, причин тому очень много, причины — товарищеские отношения, которые имеются

между красными директорами и союзами. Товарищеские отношения — вещь хорошая, но требуется внесение некоторой аккуратности, чтобы облегчить то тяжелое положение, в котором находятся низовые работники наших профессиональных союзов. Давайте еще раз пересмотрим ставки ответственных работников наших низовых ячеек. Если мы найдем необходимым и возможным увеличить их, чтобы улучшить положение этих работников, то, я уверен, рабочие нас за это не осудят, они нас поймут. Давайте об этом поговорим сегодня, давайте сегодня освободим наши низовые организации от зависимости от хозяйственных органов, ибо вред от нее колоссальный, от этого может порваться связь с массами.

Для укрепления этой связи необходимы десятки таких мероприятий, как отчетность, правильная постановка информации, обязательная отчетность со стороны союзных организаций перед массами. Отчеты, которые делаются перед массами, ни в коем случае не должны быть информационными отчетами и докладами. Нужно сдать в архив и на некоторое время вывести из употребления это слово, так как теперь это самое вредное слово. Мы часто слышим, что какой-нибудь докладчик приезжает с заседания и говорит, что его доклад приняли без прений. Если мы задумаемся над тем, хорошо ли это, то, пожалуй, окажется, что не только не хорошо, но очень скверно. Между людьми существуют две системы общения: обмен мыслями письменный и устный. Если массы будут слушать доклад и принимать его к сведению, одобрять его и молчать, то мы, по этому молчанию, не будем знать, о чем массы думают. *(Смех).* Давайте условимся считать, что информационные доклады, которые иногда ставятся для сокращения времени, так как время — деньги, да и существует «Лига времени», в настоящее время не выдерживают критики. В некоторых союзах, правда, завелся такой грех — постановка информационных докладов для упрощения дела, но не всякая простота хороша. Если поставлен информационный доклад и на нем не высказано мнение массы, потому что она во время доклада молчала, то кто знает, что у нее будет потом в голове, куда она потом пойдет? Конечно, не туда, куда требуется. Вероятно, по докладу тов. Королева вы подробно обсудите все эти и многие другие вопросы, а потому я и не собираюсь, да это и не входит в тему моего доклада, особенно развивать этот вопрос.

Я бы еще хотел остановиться на кассах взаимопомощи. Тут правильно говорится, что здесь требуется децентрализация. Это верно. Конечно, проще наблюдать и руководить, если все это будет при мне. Вот из-за этой простоты многие райкомы организуют кассы взаимопомощи при райкоме, и сейчас же начинается отрыжка старого: «утвердить», «назначить», «разрешить», «санкционировать». Предоставьте вы кассам взаимопомощи жить так, как они хотят! Если централизация такая хорошая вещь, то давайте, я устрою одну кассу взаимопомощи во всероссийском масштабе, но только никто ничего из нее не получит. Это дело должно быть децентрализовано, это правильно. И больше того: ради бога, не смешивайте кассу взаимопомощи с союзной организацией! У нас союзная организация сама по себе, а касса взаимопомощи должна быть сама по себе. Пусть касса взаимопомощи сыграет ту роль, которую играют профессиональные союзы в отношении партии. Если профессиональные союзы в известной степени являются подготовительной ступенью к партии и государственной работе, то кассы взаимопомощи должны быть подготовительной ступенью к профессиональным союзам. Не надо ставить и заострять вопрос таким образом, что только члены союза могут входить в кассы взаимопомощи, как это ошибочно делалось некоторыми товарищами. У нас есть такие несознательные рабочие, которые еще не понимают, что в их интересах вступать в профессиональный союз, но в кассу взаимопомощи они идут. С распростертыми об'ятиями встречайте их; тут они многому научатся, будут привыкать к организации. Поэтому совершают грубейшую ошибку, когда путают кассу взаимопомощи с союзной организацией. Я недавно присутствовал на заседании одного ЦК; между ЦК и губотделом шел спор о том, кто лучше и правильнее работает. Я просмотрел только журналы и там увидел отчет союза, в котором было сказано: «в общих суммах по кассе взаимопомощи приход столько-то». И после этого человек говорит о том, что он верно понимает профессиональную линию, когда в общесоюзный баланс сует кассу взаимопомощи, как-будто это какой-то отдел профсоюза. Он глубоко ошибается. Ничего общего между финансами кассы взаимопомощи и союза не должно быть. Вы с двух слов поймете, почему и по политическим соображениям они не должны иметь ничего общего. Касса взаимопомощи вовсе не является такой

организацией, в которую пятачок вложишь, а двугривенный получишь. Ведь касса взаимопомощи такой магической силой не обладает. Ведь один вносит пятачок и получает гривенник, а другой вносит гривенник и ничего не получает. На этом вся взаимопомощь основана, потому что если все будут получать больше, чем вносят, то касса взаимопомощи не будет существовать. Тут бывает очень много недовольства, тут может быть очень много ошибок. Союз не должен брать на себя ответственность за финансы кассы взаимопомощи, особенно в современных условиях.

Товарищи! Я много внимания уделил организационным задачам только потому, что исключительно в них в настоящий момент корень союзной работы. Но если те принципы, которые верны для нашей организационной работы, мы перенесем на другую отрасль профдвижения, то они будут и в отношении ее одинаково правильны. Мы сейчас переживаем такую эпоху, такой экономический период, когда приходится с большой осторожностью говорить об увеличении заработной платы в ближайшие месяцы. Этот период в нашей тарифной работе можно характеризовать, как подтягивание отставших в заработной плате к лучше оплачиваемым профессиям. По мере сил мы должны подтянуть железнодорожников, тяжелую металлургию, особенно — горячие цеха металлопромышленности; в легкой индустрии в ближайший период не видно таких перспектив, которые позволили бы нам перейти в наступление за увеличение заработной платы, но тем не менее мы должны использовать этот промежуток, если не для увеличения заработной платы, то для улучшения экономического положения рабочего при той заработной плате, которую он получает. Я поясню мою мысль несколькими примерами. Я считаю, что когда мы будем обсуждать деятельность какого-нибудь центрального комитета союза или губотдела, то должны будем оценивать ее не под тем углом зрения, — какова высота заработной платы, которую отстояла профессиональная организация в коллективном договоре, — а по тому, на сколько процентов реально проводится в жизнь подписанный сторонами коллективный договор. Мы имеем сплошь и рядом в Москве такие центральные комитеты, которые петухом ходят — «уж очень хороший коллективный договор провели», — а позже возникают забастовки на почве этого коллективного договора. *(Смех).* Почему? Да потому, что эти

коллективные договоры выполняются только на 25 процентов. Такие коллективные договоры никуда не годятся. Недавно еще мы имели счастье заключать коллективные договоры, содержащие по 170 пунктов. Мы их свели до 55 пунктов, а в дальнейшем, я думаю, поработаем и сделаем 27. Ведь у нас есть Кодекс Труда [19]), а поэтому давайте установим или 55 или 27 пунктов, но уж зато будем их исполнять, давайте неуклонно смотреть за точным выполнением коллективных договоров. Конечно, эту работу нужно проводить, учитывая всю экономическую обстановку, в которой мы живем. Максимальное соблюдение законов о труде и 100 процентов выполнения коллективного договора — вот наша задача. Тут, вероятно, у многих, особенно у товарищей хозяйственников, шевелится мысль: «вон какие рискованные лозунги он дает!» *(Смех)*. Но, товарищи, всуе писать коллективные договоры, коли их не исполнять. Зачем их писать, кого обманывать? Нет, пишите только то, что обе стороны действительно намереваются выполнить. Только при таком условии коллективные договоры получат то организующее значение, которое они должны иметь. А если обе стороны будут смотреть на коллективный договор так, как буржуазные государства смотрят на мирные договоры, которые они подписывают,— грош цена такому коллективному договору! Предстоящий период мы должны использовать для того, чтобы колдоговоры подписывались и выполнялись обеими сторонами: что с нас следует — пожалуйте, что с вас — деньги на бочку! *(Смех)*.

Упорядочение отношений в области коллективного договора и исполнение Кодекса Законов о Труде — вот основная тарифная задача ближайшего периода.

Я уже говорил, что сейчас разрабатывается вопрос о так называемом едином тарифе,— это немножко теоретически неверно, вернее — о единой квалификационной сетке [40]). В этой области и у нас имеются недостатки, которые сохранились от периода 18—19 годов. Что в 1918 году означала квалификация? Квалификация определялась механически, ставкой, нормированной государством заработной платы, а когда мне приходилось подписывать эти государственные тарифы и определять квалификационную сетку по тарифу того или иного союза, то,— сердце все-таки не камень,— приходилось считаться с тем, что если металлисту дается девятый разряд, который определяет высоту зарплаты при государственном

нормировании оплаты труда, то какой паек он при этом будет получать? Когда приходилось нормировать советских служащих и определять их место по квалификации, мы также учитывали, какой паек они получают. И так как никакого пайка они не получали, то мы на квалификацию их немного прикидывали. Поэтому у нас и получается такое архинесправедливое положение, при котором квалифицированнейший металлист получает по 9 разряду, а самая плохая машинистка — по 12-му. Это нужно исправить, и этим мы сейчас заняты. Но провести это на местах будет, конечно, очень трудно и сложно. Тут многие будут обижены, многие будут рассержены, но мы постараемся провести это так, чтобы пострадали только отдельные группы того или иного союза, но не союзы в целом.

Сейчас, когда мы говорим о фабзавкомах, нужно признать, что их трагедия заключается не только в том, что они завалены работой, не только в том, что их авторитет в массах недостаточен, но и в том, что им иногда приходится защищать перед массами не только правых, но и виноватых,— бывают такие случаи... Например: если заработная плата получена не во-время, то фабзавкомовец идет к рабочим и начинает доказывать, что она получена не во-время вследствие хозяйственного положения предприятия, вследствие экономического положения нашей республики и т. д. А сам-то он знает, каково хозяйственное положение предприятия? Нет, не знает. Еще недавно у наших хозяйственников была скверная и позорная привычка говорить нашим профессионалистам, когда они хотели заглянуть в бухгалтерские книги предприятия, что этого делать нельзя, что это — коммерческая тайна. Конечно, смешно и странно в обстановке диктатуры пролетариата, когда власть находится у рабочего класса, говорить о какой-то коммерческой тайне, которая и для многих представителей чужого класса — не тайна. *(Смех)*. Можно сказать теперь твердо, что мы эту коммерческую тайну убили; наш циркуляр в этом отношении, подписанный тов. Рыковым, вам всем, без сомнения, известен. Но ее мало убить. Драгомиров говорил про русского солдата: «его мало убить, его надо повалить» [41]). И коммерческую тайну мало убить, надо в нее еще забить осиновый кол. *(Смех, аплодисменты)*.

Говоря об основном принципе заключения коллективных договоров, надо заметить, что они у нас заключаются не так,

как в буржуазных государствах. Там коллективный договор определяется соотношением сил между трудом и капиталом.

У нас же коллективный договор носит совершенно иной характер. Он является (по отношению к государственной промышлености) отражением состояния производительных сил нашей Советской республики и, в частности, данной отрасли производства. Поэтому мы говорим: коллективный договор на государственных предприятиях, на *наших* предприятиях, должен подписываться с учетом общей экономической обстановки нашей страны, положения данной отрасли промышленности в общей системе народного хозяйства и особенно экономических условий данного предприятия. Для того, чтобы подписывать, нужно знать, что и как подписывать. Вот почему коммерческая тайна — вздор. Для того, чтобы подписывать договор и спорить, я должен знать, чем располагает тот, с кем я подписываю договор. А для этого надо поднять авторитет фабзавкома,— чтобы он мог учесть, каково хозяйственное положение данного предприятия в общей экономике данной отрасли промышленности. Для этого нужно разгрузить фабзавкомы от мелочей. То, что верно в отношении экономической работы фабзавкомов, правильно также и по отношению к деятельности райкома, поэтому я не буду останавливаться на ней. Я думаю, что тов. Вейнберг в докладе о тарифно-экономической работе союзов разовьет этот вопрос.

Я хотел бы коснуться той области экономической работы профессиональных союзов, которой мы до сих пор уделяли мало внимания, или, вернее сказать, внимания-то мы ей уделяли много, но оно было слишком общее, слишком расплывчатое. Я хочу сказать о кооперации. Всем давно известно, что кооперативы и профессиональные союзы являются дружественными организациями. У нас вынесено очень много хороших резолюций, установлены система и методы участия профессиональных союзов в формировании органов кооперации, вынесены резолюции о подотчетности отдельных видов кооперации профессиональным союзам. Но, товарищи, будет правильнее сказать, что до сих пор наша работа в кооперации ограничивалась областью взаимоотношений, а это самая скверная область, потому что для рабочего совершенно неинтересно, какие взаимоотношения у данного кооператива с профессиональным союзом. Ему гораздо интереснее знать, почем

ему продают мануфактуру и сахар. Если мы придем к рабочему и скажем: «у нас с этим кооперативом самые хорошие взаимоотношения», то он ответит: «взаимоотношения-то у вас хорошие, а сахар дороже, чем на вольном рынке, а с взаимоотношением чая не напьешься!» Если мы не можем сейчас увеличить заработную плату рабочим, то должны сугубо нажимать на улучшение его экономического положения по другой линии, должны стремиться сделать заработную плату более полноценной в покупательном отношении. Для этого наша работа в кооперации должна сводиться не к взаимоотношениям, не к заслушиванию отчетов, как это делается у нас сейчас, когда мы собираем конференции, где выступает какой-нибудь очень умный кооператор, рассказывает, как работал кооператив, показывает баланс, «дебет» и «кредит», и все — отчет-то, может быть, и хороший, но на полках-то в кооперативе ничего нет. Мне, за этот год, впервые пришлось, во время одной забастовки, столкнуться с требованием, чтобы профессиональные союзы наблюдали за деятельностью рабочих кооперативов и влияли на нее. Плохо это. И для нас плохо, и для рабочего кооператива, этого самого, плохо, когда дело дошло до забастовки!

Давайте несколько иначе подойдем к этой работе. Лучше бы совсем не было никаких резолюций о взаимоотношениях, пусть бы деятельность рабочего кооператива оценивалась с точки зрения того, что у него есть, имеется ли в нем то, что нужно рабочему; почему товары в наших кооперативах ниже по качеству, чем на вольном рынке; почему существует несоответствие в ценах, почему одни товары на 50% дешевле, чем на вольном рынке, а другие — дороже, почему это происходит? Когда мы таким образом подойдем к вопросу о кооперации, мы сможем сделать тут многое,— когда мы прощупаем практическую деятельность и по ней будем оценивать дело до самых мелочей, тогда мы и вопрос о кооперации поставим правильно. Мне, как человеку несколько обособленному, трудно судить, вы, конечно, лучше знаете деятельность кооперативов, но мне рассказывали такую историю: когда вы заходите в частный магазин без всякой кооперативной карточки, вы имеете перед собою вежливого, услужливого приказчика, когда же вам приходится бывать в рабочем кооперативе, вы этой вежливости не находите. Я не знаю, правильно ли это. *(Голоса с мест:*

«Правильно!»). А такая вежливость должна быть в наших кооперативах, так как туда приходят представители пролетарского общества. Это, несомненно, немаловажный вопрос; требуется строгий подбор кооперативных работников, не под тем углом зрения, чтобы эти работники были хорошими агитаторами, но чтобы они умели хорошо и дешево закупить муку; можно ведь быть и хорошим агитатором, но плохим торговцем. Нам таких кооператоров не нужно, хотя бы они и были нашими парнями. Они должны быть хорошими торговцами, они должны уметь выгодно и хорошо рассчитывать, а если они этого не умеют, то мы переведем их на другую отрасль работы.

Теперь я хочу коснуться самым кратким образом еще одного вопроса, который неоднократно затрагивался нами и фигурировал на всех с'ездах и конференциях — вопроса о работе среди женщин. Тут выступала представительница женщин и говорила о том, что нужно уделять больше внимания женщине, что в культурном отношении женщина более отстала, нежели рабочий-мужчина. До сих пор все, говорившие о работе среди женщин, утверждали, что для поднятия культурного уровня женщин нужно вести работу среди них, а я должен сказать, что нужно вести работу в этом отношении не среди женщин, а среди мужчин! *(Бурные аплодисменты).* Вот в этом-то вопросе у нас платонического — сколько хочешь, мы выдвигаем женщину и говорим о ее освобождении, но это только формальное равенство, фактического же равноправия здесь нет. Когда в других странах говорится о том, что рабочие, наравне с представителями других классов, равны как перед законом, так и перед судом, то это только формальное равенство, на самом же деле равноправными являются только капиталисты, обладающие известными средствами и богатствами. У нас в этом вопросе почти то же самое, т. е. налицо формальное равенство женщин, они имеют право выбора и участия в советах и т. д., действительного же равенства еще нет. У нас до сих пор смотрят на женщину иронически, поэтому женщины, выступая на собраниях, очень робко отстаивают свои права. Таким образом, как вы видите, нам придется вести работу не среди женщин, а среди мужчин. Наши мужчины неправильно смотрят на женщину, если сказать по-простецки, по-пролетарски, они смотрят на нее как — «на бабу»; часто в союзах мы имеем 70—80% женщин,

а в правлении только для внешнего «равноправия» одну-двух. *(Аплодисменты).* Мне приходилось слышать, что некоторые профессиональные союзы жалуются на несколько сепаратные действия женотделов. Товарищи! Если мы сами начнем как следует вести работу по действительному выдвижению женщин,— поверьте, не потребуется никаких женотделов. Союзы должны подойти к этому вопросу, как к одному из важнейших в своей деятельности. Следует начать не на словах, а на деле, по-товарищески выдвигать женщин, без иронии,— а ее у нас немножко есть — пустим женщину в профессиональный союз, а сами сбоку косимся: что она натворит? Конечно, в такой обстановке она ничего не «натворит»: у любого руки опустятся.

Что верно по отношению к женщинам, то верно и по отношению к молодежи. Правда, часто наши комсомольцы хватают через край, но разве можно их за это судить! Конечно, молодежи свойственны задор, преувеличение своих сил, своего значения. Но ведь за нами другая смена не идет, ведь на наше место придут именно они. Они страдают теми болезнями, которыми страдаем и мы. Отношение к молодежи нужно также изменить. Мне приходилось встречать такие союзы, которые говорят: «ну, что мы будет с ними разговаривать, как с какой-то организацией; пускай идут и работают на общих основаниях!» Это неверно. Союз молодежи есть самостоятельная рабочая массовая организация. Под тем углом зрения, что это есть самостоятельная массовая рабочая организация, и нужно подходить к работе с комсомолом. При оценке взаимоотношений с комсомолом по каждому вопросу, вплоть до материальных отношений, нужно помнить, что это — наша рабочая дружественная организация, самостоятельная, нам не подотчетная и не подчиненная. И спорить по вопросу, как должно быть написано в резолюции, спорить о том, кто созывает конференцию, комсомол ли совместно с профессиональным союзом, или профессиональный союз совместно с комсомолом,— смешно. Комсомол есть самостоятельная массовая рабочая организация, влиятельная организация, с которой нужно считаться, которую нужно использовать, с которой нужно координировать свои действия и которую нужно вовлекать в нашу работу. Вот единственно правильный принципиальный подход к молодежи. Когда мы это установим, на этом сойдемся, тогда мы найдем необходимые формы

для вовлечения нашей молодежи в активную, живую работу. В нашу партию многие из нас шли тогда, когда мальчишками были, и, однако, выучились. Наша молодежь уже показала, что она заслуживает более внимательного отношения. Что верно по отношению к женщинам, то верно и по отношению к молодежи. Между профессиональными союзами и комсомолом не должно быть никаких трений.

Какие же выводы можно сделать для наших профессиональных союзов? На первый взгляд может показаться, что как-будто бы я приводил много отрицательных черт, как-будто бы много грехов и болезней и мало хорошего в наших организациях. Должен сказать, что самый страшный, самый злой наш враг — самодовольство. Тот, кто ударился в самодовольство, тот немедленно начинает мирно засыпать в своем кресле,— будь то кресло председателя фабзавкома или кресло председателя ВЦСПС. Человек собой доволен, все кругом хорошо — дремли мирно под журчанье пишущей машинки! *(Смех).* Самодовольство — наш враг. Плохо не тогда, когда мы видим недостатки, а тогда, когда этих недостатков мы не замечаем.

Говорить о достоинствах наших профессиональных организаций и профессионального движения в целом не приходится — они ясны. Вы помните, как в 1918—1919 гг. меньшевики говорили нам: «вы губите российское профессиональное движение». Затем в 1920 году они говорили, что профессионального движения у нас нет, а есть просто военный штаб для мобилизации; немного позже, в том же 1920 году, они заявляли: «разве это профессиональные союзы? Это какие-то лазареты, которые борются с сыпняком, это медико-санитарные пункты, а не профессиональные союзы». Вся их пресса была наполнена указаниями на то, что русские профессиональные союзы представляют собою казарменные, принудительные организации, что в союзах нет рабочих, что они чахнут, хиреют, что есть аппарат, а нет массы,— да и аппарат-то плохой. При этом нам указывали как на самые лучшие союзы, как на образцовые союзы — на германские союзы, «независимые от государства».

Но вот прошло 6 лет, и германские союзы, товарищи, разваливаются, а русские профессиональные союзы живут, развиваются и на каждом с'езде констатируют улучшение своей работы, хотя

при этом и отмечается целый ряд еще неизжитых недостатков. Если мы посмотрим на профессиональные союзы Германии, которыми щеголяли против нас наши противники, то увидим, что одновременно с разложением капиталистического строя Германии разваливаются и германские профессиональные союзы. Как это происходит? Отчего это? Ведь у них союзы, совершенно независимые от государства, просуществовали 75 лет; они имеют такие капиталы и дома. Когда наступила империалистическая война и германским профессиональным союзам пришлось определять свою тактику, то и с.-д. партия и профессиональные союзы решили, что если они выступят против войны и военных кредитов, то у них конфискуют капиталы и дома, а это,— по их мнению,— было бы гибелью для рабочего движения. Поэтому они не решились выступить против войны.

Но вот война кончилась. Они стали показывать пальцами на русских рабочих и говорили: «Вот вам дурной пример. Они взяли власть в свои руки, теперь они босы, голы, умирают от сыпного тифа, а мы безболезненно, путем различных реформ, улучшим наше экономическое положение и будем улучшать чем дальше, тем больше, и вы сами не заметите, как попадете в царство социализма, при чем придете туда постепенно, без всякого горя, страданий, печали и воздыханий». И вот вам наш ответ: то немножко быстрее, то немножко медленнее, то задерживаясь для того, чтобы затем сразу подняться, повышается экономическое положение русского рабочего. Это — бесспорный факт. То немного медленнее, то немного быстрее, то останавливаясь только для того, чтобы затем круто упасть, снижается заработная плата не только германского, но и вообще западно-европейского рабочего. Вот вам мирная реформа, посредством которой Амстердамский Интернационал обещал улучшить экономическое положение рабочих: мы видим, что сейчас германскому рабочему преподносят 10-часовой рабочий день, а тому же германскому рабочему, но работающему под землей,—9-часовой. Вот вам 8-часовой рабочий день, который без борьбы, без винтовки и пулемета завоевал германский рабочий!

Вот в чем разница между нашим профессиональным движением и германским. Наше профессиональное движение — молодое, но у нас до его возникновения была партия, которая строила

профессиональные союзы. Наши союзы выросли вместе с ней. Синдикалисты упрекают нас в том, что в наших союзах очень пахнет партийностью. У них некоторые союзы существуют 75 лет и имеют большие капиталы, но они строили их на том же принципе, на который нас сбивали меньшевики в 1905—1907 гг. Когда мы говорили, что союзы надо строить, как боевые классовые организации, меньшевики нам отвечали: «да, боевые, но только профессиональные союзы должны быть экономически выгодны для каждого рабочего». Мы выступали против и говорили, что профессиональный союз не такая организация, которой дашь 5 копеек, а получишь 7, а организация, которая в борьбе за экономические интересы должна учить, как свергнуть капитал.

Германские союзы были построены на пятачке, тут была и взаимопомощь во время болезни, и во время переездов, и т. д. Нам указывали на них, как на идеал. Но то, что построено на пятачке, на пятачки и рассыпается. Германские союзы уже не могут оказывать помощь рабочим при стачках, они не могут даже содержать служащих, и рабочие уходят из этих профессиональных союзов. Правда, это кризис профессионального движения Германии, но перед нами характерный факт: те профессиональные союзы, которые срослись кровью и плотью с капиталистическим обществом, разваливаются и гибнут под развалинами этого общества. Я по этому вопросу высказываю свое собственное мнение. Это не официальное мнение: я думаю, что неправы те товарищи, которые говорят: «спасай германские профессиональные союзы!» Я думаю, что их нужно не спасать, а сказать им: «вечная память. С позором жили, с позором и умерли». *(«Правильно!» Аплодисменты).* Ни коммунисты и никто другой не могут уже сейчас восстановить германское профессиональное движение в той тяжелой обстановке, в которой оно находится. Этот вопрос можно решить только так, как решили мы его в Октябре, т.-е. винтовкой и пулеметом. Все экономические вопросы в Германии будут окончательно решены только винтовкой и пулеметом, и если рушатся эти профессиональные союзы, пускай: туда им и дорога! Мы построим новые профессиональные союзы. Когда власть в Германии перейдет в руки рабочего класса, мы построим новые союзы — на базе единственно возможной для крепко-развитых мощных организаций, на базе фабрично-заводских комитетов.

Перед нами проходит, в классовом масштабе, проверка двух тактик. Наша тактика: «надо приучать рабочих выступать на борьбу и когда есть стачечный фонд и когда нет стачечного фонда». Они считали нас за это сумасшедшими. Они говорили: «нельзя вести рабочих на борьбу, не имея стачечного фонда». Но мы выигрывали забастовки в 1904—05—06 гг., не имея стачечного фонда, они же со стачечным фондом сидят у разбитого корыта, и рабочие бегут от них,— и умно делают. Их надо было расколотить, но теперь и в этом нет необходимости, они и сами разваливаются, и пускай разваливаются эти трупы. Наше же молодое профессиональное движение, несмотря на все его недочеты, несмотря на все то, что мы не доделали или что забыли сделать, живет, развивается и крепнет изо дня в день. Проверка — добровольное членство — показала за 5 лет, что русские рабочие, несмотря на то, что мы мобилизовали их десятками тысяч на фронты, на продовольственную работу, на борьбу с эпидемиями, знают, что такое профессиональные союзы. Они понимают, что лишь при наличии трех мощных организаций — профессиональных союзов, советов и коммунистической партии — может существовать и развиваться диктатура пролетариата. *(Аплодисменты).*

Заключительное слово [42]).

Товарищи! Во-первых, о записках. Записок очень много. Значительная часть их относится к чисто местным вопросам, много их передано мною тов. Вейнбергу, который выскажется о них в своем докладе. В некоторых записках меня спрашивают, почему я не коснулся того или другого вопроса.

Я, товарищи, признаю, что в моем докладе были два пробела. Один — сознательный, однако, нельзя сказать, чтобы это был полный пробел,— я мало говорил по вопросу об экономической работе. Второй вопрос — о культурно-просветительной деятельности союзов. Я признаю это недочетом доклада, но это произошло потому, что собрание было слишком утомлено, и я боялся злоупотребить его терпением. Оба эти вопроса я постараюсь осветить в заключительном слове. Следующий пробел — почему я ничего не сказал о научной организации труда. Здесь, на нашем с'езде, сейчас находится один из работников Центрального Института Труда при ВЦСПС, товарищ Лабутин, и я бы очень

рекомендовал с'езду заслушать краткий доклад тов. Лабутина, который, как практический работник, непосредственно принимал участие в деле научной организации труда, в деле создания лучшего в России Института Труда, и он лучше осветит этот вопрос [43]). Поскольку я могу судить из переговоров, которые велись в президиуме, президиум не возражает против того, чтобы дать слово для краткого доклада тов. Лабутину.

Несколько записок запрашивают, почему я не коснулся профессиональной работы среди студентов вузов. Товарищи! Я не коснулся и целого ряда других вопросов. Я не коснулся работы не только в вузах, но и во втузах и т. д. — Не это является основным в работе профессиональных союзов. Цель моего доклада, который, конечно, страдает колоссальными пробелами, заключается в том, чтобы указать основную линию, тактику, показать, где центр тяжести. То, что в этом отношении я оказался, в основном, прав, подтверждается тем, что представители фабзавкомов все-таки высказались за мои предложения.

Немножко иначе дело обстоит с представителями губотделов, на чем я остановлюсь более обстоятельно. Затем одна из записок гласит, что я ошибся, когда говорил о категориях, по которым получают машинистки. Я признаю это замечание целиком правильным, но оно не характерно. Неважно, ошибся ли я в данном примере, важно другое: никто не оспаривает, что несоответствие между нашими квалификационными разрядами существует. В этой же записке затронут другой вопрос, о том, что в союзе советских служащих — не только советские барышни. Я утверждаю — это можно проверить по стенограмме,— что термина «советские барышни» я не употреблял. Я вообще считаю, что этот пошленький термин пора выбросить из обихода; я таких терминов не употребляю на союзных собраниях.

Что работа среди советских работниц, которых некоторые презрительно называют «советскими барышнями», ведется слабо, что они в значительной степени оторваны от союза,— это правильно. Но это не их вина, а вина нашей слабости. Союз советских служащих — очень крупный союз, работа в нем чрезвычайно трудная и сложная. Мало таких союзов, в которых так трудно было бы работать, как в союзе советских служащих. Сейчас, когда мы бросаем лозунг «повышать заработную плату лишь в меру

сил», а союз советских служащих не берет даже тогда, когда дают, работа его очень трудна. Это союз чрезвычайно большой. Конечно, он не охватил союзной работой все слои, которые входят в него.

Теперь я коснусь еще одной записки, в которой товарищ — член завкома — очень деловито перечисляет, что они делали: «талонов на воду выдано на 1.500 чел.», «дров распределено столько-то кубов» и т. д. и т. п. Эта записка подтверждает, что наши завкомы перегружены непрофессиональной работой; это мешает им выполнять роль органов профессионального союза и вести чисто профессиональную работу.

Теперь я перехожу к возражавшим мне товарищам. Например, тов. Гордон пытался меня убедить, что фабзавком не может быть чисто профессиональным органом и заниматься только профессиональной работой. Но если вам память не изменяет,— а мне она не изменяет,— я и не рекомендовал, чтобы фабзавкомы занимались только профессиональной работой, не обслуживая никаких бытовых нужд. Но я говорил — и с этим согласится каждый фабзавкомист,— что писать удостоверения во всех случаях жизни рабочего — вовсе не функция фабзавкома. Некоторые товарищи говорили, что Томский не указал, где же выход. Товарищи! Я могу сказать только одно по этому поводу: от имени ВЦСПС мы внесли в Президиум ВЦИК предложение признать, что пора отвыкать от этого бесконечного количества удостоверений. Для чего служат эти удостоверения? Чтобы доказать, что пред'явитель их — рабочий, член союза. Но ведь это удостоверяет союзный билет. Поэтому мы предлагаем, вместо всяких удостоверений, признать достаточным документом (по советской линии) — доказательство, что такой-то человек является членом профессионального союза, а расчетную книжку — доказательством того, что он рабочий. Вот два документа, которые целиком избавляют от этих бесконечных удостоверений. Если же тов. Гордон считает, что удостоверения имеют бытовое значение, то пускай союз полиграфического производства отпечатает трафаретные удостоверения, сделает каждому председателю фабзавкома по трафаретной печати, и давайте какой-нибудь машинкой их штемпелевать. Я же считаю, что эти удостоверения ни в какой степени не играют организующей роли.

Тов. Гордон говорит, что они не могут отказаться от закупки и распределения дров, что у них в союзе есть специальный человек,

Фот. П. Оцуп.

I выпуск лекторской группы Высшей Школы Профдвижения ВЦСПС с М. П. Томским, А. И. Догадовым и преподавателями школы (1923 г.).

который закупает дрова для рабочих. Я тоже думаю, что фабзавком не может отказаться от закупки и распределения дров, ибо это слишком больной вопрос для рабочих. Но для чего нужно губотделам полиграфического производства закупать дрова — этот вопрос для меня неясен. Я боюсь, что вы из-за дров, как из-за деревьев, не увидите леса! *(Смех, аплодисменты).*

Если тов. Гордон говорит о наших недочетах в ВЦСПС, то нужно сказать, что наш аппарат, конечно, не идеален, да и не может быть идеален, но, как я уже говорил, если у нас в ВЦСПС и не все хорошо, то это дело пустяковое. Правда, трудно и там, но все-таки это дело пустяковое, и не в этом суть. И в губпрофсовете дело плоховато, но это тоже не важно. Я ставлю вопрос об основе нашей организации, без которой все наши надстройки, как ВЦСПС, ГСПС и ЦК, ломаного гроша не стоят, именно — о районных отделениях губотделов и фабзавкомах. Вот в чем суть.

Я знаю, что у нас есть недостатки, и если бы я стал делать отчет о деятельности ВЦСПС, мы поговорили бы о них с тов. Гордоном более подробно. Я не против такого отчета и готов сделать его на любом рабочем собрании, готов признать там одним из наших главных недостатков то, что мы иногда слишком мало следим за многими из наших центральных организаций. Тов. Гордону лучше знать наши недостатки, потому что у него на глазах Центральный Комитет союза полиграфического производства, членом президиума которого он состоит, семь месяцев не созывал пленума, а ВЦСПС сидел и благодушно смотрел. Эту вину я признаю *(смех, аплодисменты).* Но вот, если бы вместо покупок дров вы обсудили вопрос, нормально ли, что ваш центральный комитет семь месяцев пленума не созывает, это было бы лучше, гораздо лучше. Таких грешков у нас есть немало.

Формы отчетности, которые мы предлагаем, говорят, плохи. Вероятно, тов. Гордон прав. Но он, как член президиума союза полиграфического производства, мог бы предложить лучшие формы отчетности. Мы сократили число этих форм — их было одиннадцать, а после борьбы со статистикой, организаторами и прочими специалистами мы свели их к трем. Не нужно смешивать отчетность, понимание которой требует особых знаний, с той, которую мы должны давать массам. В книгах мы должны вести бухгалтерскую отчетность, чтобы можно было точно проверить сделанные

расходы и полученные доходы. Там нужен и «дебет», и «кредит», и «баланс», там нужен «счет переходящих сумм», — чтобы можно было проверять оправдательные документы. Когда же вы говорите перед массами, надо давать совсем другой отчет, более доступный, более понятный, без туманных и неясных названий, не надо путать эти два отчета.

Тов. Шейбухов говорит: «как можем мы аккуратно созывать райкомы, когда мы выбираем в них для связи с массами представителей не только данного города, но даже и других губерний, их ведь не соберешь каждую неделю?» Не глупая ли система связи? Собирают из разных мест, составляют такое правление, что потом его никогда и не собрать — и это называется «связью с местами». Вы меня никогда не убедите, что этим достигается связь. Это союзная политика, — чтобы все остались довольны, чтобы никто не был обижен? Пусть кто-нибудь мне докажет, что если мы возьмем по работнику из каждого уезда, составим правление и никогда не сумеем собрать его, то это будет связь с местами! А я говорю: выберите чистых питерцев, чтобы все члены правления были связаны с фабзавкомами, чтобы они вошли в практическую работу союза, и тогда это будет действительная связь с местами. Нельзя же благое пожелание выдавать за организационное мероприятие. Правда, хотя предлагаемое мною и выглядит недемократично, но на практике другое совершенно не годится.

Здесь говорили о мелкой работе, о том, как разгрузить от нее фабзавкомы. Я указал одну систему разгрузки. Эту систему мы проводили на верхушке. Тов. Рывкин говорил, что «тов. Томский говорит только «вообще», не дает ничего конкретного, и его доклад — информационный доклад», — он так его осмеивал! Я мог бы вам ответить на это, рассказав об одной беседе, которую я имел в старые годы с Владимиром Ильичем.

В 1909 году, в Париже, я сказал Владимиру Ильичу: «вам хорошо говорить, что нужно и связь с государственной думой установить, и оживить деятельность, и поставить печатную информацию, а вы скажите: как это сделать?» Он меня обругал и сказал: «мое дело сказать тебе, *что* нужно сделать, а ты, как практик-организатор, обязан знать, *как* это надо сделать». *(Аплодисменты).* Когда тов. Рывкин будет сидеть в ВЦСПС, а я буду сидеть в губотделе, и он мне будет говорить, *что* нужно сделать, тогда я буду

знать, *как* это сделать. Если вас господь вразумил, и вы — председатель союза, и не знаете, *как* нужно сделать, так что же я, сидя в кабинете, буду со всеми вами это обдумывать? *(Аплодисменты).* Кое-что мы говорим о том, как нужно делать. По-моему, это отговорка, губотдельческая отговорка. Почему фабзавкомы прямо ставят вопросы, а губотдельщики стараются уйти от вопросов?

«Вечерняя работа невозможна, нет связи с хозяйственными организациями». — Как-будто бы я предлагал на день союз закрывать, а по вечерам открывать! *(Смех).* Если бы это было так, то связь с хозяйственными организациями действительно порвалась бы. Но я ведь сказал, что можно работать днем и немножко вечером. А то у нас в Москве — про Питер я не говорю, быть может, здесь у вас благополучное исключение, — как 4 часа, портфель подмышку, и — до свиданья; а когда мы обсуждаем новые тарифы, то все работаем с нагрузкой; а, глядишь, обычная-то нагрузка, ведь, не для всех равномерна!

Здесь говорилось, что за вечерние занятия рабкрин отказался платить. Кому платить? Извините, ответственные работники за вечернюю работу получать не должны, получает только технический персонал, а вы и без технического персонала можете обойтись. Но я, разумеется, вечернюю работу не предлагаю, как единственную панацею, как единственное и главное средство. Если можете обойтись без вечерних работ, устраивайтесь, изворачивайтесь, вам и книги в руки!

Нельзя одновременно говорить, что люди, сидящие в верхушечной организации не знают практической жизни и что они же должны рассказать, как нужно сделать всякую мелочь. Вы сами должны знать. Отговорок можно найти много. И то, что «ВЦСПС плох», как говорит тов. Гордон, и то, что он «не разработал европейского коллективного договора», как сказал тот же тов. Гордон. *(Смех).* Я думаю, что не потому ВЦСПС плох, что не разработал «европейского коллективного договора», а все это происходит потому, что мы с тов. Гордоном плохие европейцы, мало на них похожи. *(Аплодисменты, смех).*

Ведь, действительно, смеху подобно, когда председатель одного из губотделов, один из виднейших профессионалистов, наш тов. Гордон, выходит сюда и говорит о «европейском коллективном договоре». А что такое «европейский коллективный договор»?

Во-первых, в нем нет квалификации, тов. Гордон! А нас голод заставил квалификацию ввести. Мы первые в мире проделали такую работу в профессиональном союзе. Далее, что вы возьмете из «европейского коллективного договора» в правовой части, когда там договор по своему характеру является зафиксированным на бумаге соотношением сил труда и капитала? А ведь я вам давал совершенно другую характеристику нашего коллективного договора. У нас есть свой Кодекс Законов о Труде, несмотря на недочеты, лучший в мире Кодекс. У них ведь буржуазное законодательство. Где же вы найдете этот «образцовый» «европейский коллективный договор»? И вот, когда к нам обращаются с такими словами, то можно сказать, что люди просто увиливают от вопроса, увиливают от вопроса наши профессионалисты, когда отговариваются вот такими смутными словами. Гордон далее говорит, что не могут фабзавкомы уклоняться от государственной работы. Я насторожился, — потому, что глуховат: о какой государственной работе он будет говорить? И вот оказывается, что он имел в виду крестины! *(Смех).* Ну, уж, действительно, государственная работа! Конечно, одни-двое крестин имеют известное агитационное значение, но если тов. Гордон серьезно думает, что наши фабзавкомы в будущем станут детей крестить и венчать, то это смеху подобно. Вы можете устроить только одни-двое декларативно-демонстративных крестин, но если вы будете на нашей текстильной фабрике, — где человек 800 женщин, — все время крестить, то вам не хватит крестильщиков! *(Аплодисменты, смех).*

Гордон бросил нам еще один, очень тяжелый упрек: «Труд», говорит он, иногда занимался противопоставлением профессиональных союзов хозяйственным органам. К сожалению, Гордон не доказал этого. Это общее впечатление Гордона. Я полагаю, что оно такого же рода, как и его впечатление от «европейского коллективного договора». «Труд» имеет много недостатков, но такого недостатка он не имеет. Мы не можем подходить к вопросу так, как предлагает нам Гордон. «Вы, — говорит он, — должны ставить вопросы о заработной плате и твердить о хозяйственных интересах». Нам приходится иногда перегибать палку в другую сторону.

Здесь на с'езде присутствует и, вероятно, выступит член Президиума ВЦСПС тов. Угаров, который является председателем нашего Украинского Бюро профессиональных союзов и недавно

ездил в Донбасс для обследования деятельности донбассовской организации. Он вам расскажет, что некоторых наших профсоюзников от хозяйства нужно отогнуть. Он рассказывает, что там бывает одно помещение и для хозяйственного органа и для профессионального союза, кабинеты — рядом и соединены дверью, сегодня хозяйственник уезжает — завтра председатель профессионального союза является его заместителем. И когда спрашиваешь у рабочего: «хороший у вас председатель?», рабочий говорит: «да, хороший, только деньги плохо платит». Тут лучше перегнуть немного палку, потому что если мы будем писать о хозяйстве, то я боюсь, что рабочие будут писать о заработной плате!

Тут нужно очень тонко эту линию проводить. Каждый член союза понимает, что он должен интересы предприятия иметь в виду, должен понимать, что нельзя экономику предприятий подрывать. Он должен также считаться с интересами советского государства и в то же время он всегда должен защищать интересы массы. Положение сложное. Но разве тут есть что-нибудь новое? Вспомните тезисы и резолюции XI С'езда коммунистической партии, тезисы, писанные рукой Владимира Ильича, о противоречивой роли профессиональных союзов в обстановке диктатуры пролетариата [24]). С одной стороны, это — организация, защищающая интересы рабочих, как продавцов рабочей силы; с другой стороны, в пролетарском государстве профессиональные союзы, как пролетарские организации, являются участниками власти. Вот вам противоречие. Вся наша обстановка противоречива. Кто этого не понимает, тот не понимает, в какой обстановке он живет. С одной стороны, у нас нэп, товарный рынок, формы капиталистических отношений, а с другой стороны, у власти стоит рабочий класс и крестьянство [22]). Как это сочетать? Однако, такое сочетание имеется, но противоречий в нашей жизни много и одно из них — противоречивое положение профессиональных союзов. Тут один товарищ говорил,—если память мне не изменяет: «в роде, говорит, меньшевика приходится быть — этих уговаривай, да и тут уговаривай и т. д.». Смущаться нечего, когда мне бросали упрек некоторые рабочие, что Томский Гомперса — руководителя американских профессиональных союзов — и Легина —руководителя германских профессиональных союзов — упрекает, что они все время мирят труд с капиталом, а сам играет такую же роль. Совершенно верно,

разница заключается только в том, что когда они, в обстановке капиталистического общества, хотят примирить классовые интересы труда и капитала, это — предательство рабочего класса. Но в обстановке диктатуры пролетариата, когда главная база этой диктатуры покоится на крупной государственной промышленности,— ибо ни к какому социализму мы не придем, если разрушим свою государственную промышленность, — если в этой обстановке профессиональные союзы примиряют интересы пролетарского государства с интересами пролетариата, как класса, то это — роль прогрессивная, это — служение классовым интересам того же пролетариата.

Есть двойственность и в линии самих наших красных директоров. С одной стороны, красный директор является сыном своего рабочего класса, иногда коммунистом, положившим десятки лет на службу делу освобождения рабочего класса; с другой стороны, будучи поставлен во главе государственной промышленности, он должен отстаивать ее интересы, должен заботиться о том, как бы развить промышленность. Что же из этого получается? Лишь то, что он на деле выполняет свою классовую роль, так как рабочий класс заинтересован в сохранении и развитии промышленности.

Но иногда интересы группы рабочих входят в некоторое противоречие с интересами государства в целом. Кто этого не видит, тому нужно почитать резолюции V С'езда Профессиональных Союзов и XI С'езда партии. Положение человека, вырванного из массы, очень трудно. Тут нужен большой такт. Очень трудно дать какую-нибудь директиву. Мы над этим десятки раз думали, товарищи. Возьмите вопрос о забастовке. Можно ли дать директиву, в каких случаях фабзавком или союз должен итти во главе рабочих масс? Если ВЦСПС даст такую директиву, завтра же пересолят: пойдет увлечение забастовочными экспериментами, и мы разрушим нашу промышленность — это несомненно. Но бывают такие случаи, когда это необходимо. Возьмем хотя бы случай на Сормовском заводе, где выдали 70% заработной платы облигациями государственного займа, а все организации — и партийные и профессиональные — стали уговаривать рабочих, что так и надо. Это неправильно. Тут они должны были повести рабочих на забастовку. Это такой тонкий вопрос, что, конечно, здесь нужна большая связь с райкомом.

Тов. Рывкин меня утешил тем, что, как он сказал, у них в союзе два-три раза в неделю бывают представители фабзавкомов, а представители правления союза два-три раза в неделю бывают на каждом предприятии. Боюсь только, не преувеличил ли тов. Рывкин, или же у него в Петрограде всего только два предприятия! *(Рывкин с места:* «Так оно и есть»). Если у него только два-три предприятия, то он может прямо проехать на эти предприятия. В Москве немножко побольше предприятий. Конечно, тов. Рывкину это легко было сделать, если у него всего два-три предприятия, но союзу металлистов труднее, а еще труднее — союзу советских служащих. Поэтому нас на этом не проведешь. Мы знаем, как это происходит.

Теперь о культурно-просветительной работе. Товарищи ставят вопрос так: «почему вы не сказали о культурно-просветительной работе?» «Разве там все благополучно?!» — пишет один товарищ. Товарищи! Во-первых, я сделаю некоторую оговорку в том смысле, что рассматривать наши недостатки, наличие которых мы вместе с вами признаем, как неблагополучие или катастрофу, нельзя. Правда, мы еще не все сделали. Один из ораторов говорил, что вот на таком-то с'езде говорили о связи с массами, на таком-то опять повторяли и теперь все говорим, а я продолжу его мысль — и на будущем с'езде будем говорить о связи с массами, ибо это основной вопрос. В тот момент, когда мы перестанем думать о массе, когда сядем и скажем — «у нас все благополучно и хорошо»,— с этого момента настанет развал и гибель. Залог хорошей работы заключается в следующем: при всяких условиях работы не падай духом, как бы плохи условия ни были, какие бы хорошие результаты ни были, никогда не будь ими доволен, а старайся достигнуть лучшего. — Вот правило для каждого организатора. Имей мужество на каждой ступени даже блестящего успеха найти свои недочеты, чтобы их устранить. Если с этой точки зрения говорить о культурно-просветительной работе, то в отношении её будет правильным все то, что говорилось о других отраслях профсоюзной деятельности. За последние полтора года я много внимания уделял культурно-просветительной работе, особенно, клубной, и считаю, что наши успехи в этой области весьма значительны. Я оговариваюсь, что, говоря «наши успехи», я вовсе не хочу отнести это на счет ВЦСПС. У нас культурно-просветительная работа оставляет

желать еще много лучшего, но мне приходилось бывать в низовых клубах на фабриках и заводах, и должен сказать, что здесь успехи бо́льшие, нежели это можно было ожидать год тому назад. Конечно, многие наши недочеты остаются еще в полной силе. Мы теперь уже знаем, что такое клуб, мы знаем теперь, что клуб не есть танцулька и не есть специальное научно-воспитательное заведение. Мы сумели сочетать в клубах и музыкальные, и общеобразовательные, и хоровые кружки, и пропаганду, и школу кройки и шитья, — в результате клубная работа, в основном, получается очень хорошая. Однако, есть еще много недостатков в культурно-просветительной работе, но особенные грехи, по-моему, наблюдаются в вышестоящих культурно-просветительных организациях, а не в низах.

В низах люди работают, организуют, не занимаясь теоретическими размышлениями о том, что получится, не мудрствуют лукаво, зато в результате рабочие довольны. Высшие же культурно-просветительные организации, которые живого дела не знают и которые учесть опыт низов еще не сумели, отделываются на с'ездах высокими и смутными фразами. Этот грех есть. Особенно часто у культурников попадаются разные мудреные зеленые слова, которых нужно избегать. Это грех не только культурников, но — да не вменит мне в вину тов. Вейнберг — и тарифников. *(Смех).* Я здесь употребил слово «суррогат» и получил записку, «что такое суррогат?» Кстати отвечу на нее. «Суррогатом» на тарифном жаргоне называются денежные бумаги, которые выдаются как деньги, напр., облигации государственного золотого займа, сахарного займа, финансовые обязательства Наркомфина. Они имеют денежную ценность, но они не деньги. Суррогат — слово не точное, в буквальном переводе суррогат означает подделку. Если мы хотим, чтобы нас понимали массы, нам надо почистить наш язык, иначе мы скоро дойдем до того, что культурно-просветительный работник не будет понимать тарифника, а тарифник не будет понимать культурника. У одного «идейные», «методологические» приемы, у другого «индексный» язык, а рабочий ни в том, ни в другом случае не понимает. Это мелочи, товарищи, но на это надо обратить внимание. Неужели вы думаете, что если мы пишем длинные тезисы, то делаем это для собственного удовольствия? Мы хотим, чтобы они были доступны всем, чтобы люди по ним учились, потому что резолюция только

констатирует, а тезисы развивают мысль докладчика. Но я не думаю, чтобы рядовой рабочий мог понять наши тезисы. Я не говорю о тезисах данного с'езда, мне кажется, что они представляют собою счастливое исключение, в них мало мудреных иностранных слов и смутных фраз, за которыми обычно прячется отсутствие мысли. Надо так составлять отчет и так писать тезисы, чтобы каждый член союза понял, что хотели сказать, а то получается такая тарабарская грамота, которая понятна только для узкого круга. Скоро мы будем говорить на своем «профессиональном» языке с «тарифным», «культурно-просветительным» и «организационным» жаргонами.

Общая линия профессиональной работы в данное время складывается из двух основных моментов. Первый, это — общее инструктирование, руководство и пр., и второй, сейчас особо важный момент, это — культработа верхушечных организаций. Нужна правильная постановка этой работы, особенно, снабженческой части. Нужно не только говорить о том, как должен работать клуб, но нужно помочь клубу подешевле закупить пособия, как, напр., волшебные фонари, книги, диапозитивы, спортивные принадлежности. Это — большая задача, требующая для своего осуществления не только «идеологических» и «методологических» рассуждений, но и практической работы.

Что касается спорта, то, несмотря на весь его расцвет и пышность, он поставлен все-таки довольно плохо. Мы не умеем учесть прошлый опыт, мы до сих пор не знаем, какая выправляющая гимнастика нужна текстильщику, какая молотобойцу, какая грузчику. Мне не раз приходилось говорить, что типы гимнастики должны быть разные. Нельзя грузчикам, целый день занимающимся тяжелой атлетикой, и после работы преподносить тяжелую атлетику. Надо правильно поставить дело: применяя тот или иной вид спорта, следует учесть физиологические потребности организма, связанные с данной профессией. Это — действительная проблема физической культуры. Не надо делать так, чтобы это было скучно и, боже упаси, навязывать кому-нибудь тот или другой вид спорта. Не надо говорить, что если ты текстильщик, то тебе нужна такая-то гимнастика и не смей заниматься другой. Не надо подходить к этому казарменно, потому что дело профессионалиста сочетать физическое развитие рабочего класса с колоссальной

организационной задачей. В деле поднятия культурного уровня, в области культработы у нас нет, разумеется, никаких особых проблем. Здесь все просто. — Учись, — то, что есть, изучай без всяких мудрых фраз. Конечно, найти и нащупать интересы членов клубов — большая, чрезвычайно трудная работа.

Экономическая работа. Я на ней остановился мало, исключительно мало, потому что думал, что циркуляр, изданный за моей и Рыкова подписью, достаточно известен всем [44]). У нас сейчас, при ВЦСПС, над вопросом о расширении прав союзов в области экономической, работает особая комиссия. Но, товарищи, такое же примерно циркулярное письмо было год тому назад разослано всем за моей и Богданова подписью [45]). Ведь вопрос заключается не в том, чтобы говорить и говорить об экономической работе. Все, что могли, мы сказали. Что нужно будет еще сказать, если вы дадите нам материал, мы скажем, но давайте же, наконец, проводить в жизнь сказанное.

Тут говорилось, что я мало сказал о коммерческой тайне, но после этого циркуляра коммерческая тайна отпадает, и уже не стоит больше о ней говорить. Нужно сказать вообще, что мало иметь право, нужно уметь за него постоять. Если вас и впредь будут отшивать некоторые, своеобразно понимающие хозяйственные задачи, хозяйственники, как они это делали до сих пор, а вы будете или благодушно молчать, или строить обиженные физиономии и говорить — «не пускают, и не надо», — тогда, конечно, ничего не выйдет. Нужно, чтобы каждый фабзавком не на словах, а на деле осуществлял то, что уже сказано в циркуляре. На основании такого опыта, давайте посмотрим, в какой степени нужно расширить права. Необходимо, чтобы райкомы смотрели, действительно ли фабзавкомы осуществляют свои права и какие препятствия стоят на их пути.

Тов. Гордон сказал, что я мало говорил о «ножницах», но вопрос о «ножницах» и не входил в мое рассмотрение [46]).

Далее, есть некоторые записки, спрашивающие о необходимости сокращать штаты, ставящие вопрос о том — нельзя ли это стихийное и постоянное сокращение штатов прекратить, что это нервирует рабочих, что жалко выбрасывать рабочих на улицу. Конечно, это тяжело, особенно в такой обстановке, когда у нас довольно значительная безработица. Но, товарищи, вы увидите

из отчета вашего губпрофсовета, что число промышленных рабочих в Петрограде растет. Однако, нормальный рост числа рабочих может иметь место только в здоровой промышленности. Я не имею, к сожалению, цифр под рукой, но могу сказать, что, сократив число подсобных рабочих по отношению к основным, мы имеем большее число рабочих, нежели в довоенное время, примерно на 50—60%. Сократив же в фабрично-заводских предприятиях количество служащих по отношению к рабочим, мы имеем количество первых чуть ли не на 100% выше, чем было в довоенное время. И если производственные рабочие, стоящие у станков, у печей, у верстаков, говорят: «моя индивидуальная производительность та же, что в довоенное время, а заработную плату я получаю в количестве 70% довоенной, я создавал тогда прибавочную ценность капиталистам, а сейчас предприятие дефицитное», если они требуют ответа, то они правы. Почему же это так? Тут одним отсутствием оборотного капитала, отсутствием заказов, «ножницами» — не отговоришься. Раньше на 100 производственных рабочих приходилось 65 непроизводственных, а теперь на 100 рабочих — 120 служащих, по некоторым предприятиям. Я привел самые грубые цифры. С точки зрения отдельных, частных интересов, сокращение штатов, разумеется, печально, а с точки зрения интересов рабочего класса в целом и советского государства, это — необходимая мера, как необходимо закрывать наиболее слабые заводы и переносить заказы на более оборудованные. Может быть, рабочий живет у завода, имеет дом, завел хозяйство — и вдруг его переводят на другой завод. Процесс для него мучительный, но нельзя восстановить промышленность, если предприятие, особенно по металлопромышленности, будет работать с 30% убыточности.

В записках говорят, что не нужно сокращать штаты, нельзя ли сократить накладные расходы. Это два параллельных явления. Для того, чтобы промышленность наша пошла вперед, для того, чтобы она развивалась, для того, чтобы не было безработицы — а лишь при развитии промышленности не будет безработицы — для этого отдельным категориям рабочих приходится пройти через эту полосу, приходится оказаться в положении увольняемых, для того, чтобы, в общем и целом, рабочий класс от этого выиграл.

Товарищи! Я думаю, тот факт, что в основном с моим докладом согласились товарищи из фабзавкомов, и что большинство

ораторов также представители завкомов — чрезвычайно показателен. Это знамение времени — на губернских с'ездах и конференциях в качестве ораторов все чаще и чаще выступают не губотдельщики, а фабзавкомы, потому что они хозяева положения, — они собирают членские взносы, да на их денежки и губотделы содержатся, деньги идут не сверху, а снизу, от фабзавкомов, которые скоро будут определять все наши сметы и весь характер нашей деятельности. Выступления фабзавкомцев имели место и на Петроградском губернском с'езде. Это показывает, что тот хозяин, который должен притти и который несколько запоздал,— действительно придет и возьмет книги в руки; сокращать штаты будет он, а не циркуляры ВЦСПС, о которых товарищи говорят, что их очень много — постараюсь писать их меньше.

Активность фабзавкомовцев — только первая ласточка, и это нам обеспечивает связь с массами. Конечно, тут очень много практических трудностей, и потребуется целый ряд мероприятий, может быть, целый ряд столь ненавистных и опротивевших всем нам циркуляров, — по крайней мере, мне опротивело их подписывать, да и вам опротивело их читать, — для того, чтобы целым рядом организационных мер закрепить все то, о чем мы говорили и говорим.

Нужно наше общее единодушное желание устранить все дефекты, которые все мы видим, желание разрешить те противоречия, о которых я вчера говорил, — германские союзы часто смеялись над тем, что мы хотим построить союзы на энтузиазме, на самопожертвовании, на героизме. Перед нами, товарищи, трудная работа. Так давайте же с тем энтузиазмом, с каким в течение этих лет мы строили союзы и организовывали в чрезвычайно тяжелых и сложных условиях рабочий класс, с тем энтузиазмом, который сделал наши союзы, несмотря на все их недочеты, наиболее крепкими, наиболее связанными с массами во всем мире, — давайте с этим же энтузиазмом примемся за устранение мелких, скучных, практических недостатков — без отговорок, без кивания друг на друга. Поэтому мы и требуем, чтобы вы были хороши так, как это возможно, хотя мы сами не очень хороши. Давайте строить и укреплять базу профессионального движения — фабзавкомы и следующие за ними, наиболее близкие к массе, организации — райкомы и губотделы. И я уверен, товарищи, что, несмотря на то,

что и на следующем с'езде мы найдем еще много недостатков в нашей работе,— мы выйдем из затруднений более крепкими, более сильными; я уверен, что наше профессиональное движение будет расти, развиваться, что оно ближе срастется с массами, в то время как капиталистические, желтые союзы будут постепенно разлагаться. *(Продолжительные аплодисменты).*

Напечатано в стенографическом отчете V Петроградского Губернского С'езда Профессиональных Союзов. Изд. Петрогубпрофсовета, 1924 г.

Заветы В. И. Ленина профессиональному движению.

Речь на II С'езде Советов СССР 26 января 1924 г. [47]).

Товарищи! Трудящиеся всего мира, независимо от национальности, понесли тяжелую утрату в лице Владимира Ильича. Несомненно, будущее, ближайшее будущее, докажет (и уже доказывает), что это был не только русский вождь. Трудящиеся массы всех стран и всех цветов кожи потеряли в лице Владимира Ильича также и своего вождя и руководителя. Но в то же время несомненно, что наиболее близким, наиболее родным Владимир Ильич был русскому рабочему классу. С русскими рабочими, сперва с маленькими кружками, а затем со все более и более растущей армией шел в бой тов. Ленин.

Он вырастил из рядов рабочего класса сотни и тысячи своих сподвижников и верных учеников. С этим рабочим классом он завоевал власть, свергнув правительство капиталистов. С русским рабочим классом он был намерен завоевать весь мир, освободить всех трудящихся от гнета капитала. И несомненно, что если наиболее тяжело и болезненно эту утрату переживает русский рабочий класс, то такую же горечь испытывают по поводу его смерти и русские профессиональные союзы.

Когда мы говорим о тов. Ленине, что он был вождь, то это понятие не вполне отражает то, чем был Владимир Ильич. Это был не только вождь, это был учитель, это был не только вождь, дававший общее стратегическое направление, но и вождь, который управлял армией, указывая, куда ей итти в каждый отдельный момент. В трудные минуты, там, где была опасность, колебание, Владимир Ильич указывал каждому отряду его место, направление, действие. И, конечно, такому значительному отряду, какой представляют собою наши профессиональные союзы, Владимир Ильич не раз уделял свое внимание в целом ряде выступлений, речей отдельных статей и т. д.

В наиболее трудные для российского профессионального движения минуты Владимир Ильич давал нам вполне законченные заповеди. Одной из первых заповедей являлся завет — не отделять политику от экономики. Вторым заветом было — приносить в жертву интересам класса все личное, все групповое, все цеховое. Третий завет — не противопоставлять профессиональное, экономическое движение рабочих движению политическому, осуществляемому авангардом рабочего класса — коммунистической партией.

Он точно указал роль каждой организации в период героической борьбы рабочего класса за свое окончательное освобождение. Он указал роль партии, как авангарда рабочего класса. Он указал роль профессиональных союзов, как передаточного механизма от партии к широким непартийным рабочим массам. Он указал, что советская власть, являющаяся выражением героической диктатуры трудящихся — не только рабочего класса, но и крестьянства, — не может непосредственно жить, развиваться, перестраиваться, не опираясь на организацию рабочего класса. Он дал завет профессиональным союзам неустанно воспитывать новые и новые сотни тысяч рабочих, непрерывно вовлекая их в работу по оздоровлению и перестройке советского государственного аппарата. Он указал на величайшую роль наших профессиональных союзов, как школы коммунизма. Он указал, что эта школа должна не только культурно воспитывать рабочих, не только классово воспитывать их, воспитывать в революционно-классовом духе, но что она должна на опыте, изо дня в день, учить рабочих великому искусству строить свое государство и управлять им. Он не ограничивался общими лозунгами. Он давал методы осуществления каждого важнейшего лозунга. В частности, все воспитательные методы, которые он нам завещал, отличаются тем, что они основаны не на книжничестве, не на обычной педагогике, а на своеобразной революционной педагогике — на опыте массового революционного рабочего движения.

Он не боялся ошибок. Он верил в массы, в их инстинкт, в их творчество, и, когда указывали на опасности ошибок или на уже случившиеся ошибки, Владимир Ильич всегда спокойно отвечал: «Когда делается великое дело, когда миллионы рабочих обучаются новому делу — управлять государством, если и совершена ошибка, но пошла нам на пользу, то и это не плохо. Давайте извлечем из

этой ошибки пользу, чтобы в будущем ее не повторять». Без ошибок, без опыта, без того, чтобы рабочим несколько раз не обжечься, Владимир Ильич не представлял науки. Возможность ошибок никогда не внушала ему ни тени малодушия. Этому он учил и нас.

Методы, которые завещал нам Владимир Ильич в нашей работе, работе профессиональных союзов, заключались в лозунге «ближе к массам». Но мало сказать — «ближе к массам». Владимир Ильич требовал большего. Он и здесь указывал, как установить эту близость с массами. Он указывал, как подходить к рабочим, которых он горячо любил, о которых он заботился в самые тяжелые годы, ибо постоянной мыслью его было — как бы дать передохнуть рабочим в голодающих местностях, как бы их подкормить. Это было темой и постоянной беседой Владимира Ильича за этот период. Но он был чужд и тени фальшивой идеализации рабочих, и нас предостерегал против нее. Он знал, что русский рабочий, как он выражался, «еще по колена стоит в грязи прошлого капиталистического общества». Но лучшего рабочего не было. Другого, отвлеченного рабочего, создать нельзя и немыслимо. Он учил любить рабочего таким, каков он есть, и таким вел его на героическую борьбу. Он учитывал все это, считался с требованиями, вслушивался не только в героическое классовое движение рабочих, но и в их предрассудки, и в то же время ни на минуту не позволял плыть по течению.

Он учил нас воспитывать массы, считаясь с их культурным уровнем, считаясь с тем, что сразу, наскоком, налетом и т. п. методами, которые он всегда осмеивал, массовая работа не делается. Он учил нас поднимать массу, давая ей простейшие, наиболее доступные для понимания и осуществления задачи, лишь постепенно переводя ее от задач более простых к более трудным, к более сложным, ведя ее в культурном и экономическом отношении все выше и выше. Те слова, которые написаны его рукой в тезисах ЦК по профессиональному движению, давали нам завет — неукоснительно, изо дня в день, поднимать рабочую массу все выше и выше и в культурном, и в экономическом, и в классовом отношении[13]). И сегодня, накануне похорон Владимира Ильича, я думаю, что вполне выражу чувства не только работников профессионального движения, но и всех организованных рабочих, если скажу, что

заветы тов. Ленина, которые он нам дал в наиболее тяжелые для русских рабочих и их союзов минуты, мы свято и честно выполним. И партия, и союзы, и советская власть с двойной бдительностью будут следить за тем, за чем так строго наблюдал Владимир Ильич: чтобы не ослабли передаточные ремни от партии к беспартийным рабочим массам, от союзов к массам, от рабочих масс к крестьянству, чтобы не стучала ни одна шестерня передаточного механизма — от авангарда революции — коммунистической партии к профессиональным союзам, к рабочим массам и крестьянству. Мы более, чем до сих пор, с сугубым вниманием, будем следить за этим и честно выполним заветы всем нам дорогого Ильича. ***(Похоронный марш).***

Опубликовано в Бюллетене № 1 II С'езда Советов СССР в 1924 г., в «Известиях ВЦИК», № 24, в «Правде», № 24 за 1924 г. и в «Избранных статьях и речах» М. Томского. Изд. ВЦСПС. 1928 г.

Очередные вопросы профессионального движения.

Задачи союзов в настоящий момент остаются в основном теми же, какими они были около полутора лет тому назад, на V Всероссийском С'езде Профессиональных Союзов [3]). С того момента, как профессиональные союзы перешли на так называемый новый курс, в нашей среде, в среде профессиональных работников, нет и не было разногласий по вопросу об общих задачах профессионального движения [4]). Все это время работа профессиональных союзов протекала с редким единодушием, и даже та дискуссия, которая так сильно всколыхнула ряды РКП, ни в какой степени не отразилась на постановке специфически профессиональных вопросов. Как члены партии, профессионалисты участвовали в этой дискуссии с редким единодушием, почти все сплотившись на поддержке Центрального Комитета Коммунистической Партии. В рядах же самого профессионального движения каких-нибудь спорных вопросов, в роде вопросов о демократии внутри профессиональных союзов, о новых принципах, о новых задачах, — безусловно не наблюдалось. Наши задачи остаются теми же, какими они были и полтора года тому назад.

И тем не менее, несмотря на то, что по существу это старые задачи, задачи каждого дня и каждого часа,— в повседневной работе они встают перед нами, как все новые и новые вопросы.

Профессиональные союзы за эти годы, с тех пор, как они перешли к новым методам работы, достигли довольно многого. Возьмем, например, индивидуальное членство. Когда мы приступали к его введению, в нашей среде, среди наших товарищей, раздавались весьма недоверчивые голоса. Многие считали, что при нашей некультурности нам будет трудно его осуществить, что профессиональные союзы при переходе на добровольное членство, а тем более на членство индивидуальное, потеряют слишком много членов. Однако, прошло почти два года, и мы видим, что профсоюзы

не ослабели, а окрепли. Целый ряд больших вопросов, которые стояли перед нами в то время, как новые и сложные,— мы разрешили. Говоря о переходе профессиональных союзов на новый курс, мы должны указать, что иначе, как нашей самонадеянностью, нельзя назвать утверждение, что всю эту кампанию мы провели блестяще по всему фронту: когда мы вглядываемся в отдельные отрасли нашей профессиональной работы, мы замечаем, что в каждой из них еще непочатый край задач и вопросов, требующих решения и ответа.

Основной вопрос, который стоял перед профессиональными союзами на V С'езде и который неоднократно и раньше ставился ими, это — то, что мы обычно подразумеваем под словами «ближе к массам», т.-е. установление живой связи между органами профессиональных союзов и широкими массами членов.

Этот вопрос, несмотря на то, что он в значительной степени разрешен нами, благодаря переходу на индивидуальное добровольное членство, благодаря расширению культурно-просветительной работы и оживлению всей повседневной деятельности профессиональных союзов, остается, тем не менее, важнейшим и главнейшим вопросом из стоящих перед нами. Неоднократно, и до V С'езда, возникал этот вопрос: еще III и IV С'езды [10]) [11]) также ставили связь с массами одной из своих основных задач. Но те меры, которые мы тогда принимали, и та об'ективная обстановка, в которой нам приходилось работать, не способствовали скорому осуществлению этого лозунга. И лишь благодаря целому ряду организационных мероприятий, намеченных нами на V С'езде, которые мы проводили и должны будем и в будущем проводить в нашей повседневной работе, мы получили некоторые положительные результаты.

По этому опыту мы поняли, что даже самый хороший лозунг, самые прекрасные пожелания не претворяются в жизнь, если они не подкреплены, не закреплены соответствующими организационными мероприятиями; таким мероприятием в нашей союзной практике последнего периода является новая постановка финансового вопроса. В предшествующий период система наших финансовых взаимоотношений была построена так: профессиональные союзы получали финансовые средства от государства и распределяли их сверху вниз. Иначе говоря, Всероссийский Центральный

Совет Профессиональных Союзов, получавший субсидии от государства, распределял их по двум линиям: по вертикали, т.-е. субсидии ЦК, и по горизонтали — субсидии губернским советам профессиональных союзов и областным бюро, а через них — губернским и т. д. отделениям.

Эта система финансовых взаимоотношений, конечно, предполагала и целый ряд взаимоотношений организационных. Тот, кто дает деньги, тот спрашивает и отчет; тот же, кто спрашивает отчет, тот определяет и формы этого отчета, тот определяет и на что должны расходоваться эти деньги, и как должны они расходоваться. Таким образом, получалась система отчетности низших организаций перед высшими, регламентация, т.-е. установление мельчайших подробностей всех видов работы сверху вниз, со стороны высших по отношению к низшим,— вплоть до того, сколько и какой союз должен иметь человек в штате, сколько машинисток, какие отделы и т. д. При новом курсе профессионального движения, мы эти финансовые взаимоотношения поставили, грубо говоря, вверх ногами.

Единственным источником существования профессиональных союзов стали низовые организации, их членские взносы. Уже один лозунг, гласящий, что профессиональные союзы должны жить на членские взносы, собираемые в условиях добровольного индивидуального членства, переворачивает все финансовые и организационные взаимоотношения союзов. Теперь деньги на содержание профессиональных союзов идут снизу. Они идут непосредственно от членов союзов, через фабзавкомы в райкомы, райком содержит губпрофсовет и ЦК. А так как тот (как я писал выше), кто дает деньги, тот является хозяином и требует отчета, то и взаимоотношения между органами союза и его членами получили совсем другой вид: хозяином денег является вся масса членов союза, сборщиками и основными финансирующими органами являются фабзавкомы и месткомы.

На целом ряде с'ездов, конференций, рабочих собраний мы видели, что фабзавкомы и месткомы теперь уже прекрасно понимают, что именно они являются хозяевами союзов. И на губернских и на всероссийских с'ездах мы слышим ораторов преимущественно от этих организаций, ораторов, требующих отчета у высших органов союза, слышим ораторов, критикующих деятельность

центра. Это и понятно: они дают деньги, они же спрашивают и отчеты!

Изменив организационно систему финансовых взаимоотношений, мы этим самым изменили союзные взаимоотношения в целом. Но в данном вопросе мы все же пошли еще не очень далеко; требуется еще целый ряд мероприятий, чтобы члены фабзавкома действительно и в полной степени чувствовали себя не только хозяевами «вообще», но и хозяевами осведомленными. В этой области есть целый ряд мельчайших вопросов, мелких практических вопросов, еще требующих своего разрешения.

Перед нами сейчас не стоят большие принципиальные вопросы, по которым мы спорили в конце 17, 18 и 19-го годов; у нас нет никаких колебаний, никаких сомнений в правильности того пути, по которому мы идем. Вопросы, которые теперь стоят перед нами и требуют нашего внимания,— суть совокупность маленьких вопросов, от того или иного ответа на которые, однако, зависит успех нашей работы, осуществление главнейших наших лозунгов и связь профессиональных организаций с широкими массами своих членов.

Возьмем такой маленький вопрос, как формы финансовой отчетности профессиональных союзов перед своими членами. Многие еще помнят, что в 18, 19, 20-м годах, когда на конференциях и с'ездах начинали докладывать финансовый отчет того или другого союзного органа, моментально из портфелей и карманов доставались газеты, и весь зал погружался в чтение. Разве интересовало кого-нибудь и могло ли интересовать, сколько получили, сколько израсходовали союзы? Не все ли равно было им?! Вся наша государственная хозяйственная политика и финансирование сводились к одному: будет ли вагоном или полувагоном больше денег или не будет! Но когда мы перешли на хозяйственный расчет, то создавшиеся новые условия заставили иначе оценить этот вопрос; теперь представители фабзавкомов и месткомов должны выслушивать, и очень внимательно выслушивать, доклады об этом главнейшем нерве союзной жизни — союзных финансах. Но и в этом отношении нам нужно еще много и многому учиться и многого достигнуть.

Мне, по долгу моей службы, приходится просматривать достаточно много профессиональных журналов и достаточно много

финансовых отчетов профессиональных союзов. Когда берешь в руки эти материалы и бегло их перелистываешь, невольно является мысль: для кого же они пишутся? На одной стороне — «дебет», на другой — «кредит», внизу — «баланс», там — «графа подотчетных лиц», здесь — «счет переходящих сумм», а что все это значит? Никто не знает этого, кроме того, кто писал, и того, кто будет проверять эти графы, проверять по оправдательным документам и прочим книгам. Если это пишется для членов союза, то что же поймут члены союза, наши рядовые работники, из того, что здесь вот, «дебет», а здесь — «кредит»? А сколько денег получено, на что израсходовано, этого-то, ведь, никто не поймет! Если же это пишется вообще не для членов союза, то зачем, в таком случае, все это печатать, зачем портить бумагу? Вот такая простая вещь — финансовый отчет, а между тем, от того, как его напечатать, от того, как мы его научимся печатать, зависит многое.

Мы все хором говорим о том, что нужно рядовых членов союзов вовлечь в повседневную союзную работу; это не сходит ни у кого из нас с языка. Но как они войдут в союзную работу, если в ответ на важнейший и простейший вопрос, в ответ на желание члена союза знать, куда и как мы израсходовали его членский взнос, мы ему преподносим «дебет», «кредит», «баланс»,— словом, то, чего рабочий не поймет, да и мало кто поймет, кроме бухгалтера! Большинство председателей и секретарей союзов подписывают такие отчеты лишь по доверию к старшему бухгалтеру; если же спросить этого последнего, что напечатано вот в такой-то графе, то он скажет, что «все сходится с оправдательными документами, все есть у ревизионной комиссии, все в исправности».

Такие отчеты нужно бросать в корзину, писать же нужно научиться, может быть, и не такие ученые, не таким ученым языком, но простые и всем понятные отчеты, чтобы каждый член союза, получив такой документ, знал, сколько израсходовано на служащих, сколько на содержание помещения союза, на организационные и культурно-просветительные нужды, сколько на транспорт и т. д., чтобы все это было видно, чтобы член союза мог сказать: «вот у такой-то организации все правильно, а вот для такой-то организации вместо двух автомобилей нужен один». Лишь при этом условии, при соблюдении элементарного требования, чтобы каждый член союза знал, на что расходуется его членский

взнос, мы может говорить о тех или иных достижениях в смысле действительного вовлечения членов союза в профессиональную работу.

Если мы возьмем другой маленький вопрос, то и тут увидим то же самое. У нас по всему Союзу Советских Республик ежегодно проходят тысячи собраний, сотни с'ездов и конференций профессиональных союзов. На каждую из этих конференций и с'ездов выносится около десятка тезисов по культурно-просветительной работе, по работе организационной и т. д. Мне приходилось просматривать очень многие из них, все они, за небольшими изменениями, похожи друг на друга, и все одинаково непонятны для наших рядовых рабочих. Если мы хотим не на словах, а на деле, чтобы каждый член союза был вовлечен в общесоюзную работу, то давайте начнем с того, что не будем писать непонятных тезисов. Сделаем так, чтобы те резолюции, те директивы, которые выносятся нашими с'ездами и конференциями, были написаны не на птичьем языке, как это у нас практикуется, но так, чтобы каждый член союза, каждый рабочий мог их понять.

Так, с одной стороны, мы видим в профессиональных союзах тарифников, очень хороших товарищей, прекрасно специализировавшихся на тарифной работе. С другой — мы видим работников, занятых в культурно-просветительном деле, тоже хороших ребят. Но, когда вы сравните их язык, на котором они говорят на рабочих собраниях или у себя в отделе,— вы убедитесь, что у каждого из них особое наречие. Они скоро перестанут понимать друг друга,— как же может понять их рядовой член профессионального союза? С одной стороны, мы видим «проблемы методологии» у культурников, а с другой — «коэффициент», «индекс» у тарифников и т. д., и на таком-то языке пишутся резолюции, которые затем печатаются, а мы, по простоте душевной, воображаем, что из 6 миллионов наших членов, которых мы имеем во всем СССР, каждый может понять эти резолюции. Их не понимает и одна десятая часть наших членов! А из таких вот мельчайших «подробностей», проистекающих от нашей сплошной небрежности, зависит и то обстоятельство, что, несмотря на все наши хорошие разговоры о необходимости ближе подойти к массам, мы можем превратиться в таких же профессиональных работников, как, напр., германские, т. е. в чиновников, «профчиновников».

которые варятся в собственном своем соку. Какие бы хорошие дела они ни делали, но они непонятны, недоступны, неизвестны массам.

В области организационной, главнейшая задача настоящего момента, о чем неоднократно мне приходилось говорить на многих с'ездах и конференциях,— усиление внимания к первичной ячейке профессионального союза,—фабзавкому, и к следующей—райкому. Мы можем допустить, что в высших профессиональных организациях, в центральных комитетах, в губпрофсоветах, в самом ВЦСПС, у нас будут те или иные организационные недостатки, неувязки и т. д., это — дело небольшое. Исправить организационные недочеты в верхушках — дело маленькое. Но главнейшее, важнейшее, на чем покоится профессиональное движение, что является базой профессионального движения, это — фабзавкомы. Нащупать больные места фабзавкомов, оживить работу в фабзавкомах, укрепить авторитет фабзавкома среди рабочей массы, вот — важнейшая и главнейшая задача всех нас в настоящий момент. С этой целью мы проделали в нескольких городах обследование фабрично-заводских комитетов, и мы видим почти везде — и в Ленинграде, и в Москве, и в Саратове, и в Самаре — одну и ту же картину: фабзавкомы перегружены массой таких работ, которых они свободно могли бы и не делать. Фабзавком занимается — помимо профессиональной работы — выдачей всевозможных удостоверений, начиная с удостоверения о смерти и рождении ребенка и кончая удостоверением о поступлении этого ребенка в училище. Председатель и секретарь фабзавкома превращаются в машины, подписывающие целый ряд бумажек, которые могли бы великолепно подписываться и другими. А это ведет к тому, что мы получаем трещинку в самой первичной союзной организации.

Из произведенного ВЦСПС обследования видно, что фабзавком, как правило, собирается так же редко, как правление райкома, а правление райкома берет пример со своего центрального комитета, который собирается 3 раза в году. Такая система работы никуда не годится. Фабрично-заводской комитет есть база, первичная массовая организация профессиональных союзов, без которой всякий профессиональный союз — ничто, пустяки, канцелярия, не больше. Без фабзавкома, как передаточной инстанции к массе, союз бессилен, а потому мы не можем допустить, чтобы наши товарищи, члены фабзавкома, служили дурным примером.

Бывает так, что более высокие органы начинают устраивать пленумы фабзавкомов, а на этих пленумах обсуждают предварительный порядок дня, которого будут придерживаться затем на общих собраниях в предприятиях, а на общем собрании в предприятии ставят ряд вопросов, среди которых есть очень хорошие, очень полезные, но не исключительно те, которые наиболее волнуют рабочую массу.

Таковы, например, вопросы о кампаниях, кампаниях очень хороших, как кампания в помощь беспризорным детям, германской революции, жертвам японского землетрясения и т. д. и т. п.

Все это очень хорошие вещи, но, к сожалению, в порядке дня общих собраний чрезвычайно мало таких вопросов профессиональной жизни и профессиональной практики, которые как раз должны вовлекать в активную профессиональную деятельность всю гущу, всю массу членов профессионального союза. Редко вы увидите в порядке дня общих собраний, а в некоторых местах и вовсе не увидите, самый больной и жгучий вопрос — вопрос о заработной плате. На общих собраниях вы не услышите вопросов о практической работе кооперации, т.-е. тех вопросов, которые касаются как раз самой важной и самой главной стороны рабочей жизни.

На основании обследований, анкет, различных данных и отчетов, которые касаются всего нашего СССР, к сожалению, приходится это констатировать.

Нужно поставить дело иначе. Не отрицая необходимости и пользы общих кампаний, нельзя, однако, допустить, чтобы наши рабочие, на общих собраниях, жили исключительно в сфере очень важных и высоких интересов. Помимо германской революции и рядом с германской революцией можно и должно ставить вопросы экономической жизни рабочих, отчеты профессиональных организаций, те вопросы, которые в данный момент волнуют рабочие массы, те вопросы, которые являются злободневными и очередными для профессионального движения.

Авторитет фабзавкомов, месткомов, райкомов должен быть поднят путем разгрузки их от мелких, повседневных, чисто канцелярских работ и предоставления им большей широты, больших полномочий в области хозяйственной. Всем знаком циркуляр, который подписан ВЦСПС и ВСНХ, о предоставлении

больших прав нашим профессиональным союзам и фабзавкомам в отношении их влияния на хозяйственную жизнь и работу предприятий [44]). Этот циркуляр нужно целиком и полностью использовать, не переходя известных границ и не превращая необходимую осведомленность, необходимое активное участие союзов и фабзавкомов в разрешении целого ряда хозяйственных вопросов во вмешательство в распоряжения администрации.

Важным вопросом нашей организационной практики является также работа наших районных правлений и комитетов. Некоторые губернские и окружные районные отделения, якобы для связи с различными частицами союза, создают правление райкома из представителей от разных уездов, городов и пр., а создав такое правление, не могут его потом собрать. Когда спрашиваешь у них: «Почему вы редко собираете ваше правление?», то получаешь ответ: «Нам трудно собрать его, так как члены находятся в различных местах, в губерниях, уездах, и поэтому мы заседаем раз в месяц или даже раз в два месяца». Этот ответ как будто свидетельствует о том, что демократия глубже проникает в жизнь, что применяется широкое привлечение людей с мест, из уездов, из округов, а на проверку — демократия-то получается плохая, подмоченная. Лучше откажемся от такого правления, где будут представители всех округов, уездов, местечек, лучше откажемся от такого правления, которое не может собираться часто, и выберем такое, которое собиралось бы каждую неделю!

У нас нет другого метода, другой системы выдвигать рабочего от станка, выдвигать новых товарищей-профессионалистов, как через фабзавком. Мне часто приходилось слышать, что очень трудно вовлечь в активную работу рабочего от станка, что этого не позволяют средства, что штаты очень ограничены. Но я утверждаю, что нет основания так говорить. Мы можем, в тот или иной момент, дать рабочему то или иное поручение, оплатив ему соответствующим образом потерянное для предприятия время. В прошлом, когда нужно было послать товарища в комиссию для доклада или информации, мы его отрывали от работы на месте для исполнения поручения, оплачивая лишь фактически ушедшее на это время. Только таким путем приучая его к профессиональной работе, мы можем постепенно пополнять кадры наших активных работников. Мы должны вспомнить слова Ильича, что

профсоюзы есть прежде всего школа коммунизма, школа управления, и что у советской власти нет и не может быть другой базы, кроме профессиональных союзов, которые могут выделять и подготовлять работников и для государственного аппарата. И, действительно, лишь этим путем, изо дня в день, постепенно вовлекая рабочих через фабзавкомы в активную работу,— мы сможем подготовить соответствующий кадр активных работников. Но брать нужно для этого отнюдь не хозяйственников, а рядовых рабочих, нужно постепенно их вовлекать и развивать,— пусть человек поработает!

Если мы посмотрим на многие другие отрасли нашей организационной работы, мы увидим, что это все такие же маленькие, повседневные вопросы. Возьмем хотя бы вопрос о работе среди женщин, который неоднократно, на многих наших конференциях и с'ездах, закреплялся очень хорошо, в самых лучших коммунистических резолюциях. Эта работа до сих пор идет черепашьими шагами. Резолюции имеются, специальные организаторы по работе среди женщин, членов профессиональных союзов, также имеются, но когда вы являетесь на конференцию или на с'езд даже таких союзов, как текстильщики, советские служащие, табачники, где большая половина членов союза — женщины, вы видите и на конференции и на с'езде или в правлении — везде одну и ту же картину: для украшения три, четыре, максимум десяток женщин. Чтобы показать перед массами, какие мы демократы и как мы боремся за вовлечение женщин в союзную работу — в таких союзах, для украшения, в правление или же на с'езд, на конференцию, на 25 мужчин выбирают одну или двух женщин.

Что же тут делать? Еще одну резолюцию вынести, еще раз провести это через целый ряд с'ездов?! Ничего не выйдет, не стоит писать новых резолюций, будет с нас и тех, что уже имеются. Толка все равно не будет, пока вопрос о работе среди женщин мы не поставим как следует. Здесь я позволю снова сказать то, что уже говорил на многих рабочих собраниях: *вопрос этот нужно ставить не как вопрос о работе среди женщин, но как вопрос о работе среди мужчин!* Мы уже убедились в том, что женщины достаточно знают, чувствуют и хотят работать во всех отраслях профессиональной работы, а мужчины к этому относятся формально и для формальности же, ради «равноправия»

женщин, проводят одну или двух в правление союза. Мы знаем, что в буржуазных республиках есть формальное равноправие и рабочих и капиталистов. Но это равноправие формальное, а фактически, на деле, весь аппарат государственной власти в руках капиталистов, вся пресса, весь избирательный механизм в руках буржуазии, вследствие чего рабочие остаются со своим формальным правом, не имея возможности осуществлять его фактически. Вот, что значит буржуазная демократия и ее формальное равноправие. Я боюсь, что наше отношение к вовлечению женщин-работниц в союзную работу весьма смахивает на это формальное равноправие. Формально: пожалуйста, получите большинство голосов — проходите! Формально: сумеешь быть сильнее нас — будешь в правлении! А так как до сих пор женщина жила в особых условиях, в условиях забитости, приниженности, в то время как мужчина на каждому шагу смотрит на нее критически — «а ну-ка посмотрим, что из твоей работы выйдет?» — так как и сейчас, когда женщина работает в профессиональном союзе, на нее со всех сторон смотрят, не напутает ли она, то понятно, что при таких условиях успешно работать невозможно. Возьмем любого работника мужчину — ведь и он напутает, когда со всех сторон на него бросают критические взгляды, ему не доверяют и говорят: «а ну-ка, посмотрим, что из тебя выйдет, как ты напутаешь?!» Если, пожалуй, пустить и меня в какое-нибудь правление, создав предварительно указанную обстановку, то, возможно, и я растеряюсь, и буду путать. Так нельзя относиться к делу. Нужно поддержать выдвигающуюся женщину, ибо неуверенность, которая замечается у женщины, есть результат забитости, вековой забитости, а поэтому нужно не резолюции писать, а энергично привлекать женщин к работе.

В профессиональных организациях сильно развито критическое отношение к так называемому женотделу, при чем часто ставится вопрос о взаимоотношениях, о параллельности работ и т. д. Я думаю, что это одно из основных недоразумений. Когда ставится вопрос о взаимоотношениях, то это значит, что какая-либо из сторон, а вернее — обе стороны, плохо и мало делают в нужном направлении. Взаимоотношения складываются в зависимости от того, кто и как работает. Кто лучше работает, тому и первая скрипка в вопросе о всяких взаимоотношениях. Кто

хочет уладить взаимоотношения в этой области, тот должен не резолюции писать — их много написано, — но привлекать женщин, выдвигать их на конференциях, поддерживать, ставить их на работу, не смотреть иронически, что из этого выйдет, но там, где женщине трудно — помочь, раз'яснить, что это первый опыт. Женщина была вдвойне забита. Рабочий был забит, как рабочий, а работница, как работница и — как женщина. Нужно помочь создать товарищескую атмосферу, нужно дать толчок развитию женщины. При этих условиях вопрос, являющийся еще не разрешенным и который стремятся свести к области взаимоотношений, мы несомненно разрешим в ближайшем же будущем.

К области таких же вопросов, на котором не стану, однако, подробно останавливаться, относится и вопрос о молодежи. Еще один вопрос большой сложности стоит сейчас перед нами, о нем мы будем говорить и на ближайшем с'езде профессиональных союзов, — вопрос о национальных меньшинствах; в этом отношении, несмотря на все наши старания, мы сделали чрезвычайно мало. Это верно для Туркестана, это верно для Татарской республики, это верно и для Азербайджанской республики. Мы еще мало втянули в профессиональное движение, мало сумели вовлечь и сделать активными членами профессиональных союзов те национальности, которые при царе были на положении колониальных рабов, забитые, угнетенные национальные меньшинства. Конечно, тут очень много препятствий, они заключаются прежде всего в том, что до сих пор всю литературу о профессиональном движении держали в своих руках мы — великороссы. Вся профессиональная литература — на русском языке; все книги, наиболее важные журналы, книги о профессиональном движении на Западе, переведенные книги о западно-европейском рабочем движении, все это имеется только на русском языке. Школы, лекции, доклады — всюду русский язык. Наши товарищи из национальных меньшинств поставлены в невыгодное положение, ибо даже при желании помочь им — сделать это еще весьма трудно; то же, что делается в этом направлении, иногда с самыми хорошими чувствами, делается не всегда толково. Порою мы переводим на местные языки те серьезные, трудные брошюры, которые нужно будет переводить через 5, 10 лет, между тем как сейчас нужно дать что-нибудь попроще.

До сих пор мы уделяли мало внимания постановке наших школ, школ профессионального движения, низших и высших школ для членов союзов и для профессиональных работников из местного населения.

Сколько бы мы все ни говорили и ни предпринимали шагов к переводу делопроизводства на два-три языка и к ведению собраний на нескольких языках,— мы и в этом вопросе, как и в вопросе о женщинах, ничего не достигнем, если отнесемся к нему чисто формально: нужно на двух языках — пожалуйста, на двух языках, журнал нужен на двух языках — вот вам на двух языках, делопроизводство на двух языках — вот вам также на двух языках.

Мы должны проявить желание и волю выдвинуть из рядов местных товарищей новый кадр профессиональных работников, желание самим потесниться, отойти в сторону, чтобы пустить людей, которые, действительно, могут охватить массу туземных рабочих, подойти к ним, вовлечь их в сферу профессионального движения, обращаясь к ним на их родном языке. Ибо мы должны понимать, что наш русский язык для многих миллионов трудящихся Востока является ненавистным языком, на котором с ними до сих пор говорили лишь царские поработители. Если у нас не будет искреннего желания пустить на наши места этих новых людей, поддержать их и помочь им, если мы не перестанем смотреть на них, как на низшие существа, что иногда кое-где и наблюдается (что греха таить!), то здесь мы будем иметь такое же формальное равноправие и такую же формальную постановку вопроса, как и в отношении женщин. Нельзя создать большое рабочее движение, когда половина рабочего класса, в лице женщин, отброшена назад, и в культурном отношении ниже рабочего-мужчины. Нельзя создать большое рабочее движение, если целый ряд национальностей, миллионы рабочих не будут понимать нас, если для них не будут понятны, ясны и доступны общие лозунги рабочего класса. Для того, чтобы быть сильным, нужно быть сплоченным и единым. А для этого нужно, чтобы и женщина и те национальности, которые до последнего времени были национально угнетены и которые помнят еще об этом,— заняли достойное их место. Мы должны помочь им занять это, принадлежащее им место, в профессиональном

движении. Мы часто говорим, из гордости говорим, что профессиональные союзы наиболее демократическая рабочая организация. Так давайте же не на словах и не в общих декларациях, не похвальбой о нашем демократизме,— давайте не на словах, а на деле перейдем к широкому демократизму!

Перейдем теперь к одной, не менее важной отрасли нашего профессионального движения,— к политике заработной платы. Вопросы заработной платы являются, несомненно, самыми больными, самыми животрепещущими, они имеют наибольшую остроту. Наиболее остро стоит вопрос о системе исчисления заработной платы, т.-е. о том, товарный или червонный рубль класть в основу этого исчисления? Затем идет вопрос о методе страхования заработной платы от падения валюты, ибо все эти исчисления в товарном рубле есть лишь метод страховки,— ведь в природе товарного рубля нет, и он выплачивается в советских знаках. Вот тут выступает второй момент страховки: перевод известного числа товарных рублей в червонные в день выдачи. Таким образом, получается весьма сложная, «тройная», бухгалтерия, которая все же понятна рабочим, хотя иногда она им и очень неприятна, так как отзывается на их шкуре. Поэтому-то все хорошо знают и товарный рубль, и переводы товарного в червонный, и «индексы», и т. д., и т. п.

До последнего времени вопрос о том, из чего исходить при заключении коллективного договора, являлся вопросом не только спорным, но и очень острым [15]). Раньше брали товарный рубль, но, однако, уже несколько месяцев тому назад мы наблюдали такие факты, которые поколебали нашу веру в него, и мы видим у государственных и транспортных служащих переход на червонное исчисление. Затем мы имели добровольный переход на червонное исчисление в крупной промышленности (союз горняков в Донбассе). В настоящее время мы имеем такой же переход на червонное исчисление на Урале *).

---

*) Ко времени первого издания настоящей статьи отдельной брошюрой заработная плата всех рабочих и служащих, согласно постановлению СТО, была переведена на червонное исчисление. Доклад в Азербайджане, легший в основу брошюры, был сделан в феврале 1924 г., до этого общего перехода, чем и об'ясняется такая постановка вопроса о методах и принципах исчисления заработной платы. Ред.

Таким образом, у нас остается примерно половина рабочих и служащих на товарном, а половина — на червонном исчислении. Учитывая те плюсы, которые имеет товарный рубль, мы можем, однако, в настоящее время указать и его минусы. Достаточно указать такой факт, что при каждой получке, где бы она ни происходила, на берегах ли Каспийского моря — в Баку, на берегах ли Балтийского моря — в Ленинграде, когда подходят к вопросу о величине заработной платы, то сейчас же начинают говорить о курсе: как считать, на вчерашнее ли число, на сегодняшнее ли, на три ли дня назад и т. д. И вот тут, начиная от Балтийского моря и кончая Каспием, начиная от Одессы, что на Черном море, и кончая Архангельском, что на море Белом,— везде, где подписаны коллективные договоры в товарных рублях, каждый раз после 15 и 1 чисел начинаются мудрейшие диспуты между профессионалистами и хозяйственниками относительно индекса. Каждый вытаскивает свои цифры и таблицы, пускаются в ход линейки, и в конце концов обе стороны остаются недовольны. Вот первый и крупнейший минус товарного рубля и операции его перевода на червонное исчисление. Не говоря уже о том, что это происходит в момент исчисления индекса, то же самое продолжается и дальше. Профессионалисты приходят со своими цифрами, хозяйственные органы и экосо выкладывают также свои, начинаются сопоставления, проверки, цифры складывают, стараются найти среднее, расходятся, снова сходятся,— так вырабатывается индекс.

Вглядываясь в эти индексы, я не могу сказать перед рабочими, говоря честно и прямо, действительно ли этот товарный рубль равен довоенному товарному рублю и, во-вторых, действительно ли товарный рубль в Баку равен товарному рублю в Ленинграде и Москве. Везде это зависит от соотношения сил, от ловкости рук, от изобретательности и уменья обращаться со статистическими материалами, а мы знаем, что при помощи статистики можно,— при известном желании, смелости и воображении,— получить такой вывод, который вам нужен. Это — второй минус товарного рубля. Создавая в среде рабочих иллюзии непоколебимости реальной заработной платы, он фактически не устраняет возможности, порою независимо от экономической кон'юнктуры, колебаний товарного рубля в ту или иную сторону. В этом отношении и хозяйственники и профессионалисты могут привести

Фот. П. Оцуп.

II выпуск Высшей Школы Профдвижения ВЦСПС во главе с М. П. Томским и С. А. Лозовским (1924 г.).

целый ряд любопытных фактов. Так, с одной стороны, представители экосо, хозяйственники, в некоторых местах считали, что белая мука является предметом роскоши и не может входить в бюджет рабочего, а с другой — профессионалисты вместо обычной капусты писали цветную капусту, а это — большой деликатес. Вот в этом мы и видим второй крупнейший минус товарного рубля.

Недостатком червонцев до сих пор была их неустойчивость, что в последние месяцы в значительной степени зависит не столько от самих червонцев, сколько от падения советского знака и системы перестраховок. Как известно, каждый торговец, перед тем как продавать какой-нибудь товар, назначает на него цену и при этом надбавляет известный процент на случай падения совзнака. Если это падение, по его вычислениям, будет равно, скажем, 20%, то он соответствующую цифру накладывает на свои товары, перестраховывает их. Через несколько дней он опять накладывает; это отражается на общей сумме, и когда мы сводим итоги, все данные показывают падение нашего червонца.

Поэтому-то ВЦСПС и должен был стать на точку зрения необходимости единой системы при исчислении заработной платы и составлении коллективных договоров,— червонной, несмотря на те дефекты, которые несет с собою червонное исчисление. И не только потому, что нужно раз навсегда положить конец этой индексной канители, которая всем надоела — и хозяйственникам, и профессионалистам. Ведь, если нам не хочется, чтобы нас обижали, то и хозяйственникам не хочется, чтобы обижали их, а так как каждый заранее предвидит сопротивление другого, то и получается, в конце концов, «индексная» дипломатия друг с другом, которая нам осточертела. Помимо того, мы имеем в настоящее время факт, которого не было раньше: это — первые шаги перехода советского правительства к твердой валюте. Переход на твердую валюту имеет огромное значение для всей советской экономики и всего благополучия советского государства. Если заколеблется твердая валюта и полетит обеспеченный червонец, это создаст угрозу для всего хозяйственного положения страны. Червонец потому держится твердо, что в его обеспечение в подвалах государственного банка хранится определенный золотой запас, находящийся в определенном отношении к выпущенным

червонцам. Если сомневаться в устойчивости нового казначейского знака, то придется также сомневаться и в устойчивости всей нашей финансовой политики; если бы эти сомнения имели под собою почву, то это поставило бы перед нами не только вопросы, связанные с понижением заработной платы рабочего на 10—15%, но и гораздо большие. Советская власть сильно заинтересована в том, чтобы раз навсегда развязаться с падающей валютой, что облегчит на 50% положение рабочего класса, вырвет его из цепких рук спекулянта, который каждый день расценивает и перестраховывает свои товары, как это ему хочется. В этом заинтересованы все наши государственные органы. (Этой перестраховкой, кстати сказать, были заражены и наши государственные торговые органы). Пойти на то, чтобы поддержать червонцы, поддержать казначейские знаки, пересматривая их отношение к товарному рублю, это — святой долг профессиональных союзов. В условиях падающей валюты, пока не прекратится обесценение советского рубля, мы не можем отказаться от периодического возвращения к этому практическому вопросу: нам нужна через каждые месяц-два-три — проверка, просмотр коллективного договора в связи с понижением или повышением цен на продукты первой необходимости, потребляемые рабочими. От этого мы не должны отказываться,— эти признано партийной конференцией, органом, имеющим очень большое значение в советском государстве, это признано и высшим органом СССР — С'ездом Советов. Необходимость пересмотра и перестраховки заработной платы рабочих мы подтверждаем еще раз, ибо недопустимо снижение реальной заработной платы рабочих. Мы будем попрежнему считать нашей главнейшей и важнейшей задачей неукоснительное улучшение и развитие нашей общественно-экономической жизни, повышение культурного уровня рабочего и его заработной платы. Но в связи с выходом твердого казначейского знака и из'ятием из обращения знаков советских, нам, несомненно, придется в ближайшее же время, по всему фронту, перейти на червонное исчисление коллективных договоров. Мне кажется, что в настоящий момент это наиболее целесообразная мера, которая прекратит нервирование рабочего, никогда не знающего — сколько же он действительно получит на руки. От этого нервирования рабочих, профессионалистов и хозяйственников, от этой системы мы должны отказаться.

ибо таким путем мы ускорим развитие нашего хозяйства и будем содействовать мало-мальски правильному ведению отчетности; надо ведь помнить, что хотя мы и заключаем коллективные договоры в товарных рублях, но этого рубля в природе нет — хозяйственники пишут отчеты в червонных рублях, при чем все по разным индексам.— Спрашивайте после этого с них отчет, это весьма мудреное дело! Я думаю, мы должны, откинув всякое недоверие, поддержать ту денежную реформу, которую предпринимает советское правительство.

Я остановлюсь теперь на вопросе, который я считаю важным для профессиональных союзов, этот вопрос важен также и для рабочего класса, это — вопрос о кооперации.

Значение кооперации всем известно и по блестящим статьям Владимира Ильича о роли и значении кооперации и по целому ряду докладов о кооперации [48]). Я не стану касаться всей истории этого вопроса, я не сомневаюсь, что каждый рабочий слышал много хороших докладов о значении кооперации, ибо доклады у нас делают многие кооператоры и притом настолько хорошие доклады, что если бы они так же хорошо работали, то кооперация была бы в блестящем положении — я буду говорить о практической стороне дела.

Я думаю, товарищи, что взаимоотношения профессиональных союзов с кооперацией были прекрасными и такими же остаются. Нашим недостатком здесь является как раз то, что мы очень много внимания уделяли взаимоотношениям. Каждый вопрос о кооперации у нас связывают с тем, в каких взаимоотношениях та или другая профессиональная организация должна находиться к той или иной кооперативной организации, куда она должна входить и сколько — треть или четверть — должны посылать союзы на собрание уполномоченных этой кооперативной организации.

Я считаю, что этот подход к кооперации устарел, как он устарел и в области культурно-просветительной работы. Здесь мы все время устанавливали «взаимоотношения» культотделов с политпросветами. Взаимоотношения — вещь хорошая, но рабочему её предлагать нельзя. В кооперации ему важно, как торгуют. Кооперация, это — такая организация, которая играет и в дальнейшем будет играть важнейшую роль в советском государстве, как аппарат социалистического распределения, без которого немыслим

переход к социализму. И вот, наша задача заключается не только в том, чтобы создать с кооперацией «хорошие взаимоотношения», но — в том, чтобы дать рабочему по наименьшей цене продукты питания, дать ему сапоги, фуражку и все то, что ему необходимо. И если рабочему предложить на выбор: «вот тут очень хорошие взаимоотношения с кооперацией, но ситец стоит 35 коп.; а вот здесь у нас взаимоотношения плохие, но ситец стоит 30 коп.», то ясно, что рабочий предпочтет последнее.

У нас всегда неправильно ставился вопрос о том, кто кем может командовать. Мы могли командовать кооперацией, но не сумели, это — факт. Мы слышали на Президиуме ВЦСПС хорошие доклады о кооперации. Мы говорили там, что кооператоры — люди хорошие, что они наши люди, мы их немножко ругали, но выносили резолюции, одобрявшие их политику. И хотя политика у них была хорошая — товары-то были с гнильцой! Эти «взаимоотношения» нужно построить по совершенно иному принципу. Мы признаем, что кооперация вещь большая, что роль ее важная, мы это слышали, но пусть нам, на наших собраниях, кооператор сделает деловой доклад, пусть он скажет, что вот он продал товар по такой-то цене, в то время как на базаре он продается по такой-то; пусть скажет, как обращались с покупателями приказчики кооперативной лавки, а как — лавки частной!

И пусть профессионалисты смотрят не на то только, выдержана ли у кооператора общая линия с точки зрения «социалистической проблемы», но и на то — какая мука у него, хорошая или плохая, может быть, затхлая, или какой у него товар, такой ли, как у частного купца, или же похуже.

Мы все время говорим рабочим о кооперации. Рабочим скучно стало слушать! Надо подойти к этому вопросу таким образом: поменьше общих принципов. Мы знаем, что за эти 6 лет мы все научились хорошо говорить, писать тезисы и разговаривать о принципах, многому научились: вместо того, чтобы дать деловой доклад, мы часто отыгрываемся на принципах. Давайте поменьше говорить о принципах, побольше о практической работе! Давайте не будем рассуждать о том, хороший или плохой он парень, а посмотрим, хорошо или плохо он торгует. Пусть он будет хорошим коммунистом, его можно перевести на партийную работу. Может быть, он хороший профессионалист — возьмем его

в профессиональный союз. Но если он плохой торговец, в кооперации нам такой не нужен! Туда нужно подбирать не краснобаев, но хороших торговцев, которые смогли бы торговать так, чтобы нам не приходилось краснеть перед рабочими. Рабочий говорит — «у вас, в кооперации, дорого», а мы говорим — «у кооперации задачи очень хорошие». «Ну, задачи кушайте вы, а мне дайте то, что я хочу, то, что мне нужно!» — таков будет ответ рабочего.

Я полагаю, что вопросы, которых я коснулся здесь, в своей статье, если взять их каждый в отдельности, суть очень небольшие вопросы. Раньше темой наших рассуждений были вопросы о том, нужно ли огосударствлять профессиональные союзы, каковы должны быть взаимоотношения профессиональных союзов с государственными органами и т. д. [12]). Все эти вопросы теперь остались далеко позади. Вся страна — и партия, и профессиональные союзы, и советская власть — вступили в область повседневной, будничной, но чрезвычайно важной практической работы. От степени же умения и желания подойти к разрешению затронутых здесь вопросов зависит то целое, которое дорого всем нам. Все это, в настоящий момент, требует сухой, вдумчивой работы, вдумчивого отношения ко всем мелочам, а от профессиональных союзов требует внимательного отношения ко всем мельчайшим деталям, которые касаются рабочего быта. Профессиональные союзы не должны ни на минуту забывать, что и на фабрике и вне фабрики рабочий — член союза — должен находиться в сфере влияния профессиональной организации. Если по выходе рабочего за ворота фабрики влияние союза прекращается, и рабочий будет жить и развлекаться как ему захочется, по-обывательски, мы потеряем в таком случае наше влияние на него. Каждая деталь, которая касается рабочего быта, требует сейчас вдумчивого отношения к себе.

И несмотря на то, что все эти задачи как-будто просты, простоваты,— их, этих задач, сотни, и их нужно разрешить. В нашей повседневной работе мы их чувствуем каждый день. Это — трудные задачи, которых нам хватит на ближайшие годы, а не то что месяцы; при чем и через год перед нами будет стоять снова целый ряд новых и мелких практических вопросов. Это — трудная, большая работа, которая требует внимания, добросовестности, терпения, трудолюбия. Многое сделано, но многое еще остается сделать.

В этой трудной полосе нашей работы, в этой обстановке особенная трудность выпадает на нашу долю потому, что мы потеряли то, что крепко сплачивало, наиболее крепко связывало нас всех,— нашего дорогого вождя, Владимира Ильича. В целом ряде статей, брошюр, в отдельных разбросанных выступлениях, мыслях, он учил наши профессиональные союзы, он учил нас тому, чтобы изо дня в день улавливать задачи профессионального союза, уметь ориентироваться по каждому вопросу, самому мельчайшему, практическому вопросу, ориентироваться, как он говорил, без тени фальши, без идеализации рабочего, т.-е. уметь брать рабочего таким, каков он есть, не представляя себе его сверхгероической личностью и не отчаиваясь вследствие его отсталости. Это — тот самый рабочий, с которым мы совершили революцию, небывалую в мире, одержали победу, также небывалую в мире.

Не забывайте, что наши рабочие, в некоторых союзах, еще в значительном числе неграмотны. Сумейте взять этих рабочих такими, каковы они есть. Изо дня в день, в повседневной работе, старайтесь поднять их на ступеньку выше в культурном, духовном, экономическом отношениях. Вот — основная цель, и поэтому Ильич учил нас *ставить в каждый данный момент наиболее простые, наиболее доступные пониманию рабочих и посильные для них задачи, заменяя одну простую задачу, по мере ее разрешения, другой, более сложной, более трудной, этим самым все выше и выше поднимая рабочий класс.*

Я выражаю уверенность, что, памятуя заветы Ильича, мы в нашей повседневной работе не будем упускать из виду этих мелочей, которые ежедневно задевают наши организации и рабочий быт. Будем брать рабочего таким, каков он есть, и будем помнить, что наша задача заключается в том, чтобы неуклонно поднимать его все выше и выше в духовном, культурном и экономическом отношениях, все выше и выше по той лестнице, которая ведет к социализму и коммунизму!

Несколько слов о нашей культурно-просветительной работе.

В ней за последние годы, примерно после V С'езда Союзов, были два периода. Первый, сейчас же после V С'езда, когда,— нечего греха таить,— наши культурники еще, так сказать, тыкались носом, искали чего-то, когда много было несуразностей, много попыток возвратиться назад в теплый, удобный и привычный уголок

старых методов. Это явление наиболее резко переживалось в культурно-просветительной работе, но и вся союзная работа этого года характерна тем же: например, среди профессионалистов-тарифников и организаторов все время существовала некоторая оглядка назад.

Я уже обращал внимание товарищей на известный союзный консерватизм, который проявлялся во всех отраслях союзной работы на протяжении от V до предстоящего VI С'езда. Много было рецидивов по разным отдельным вопросам, т.-е. попыток вернуться к старым методам, применявшимся в период военного коммунизма. Особенно резко это выявлялось в работе просветительной. Это — единственная область работы, в которой мы имели меньше всего опыта, на которую мы до нового курса, до V С'езда, меньше всего обращали внимания, это — область работы, в отношении которой еще приходится среди наших товарищей-профессионалистов все время вести самую элементарную пропагандистскую работу, доказывая, что культурно-просветительная работа не есть какая-то работа второго или третьего разряда, но — является неотложнейшей, главнейшей, частью союзной работы. Культработники знают и прекрасно чувствуют отношение к себе со стороны общесоюзных работников (оно еще до сих пор не изжито); последние рассматривают культурно-просветительную работу, как что-то недостойное и мелкое. Для этих ответственных работников важны главные, основные отделы: организационный, тарифный, экономический. Подобное отношение, несомненно, есть, мы это чувствовали и наблюдали и раньше, и до сих пор все это приходится наблюдать снизу до самого верха, вплоть до ВЦСПС. В центральных комитетах также приходится наблюдать резкое отношение к культурно-просветительной работе.

Мне приходилось, на многих собраниях, очень резко критиковать методы и приемы нашей культурно-просветительной работы и не раз говорить, как выражаются, «кислые слова» об этой отрасли профсоюзной деятельности. И теперь уже можно констатировать, что, несмотря на то, что еще многое и многое предстоит сделать,— больше, чем в остальных отраслях,— мы все же имеем здесь несомненные достижения, несомненные успехи.

Я считаю, что насколько в области организационной и тарифно-экономической наша работа с каждой неделей, с каждым

месяцем упрощается, настолько в области культурно-просветительной она усложняется, ибо здесь мы имеем перед собой до сих пор совершенно неизученное дело. Организационной, тарифно-экономической работой мы занимались много, той и другой мы уделяли главнейшее внимание, там мы вдумчиво и внимательно относились к мелочам, проделали основную черновую работу. Мы, например, добились наиболее целесообразной организационной формы профессионального движения, нам остается лишь проводить резолюции по организационному вопросу.

В области же культурно-просветительной работы, если будем говорить о всей ее совокупности, мы имеем еще очень мало опыта. А здесь требуется как раз наибольшая инициатива, наибольшее внимание к очередным вопросам — сейчас таким является вопрос о том, нужно ли сливать работу культотделов с работой орготделов.

Для меня это вопрос и практический. В том союзе, в котором нет средств содержать два отдела и где весь аппарат состоит из председателя и секретаря, никаких отделов не должно быть, работа там распределяется между 2—3 товарищами. В тех же организациях, где система отделов существует, там, по-моему, самостоятельность культотделов, несомненно, нужно сохранить, опять-таки потому, что в ближайшее время нам придется уделить наибольшее внимание этой отрасли нашей работы.

Культурно-просветительная работа, ее схема, строение культотделов развиваются, как можно заметить, по трем линиям. Первая линия — идеологическая работа, или, как любят выражаться культурно-просветительные работники,— методология, т.-е. поиски, как правильнее, целесообразнее поставить культурно-просветительную работу. Вторая линия должна стать линией организационной, линией построения форм работы. И третья линия, которая намечается в последнее время и которая у нас еще совершенно не развита, которая требует дальнейшей разработки и обдуманного, внимательного подхода, но которая в будущем займет чрезвычайно значительное место, это — снабженческая работа.

Я не буду останавливаться на первых двух вопросах, я остановлюсь на работе снабженческой. Мне кажется,— необходимость этой работы вытекает из самой методики культурно-просветительного дела, из поисков, порою мучительных поисков, которые у нас сейчас имеются. Мало организовать спортивные или какие-нибудь

другие кружки. Этот спортивный кружок надо обмундировать, надо дать ему сапоги для бега, надо дать ему целесообразно устроенную площадку, у нас на севере нужны лыжи, коньки, на юге — гимнастические приборы, мячи, словом, те вещи, которые стоят очень дорого. Об'единить вот здесь свои усилия, об'единить приобретение необходимых пособий и инструментов, начиная с библиотеки и кончая спортпринадлежностями, изыскание наиболее дешевых, наиболее целесообразных и рациональных пособий,— вот одна из задач, вот одна из линий, по которой наша культурно-просветительная работа должна будет пойти. Дело это сейчас у нас налажено довольно плохо, недостаточно популярны наши программы, недостаточно продуманы и подобраны наши средства, но нам не нужно опускать руки. В дальнейшем мне еще придется говорить относительно литературы по этому вопросу.

Мы нащупали за это время самое главное, основную, так сказать, форму культурно-просветительной работы, центр тяжести нашего внимания перенесли с общей высокой политики в область культурно-просветительной и педагогической работы — в область живого рабочего клуба.

Клуб является сейчас самой основной и самой важной формой культурно-просветительной работы союзов, но не только союзов,— в нем заинтересованы и хозяйственники; и та атака, которая ведется на него со стороны некоторых хозяйственных органов, показывает, что здесь мы попали в самую точку, показывает, что это наиболее живая и важная организация культурно-просветительной работы. Дело здесь еще очень слабо, может быть, мы еще не сумели привлечь сюда широкие рабочие массы, может быть, трудно пробудить активность, вовлечь эти массы в клуб, но если это и так, так это — вопрос технический. Несомненно, однако, что во всероссийском масштабе это наиболее живая форма работы, которая со всех сторон, целиком охватывает рабочего, его духовные и культурные потребности.

Значит, вопрос заключается не в том, что делать, что делать — мы знаем, мы сказали это на V С'езде, по пути, указанному с'ездом, мы пошли и, несомненно, достигли успехов. Мы уже теперь можем видеть образцовые клубы в СССР. Когда получаешь отчеты этих клубов, многому приходится удивляться; много есть

хороших клубов не только в Москве, но и в других городах. Что делать — мы теперь знаем, и когда делать — тоже знаем. Остаются еще маленькие споры по поводу мнений, возникающих в умах некоторых ортодоксальных товарищей, которые спрашивают: а хорошо ли, что у нас очень много танцовальных вечеров? Эти вопросы возникают также у людей усталых, которые не в состоянии ежедневно двигаться вперед.

По этому поводу особенно разговарить не приходится. Каждому здравомыслящему человеку ясно, что культурно-просветительная работа должна протекать в клубах. В клубах этих могут быть и танцы — почему не дать танцовать тем людям, которые умеют танцовать? Иногда можно эти танцы заменить, с согласия молодежи, как это делается в некоторых клубах, целым рядом коллективных импровизированных игр, которые уже дают хорошие результаты. Молодежи это нравится, она этим интересуется. Что рядом с этим должна вестись и всякая другая работа, что эта работа должна быть многогранна — это ясно... Мы, например, видим, что московские клубы стали устраивать школы кройки и шитья для работниц. От этого ничего плохого, кроме хорошего, мы не получили... Что плохого, кроме хорошего, от того, что в клубах будет еще одна ячейка, какой является эта школа кройки и шитья? Мы думаем еще организовать при клубах ячейки ЦИТ (Центральный Институт Труда)[43]), или ячейки НОТ (научной организации труда), где рабочий может поднять свою квалификацию, где он может поучиться новым методам работы (правда, пока этих методов еще очень ограниченное количество, они касаются, главным образом, металлопромышленности), где рабочий может поднять свою квалификацию. Можно ли ставить вопрос таким образом,— а что лучше делать в клубе — учить работать или заниматься культурно-просветительной работой? Это абсолютно нелепая постановка вопроса. Столь же детским является вопрос: можно ли в клубах торговать пивом или нельзя? Должны ли члены союза пить пиво в своем клубе или должны итти в буржуазную пивную? Смешно *так* ставить вопрос! Некоторые товарищи слышали, вероятно, что собрания германских коммунистов-профессионалистов (все знают, что на этих собраниях ставятся важнейшие доклады многих вождей германской коммунистической партии) происходят за столами, на которых перед

каждым стоит кружка пива. Докладчик тоже пьет... Что же тут дурного, если таков обычай? И Бебель[49]) и Каутский[50]) делали доклады с кружкой пива. У нас, на собраниях, это не принято. Но следует ли из этого, что мы выдвигаем требование, чтобы в истинно-пролетарских клубах не позволяли выпивать и капли алкоголя? Это — ерундовская постановка вопроса, постановка интеллигентская!

Вообще говоря, мы знаем, что надо делать, но до сих пор мы еще не нащупали, как это делать! В клубной работе, например, мы стоим перед такой задачей. Если мы действительно стремимся сделать клуб массовым органом, массовой организацией культурно-просветительной работы, то мы должны поставить вопрос: а сейчас клуб охватывает ли массу в отношении культурно-просветительной деятельности? Мы должны честно ответить — нет, не охватывает не только в Баку, но и в Москве. Мне показывали таблицу, говорящую, что только около 10% всех членов профессиональных союзов г. Баку состоят членами клубов, в некоторых союзах — 5%, а в некоторых — ни одного. Это говорит о том, что массы пока нами еще не завоеваны... Мы ставим задачу: необходимо развить сеть клубов. А нам отвечают на это: а средства где? До сих пор всегда, когда мы говорим о клубе, нам рисуется образцовый, по всем правилам техники оборудованный, усовершенствованный клуб, с зрительным залом и т. д. А по-моему, еще не доказано, что все клубы должны быть одинаково грандиозны, должны одинаково много иметь денег. Мы до сих пор не научились и не хотим научиться строить клубы без денег; каждый практический культработник наблюдал это явление. Мы так испортились за период власти, что к какому бы вопросу ни подошли, нужно ли нам отремонтировать самый простой зал, нужно ли устроить площадку для игр рабочей молодежи или гимнастическую площадку, сейчас же поднимается вопрос о чертежах, смете, о том, сколько это будет стоить, где же взять деньги, откуда получить субсидию, откуда ее выцарапать. Но неужели площадку для рабочих не могут сделать сами участники клуба или инициативная группа кружка, которая будет организовывать физкультуру? Неужели устроить простые скамьи, чтобы клуб «завертелся», не могут сами рабочие? А разве нужно это делать обязательно по последнему слову техники — чертежи, сметы, расходы и т. д.?

Я помню, как мы организовывали клуб в старое время. Я сам два раза организовывал клуб с сорока рублями в кармане. Члены клуба сами делали скамьи, сами ходили на склад, сами выбирали доски, рассчитывали, как подешевле купить... Ставили эти скамьи, ставили столы, украшали елочками, декорировали зал красным без участия художника, который берет бешеные деньги и иногда расписывает плохо,— и клубы начинали функционировать. Когда же в результате экономного хозяйствования заводились деньги,— дело начинало развиваться, расширяться. Устраивали библиотечки и т. д. А сейчас,— как-будто нужно построить не клуб, а фабрику: сейчас же смета, а при смете представляются, как это и «полагается», известные штаты и т. д.

Мы знаем, повторяю, что нужно делать, но мы не научились пока делать это дешево. Неужели кому-нибудь в самом деле взбредет в голову мысль, что мы сможем и остальные 90% рабочих втянуть в клубы при наших расходах? Неужели простая арифметика может обмануть? *Убыточных* клубов не должно быть! Каждый клуб должен значительно сократить свои расходы... Государство мы бедное, организация мы бедная, развивать в таком виде, в таких формах и такими методами, как до сих пор, клубную сеть, мы не сможем, у нас для этого нет денег и в ближайшее время не будет. Чтобы мы могли развивать клубную сеть, расширив ее в 9—10 раз, мы должны толкнуться в самую гущу рабочей массы, где совсем нет никаких клубов, должны подойти к этому вопросу так: если нельзя организовать большой клуб, в таком случае надо предпочесть своими силами построенный небольшой клуб, клуб необорудованный — это будет лучше в десять раз, чем отсутствие всяких клубов,— особенно, если сами члены клуба любовно его оборудуют, украсят, отремонтируют.

Давно ли создалось такое положение в рабочем классе, что рабочие не могут сами для себя побелить стены и т. д.? Почему нужно обязательно подрядчика и т. д.? Где это сказано? По какой причине? От того широкого размаха, к которому мы привыкли за все время власти, когда мы считали деньги вагонами, нам нужно переходить на современный союзный масштаб, нужно ставить задачей обслуживание массы рабочих, если их можно обслужить и если имеются люди для массовой работы,— при этом надо стараться затратить как можно меньше средств. Скоро придется

отказаться и от последних — на культурно-просветительные цели — отчислений. Нужно иметь перед глазами перспективу и надо понять, что нельзя ставить вопрос о средствах очень широко.

Мы знаем, что надо делать во многих других отраслях, но до сих пор для нас, по крайней мере, для меня и для Президиума ВЦСПС, остается открытым один вопрос, связанный с культурно-просветительной работой. Какое искусство, направление в искусстве, являются для нас лучшими и наиболее пролетарскими, наиболее левыми, и какое можно рекомендовать рабочим? Мы не берем на себя смелости судить о том, какое направление в изобразительном искусстве или в искусстве театральном является наиболее прогрессивным, пролетарским. Мы считаем, что искусство нужно оценивать по тому, как его принимают. Если эта пьеса, ее постановка нравится рабочему, значит она хороша. Если она не нравится — пусть она будет разлевая, архилевая, пролетарская, архипролетарская, но если рабочие этого искусства не понимают, не понимают этих чувств и исканий, то и нам их не надо.

Говоря о нашей культурно-просветительной работе, как работе массовой, следует остановиться на всех ее слабых местах. Такая работа во всех ее отраслях должна быть понятна для масс. Потому-то нам много и много придется поработать над воспитанием новых профессиональных работников и неукоснительно, повседневно, поработать над самими собою.

Мне приходится, как я уже писал выше, видеть очень много различных тезисов. Особенно внимательно читаю я всегда тезисы по культурно-просветительной работе, потому что здесь чаще всего можно натолкнуться на ересь. Эти тезисы обычно бывают написаны таким языком, что порою нужно по пять раз прочитывать две-три строчки, чтобы что-нибудь в них понять. Если мы думаем, что можно вести массовую работу, разговаривая с массой на птичьем языке, то это совершенное непонимание этой массы. Мы встречаем здесь обыкновенно и «методологию», и «систематику», и т. п. Нужно заставить всех наших культурно-просветительных работников, в первую очередь, писать русским, а не птичьим языком.

Мы издаем много брошюр, которые часто называем популярными. Между тем, эти «популярные» брошюры, во-первых, непопулярны, а во-вторых, часто недоступны для массы. Я должен

здесь оговориться: хорошей популярной литературы в природе вообще почти нет и не только по вопросам профессиональным. Популяризаторов,— людей, умеющих популярно, просто писать, не извращая смысла, не упрощая, не делая грубым предмет, который они излагают,— таких мастеров почти нет, но отсюда не следует, что их не будет и что их нельзя создать. Беда в том, что наши начинающие литераторы стараются написать как можно более витиевато, мудрено, стараются напихать как можно более иностранных слов. С этим надо бороться!

Я приведу пример с моей брошюрой. У меня есть брошюра, написанная в 1918 г. и дополненная в 1923 г. — «Принципы организационного строительства профессиональных союзов». Написана она по узко-специальному вопросу, организационному, написана весьма тяжелым языком, писана очень непопулярно и написана для определенной группы лиц, т.-е. для активных работников профессионального движения, профессионалистов. И вот мне однажды приносят эту брошюру переведенной на тюркский, киргизский, туркменский, армянский и грузинский языки. Тяжело видеть непопулярную брошюру, брошюру специальную, так сухо написанную, переведенной на все восточные языки и распространенной там, где нет профессионального движения, где нет профессионалистов. У туркменов профессионалистов нет, а ее переводят, распространяют и думают, что хорошо делают. Еще понятно, когда ее переводят на грузинский язык, так как там есть квалифицированные профессиональные работники, но переводить на туркменский, киргизский языки, это — абсолютная ошибка.

Беря целый ряд книжек, являющихся руководствами по профессиональному движению, приходится признать их полную непопулярность, тяжелый язык. Мы ставим себе задачей широкое издательство популярных брошюр, но таких, которые, действительно, можно дать рядовому члену профессионального союза. Первые опыты не очень удачны, но опускать руки нам не приходится. Дело осложняется тем, что популяризаторами брошюр обычно являются интеллигенты, выдрессированные на толстых книжках, привыкшие говорить тяжелым языком.

Из этого ничего не выйдет.

Дело пойдет, когда за него возьмутся сами рабочие, осознавшие, что их задача — написать простую, понятную для рабочих

же книжку, изложенную простым рабочим языком. Издание популярных брошюр для рабочих — очередная задача.

Следующей задачей является подготовка из рабочих новых кадров профессиональных работников. Я не стану развивать эту мысль, она понятна. Без новых профессиональных работников мы не можем осуществить задачи, стоящие перед нами, не можем из союзов, из которых государство должно черпать новые и новые силы, создать школы коммунизма. Как только у нас появляются «сливки», их снимают с профессионального движения и ставят или на кооперативную или на хозяйственную работу.

Подготовить этих новых работников — дело трудное, даже наша Высшая Школа Профессионального Движения — и та с этим не справляется. Организация провинциальных школ профессионального движения, школ по подготовке профессиональных работников, задача сложная. Все товарищи — местные работники — перегружены своей работой, им некогда засесть за книги, чтобы подготовиться и затем читать лекции. Весной мы приступим сначала к изданию лекций для профессиональных работников, мы хотим проделать эту работу таким образом, чтобы все те лекции, которые будут прочитаны в Высшей Школе Профессионального Движения лучшими лекторами (а лекторов у нас вообще особенно мало), чтобы все эти лекции были застенографированы, проредактированы, а потом отпечатаны и отосланы на места, что даст возможность местным руководителям профессиональных кружков, на основании специальных лекций, подготовиться сначала самим, а потом и заниматься с другими.

Очень важным является также вопрос об антирелигиозной пропаганде. У нас в России не было особой религиозности, не было особых религиозных союзов, в то время как в Англии имеется «Ассоциация святого Павла», во Франции — католические союзы и т. д. У нас в России мы не видим таких союзов и не надо их порождать неаккуратным подходом к этому вопросу, без достаточной продуманности и подготовки. Если вы вышли и обругали попа, бога, святого,— это еще не есть антирелигиозная пропаганда: вы человека немного огорошили, немного огорчили, но если он встретится с религиозным проповедником, то тот сейчас же его разубедит. «Мало ли кто поносит бога»,— скажет он ему:— «бог его за это накажет, у него язык отсохнет!»

Не знаю, какой аргумент больше подействует в нашей темной стране, где юродивый был государственным правителем, где в действительности под видом юродивого правил шарлатан Распутин, который был близок к царской семье. Так грубо, так топорно подходить к антирелигиозной пропаганде нельзя. Суть нашей антирелигиозной пропаганды должна заключаться в том, что мы должны, путем материалистического воспитания и образования рабочего, сделать так, чтобы он сам перестал быть религиозным человеком. Я думаю, что многие из товарищей затруднятся сказать, в какой именно момент они перестали быть религиозными, этого я сам не помню. Когда я перестал верить в бога,— этого я не могу сказать. Через материалистическую литературу и определенное воспитание нужно подготовлять рабочего, чтобы он знал, как произошла земля, как произошел человек и как произошло общество.

Надо внимательно и терпеливо все это раз'яснять, тогда мы добьемся такого положения, что рабочий и не заметит, как перестанет верить в бога. Иной подход, это — путь скользкий, и особенно скользкий для союзной организации. Антирелигиозная пропаганда должна вестись без упоминания имени бога, аллаха или иеговы. Если вы иначе подойдете к столь важному вопросу, то, например, в Азербайджане или в Туркестане, где молодежь настроена национально, вам придется быть очень осторожными. Например, туркестанские мусульмане-комсомольцы, руководясь наилучшими коммунистическими чувствами, при некотором подзуживании русских товарищей, которые считают себя хорошими революционерами, стали закрывать мечети, а после этого мусульмане-старики стали против них проповедывать, и, в результате, комсомол потерял свою популярность. Вы не изменили мировоззрения стариков, закрыв мечети.

Не нужно забывать, что профессиональные союзы об'единяют рабочих независимо от национальности и независимо от религиозных убеждений.

Наблюдается, что союзы увлекаются этим, им не свойственным делом, именно — увлекаются.

Я считаю, что до сих пор ни одна из трех организаций, ведущих антирелигиозную пропаганду, хорошо с нею не справилась — ни партия, ни профессиональные союзы, ни Главполитпросвет. Многие за нее берутся потому, что рассматривают ее как легкое

дело — ругают бога, ругают попов и больше ничего не делают. Никакой антирелигиозной пропаганды здесь нет, кроме раздражения религиозного чувства у некоторых членов союзов.

Переходя к такому важному вопросу, как ликвидация неграмотности, я думаю, что здесь мы также имеем неправильный подход. Если мы поймем, наконец, что неграмотность — такая же страшная вещь, такое же народное бедствие, как холера, чума и т. д., то все те меры, которыми можно бороться с неграмотностью, должны быть признаны хорошими.

Неужели эти политпросветские ликпункты являются единственными организациями по ликвидации неграмотности? А почему нельзя повесить в клубе аншлаг, об'явление, что через 3 месяца каждый неграмотный может научиться читать и писать, что для этого вовсе не необходимо иметь каких-либо особых «ликвидаторов», что это может сделать каждый грамотный? Если такие аншлаги вывесить на каждом шагу, а рядом с ними и такие, как — «члены клуба не должны быть неграмотными, поучись три месяца и научишься читать и писать!» — разве после этого не усилится приток членов в такой клуб? Я уверен, что новые члены в клуб пойдут. Я уверен в этом так же, как в том, что каждый грамотный рабочий, даже совсем не педагог, может с успехом научить неграмотного. Достаточно только показать ему, как это делается. Для этого вовсе не нужно последнего слова педагогического искусства. Но что любой грамотный человек может спокойно, не спеша, занимаясь 2 часа в день, выучить неграмотного, это — факт, это я проделывал даже над мусульманами — азербайджанцами; в три месяца обучались читать и писать! Правда, они не понимали смысла того, что они читали и писали, так как хорошо не знали русского языка, но читали они вполне правильно.

Правда, могут раздаться голоса, могут появиться претензии, утверждающие, что мы ведем работу, параллельную с ликпунктами, политпросветами и т. д., но это будут говорить только чиновники, которые сидят на своих теплых местах. Можно ли во время чумы, холеры вести параллельную работу? Ты лечишь и я лечу, оба мы ведем одну и ту же работу. Каждый человек должен обязательно внести свою лепту в общее дело. Мы организуем такие кружки — неужели же мы не сумеем привлечь в них рабочих, неужели же мы настолько развратились, неужели все мы — власть и высокие

чины? Неужели среди нас не найдется добровольцев, которые посвятят свои вечера, без всякой оплаты сверхурочных и т. д., обучению неграмотных рабочих? Я сам выучил 10 неграмотных читать. Товарищей, которые пойдут на эту работу, можно отмечать, можно писать о них в газетах и т. д. Это — живая, массовая работа. А разные вопросы можно пока оставить, отложить. Позже можно будет поговорить и о том, кто кого контролирует, в чьих руках ликпункты, правильно ли они работают, как мы осуществляем эту работу. Но это нам не связывает руки и не запрещает грамотному человеку учить другого, неграмотного,— к этому вопросу нужно подойти решительно и серьезно.

Очевидно, сейчас в культработе речь идет не о всеоб'емлющих вопросах, не об общих принципах, о которых мы когда-то спорили: этот спор остается у нас позади. Если есть люди, которые еще не могут понять, что культурно-просветительная работа профессиональных союзов, в первую очередь, работа массовая и, во-вторых, работа, подчиненная общим задачам союзов, как классовых, массовых, рабочих организаций, если, несмотря на это, люди со стороны не понимают положения и продолжают толковать о взаимоотношениях, то и пусть они себе толкуют, а вы делайте свое дело!

Я считаю, что культурно-просветительная работа является наиболее трудной и наиболее важной. Она — наиболее трудная потому, что наши товарищи-профессионалисты не совсем еще отделались от старой психологии, самым настоящим и значительным они считают тарифно-экономический отдел, а там все остальное, дескать, ерунда. Головы многих, тяжелых на под'ем, профессионалистов не понимают, что без культурно-просветительной работы рабочую массу целиком не возьмешь. Культурно-просветительная работа трудна, наконец, потому, что она для нас еще нова. Каждый день, на каждом шагу здесь нужно учиться, нужно внимательно думать, что и как нам делать. Здесь приходится иметь дело, грубо говоря, с душой человека, с его нутром, с очень сложной, подчас, психологией. Когда мы на фабрике, то нам легко написать уставы, внутренние распорядки, написать там, где господствуют машины. Вне фабрики мы имеем много людей, на которых не влияет дисциплина фабричной жизни, людей с различными наклонностями, которые отличаются особой индивидуальностью,

тех людей, которых поэтому обработать трудно. Мы видим, что путь, по которому мы пошли,— правильный путь, что те формы, до которых мы дошли,— живые, правильные и т. п. Но надо сказать, что здесь нужно еще многое сделать, несмотря на то, что на этом фронте мы много уже успели даже в тех тяжелых условиях, в которых приходилось и приходится работать культурно-просветительным работникам, в условиях, которые, все мы, вместе взятые, не можем изменить.

Консерватизм слишком тяжелая вещь. Если нам еще и сейчас приходится агитировать среди товарищей-профессионалистов по вопросу о том, что культурно-просветительная работа есть важнейшая работа, то это показатель того, как трудно её вести. Нам пока еще нужно заниматься культурно-просветительной деятельностью среди самих ответственных профессионалистов, нужно доказывать, что культработа — не пустячки, что это важнейшая работа, что без этого мы массу к союзу не притянем...

Несмотря на все эти трудности, мы во многом успели, многие задачи одолели, мы вышли победителями на правильный путь. Это служит залогом того, что в будущем, в ближайшее же время, нас ждут новые и новые победы, а наша задача — никогда не быть довольными, ибо там, где человек делается довольным, там застой и гниение!

Опубликовано в 1924 г. Издательством ВЦСПС отдельной брошюрой.

Привет женщине-работнице.

8 марта 1924 г.

В день международного праздника, об'единяющего работниц всего мира [51]), Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов шлет свой горячий привет всем женщинам — членам союзов, как передовому отряду организованных женских пролетарских масс, и зовет в свои ряды, в члены союзов, в школу коммунизма всех трудящихся женщин.

Активное участие самих работниц в деле профессионального и государственного строительства является верным залогом укрепления диктатуры пролетариата, хозяйственного возрождения страны, советского государства и полного раскрепощения самих женщин от векового экономического и социально-правового гнета.

Да здравствует организованная, активная женщина-работница, строитель государства!

Председатель ВЦСПС **М. Томский.**

Газета «Труд» от 8 марта 1924 г.

Агрономический персонал и задачи профсоюзов в деревне.

Речь на конференции агрономов 8 марта 1924 г.

Товарищи! Позвольте мне приветствовать ваш с'езд от имени Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов [52]).

Перед вашим с'ездом стоит та же самая задача, какая стояла уже (и которая на первый взгляд казалась некоторым столь трудной и непонятной) перед с'ездами врачей и инженеров.

В истории рабочего движения в России, до Октябрьской революции [8]), не знали общих союзов интеллигентского и физического труда. Между инженером и рабочим, между агрономом и батраком, между врачом и сиделкой была такая непроходимая пропасть, что она не давала возможности даже поставить вопрос о их об'единении. Люди рассматривали себя как представителей разных классов, а, между тем, есть нечто такое, что об'единяет работников умственного труда с батраком, чернорабочим, с рабочим фабрики и завода.

Это общее заключается в том, что средства к существованию они добывают одним и тем же способом, продажей одного и того же товара, своей рабочей силы, которая в одних случаях заключается в нервах, в затратах нервной и мозговой энергии, а в других случаях — в мускулах. Грань, которая ставилась и ставится буржуазией между работниками физического и умственного труда, создавалась той системой разнообразных привилегий, системой одурачивания и околпачивания, которая практикуется в капиталистическом обществе. Капиталистический строй различными методами покупки рабочей силы создал непроходимую пропасть между работниками физического и умственного труда. В одних случаях покупка рабочей силы выражалась в прямой денежной плате, в других — в целом ряде замаскированных привилегий:

в крестиках, медальках, чинах, которые хотя и не имели реальной ценности для тех, кто их давал, но они льстили тому, кто их получал.

Октябрьская революция, отменившая чины и ордена, урезала права того слоя работников умственного труда, который занимал промежуточное место между пролетариатом и капиталистами, который пользовался целым рядом экономических льгот со стороны капиталистов (участие в прибылях, вовлечение пайщиками в капиталистические предприятия, чины, ордена, повышения и т. д.). Такого положения достигали сравнительно немногие, а иллюзий распространялось очень много среди всех работников умственного труда. До Октябрьской революции рабочие смотрели на всякого специалиста, на всякого техника, на всякого высококвалифицированного специалиста как на человека другого слоя, другого строя. Смотрели они так потому, что капиталисты навязывали специалистам роль надсмотрщиков, роль выжимателей пота, связывая с этим заработную плату этих слоев. Роль эта проводила резкую грань между рабочими и специалистами.

Поэтому все уставы старых союзов гласили, что лица, занимающие административные должности, не могут быть членами профессиональных организаций. Вот как ставился вопрос. Октябрьская революция сломала все перегородки, но при этом интеллигенция пережила тяжелый мучительный период, так как она не поняла сущности происшедших событий. Она видела страдания и ужасы, которые связаны с революцией, ибо революция, конечно, не может проходить без потрясений, она видела крушение тех привилегий, которые касались одиночек, но которые масса рассматривала как нечто такое, чего, мол, и мы можем достигнуть со временем (но, конечно, этого достигали единицы). Октябрьская революция разбила целый ряд иллюзий и предрассудков капиталистического общества — «демократию» и т. д. и т. п., что также болезненно отозвалось на интеллигенции, выросшей под обаянием этих предрассудков. Интеллигенция, действительно, росла под этим обаянием. Большинство интеллигенции во всех хороших книжках читало о «демократии», о «парламентаризме», как об идеалах, за которые стоит бороться.

Октябрьская революция смахнула весь мусор и сломала все перегородки. Начало было болезненно. Интеллигенция не поняла

революции, отшатнулась от рабочего класса. Это затормозило сближение. Потребовались целые годы для того, чтобы перед нами под новым углом зрения встал вопрос о взаимоотношениях интеллигенции и рабочих. С уничтожением чинов, орденов, при национализации промышленности и всего хозяйства, те грани, которые разделяли интеллигенцию и рабочих, рухнули, но предрассудки остались и в рабочем классе и, с другой стороны, у работников умственного труда. Эти пережитки старого строя — борьба, непонимание нас людьми, выросшими не в нашем обществе, а в капиталистическом, людьми, проникнутыми настроениями этого общества, не могут быть изжиты так легко.

Ведь эти предрассудки накоплялись десятилетиями, веками. Борьба с ними остается очередной задачей и профессиональных союзов и советской власти.

После революции рабочий в новом свете предстал перед интеллигенцией. Каждый из вас, тт., должен сказать, что рабочий, которого вы видите в 23—24 гг., это не тот рабочий, о котором вы имели представление в 1917 г. Ваши представления в большинстве случаев были книжными и ни в какой степени не соответствуют тому, что вы видите сейчас в действительности.

Перегородки сломаны, перед интеллигенцией в новых условиях встал вопрос, имеющий большое политическое и организационное значение: пойдет ли она вместе с рабочим классом по пути строительства нового общества, которое постепенно создается, или она пойдет назад — к капиталистическому обществу?

Если мы посмотрим об'ективно и совершенно серьезно, то мы увидим, как изменилась психология интеллигенции за эти годы. Вначале интеллигенция разделилась на два слоя: на слой активных противников советской власти — активных не всегда в том отношении, что они выступали с оружием в руках — они не все были на это способны, а страстно желавших сохранить старый строй, и — на слой безличных, пассивных. Опыт этих лет показал, я думаю, всем работникам умственного труда, что и та и другая тактика, и то и другое настроение никуда не годятся. Те, кто привык на свое дело, на свою работу смотреть не только как на источник средств к существованию, должны убедиться в том, что в обстановке нашего рабочего, трудового, государства, для всех желающих работать действительно существует более

широкая и более свободная обстановка, есть более широкий плацдарм для деятельности. В государстве рабочих и крестьян для тех, кто любит и умеет работать, дорога открыта,— если у них есть инициатива, есть желание работать, независимо от протекций. Дорога в настоящий момент для всей трудовой интеллигенции только одна — дорога с рабочим классом. Мы достаточно видели на всем протяжении, на всей территории СССР, разного типа власти. Мы видели и демократическую, и монархическую, и неопределенную, и видим власть рабочих и крестьян. Из литературы, из жизни, из очень богатой литературы мы можем ясно констатировать, что интеллигенция, которая ожидала, что там, где свергли большевиков, вместо этого придет демократический строй, «справедливый», «чистый», «ясный», который грезился по хорошим книжкам,— эта интеллигенция увидела, что вместо власти рабочих и крестьян приходила звероподобная, дикая, с нагайкой в руках власть генералов и грубых помещиков, что в обстановке напряженной, в мировом масштабе, борьбы труда и капитала, третьего не дано. Все промежуточное погибает даже в Западной Европе.

На одном полюсе мы видим рабочую власть, на другом — фашизм [53]). На одной стороне — тов. Ленин и коммунистическая партия, на другой — Муссолини.

Третьего нет. Либо реакция, либо власть рабочих и крестьян во всем мире. Наиболее дальновидные и социалистически настроенные люди прекрасно чувствуют, насколько накалена почва во всей Западной Европе и Америке и какие небывало резкие противоречия встали между рабами и живущими сегодняшним днем, не думающими о завтра, капиталистами.

Это красной нитью проходит через всю литературу и наблюдения всех тех, кто бывал в Западной Европе. В этот исторический момент перед трудовой интеллигенцией ставится вопрос — с кем и за что: с рабочими против капитала, или наоборот? Вопрос ставится в политически большом масштабе. Победа рабочего во всем мире несомненна и ясна. Ее срок исчисляется годами, может быть, десятилетиями, но что миллионы, десятки миллионов рабочих не будут и не могут мириться с капиталистическим строем, это ясно для всякого. Здесь вопрос темпа, быстроты развития. Что человечество хочет сбросить насилие и угнетение с сопутствующим им невежеством и порабощением личности — это ясно для всех.

Как бы ни был мучителен наш путь, но мы прошли уже через холод и голод, оставили их позади, а Европа, которая богаче нас, мучительно бьется в сетях этих противоречий. Мы каждую неделю, каждый год можем констатировать хотя небольшие, но все же улучшения. С уверенностью можно сказать, большинство в этом согласится со мною, что несмотря на всю тяжесть, на всю трудность выхода из данного хозяйственного положения без иностранного кредита,— все-таки мы выходим из него и выйдем. До сих пор мы поправляли и налаживали наши дела не только без их помощи, но и при противодействии всей Европы, без иностранного кредита, хотя теперь и не исключена возможность его получить, потому что господа капиталисты предпочитают торговать, нежели воевать. В случае получения иностранных займов наши хозяйственные успехи пойдут еще быстрее. А сколько было предсказаний ученейших людей о том, что по всем законам и правилам науки, политики, психологии и государственного управления зловредные большевики должны будут погибнуть через два-три месяца после Октябрьских дней!

Предсказания эти не сбылись, потому что все не дооценили ту историческую роль, тот героизм, которые способны проявить миллионы людей, борющихся за свое освобождение. Вместе с рабочими или вместе с капиталистами против рабочих — так стоит вопрос перед всеми, а для русской интеллигенции, которая оказалась на аванпосте, этот вопрос стоит 6 лет, и большинством ее решен положительно: вместе с рабочими против капитала! Медленно, с трудом, тяжело, но мы сами будем строить первое социалистическое государство, а мы показали, что, несмотря на наши ошибки, на нашу темноту, некультурность, невежество, унаследованные нами от царизма,— вопреки всему этому, мы умеем строить.

Нам, тт., живущим в Советской России, менее видны те достижения, которые мы имеем за эти годы. Особенно трудно охватить это людям, которые сидят, каждый в своем уголке, и видят лишь небольшой кусочек, особенно в провинции, где еще так много некультурности, темноты, неумения.

Товарищи! В то время, как весь мир закипает, а здесь уже кипит ключом напряженная общественная жизнь, борьба, поиски новых форм жизни, мучительные порою, новое строительство,

новые достижения, в этот момент только чрезвычайно тупой и ограниченный человек может запираться и говорить: «это меня не касается». С Октябрьской революции мы вступили в новую полосу борьбы и жизни, коллективной борьбы и коллективных достижений. Никогда не была так права пословица: «один в поле не воин» (нужно добавить, конечно: «и не работник»). Найти себе доступ обсудить свои права, добиться лучшего, творить и работать можно только коллективно. Этому весь Союз Советских Социалистических Республик, каждый город, каждое общественное явление учат нас за последние 6 лет. Не говоря уже о рабочих, и московский обыватель не может теперь сидеть как раньше и говорить: «а за моей квартирой хоть трава не расти!»

Каждое общественное явление, каждое политическое событие, которое вызывает на улицы Москвы десятки тысяч рабочих, начинает тащить за собою даже захудалого московского обывателя. Вся наша страна уже привыкла к коллективной жизни. Наиболее законченным выражением коллективной жизни является организованная жизнь, жизнь в организации.

Перед нашей страной и перед всеми ее сознательными элементами, перед всеми сторонниками советской власти непочатый край работы. Кое-чего, многого мы достигли, но это многое в сравнении с тем, что надлежит сделать, и с тем, чего мы еще должны достигнуть, — это многое оказывается, в сущности, очень малым.

У нас темна, невежественна деревня, в нее наиболее трудно проникнуть культуре городов. От деревни более или менее отгорожен носитель новой культуры — рабочий класс. Единственным каналом, который связывает организованных рабочих с деревней, отсталой, некультурной, является союз всеработземлеса.

Это — единственный канал, по которому туда может влиться культура рабочего класса. По этому каналу культура может итти в деревню, а оттуда она должна возвратиться обратно — к рабочему классу — освеженной, наполненной новыми силами.

Вот почему мы уделяли союзу всеработземлес столько внимания, мы должны были поставить вопрос о всеработземлесе, о его поддержке и его развитии, и ваша задача, тт., как членов союза,— очень почтенная, вам выпадает особенно сложная роль. До сих пор в старом обществе, как я говорил, рабочий и интеллигент-

специалист привыкли смотреть один на другого снизу вверх и сверху вниз. Рабочие смотрели на интеллигента с враждой и недоверием, но снизу вверх. Теперь вообще взгляды «снизу вверх» и обратно — неуместные взгляды.

Я думаю, что тот, кто не был отравлен, кому не впитались в кровь и плоть чины, ордена и высокомерие, тот этой переменой будет обрадован: лучше не смотри на меня снизу вверх, а смотри с доверием. Еще остающиеся пока предрассудки, недоразумения и рознь между вами и рабочими должны быть изжиты. Вы являетесь наиболее образованными, наиболее культурными, подготовленными практически и теоретически членами в том союзе, который об'единяет наиболее отсталые слои рабочего класса — батрацкие слои. Вместе с вашим союзом вы явитесь носителями новой коллективной пролетарской культуры в деревне, осуществите связь между городом и деревней, через союз явитесь голосом, нужным крестьянству и батрацким элементам, понесете вниз новые методы коллективной работы и творчества — вот та задача, которая стоит перед вами. Это трудная, сложная задача. Сразу трудно понять ее, да и нельзя требовать, чтобы каждый агроном сразу понял, что союз батраков есть его собственный союз. Это могут понять только избранные, это понимается не сразу. Инженеры прошли очень болезненный путь, прежде чем были найдены соответствующие формы для организации инженеров внутри союзов и создания их общесоюзной организации [54]). Но с инженерами дело уладилось еще и потому, что инженеры работают на заводах бок о бок с рабочими, работают в мире машин и коллективного труда; с врачами было еще труднее. Труднее будет и в вашем союзе, где люди разобщены на 100 — 150 верст, но тем более важна будет ваша работа по вовлечению работников, разбросанных, как маковые зернышки, по необ'ятной стране; их надо связать, влить в общественную пролетарскую организацию, приобщить к общественному, массовому, многомиллионному движению. Тут, конечно, много препятствий в роде индивидуализма, психологии, свойственной каждому виду труда, географической разобщенности. И все же, опираясь на мощную организацию, на ваш союз, при поддержке вас всеми другим союзами, я уверен, каждому агроному можно будет доказать, что гораздо лучше жить с миром, со всеми, чувствовать себя хоть маленькой клеткой, но великого,

многомиллионного движения пролетариата, движения хотя бы в масштабе нашей страны.

Перед вами колоссальная работа в деревне, где вам надлежит играть почетную роль учителей, просветителей крестьянства и сельскохозяйственных рабочих.

У вас в союзе еще очень много неграмотных и малограмотных. У вас около 50% неграмотных, и роль почетных носителей культуры среди сельскохозяйственных рабочих и крестьян, это — ваша роль. Через вас, через ваш союз, рабочий класс может и должен осуществить смычку с крестьянином, чутко к нему прислушиваясь и проводя в деревне свое культурное влияние. Но, с другой стороны, это и вам даст очень много: вы не только приобщитесь к общему сельскохозяйственному движению рабочих, к движению общесоюзному, но и ко всему мировому движению пролетариата. Чувствовать себя хотя бы маленькой частичкой великого гигантского целого — это что-нибудь да значит. Позвольте выразить уверенность, что ваш с'езд выполнит эти задачи путем более тесной организации и об'единения агрономических сил со всей массой сельскохозяйственных рабочих и со всей массой организованных русских рабочих вообще.

Позвольте выразить уверенность, что, несмотря на трудность и сложность указанных задач, идя рука об руку вместе со всем рабочим классом, при добром желании, мы справимся со стоящими перед нами трудностями! *(Рукоплескания).*

Напечатано в № 1 журнала «Агроном» от 19 июля 1924 г.

Новый курс профдвижения и союз пищевиков.

Доклад на V Всероссийском С'езде союза пищевиков 25 мая 1924 г.

Товарищи! Позвольте приветствовать вас от имени Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов и от имени Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии[55]). *(Аплодисменты).*

Товарищи! Вы знаете, что в первых числах июля мы предполагали созвать Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов, счетом — шестой. Вы, вероятно, уже знаете, что по целому ряду обстоятельств нам пришлось этот с'езд отложить.

Все те же, все старые задачи стоят перед российским профессиональным движением и его союзами, т.-е. те задачи, которые у нас принято называть новыми задачами или «новым курсом»[4]). Теперь, по истечении двух лет, они для всех нас стали старыми задачами, знакомыми, общепризнанными и бесспорными, и сейчас, как и год тому назад, перед нами и перед предстоящим с'ездом профессиональных союзов, который мы отложили до осени, стоят вопросы не новых принципов, не новых основ и не новейшего курса, а детализация, оформление и уточнение уже старого курса, того, который мы все время называем новым. В этой области перед нами попрежнему стоит целый ряд задач, которые для нас бесспорны и которые всеми нами нащупываются с таким трудом уже не для новых формулировок, а в целях их выполнения.

Около полутора лет мы вели казавшиеся нам тогда принципиальными споры, которые мы называли принципиальными, споры, по вопросу о кассах взаимопомощи[56]). Я думаю, что теперь нам жизнь показала, что кассы взаимопомощи должны быть самостоятельными от профессиональных союзов организациями, работающими лишь под их надзором. Старый уклон и старые пережитки, уцелевшие у нас от эпохи военного коммунизма[14]), старые пережитки, которые выражались в том, что если кого-нибудь

выбирают, то непременно кто-нибудь должен утверждать, и если кто-нибудь постановляет, то непременно должно посылать протоколы на утверждение,— эти пережитки нами теперь изживаются. Не нужно их распространять. Если мы их, слава богу, изгоняем из практики профессионального движения, то не нужно их распространять на те организации, которые мы создаем при союзах. Как всем прекрасно известно, вопрос заключается не в том, что непременно на каждое постановление, на каждые выборы и на каждый протокол требуется утверждение, а в том, чтобы подобрать нужных и дельных людей, чтобы найти наиболее простые, наиболее отвечающие потребностям данного момента организационные формы, и не только найти на бумаге, но и уметь осуществлять их в жизни. Это очень трудная и сложная работа. И этот вопрос стоит перед нами во всех областях союзной деятельности.

Мне легко говорить, товарищи, на вашем с'езде потому, что ваш союз, не очень большой по сравнению с другими нашими всероссийскими профессиональными об'единениями, один из первых взял правильную линию на первых же порах нового курса, сумел наиболее полно ее развить, наиболее полно и наиболее умело. Я не стесняюсь говорить комплименты вашему ЦК, который вы должны сменить на этом с'езде, как я не стесняюсь говорить иногда и «кислые» слова. Вы наиболее полно, наиболее умело подошли к проблеме охвата своих членов, рассыпанных мелкими частями по отдельным производствам, единой союзной организацией, вы — первый из союзов, сумевший подойти к индивидуальному взиманию членских взносов без побуждения, без подгона, который, к сожалению, иногда требуется в отношении многих союзов; часто надо раз сказать, во второй раз — повторить, в третий — предписать, а в четвертый — потребовать, и только тогда осуществляется нужное. Этого не было, к счастью, в вашем союзе. Новые методы работы наиболее яркое,— это я прямо говорю перед всеми профессиональными союзами,— наиболее полное отражение в первый раз нашли во Всероссийском союзе пищевиков и его отделах.

Но многое и многое нам, товарищи, предстоит еще сделать. Еще не далее как год-полтора тому назад приходилось чуть не с кровью пропагандировать, чуть не колотушками доказывать, что рабочий клуб является центром культурно-просветительной работы. Приходилось доказывать такие элементарные вещи, как

то, что рабочим в своем клубе не грех и потанцовать. Теперь это смешно, теперь засмеют всякого, кто станет доказывать противное, а ведь все это было. Приходилось доказывать цитатами из Маркса, что нельзя рабочих с утра до вечера пичкать только умными вопросами, что профессиональный союз есть сложная, многогранная организация рабочего класса, особенно в обстановке диктатуры пролетариата. Приходилось доказывать, что культурно-просветительная работа не есть какая-то третьестепенная, где-то на задворках профессиональных союзов притулившаяся побочная функция. Приходилось доказывать, что в этой работе не надо брать на себя функций государственных органов, ибо, дай бог, чтобы на ближайшее время мы справились со своими профессиональными функциями. Теперь эти детали стали важнее всего, но об этом приходится постоянно и, вероятно, еще долгое время придется повторять.

Мы имеем сейчас организованными в рабочие клубы, на добровольных началах, около 10% всех членов профессиональных союзов, рабочие клубы вошли в жизнь и быт рабочих, заняли там определенное место, и хотя 10% — величина небольшая, но все же это довольно солидная цифра — свыше 600.000 человек, охваченных рабочими клубами, находящимися в руках и под руководством профессиональных союзов. Это делает нам честь, но одновременно возлагает на нас колоссальные обязанности. 600.000 организованных в клубы рабочих находятся под нашим руководством и надо, чтобы это руководство было умелым. Но, к сожалению, на разных с'ездах и конференциях мы вынесли очень много,— тысячи, если не сотни тысяч,— великолепных резолюций о культурно-просветительной деятельности, даже о «методологии» культурно-просветительной работы, употребляем миллионы «страшно» научных и никому непонятных слов, но зато не выяснили, как руководить рабочим клубом, как этот клуб сделать живым, как втянуть в него возможно большее количество рабочих, каким образом поставить спорт и крепкими цепями привязать его к профессиональному союзу, как добиться, чтобы спорт не уродовал рабочий класс и подготовляющуюся ему на смену молодежь, как сделать так, чтобы различные виды спорта соответствовали профессии каждого члена союза, как поставить дело так, чтобы грузчика после 10-часового рабочего дня не угощали

тяжелой атлетикой, ею он и так занимается 10 часов, чтобы наборщика не заставляли после работы бегать по площадке; как разрешить целый ряд, относящихся к культурно-просветительной деятельности, существенных, мелких и крайне сложных, вопросов. А между тем в этом-то и заключается задача. Руководство есть, организация создана прекрасная, организация сплошь наша, о «методологии» клубной работы мы говорим так много, — так давайте поймем, наконец, что для того, чтобы разрешить вопрос, необходимо работе придать лучшую, наиболее живую организационную форму, а то до сих пор все, что мы ни делаем, все, на что ни размахнемся, — все в планетарном масштабе: клуб, так чтобы и зал, и штаты, и пианино, и рояль, и проч., чтобы и профессора преподавали, чтобы, словом, никто об этом сам не думал, а кто-то другой заботился, и сейчас же на первый план выпирают сметы, а дальше «клубы расти не могут за отсутствием средств в профессиональных союзах». Давайте подумаем о том, как сделать так, чтобы сначала был клуб, были членские взносы, чтобы сначала рабочие сплотились вокруг этого клуба, а потом уже мы бы говорили по вопросу, нужен ли в этот клуб заведующий или не нужен. Давайте поменьше говорить о методологии работы, а побольше изучать практику. Каждый вопрос союзной работы попрежнему требует тщательной детализации и углубления в его отдельных частях. Мы отошли уже от общих вопросов и принципов, которые все мы хорошо знаем. Есть у нас великолепные резолюции, мы можем дополнительно к ним написать еще несколько постановлений, но самое важное — усвоить в повседневной практической работе, что детали сейчас существеннее всего, именно на это обстоятельство надо обратить внимание, потому что машина собрана и пущена. Мы слышим, что шестерни стучат, и теперь главная наша задача — посмотреть, где именно они стучат, где их вовсе нет, и где надо сменить старые и поставить новые. Я оговариваюсь, что не имею в виду вашего союза, так как считаю его лучшим, но если он один из лучших в области осуществления новых задач профессионального движения, то все же — все недостатки нашего профессионального движения, может быть в меньшей степени, но приложимы и к нему.

В области основной нашей работы, организационной, перед нами попрежнему стоит вопрос об учете нашего быта. Мы видим,

как почти каждый месяц, один за другим, умирают лучшие представители рабочего класса. У одного не выдерживают больные нервы, у другого раcколачивается сердце, и один за другим уходят старые работники, освобождая место новым. Так «разрешается» вопрос о старой и молодой гвардии. Точно так же и старые союзные работники уходят один за другим. Уходит и опыт, накопленный годами. Уходит опыт, накопленный в самой живой, в напряженной, в самой трудной и сложной обстановке, и каждому молодому работнику снова приходится своим лбом пробивать дорогу и на своих ошибках приобретать нужный опыт. Если вы спросите нас, старых работников профессионального движения, что мы оставили вам после себя, то мы ответим, что, кроме резолюций,— ничего, ибо мы жили в то время, когда свой опыт вам передать не могли. В нашей обстановке было не до того, чтобы писать историю профессионального движения, чтобы вести мемуары и записки. Наша организация еще до сих пор построена таким образом, что опыт приобретается посредством живого восприятия, а не при помощи материалов. Точной отчетности у нас нет. Правда, имеется очень сложная и мудреная отчетность, которая была составлена раньше по 12 карточкам, а потом, — я надеюсь, что потомство в свое время поблагодарит нас за это, — я совместно с Догадовым свел ее до 6 карточек,— но и эта отчетность не имеет значения, так как мы в ней до сих пор ничего не понимаем, и думаю, что и местные работники тоже ничего в ней не понимают. Но не об этом приходится сейчас говорить, не об отчетности, не о сухих цифрах, собранных порою по многообразным и сложным анкетам, а надо сказать, что анкета, содержащая более 10 вопросов, не научна и не серьезна. Более, чем 10 вопросов, анкета содержать не должна,— я лично, по собственному опыту в статистике, могу сказать, что анкета, содержащая 50—60 вопросов, в роде тех, которые нам преподносились, не годится не только для научной, но и для какой бы то ни было статистики. Надо приобретать другой опыт и главным делом опыт по изучению особенно больных, важнейших вопросов рабочего движения. Надо приучить новое поколение, идущее на смену, быть более аккуратным, чем были мы. Мы до сих пор не могли аккуратно записывать важнейшие события союзной жизни. Как на пример, укажу на наши конфликты, которые являются основным хребтом союзной жизни, — они нигде

не записаны, они проходят, как вода, мимо нас. Правда, каждый из нас может рассказать, как в старое время он проводил забастовку. Но где вы найдете такой труд, где вы найдете запись о стадиях прохождения конфликта, способах разрешить его, где вы найдете указание, в каких случаях и когда надо об'являть забастовку и почему и где такие забастовки кончались неудачей. Товарищи, кто из вас знает такие материалы? Конечно, никто, ибо таких материалов нет! Мы до сих пор, к сожалению, не приучились записывать важнейшие моменты союзной жизни.

Я выделяю этот вопрос и придаю ему огромное значение, потому что чрезвычайно важно знать, в каких случаях не нужно об'являть забастовку и когда ее нужно об'являть, и как проводить тот или иной конфликт. Для этого, конечно, нужно иметь опыт, но, товарищи, опыт не индивидуальный, ибо каждый индивидуальный опыт влечет за собою шишки на лбу. Нам нужно располагать таким опытом, который позволил бы нам заранее учесть, чего делать не нужно и что нужно. Почему, товарищи, мы не можем наиболее крупные факты союзной жизни, наиболее крупные конфликты на частных и государственных предприятиях записывать хотя бы таким же порядком, как это делает самый плохонький капитан, когда он управляет своим плохоньким судном? Почему мы не можем, неужели нам трудно записать конфликт так же, как это делает капитан небольшого судна, ведущий изо дня в день, с часа на час свою корабельную книгу? Ведь, записав всего лишь несколько десятков фактов, несколько десятков конфликтов, мы предоставим возможность нашим союзам ориентироваться в двух важнейших положениях: 1) как надо проводить конфликты и 2) как не надо их проводить. Среднее между этими двумя положениями и будет линией каждого нашего союза, каждого губотдела и каждого ответственного работника профессионального движения. Я обращаюсь, товарищи, к вам потому, что эту меру нельзя провести писанным постановлением или резолюцией. Ее нужно осознать нашим ответственным работникам. Ее нужно осознать хотя бы десятку наиболее энергичных, наиболее склонных к академическому изучению профессионального движения товарищей, осознать для того, чтобы, занявшись наблюдением и изучением конфликтов, получить богатейший материал для союзной деятельности. Я обращаюсь, товарищи, к вам потому, что ваш

союз один из первых понял главнейшие задачи профессионального движения. Может быть, вы поймете и эту, на первый взгляд простую, но требующую немного больше, чем элементарной грамотности, задачу? Товарищи! Такие детали помогут нам избавиться от многих и многих недоразумений.

Одним из наиболее важных вопросов в нашей практике является национальный вопрос. Этот вопрос требует, наконец, решительного и радикального разрешения. Я говорю — решительного и радикального,— но я вовсе не хочу предлагать вам все сломать и перестроить по национальному принципу, начиная снизу и доверху, т.-е. заменить русских работников туземными. Несомненно, русским работникам надо серьезно подумать о том, чтобы в Татреспублике в числе руководителей и строителей профдвижения были татары, чтобы в Баку были таковыми азербайджане и т. д., ибо только тогда мы сможем близко подойти к местному населению, когда работающие среди него люди будут разговаривать на родном, для этого населения, языке.

Мне недавно пришлось побывать в двух национальных республиках на заседаниях их высших органов, и я понял, что там смело можно не знать туземного языка, ибо все говорят по-русски: там нет ни одного туземца. Клубы переполнены, но туземцев там нет. Товарищи! Не понять значения этого факта значит не понять ничего. В свете задач, стоящих перед рабочим классом, мы прежде всего должны уяснить себе, что национальный вопрос нельзя разрешить только постановлениями партийных с'ездов, — необходимо, чтобы сами рабочие организации, по своей инициативе, нашли действительный, а не только формальный доступ к туземцам, чтобы они сумели близко подойти к этим массам. Прежде эти народы угнетало царское правительство, а теперь, отчасти после революции, отчасти благодаря унаследованному от наших отцов сознанию, в силу нашего великорусского происхождения, мы мало внимания обращаем на туземцев. Товарищи! Это нам может очень дорого обойтись. На шахтах работают туземцы, которые попрежнему ничего не знают ни о какой организации, ни о каком Кодексе Законов о Труде [19]), они ни единого слова не слышали о солидарности рабочих. Это недопустимо в рабочем государстве. Ибо освобождение рабочего класса может быть осуществлено только силами самого пролетариата, только при условии, что ни одна крупица

рабочего класса не останется от'единенной от рабочего класса в целом. А для этого нам нужно найти доступ к этим, угнетавшимся при царизме, народам.

Конечно, странно было бы заставлять всех наших профессиональных работников изучать национальные языки. Очень многие наши работники не отказались бы изучить, не говоря уже о всей математике, хотя бы элементарную арифметику, они не прочь прочитать что-либо, и поэтому требовать от них, чтобы они еще изучили чужие языки, нельзя, и в то же время надо всячески облегчать рабочим иных национальностей усвоение завоеваний нашей революции. Поэтому русские союзы не должны жалеть никаких средств, никаких сил для осуществления поставленной задачи. Они не только должны обучать, т.-е. быть в роли учителя, но и должны подходить к туземным народностям, как равный к равному, давая им возможность на практике усвоить тот опыт, который приобретен нами. Вот основные нити разрешения национального вопроса. Этот вопрос мы должны решить не только на словах, но и неуклонно наблюдать друг за другом, чтобы он был разрешен на деле.

Второй вопрос, который стоит перед нами, это — вопрос о женщинах. Я не стану долго останавливаться на нем, ибо говорю об этом на каждом с'езде, на каждой конференции, но на вашем с'езде я обязан на нем остановиться, ибо ваш союз об'единяет работников парфюмерных фабрик и еще целого ряда фабрик пищевой промышленности, в которых большинство работающих — женщины. На вашем с'езде я не вижу большого количества женщин, но в данном случае вы не исключение. Есть союзы, где женщин — 60 процентов, а на с'ездах и конференциях — 3 процента. После этого можно, конечно, говорить сколько угодно о том, что женщины с 25 октября 1917 года получили полные права, полную гражданскую свободу! Однако, мы знаем по опыту буржуазных стран, буржуазных демократических республик, конституционных монархий, что, несмотря на то, что рабочие там имеют такие же избирательные права, как буржуа, в парламент попадают инженеры и адвокаты, а не рабочие.

Как это происходит? Кто этого не понимает, тот не понимает и того, что представляет собою пресловутая «демократическая республика». Неужели по отношению к женщинам, к работницам,

мы займем точно такую же позицию: имеешь формальное право, ну, и добивайся, пробивай себе дорогу, давай голоснем на общем собрании, может быть, и тебя выберут! Это будет сходно с буржуазной демократией: «формальные права имеешь и добивайся!» А так как до сих пор наиболее слабым, наиболее забитым элементом были женщины, а мужчины были более энергичны, более самоуверенны, и,— чтобы не обидеть моих братьев по полу,— нахальны, то всегда оказываются выбранными мужчины. Если десять мужчин соберутся, а женщина выступит, то говорят: «ну, понесла баба». А если женщина попадает в союз, то первым делом говорят: «ну, пускай, посмотрим, что из нее выйдет, надо посмотреть, кабы чего не испортила». Я бы хотел посмотреть на любого мужчину в таком положении. Возьмем-ка любого из ВЦСПС и скажем: «надо посмотреть, кабы чего не напутал» — обязательно напутает! Любой человек, если пристрастно наблюдать за его деятельностью — «вот посмотрим, что ты наделаешь», — не справится с работой. А как раз такое отношение к женщинам и имеет место. С этим нужно покончить. Нужно брать женщину такой, как она есть. Не следует теоретизировать по вопросу о том, может ли женщина сразу выпрыгнуть из той вековой забитости и гнета, в которых она находилась. Это трудный, сложный путь, и на этом пути ей должны помочь наиболее передовые, сознательные рабочие. Первой школой политического развития, первой школой организационного воспитания и воспитания пролетарского самосознания является школа коммунистического профессионального союза. Нельзя оторвать работницу от станка и сразу ввести ее во ВЦИК, а нужно, чтобы женщина постепенно переходила из низших органов в высшие — при товарищеской и братской поддержке наиболее сознательных рабочих, которые должны помочь и обучить ее. Вот в чем залог раскрепощения женщины, а не в том, чтобы под давлением женотдела, при несколько насмешливой снисходительности голоснуть и выбрать, а затем наблюдать, что из этого произойдет. Такое отношение — отрыжка старого. Мы этого тоже не должны писать в резолюции. Можно написать много резолюций, где будем спорить,— как нужно сказать: «совместно» или «при ближайшем участии». Всем таким резолюциям — грош цена. Можно писать «совместно», можно писать «при ближайшем участии». Это вздор, мертвая буква. Нужно писать не резолюции, следует признавать

равноправность женщины не только в принципе, но и на практике это проводить. Поставим же себе задачей не писать «сочувствующих» резолюций, а в повседневной практической, организационной работе продумывать,— что мы сделали для того, чтобы привлечь и поднять женщину, чтобы внутри класса не были два класса: члены профессионального союза и особое собрание женщин, противопоставляющих себя рабочим и противопоставляющих свои интересы экономическим интересам рабочего класса. Нужно, чтобы был один сплоченный класс. Как мы не различаем возраста и национальностей, так мы не должны различать и пола! Но мы не должны забывать, что одна часть рабочего класса была наиболее обездолена, забита и находилась в особо тяжелых условиях. Ее нужно поддержать и поднять. Часто приходится сталкиваться с тем, что,— под видом охраны труда женщины, под предлогом, что женщине вредно работать по ночам, что женщине нельзя работать в таких производствах, которые губительно действуют на ее организм,— начинают выбрасывать женщин из производства. Не надо такой охраны труда. Относитесь к каждому пункту постановлений об охране труда критически и исходя из принципов рабочего законодательства. Вспомните, что вопрос о ночной работе женщин ставился в то время, когда на это смотрели с точки зрения этической, с точки зрения нравственных понятий, по которым не годится женщине ночью работать вместе с мужчинами в одном помещении. Вот — главный довод против работы женщин по ночам. Если же вы обеспечите женщину в том смысле, что она и ночью сможет сходить к своему ребенку, то почему же ей не работать и ночью? Такие попытки, которые предпринимались в некоторых союзах под видом охраны труда, в действительности расчищали дорогу мужчине; они будут по «достоинству» приняты и оценены женщинами, и в результате мы можем потерять очень много.

Наиболее сложный вопрос, из стоящих сейчас перед нами вопросов , это — вопрос о заработной плате. Перед нашей страной попрежнему стоит во весь рост тягчайшая, труднейшая задача финансовой реформы. До сих пор она разрешается хорошо. Но вы знаете, что это «хорошо» очень больно отзывается на нашей заработной плате. В вопросе о заработной плате, в общем и целом, ваш союз поставлен в наиболее привилегированное положение. Правда, в «относительно» привилегированное положение,

ибо остается еще целый ряд наиболее низко оплачиваемых категорий опять-таки женского труда, которые в старое время, при царе, имели подсобный заработок на улице, что недопустимо при советской власти, но, в общем, по заработной плате ваш союз занимает одно из первых мест. Тем не менее, в ближайшее время мы должны отказаться от довоенного идеала в отношении заработной платы, как правильно сегодня говорил тов. Зиновьев на партийном с'езде. Сравнение нынешнего экономического положения рабочего с довоенным, как мы не раз говорили, не выдерживает никакой критики, потому что довоенное положение русского рабочего было самое скверное, почти самое скверное во всем мире, и только положение китайского рабочего было хуже положения русского рабочего. Но мы пока не достигли даже той заработной платы, которая была в старое время. Правда, в отдельных отраслях производства, об'единяемых вашим союзом, мы кое-где перешагнули этот предел, и надо сказать, что это сделано в отношении наиболее обездоленных и слабо оплачиваемых рабочих, но довоенный идеал даже в ближайшее время не может удовлетворить русского рабочего. Это — нищенский идеал, идеал военного коммунизма.

Но было бы величайшей исторической ошибкой, если бы профессиональные союзы пытались осуществить даже этот идеал в данный момент, когда производительность тяжелой металлургии едва достигает 50 процентов довоенной. Повторяю, это — нищенский идеал, но наша страна в экономическом отношении начинает едва-едва становиться на ноги, и мы должны быть очень строги в этом отношении. Наша денежная реформа проходит хорошо, настолько хорошо, что русский червонец гораздо крепче английского фунта и имеет более прочную базу, чем искусственно вздуваемая германская марка. Подробно я не буду на этом останавливаться,— вы знаете, что знаменует собою окончательное закрепление денежной реформы. Вы хорошо знаете, сколько потеряла промышленность, сколько потеряли рабочий и крестьянин на падении валюты. Конечно, в области заработной платы нам еще придется, может быть, некоторое время, несколько месяцев, итти по пути самоограничения, и профессиональные союзы должны отнестись к этому совершенно сознательно. Восстановление нашего хозяйства совершается быстрее, чем можно было ожидать три года

тому назад, но оно попрежнему протекает в трудных условиях вследствие нашей изоляции. Правда, теперь нас со всех сторон либо признали, либо начинают разговаривать с нами о формах признания, потому что нельзя же дольше семи лет делать вид, что шестая часть земного шара не существует и что никакого правительства там нет! Шестая часть земного шара, называемая СССР, существует, правительство уже седьмой год сидит там без всяких потрясений, никакие белые генералы, которые могли бы сбросить это правительство, не предвидятся, русский крестьянин показал, как относится к нам, попытка к интервенции успеха иметь не может, и ни один самый оголтелый банкир не может не сказать, что выжидать — безумная затея. Надо признавать...

Однако, было бы ошибкой, если бы рабочие думали, что один факт признания может что-либо дать нам от Западной Европы. В этом отношении надо достаточно хорошо знать господ капиталистов и банкиров, чтобы отчетливо сознавать, что за «ничего» и дается «ничего». «Признание, — говорят они, — ну что же признание, мы вас признали, а кредит — восстановите собственность! Мы признаем, что ваше правительство сильно, мы согласны у вас покупать и продавать, но если хотите получить кредит — потрудитесь заплатить старые долги».

Вот, товарищи, смысл тех англо-русских переговоров, в которых мне приходится быть молодым, несмотря на мои довольно почтенные лета, дипломатом. Это очень поучительно. Несмотря на то, что в Англии у власти стоит, повидимому, наиболее приличное правительство, рабочее правительство, правительство, выдвинутое рабочим классом, а в парламенте очень много представителей профессиональных союзов, и большинство из них очень не плохие люди или, по-нашему, очень не плохие ребята, — несмотря на это, наши переговоры находятся в очень неопределенном, тяжелом положении. Это происходит потому, что политические вопросы и политические действия определяются не добрым желанием и хорошим сердцем стоящих у власти людей, а всем существующим строем. В Англии, как вам известно, строй капиталистический, и можно у власти поставить Макдональда или других таких же представителей II Интернационала [57]), но там, где орудия производства, банки и биржи находятся в распоряжении капиталистов, класса, который крепко держит в руках всю экономику не только Англии,

но и ряда других стран, правительство обречено на торжественные заявления, на участие в парадах, в королевских приемах, на пышные декламации по отношению к рабочим, а когда приходится коснуться серьезного вопроса, ничего не остается как заявлять: «принципиально согласны, но практически это несвоевременно». Наивные! Они не знают, какой трагизм в этом слове «несвоевременно».

Пока у власти стоит буржуазия — все несвоевременно. И самые лучшие пожелания не могут быть осуществлены в Англии, пока парламент не в состоянии проводить волю рабочего класса, пока при решении вопроса в парламенте рабочее правительство принуждено опираться на либералов, а порой — и на консерваторов. Работа такого правительства бесплодна. Напрасно они думают, что могут что-то дать рабочему классу, что этим путем можно решать вопросы мировой политики, напрасно они думают, что могут говорить тем же тоном, как и мы. Когда мы говорим, что не хотим войны, так действительно не хотим, или когда говорим: «мы не пойдем на захват», — так мы действительно не идем на захват. Когда мы говорим: «нам не нужны сферы влияния над слабыми, угнетенными народностями» — так это действительно так.

В капиталистических странах положение совершенно иное. Там диктует свою волю капитал. Капитал требует, чтобы для сохранения его имущества было «немножко» солдат; капитал требует, чтобы его имущество, вложенное в колонии, защищалось крепкими броненосцами, а это требует «судостроительной программы». Капитал говорит: «прежде, чем дать кредит СССР, потрудитесь настоять на том, чтобы этот СССР уплатил свой долг!»

Вот как ставится вопрос, товарищи. Вопрос этот ставится так потому, что у правительства Англии, как такового, нет за душой ни копейки. У него есть «моральный авторитет». А чего стоит «моральный авторитет»? Червонец, это — деньги, фунт стерлингов, это — деньги, а что такое «моральный авторитет»? Этот «авторитет» нужно показывать на парадных приемах и т. д., а для биржи — подавай что-нибудь позвончее, потяжелее, а это тяжелое находится в руках банкиров. Говорите, как хотите, а все же нам с банкирами приходится считаться. Поэтому, товарищи, те радужные перспективы в отношении международного положения, которыми мы все немножко страдали в первое время, теперь несколько меркнут. По существу дело заключается в том, что никто нам

денег, товарищи, не дает, «по-русски» говоря, «за бесплатно». Если мы пытаемся получить их откуда-нибудь, то нам говорят — «дайте нам — тогда мы дадим вам». И вопрос заключается вовсе не в том, по крайней мере для нас коммунистов и ленинцев, можем ли мы вообще что-либо давать банкирам и капиталистам. Важно не то, как принципиально стоит вопрос, важно, как он стоит практически, нужно давать или не нужно — вот в чем заключается действительное положение вещей. Принципиально мы подписали — и пожалуйста, а те нам: «гони монету!» — вот как практически стоит вопрос; но это не выходит *(смех)*, на практике перед нами сухой расчет цифр. Приходится считать; так и будем, товарищи, считать так: дать-то можно, только выгодно это или нет? Цифры такие, что, если я столько-то получу,— это будет выгодно, если я дам две копейки, а получу пятачок, — это тоже будет выгодно, а если я дам шесть копеек, а получу пятачок, то это невыгодно, и всякий крестьянин это поймет. А если дать две копейки, а взять гривенник на 100 лет — это выгодно.

Таким образом, вопрос не заключается и не может заключаться в принципах, — наши принципы, товарищи, мы кровью написали и кровью запечатлели, а те, кто хотел их ломать, кровью за это заплатили. Наши принципы стоят таким образом, что никакими вопросами, никакой дипломатией их не сковырнешь, вопрос же заключается в том, чтобы реально, практически, экономически закрепить эти принципы, экономически закрепить и создать социалистическую промышленность, использовать западно-европейский капитал на возможно более выгодных условиях, а если эти условия будут невыгодными, распрощаемся, раз'едемся и скажем: «Вы нас признали, мы уезжаем, мы будем договариваться с вами, когда хотите, а сейчас ничего не состоялось». Как бы ни кончились эти переговоры, худого нам ожидать нечего. Таких сумасшедших людей, которые стали бы в какой-либо степени грозить интервенцией (они могут этим утешаться, но это — сумасшедшие люди), сейчас уже нет, факт признания юридического — важен сам по себе. Такой факт никто от нас не отнимет. Таким образом, самое лучшее окончание переговоров приведет к тому положению, которое имело место, когда мы уехали из России, и самое большое, что может быть, — мы потеряем те фунты стерлингов и рубли, которые на эту поездку затратили. Вот и все.

В каком положении находятся переговоры, спросите вы меня, и нет ли какой-нибудь грозы? [58]). Я на это затрудняюсь ответить. Затрудняюсь потому, что очень трудно учесть шансы при правительстве, которое, с одной стороны, само благожелательно настроено, а с другой,— опирается и осуществляет свою волю через старых чиновников, через старый государственный аппарат, через тот самый аппарат и чиновников, которые 10 лет сидели на своих местах или поменялись ими или же немножко передвинулись по ступенькам вверх. И вот на таких благожеланиях, которыми у Данте [59]) вымощен ад, на таких пожеланиях, которые остаются платоническими, далеко не уедешь, а как в дальнейшем эти пожелания осуществятся в жизни — трудно сказать, это зависит от того, как к нам отнесется Сити [60]), как к нам отнесется во Франции новое радикальное правительство, которое было радикальным и хорошо настроенным по отношению к нам, пока было в оппозиции, но мы знаем, что и члены рабочего правительства Англии относились к нам хорошо, когда они были в оппозиции и шли к власти... Все будет зависеть от того, какой тон возьмет Франция, зависит от того, как удастся разрешить германский вопрос английскому правительству,— именно все это определяет дальнейший ход переговоров.

Мы прекрасно понимаем (я бы просил понять это и каждого из присутствующих здесь), что переговоры с Англией имеют для нас колоссальное, гигантское значение, что они открывают нам дорогу, в экономическом и финансовом отношении, на мировом экономическом и финансовом рынке, что при данной кон'юнктуре для нас, пожалуй, было бы выгоднее лучше немножко передать Англии и не додать кому-либо другому, чем не наладить отношения с Англией, а поэтому не наладить и ни с кем другим. Я не могу ответить, благополучно ли окончатся переговоры. Я не принадлежу к числу скептиков, полагающих, что переговоры обречены на неудачу,— возможность компромиссов есть, во всяком случае будем стараться достигнуть их. Мы понимаем, что для некоторых отраслей нашей промышленности чрезвычайно важен и нужен кредит, не нужно забывать, что в течение 10 лет наши фабрики и заводы не ремонтировались и не обновлялись, что за эти 10 лет утекло много воды, что в технике появился ряд усовершенствований, которые пора вводить на наших фабриках, а не плакать, что

продукция слишком дорого стоит. На это необходимы деньги, но нужно быть готовыми к тому, что в ближайшие два года нам никто денег не даст ни копейки и придется изворачиваться своими силами.

Надо взаимоотношениями с Англией, самым крупным мировым империалистическим государством, самым крупным, самым серьезным, развязать себе руки и обезопасить себя на период длительной передышки; надо в то же время не забывать, независимо от того, будем ли мы иметь кредит или не будем его иметь, что экономическое развитие нашей страны за последние несколько лет показало, что медленно, но верно и без кредитов мы построим наше хозяйство, и те скептики, которые были в наших рядах и которые говорили, что без иностранного капитала Советская республика не сможет поставить свое хозяйство и превратится в земледельческую страну, эти скептики уже биты успехами последних полутора лет. Мы видим, что с иностранным кредитом мы гораздо скорее станем на ноги и гораздо скорее справимся во всех областях, но и независимо от иностранного капитала мы имеем достаточно сил, чтобы поставить свое хозяйство. Конечно, это очень медленный и трудный путь, требующий многих жертв, разумеется, тут могут быть толчки и кризисы, которые еще раз дадут возможность критикам кричать о «катастрофах», и т. д. Но ведь для каждого рабочего ясно, что маховое колесо нашего хозяйства пущено в ход, и что с каждым годом оно будет вращаться быстрее, даже без помощи иностранного капитала. Это мы понимаем, как и то, что наша страна не побеждена, что ни одного иностранного солдата в ней нет, что все те, кто пытались штыком продиктовать нам новую конституцию,— штыком же отброшены на надлежащее место, что никакой контрибуции мы платить не обязаны, что наше право на фабрики и земли мы закрепили своею кровью, винтовкой, кровью рабочих и крестьян. Поэтому мы не должны итти на какие бы то ни было уступки буржуазии. Для нас это простой, серьезный коммерческий расчет. Что делать? Выгодно ли дать для того, чтобы взять, и что выгоднее: взять и дать, или не брать и не давать? Мы помним ваш наказ, но и без ваших наказов, которые мы получили в Лондоне, мы знаем, что мы не побежденная страна, что русский рабочий чувствует себя победителем и притом победителем в мировом масштабе, а на

русском рабочем пробовали силы все хищники мира и ничего сделать не смогли и не могут. И как бы они ни пытались и ни стращали нас в Англии тем, что если мы сорвемся на этой конференции, то никто из буржуазного мира с нами десятки лет и разговаривать не будет, мы им отвечаем — «врете, голубчики, — так я им отвечал на заседании Генерального Совета английских юнионов,— по-нашему, по-ВЦСПС'овскому — врете, голубчики банкиры, что десятки лет с нами разговаривать не станете. Вы-то, может быть, разговаривать и не будете, но ведь нас этим еще тогда стращали, когда мы власть брали. Меньшевики и эсеры нам говорили: на вас пойдет войной весь мир, Англия и Франция с вами воевать будут, а мы им отвечали — «знаем и согласны, что буржуазия воевать будет, но английские и французские рабочие воевать с нами не захотят. И мы оказались правы». И я говорил лидерам английских юнионов: мы уверены, что английские банкиры с нами говорить не захотят, но рабочие говорить будут и заставят и других с нами разговаривать. Они начинают слабо, по нашему русскому масштабу, начинают с рабочего правительства Макдональда, но ведь и мы начали с «рабочего» правительства Керенского, и у нас были такие грехи. Кое-чему они научатся на своем рабочем правительстве. Научатся тому, что в обстановке капиталистического государства, как бы ни именовало себя правительство, оно является капиталистическим правительством. И прав был Маркс, как прав был и Ленин, говоря: только тогда, когда рабочий класс разобьет вдребезги старую машину буржуазного общества, только тогда он сможет овладеть всем! Я, каюсь, сам в свое время думал: «а не глупо ли мы сделали, что так здорово расколотили старый аппарат? Не лучше ли было бы не бить его и кое-что сохранить?» Теперь на основании своего опыта, я любому английскому рабочему скажу: «сперва разбей, а потом построй». Пусть новое будет слабее, пусть оно будет хуже, но это будет твое! *(Аплодисменты)*. Они не плохо начинают, они начинают, как и все рабочие начинали. Если мы могли свою революцию совершить легко, то ведь мы имели перед собою самую глупую, самую неумелую, самую неорганизованную и самую неряшливую буржуазию, а у них самая умная, самая организованная, самая причесанная, стоящая не одну сотню лет у власти буржуазия, которая так сумела взять в свои руки рабочих, что эти рабочие ничего, кроме буржуазных

газет, не читают. Да и ни одна рабочая газета не может выдержать конкуренции с буржуазной прессой. Там издается только одна рабочая газета на всю Великобританию [61], а буржуазные газеты выходят по часам, несколько раз в день. И когда вы посмотрите, что читают там в рабочих районах, то увидите, что газета развернута на 5 странице, где помещается спорт, бега и скачки. Правда, рабочий не читает уже их передовиц, он им больше не верит, но все-таки они научили рабочего интересоваться, главным образом, бегами и скачками. Правда, сейчас английский рабочий интересуется не исключительно бегами и скачками, но все-таки в значительной степени он интересуется ими, а это плоховато. В таких условиях, когда пресса сосредоточена исключительно в руках буржуазии, когда с этой прессой борется единственная маленькая полубуржуазная, полусоциалистическая газета и раз в неделю выходит маленький коммунистический журнальчик с крайне ограниченным тиражом,— вот в каких условиях британский рабочий класс осуществляет свое равноправие в самой демократической стране в мире. Вся пресса в их руках, а в руках рабочих — ничего! Вот вам равноправие.

Нам очень долго не удавалось там встретиться с профессиональными союзами. Англия такая страна, где не очень торопятся. Но мы все-таки встретились с английскими профессиональными союзами, видались с их вождями, которые, в нашем лице, приветствовали вас, товарищи. Я должен сказать, что, несмотря на то, что очень значительные политические разногласия разделяют нас со многими из этих людей, все-таки мы имели самую лучшую, самую сердечную, самую товарищескую встречу со стороны руководителей английских юнионов. Здесь были выдающиеся люди, по 45 лет проработавшие в профессиональных союзах, люди, которые на коммунистическую пропаганду не пойдут. Они десятилетиями вырабатывали свои навыки и традиции, и, поверьте, их так же трудно с'агитировать и превратить в коммунистов, как из меня сделать меньшевика, как меня распропагандировать. Однако, это — люди, которые очень чутко отражают настроения английских рабочих, которые умеют и привыкли внимательно относиться к каждому движению рабочего класса, откликаться на каждое его настроение. Они приветствовали нас очень тепло и сердечно, и когда я изложил перед ними нашу программу

конференции, когда мне пришлось изложить им чаяния и ожидания русских рабочих, мы встретили с их стороны самую дружескую поддержку, они обещали нам полную поддержку Генерального Совета английских юнионов, т.-е. по-нашему — ВЦСПС. И это не пустые слова. Надо лично знать англичан или же надо очень долго об'яснять, что это за люди, чтобы это было понятно. Но я коротко скажу: англичане делают лучше, чем мыслят и говорят. Мировоззрение у них попрежнему весьма и весьма реформистское. Попрежнему они думают, что путем ряда реформ, постепенно усиливая рабочее правительство, они достигнут того, что в один прекрасный день рабочие и не заметят, как получат большинство в парламенте, рабочие проголосуют и буржуазия проголосует, у рабочих будет большинство в несколько десятков голосов, законопроект пройдет, лойяльная английская конституция или английские полисмены осуществят его,— и английский рабочий войдет в царство социализма. Но когда дело доходит до стачек, то эти убеленные сединами, десятки лет проработавшие в профессиональном движении, люди оказываются все еще молодыми людьми (я еще не родился, когда многие из них уже работали). Вы знаете, какие жестокие формы приняла забастовка. Еще пара дней и забастовка подземных дорог превратилась бы в забастовку всех надземных железных дорог, а вы знаете, что это означало бы для Англии, подвозящей все необходимое для Лондона по железным дорогам, который зависит от железной дороги и который задохнется и умрет, как большое чудовище, если железные дороги остановятся. Англичане плохо мыслят, но хорошо поступают на практике, и многие из них в критический момент, когда будут решаться судьбы английского рабочего класса, многие из них, так ограниченно мыслящих, будут на улице вместе с английским рабочим классом, с которым они выросли.

Несмотря на существующие между нами и англичанами политические разногласия, которые остаются в силе и по поводу которых мы еще много будем говорить,— я считаю, товарищи, небходимым передать вам привет от представителей английских тред-юнионов.

Сейчас попрежнему уместна старая пословица, перефразированная на новый лад: «на западный капитал надейся, а сам не плошай». Надейтесь на западно-европейские кредиты, но сами

не плошайте и помните, что, поскольку мы будем готовы своими руками, порою с большими жертвами, восстанавливать наше народное хозяйство, постольку мы можем получить кредиты и все остальное. Вот как обстоит дело с переговорами, которых мы здесь касались, и с проблемой заработной платы, с которой мы начали.

Перед российским профессиональным движением сейчас не стоят новые задачи и проблемы и, разумеется, мы не будем стараться их выдумывать, перед нами стоят сейчас конкретизация и углубление старых решений. За минувшие шесть лет мы все вместе, — большую часть промахов я согласен принять на себя, — наделали много ошибок и в области профессионального движения, и в области советского строительства, и в области хозяйственной работы. Много мы сделали несуразного, такого, что приходилось затем переделывать. Все эти грехи мы берем на себя, мы их признаем. Но, товарищи, за шесть лет русский рабочий класс построил такие союзы, которыми могли бы похвастать и какие-либо другие страны, если бы они их имели. Когда в Англии меня попросили рассказать о русском профдвижении, я в своей речи сказал — «правда, организационное построение наших и ваших союзов несколько разное, правда, мы учились строить союзы у вас, ваш опыт был нашим руководителем, но мы считаем, что теперь у нас более современная организация, именно благодаря тому, что мы не были обременены традициями, некоторые из которых берут свое начало в ремесленном периоде, именно потому, что наши профессиональные союзы начали строиться с момента выступления рабочего класса на политическую арену». Именно благодаря тому, что наши профессиональные союзы шли рядом, нога в ногу со всем рабочим классом, мы построили, товарищи, за эти шесть лет, ей-ей, не плохие профессиональные союзы, которыми не стыдно похвалиться перед самыми почтенными лидерами профессиональных об'единений других стран. Мы собрали профессиональные союзы в мощные колонны всероссийского общепрофессионального об'единения, собрали в стране с плохими путями сообщения, с редким, разбросанным индустриальным пролетариатом, мы собрали их в 23 могучие колонны, мы сумели перейти за полтора года от периода военного коммунизма к новым принципам, мы сумели осуществить добровольное членство. В военное время мы умели пополнять Красную армию и когда нужно было — мы шли на

борьбу с голодом и холодом, но вместе с тем, — когда это потребовалось для рабочего класса, — мы сумели превратиться в профессиональные союзы, покоящиеся на добровольном членстве. Та дисциплина, которая существует у нас, дает более прав, более демократична, нежели пресловутая демократия в Западной Европе.

Несмотря на то, что у нас многое не завершено, мы все-таки хорошо поработали эти шесть лет, и если теперь займемся отделкой деталей, отделкой того, что уже было сделано, если мы поймем, что каждый винтик союзной работы чрезвычайно важен,— что важно, куда поставить стол для получения членских взносов, что все, все в профессиональной работе имеет колоссальное значение, — если мы это поймем, мы сумеем в ближайшие годы создать такие профессиональные союзы, которые безусловно будут образцом для всех будущих профсоюзов, союзов грядущих западно-европейских, советских государств! *(Бурные аплодисменты).*

Опубликовано в стенографическом бюллетене V С'езда союза пищевиков. Изд. ЦК ВСРП. Москва. 1924 г.

Профдвижение СССР к седьмой годовщине Октябрьской революции.

Доклад на открытии клуба союза строительных рабочих 7 ноября 1924 г.

Товарищи! Перед рабочим классом, на пути к осуществлению единой цели, встают в разное время и различные задачи. Цель, которая постоянно стоит перед рабочим классом, сводится к освобождению труда от гнета капитала, к окончательному освобождению всего человеческого общества от капиталистического строя, к освобождению от всех вытекающих из этого строя противоречий. Но в разные времена, в зависимости от соотношения сил в классовой борьбе, в зависимости от степени развития рабочего класса и от общего экономического положения, пролетариат избирает те или иные пути, пользуется различными методами и приемами. Если мы проследим весь путь борьбы рабочего класса, мы увидим, что в каждый данный момент, в процессе осуществления той основной задачи, о которой мы уже говорили, перед пролетариатом стояли различные очередные проблемы и в области экономической, и в области политической, и в области общей классовой борьбы. Если мы вспомним нашу революцию [8]), седьмую годовщину которой мы празднуем, мы увидим, что после февраля 1917 г. [62]) перед партией коммунистов, как руководительницей пролетариата, стояла задача показать широким массам рабочего класса, а через рабочий класс — широким массам крестьянства, как и какими методами можно и должно выйти из войны. Коммунистическая партия вместе с рабочим классом убедила крестьянство, через армию, в пагубности и гибельности империалистической войны. Перед рабочим классом также стоял вопрос о том, как выйти из этой войны. Вопрос о выходе из войны, вопрос о том, как сделать доступным широким массам этот лозунг, являлись и в Октябрьские дни, семь лет тому назад, главной задачей рабочего класса.

Рабочему классу с крестьянами, одетыми в серые солдатские шинели, нужно было с оружием в руках выступить, чтобы сбросить правительство Керенского. В Октябрьские дни, семь лет тому назад, главной, основной задачей было разрешение спора между трудом и капиталом путем вооруженной борьбы. Винтовка и пулемет решали дело семь лет тому назад на улицах Москвы и Петрограда. Мы взяли власть и разбили помещиков. Семь лет тому назад всякому рабочему, всякому крестьянину, следившим за героической борьбой московских и петроградских пролетариев, было понятно, почему идет борьба и между кем она ведется. На одной стороне семь лет тому назад мы видели московских рабочих, тогдашнюю молодежь — красногвардейцев и вместе с ними солдат запасных полков и маршевых рот, а на другой — офицерские батальоны, юнкерские военные училища, т.-е. на одной стороне были сынки мелкой и средней буржуазии и помещиков, с ними шло тогдашнее московское студенчество, а на другой — рабочие и крестьяне, сплоченно выступавшие против буржуазии и помещиков. На улицах Петрограда и Москвы семь лет тому назад русский рабочий класс в союзе с крестьянством, с помощью винтовки и пулемета, разрешал спор с помещиками и капиталистами о том, кто будет управлять государством, нужна ли война, будет ли земля в руках помещиков, а фабрики и заводы в руках капиталистов, которые тогда умышленно закрывали предприятия, чтобы смирить рабочих «костлявой рукой голода» [68]).

Мы взяли власть, и перед нами встал ряд задач. Основным вопросом вначале был вопрос продовольственный. Этот вопрос стоял еще во времена царя и Керенского. Когда мы взяли в руки власть, Петроград и Москва не имели даже двухдневных запасов продуктов питания. Богатые крестьяне, кулаки, с одной стороны, и чиновничество, шедшее вместе с буржуазией,— с другой — поставили во весь рост перед рабочим классом, перед молодой рабоче-крестьянской властью тот же вопрос о «костлявой руке голода». И вы все помните, что когда в Москве и Петрограде у станков падали от голода рабочие и работницы, все наше внимание, вся наша энергия были сосредоточены на продовольственном фронте.

Гражданская война длилась уже несколько лет [69]). Капиталисты и банкиры всего мира поддерживали русских капиталистов

и помещиков в их борьбе за старые привилегии. В тот период важнейшим вопросом, разумеется, являлся военный. Но, помимо военной проблемы, параллельно ей всплывали — то перед московскими, то перед всеми русскими рабочими — вопросы побочные. Так, перед Москвой во всей остроте встал вопрос о топливе. Профессора, виднейшие специалисты, предсказывали, что в 1920 г. должны погибнуть от холода 75% московского населения. Топливный вопрос мы обсуждали не только на официальных собраниях. Я помню, как разрешал его в одной из бесед, по моему докладу, Владимир Ильич: — «Профессора утверждают, — говорил он, — что 75% населения Москвы должны погибнуть от холода; профессор Кирш, мировая известность, написал такую вещь, — дело серьезное [64]). Но, может быть, согласно их науке это и следует, но наука не учла того, что существует партия коммунистов, существует рабочий класс, который борется, и пока мы живы, мы не дадим 75% умереть. Мы разберем все деревянные постройки, пережжем всю деревянную мебель, пережжем все книги, которые находятся в Москве, хотя это и варварство, а 75% населения умереть не дадим. Профессора не рассчитали, что русский рабочий класс, русское крестьянство решили не только взять власть в свои руки, но и сохранить ее, воля миллионов трудящихся масс, руководимых коммунистической партией, не входила в расчеты науки, и никогда никакая математика этого не учтет». Мы, конечно, не дали не только 75%, но даже и 15% умереть от холода. К топливному кризису присоединились серьезнейшие транспортные затруднения — грозила приостановка движения на всех железных дорогах.

Теперь все это позади. Не нужно быть пропагандистом или агитатором для того, чтобы доказывать, каких успехов мы достигли за семь лет, — всякому это очевидно, всякий это ощущает и знает. Прошли времена, когда западно-европейские капиталисты и банкиры с оружием в руках пытались задушить нас. Они проиграли в открытой схватке, ибо, несмотря на то, что в их военных ставках с точностью до 10 секунд рассчитывали, сколько может продержаться Советская республика — со слабым аппаратом, без денег, без хлеба, с разрушенными путями сообщения, без оружия и патронов, несмотря на то, что они математически рассчитали, сколько времени потребуется для того, чтобы удушить нас, они просчитались, ибо не учли одного важнейшего фактора. Дело в том, что

десятки миллионов рабочих и крестьян были воодушевлены стремлением создать советское государство — без помещиков и капиталистов, без полицейских и генералов. Воля этих миллионов не поддается никакому учету буржуазных штабов. Несмотря на то, что буржуазия шла вооруженная до зубов, несмотря на то, что у нее было много денег и хлеба, все-таки оказалась разбитой она, а не мы. Теперь никто уже не думает, что с оружием в руках, пушками, броненосцами и танками можно свергнуть советскую власть, и вы видите, как за последние полтора-два года, один за другим, великие империалистические колоссы, наши самые заядлые враги — Англия и Франция — признали нас. Признали нас и другие буржуазные правительства. И если три-четыре года тому назад вопрос о признании являлся проблемой колоссальной важности, ибо благоприятное разрешение ее помогало нам пробиться к Западной Европе, к западному рынку, то теперь признание для нас не очень дорого. Изгнанные из России классы (изгнанные нами), бывшие помещики и капиталисты, после того как лаяли на нас в течение семи лет и ждали, что вот-вот большевики падут, а они в'едут в Россию «на белом коне» и будут попрежнему раскатывать на шестерках, сейчас в западно-европейских ресторанах — в Париже, в Берлине, в Вене — выполняют обязанности официантов. Они находятся в таком положении, в какое хотели поставить нас, и даже в худшем. Они мечтают, они думают, что без иностранных займов Советская Россия не справится и что денег ей никто не даст. Они полагали, что советская власть не в состоянии будет ввести твердую валюту. И что же? Мы ввели твердую валюту раньше многих буржуазных стран; в марте 1924 г., после голода, после холода, после фронтов, мы перешли исключительно на червонную валюту, т.-е. мы добились того, чего и многие буржуазные страны не могут осуществить [65]). Наши червонцы на мировой бирже стоят выше, чем фунты, доллары, не говоря уже о марках и франках.

Года два тому назад мы вступили в новый период — период мирного хозяйственного строительства. Наши враги полагают, что без иностранных займов, без поддержки иностранных банкиров мы не проживем. Мы говорим, что без иностранных займов очень трудно быстро повышать хозяйственный уровень страны, ибо крупная промышленность, основная база всякого хозяйства, требует слишком больших средств. Но, если мы ни копейки не получая

от Западной Европы, будучи голодными, живя в холоде, ведя борьбу на всех фронтах, все же неуклонно подымались на ноги и в течение семи лет создали государство, без которого теперь не может жить Западная Европа, — а мы без нее ведь прожили, — то мы и без займов, правда, с большим трудом, но будем подвигаться вперед. Перед нами ставят вопрос так: «мы дадим деньги, дадим взаймы, если вы признаете принцип частной собственности, вернете фабрики и заводы капиталистам, а землю — помещикам». Мы говорим: «не для того семь лет тому назад московские и петроградские рабочие и солдаты вышли с винтовками в руках на улицы, не для того по всем уголкам теперешнего Союза Советских Социалистических Республик дрались мы с оружием в руках и проливали кровь, не для того мы на всех фронтах дрались и всех поколотили, чтобы в момент, когда голод и холод остались позади, когда транспортный и топливный кризисы остались в прошлом, полезть в открытое хайло западно-европейских государств». Если мы получим заем на выгодных для рабоче-крестьянского государства условиях, то мы его возьмем, а если они на таких условиях не дадут, то мы и без займа обойдемся, и не столь быстро, но все же будем укреплять хозяйство. Перед рабочим классом развернулась новая полоса, встала новая задача в его борьбе против капитала: своими силами, своим трудом продолжать мирное строительство и развитие советского государства. Эта задача заключается в поднятии хозяйства страны на высшую, чем довоенная, ступень, в восстановлении крестьянского хозяйства, в установлении крепкого союза между городом и деревней путем развития индустрии и предоставления крестьянину промышленных товаров по наиболее дешевой цене. Для этого мы должны как можно сильнее развивать производительные силы страны.

Эта основная задача ставит перед рабочим классом ряд побочных. Для того, чтобы строить, нужно уметь строить. Для того, чтобы в будущем, уже не в открытом бою, а мирными средствами успешно бороться с западно-европейским капиталом, который путем конкуренции, экономическими средствами, всячески будет стремиться разложить нашего рабочего, разложить советское государство, подорвать нас путем всяких финансовых комбинаций,— для этого надо стать более культурными. В течение шести лет нам не давали возможности заняться тем, чем мы должны

были заниматься с самого начала революции,— учебой, для того, чтобы класс, который стоит у власти, класс рабочих и крестьян, научился не только управлять, но и всему тому полезному, без чего это управление не будет плодотворным, без чего оно будет чрезвычайно трудным. Сейчас перед профессиональными союзами, боевыми организациями рабочего класса, развернулась полоса длительной упорной работы, направленной к повышению культурного уровня пролетариата. Среди рабочих, передового слоя нашей Советской республики, пока еще очень много неграмотных — наследие позорного прошлого, наследие царизма: царь вместе с попами сознательно держал десятки миллионов людей в темноте, ибо, чем меньше человек знает, тем меньше он думает, меньше рассуждает, меньше требует. Такая политика была выгодна царю, ибо ему нужны были люди, которые мало думают, мало разговаривают, а больше молчат и работают. Правительству же рабочих и крестьян, которое правит без помещиков, без капиталистов, нужно иное,— чтобы каждый член общества вдумчиво относился ко всякому общественному явлению, чтобы строители социализма, созидатели нового строя, были сознательными членами общества. Для сознательных рабочих никакая сила в мире — ни помещик, ни царь, ни западно-европейский капитал — не страшна. Пусть каждый из вас поразмыслит сегодня немножко над тем, что он видел на улицах Москвы, пусть каждый из вас спросит себя: «Можно ли этот народ, который сегодня сотнями тысяч вышел на улицы Москвы, поставить в дореволюционное положение?»

За границей генералы и великие князья выбрали и об'явили нашим «императором» Кирилла [66]). Он нам не мешает, пускай сидит за границей. Но если бы они вернулись, то могли ли бы они тот народ, который сегодня был на улицах Москвы, подчинить власти капиталистов, поставить под удар полицейской плетки, плетки жандарма? Могли бы или нет? Я утверждаю, что не могли бы. Никакая сила не вернет русского рабочего к старому, никакое капиталистическое правительство уже не в состоянии нагайкой управлять русским рабочим, ибо рабочие и крестьяне за семь лет революции ушли далеко. Но нам нужно подвигаться еще дальше, нам необходим кадр сознательных строителей социализма. Вот почему особенно важное значение приобретает культурно-просветительная работа наших клубов.

Здесь, в клубе, профессиональный союз должен выполнять одну из самых основных, важных функций своей работы; она заключается в поднятии и развитии духовного уровня своих членов. В своем клубе, как бы ни были скромны его размеры, рабочий должен получать необходимые ему знания, если он хочет быть сознательным членом своего государства и того класса, который сейчас правит, на котором лежит историческая ответственность, того класса, на который смотрят рабочие всего мира. Ответственность эта очень велика, ибо каждая наша неудача, в чем бы она ни выражалась, тотчас же злорадно подхватывается всей капиталистической прессой: «смотрите, мол, рабочие взяли власть и ничего не умеют делать. То им не удалось, другое им не удалось!» Наоборот, каждый наш успех подхватывают миллионы трудящихся — успех этот захватывает их сердца предчувствием грядущей победы. — «Вот, говорят они, русские рабочие и крестьяне взяли власть и великолепно живут без капиталистов и помещиков».

Мы стоим перед печальным наследием — народной темнотой, которую умышленно насаждал низвергнутый нами строй. Давайте же вместе с вами, через профессиональные организации, через просветительные органы союзов, через клубы — окончательно сметем остатки невежества и некультурности. В этом отношении перед профессиональными союзами стоит большая задача. Это задача не только верхушки профессионального союза, отдельных, лучших делегатов или правлений клубов. Все задачи, которые стояли перед нами на протяжении революции, когда нужно было с винтовкой в руках свергать капиталистов, мы могли выполнить, только опираясь на массы. Каждый из нас в отдельности и все вместе мы выполняли эту задачу. Перед нами стояла проблема отражения на фронтах капиталистов и помещиков. Это сделали все трудящиеся. В строительстве хозяйства мы не ушли бы так далеко, если бы не порыв, если бы не продиктованная классовым сознанием и инстинктом воля сотен тысяч рабочих и крестьян, направленная к достижению цели. И теперь, когда во весь рост встала культурная задача, ее должны разрешить не только правления клубов, а все мы совместными усилиями. Никакой хороший клуб не сможет добиться нужных результатов, если каждый член его не поставит всерьез перед собою задачи сделать из клуба орудие

раскрепощения от духовной темноты, орган развития сознательности членов своего класса.

О задачах клуба я вкратце скажу следующее. Я рассматриваю, как ошибку, попытку очень узко определить задачи клуба. Часто утверждают, что клуб должен быть местом только просвещения, только учебы, или — другая крайность: только развлечения, только отдыха для рабочего. На самом деле он должен быть и тем и другим. Он должен быть всем. В клубе рабочий должен найти уголок, где он может отдохнуть после тяжелого трудового дня, встретиться с товарищами, поговорить об общих делах. В клубе должна быть сильна товарищеская спайка, здесь должна развиваться пролетарская общественность, как необходимая предпосылка к более высокому культурному уровню. В клубе рабочий должен найти и здоровое развлечение и возможность учиться. Часто задается вопрос: «чему учиться?» «Чему нужно учиться в клубе?» Всему, чему хочет учиться рабочий. Здесь он должен учиться и политической грамоте и просто грамоте. Все стороны духовной жизни рабочего должны быть охвачены его союзом и главным органом духовного раскрепощения рабочих — его клубом. Это — трудная задача, потому что она нова. Наиболее правильно, наиболее широко культурно-просветительная работа и клубное дело развились у нас только в течение последних двух лет, но мы насчитываем уже тысячи клубов, охватывающие сотни тысяч рабочих, добровольных членов этих организаций. Сотни тысяч рабочих сами содержат свои учреждения и руководят ими и незаметно, через такие клубы, по всем частям нашего Союза проводится колоссальной важности работа по поднятию духовного уровня пролетариата, работа, без которой не могут быть окончательно духовно освобождены сотни тысяч пролетариев, которые поведут за собою, к просвещению, миллионы. Мы часто говорим теперь об этом, и для каждого рабочего понятна необходимость теснейшего братского союза, теснейшей смычки между городскими рабочими и крестьянами. Но эта смычка может быть осуществлена только тогда, когда рабочий, придя в деревню, сумеет обучить чему-то крестьянина, а для того, чтобы обучить, нужно самому знать, нужно самому учиться. Должен ли, поэтому, клуб быть только школой, в которой учатся? Он должен быть и школой и местом отдыха. Тот, кто не умеет читать, должен учиться

читать, кто умеет читать, должен путем чтения научиться понимать свои классовые задачи, сознательно понимать их — для того, чтобы учить других. Это — трудная задача, но мы видели на своем веку, за последние семь лет, и более сложные задачи. И все вместе, дружной, товарищеской семьей мы разрешали эти задачи. Позади нас остался вопрос о войне, о голоде и холоде, позади нас, как пройденный этап, остался транспортный кризис. Перед нами стоит общая задача строительства нашего хозяйства, задача, более трудная, требующая целого ряда лет, задача поднятия культурного уровня рабочего класса и при его посредстве — крестьянства. Это более трудная задача. Но если мы победили капиталистов, сумели отбиться от богатейших колоссов — Америки, Англии и Франции, если мы сумели завоевать право на существование и крупнейшие капиталистические державы, хотя и ненавидят нас всей душой, а признают, и сегодня, в день седьмого ноября, в Париже, в Лондоне, в Берлине и ряде столиц других государств над советскими посольствами развевается «крамольный» для буржуазии красный флаг (для них это неприятно, но мы это право завоевали, и другие признают это право за нами), если мы побороли и эпидемии, и сыпняки, и холод, и голод, то неужели, дружно взявшись за работу, мы не сумеем поднять хозяйство, культурный уровень рабочих и крестьян?

Возьмемся же дружнее за дело. Позвольте выразить уверенность от имени Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов, что вы, товарищи строители, сумеете дружно взяться не только за построение нашего хозяйства, но и за дело культурного развития, поднятия собственного уровня и уровня ваших товарищей, а через них и крестьян! *(Шумные аплодисменты).*

Опубликовано в сокращенном виде в газете
«Постройка» в ноябре 1924 г.

Работа ВЦСПС.

Отчет и заключительное слово на VI С'езде Профессиональных Союзов СССР 12—13 ноября 1924 г.

Товарищи! Всероссийскому Центральному Совету Профессиональных Союзов впервые приходится отчитываться перед с'ездом за период деятельности, немного превышающий два года[67]). Я думаю, что те результаты, которые мы видим сейчас, по сравнению с тем, что было два года тому назад, показывают, что общая деятельность не только ВЦСПС, но и всех профессиональных союзов, находившихся под его руководством, оправдала себя целиком и полностью, как целиком и полностью оправдала себя и та линия, которую дал российскому профессиональному движению V Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов[2]). Вы помните, что при переходе на новый путь перед нашим профессиональным движением стоял целый ряд опасностей. Эти опасности в основном подразделялись следующим образом: во-первых, главная опасность — опасность принципиального уклона профессионального движения на путь независимости от советской власти[68]), на путь меньшевизма, и, с другой стороны, целый ряд практических опасностей. При этом основным было опасение, что такой крутой поворот может опрокинуть всю повозку профессионального движения, что на таком повороте мы можем не досчитаться не только отдельных спиц, но и колес этой повозки, ибо, например, сразу перевести организацию, насчитывающую пять миллионов членов, со старой финансовой системы на новую являлось чрезвычайно трудным и рискованным делом.

Мы слышали в свое время голоса пессимистов из нашей среды, которые предсказывали нам опасность принципиального уклона, когда профессиональные союзы, ставши на путь защиты экономических интересов рабочих, чересчур увлекутся этой задачей и потеряют перспективы профессионального движения в обстановке диктатуры пролетариата.

Мы видим, что первое опасение ни в какой степени не оправдалось и что на протяжении этих двух лет почти не наблюдалось обычных в таких случаях конфликтов, выливающихся в забастовки, или, вернее, на наших государственных предприятиях не было даже простой приостановки работы! Статистика, т.-е. цифры, которые вам подробнее доложит секретарь ВЦСПС тов. А. И. Догадов, показывают, что в 1923 году мы имели забастовок меньше, чем в 1922 году, а в первой половине 1924 года меньше, чем в 1923 году. Если мы обратимся к анализу этих забастовок, то мы увидим, что главная причина их заключалась в старой финансовой системе с быстрым обесцениванием денежных знаков и в целом ряде финансовых затруднений, главным образом, вследствие несвоевременной выплаты заработной платы. Раздавались голоса, утверждавшие, что слишком крутой поворот в области финансовой политики союзов и слишком резкий переход на полную добровольность членства могут ослабить наши профессиональные союзы. Мы учитывали в то время все эти трудности, и вы знаете, мы тогда это говорили, что не беда, если при крутом повороте одна-две спицы выскочат, не беда, если, не умея приспособиться к новым методам работы, тот или иной профессиональный союз пострадает или даже развалится...

Мы, русские профессионалисты, создали почти на чистом месте в сравнительно короткое время мощное и стройное профессиональное движение. Разрушится одна организация, мы сумеем потом построить новую, но отступления от намеченной линии, которая должна была быть проведена с полной решимостью, являлись абсолютно недопустимыми, потому что это могло извратить и помешать осуществить в жизни то, что было намечено на V С'езде. Вот почему в этой области ВЦСПС проводил твердую, а иногда даже жесткую и решительную линию.

И все же мы видим, что к VI С'езду количество членов наших союзов не упало, несмотря на почти повсеместный переход к добровольному членству. Мы видим, что все возражения, которые тогда раздавались, правда, со стороны сравнительно небольшого количества товарищей, опровергнуты жизнью, что те финансовые затруднения, которые переживало профессиональное движение, остались уже позади, а если еще они и существуют в тех или иных местах у сравнительно небольших профессиональных союзов, то

мы полагаем, что мы из них выйдем на этом с'езде путем проведения полной перегруппировки и перераспределения союзных средств.

Но не было ли вообще уклонов в нашем движении и по какой линии эти уклоны, за отчетный период, проходили? Мы не можем скрывать перед с'ездом, что уклоны и ошибки были в различных частях нашего профессионального движения. В каждом союзе ошибки были несколько своеобразные, но они касались всего движения в целом, и поэтому я бы хотел теперь, считая, что для итога нашей деятельности это чрезвычайно важно и поможет в будущем от этих уклонов избавиться, остановиться здесь на них.

Мы видим, что после V С'езда первый уклон заключался в увлечении союзов нэпмановской атмосферой, мы встречались со стороны отдельных, очень солидных профессиональных организаций с различными попытками встать на путь коммерческой деятельности, вступать в акционерные общества, создавать при союзах отдельные акционерные предприятия, широко поставить рекламу и т. д. Такое увлечение было. Но такое увлечение нами, может быть, немножко резко, а иногда, может быть, и грубо, но всегда решительно пресекалось в корне. Это был короткий период, который быстро прошел.

Было увлечение второго порядка, это — уклон, о котором я предупреждал с'езд; считаю своим долгом прямо и честно сказать, что он в значительной степени сохраняется еще и сейчас, это — попытки или проявления рецидива со стороны отдельных организаций, очень сильные в первый период после V С'езда и совершенно слабые, но иногда и заметные и посейчас, это — попытки возврата к старым методам работы, к командованию, циркуляру и проч. Раз я уже упомянул о циркуляре, то я не могу не остановиться на этом несколько подробнее. Я думаю, что дальнейшая опасность грозит нашему профессиональному движению именно со стороны циркуляра *(смех)*. Я думаю, что для нас нет опаснее врага, как именно этот самый циркуляр. Достаточно вам сказать только пару слов о том, что, например, в 1923 году со стороны одного союза было издано за год 285 циркуляров. Представьте себе те несчастные, подведомственные ему организации, которые каждый день получали по циркуляру! (Ибо, если считать, что у нас около 70 праздничных дней, то в остальные аккуратно, каждый день, жарили по циркуляру). Я непременно попрошу наших товарищей —

инструкторов ВЦСПС — собрать эти циркуляры и изучить, это будет очень интересная картинка, характеризующая пережитый период в нашем профессиональном движении.

Второй союз издал 197 циркуляров по организационным вопросам и 88 — по заработной плате, или, наоборот, но, в общем, тоже 285. Итак, два союза в своей циркулярной деятельности были так энергичны, что по 285 циркуляров в год закатывали на места!

Товарищи! Эти обстоятельства заставили нас серьезно задуматься над тем, в каком тяжелом, отчаянном положении находятся работники низовых организаций. Циркуляр, вообще, тяжелая штука, но если их 285 в год, то самое ангельское терпение может лопнуть и самого разумного, планомерного и аккуратного человека они собьют с толку, ибо совершенно невозможно запомнить, когда, какой циркуляр был, что он предписывал и как предписывал.

Вот сейчас эти циркуляры — враги профессионального движения, ибо опасность заключается не в том, что это только бюрократизм, но в том, что это бюрократизм, оправдывающий лень, нежелание вдуматься, безделье. Все можно скрыть циркуляром, сегодня написал — и сегодня же и послал его... Ну, а тот, который его получит? На которого сыплются, как из рога изобилия, эти циркуляры? Возьмите, например, райком любого провинциального союза, ведь он, помимо циркуляров ЦК, получает еще циркуляры от губпрофсовета, а также «доводятся до его сведения» и циркуляры ВЦСПС! Если взять количество этих циркуляров, то разве это не сумасшедший дом? *(Смех).* Что же райкому делать, как не взять этот циркуляр, внести в книгу входящих, потом переписать и отправить в фабзавком, записав в исходящий журнал? А фабзавком этот циркуляр получит, при чем на него одновременно сыплются циркуляры и прочих органов, потому что многие считают себя в праве посылать такие циркуляры; фабзавком, получив такой циркуляр, может только записать, — «принято к сведению». А верхушки сидят и совершенно не интересуются, что происходит дальше с этим циркуляром, приведен или не приведен он в исполнение: «принят к сведению» — с одной стороны, как-будто проводится, а с другой — просто «принят к сведению». А сколько бумаги, сколько работы, и какая прекрасная ширма для того, чтобы скрыть свое безделье, скудость мысли и нежелание изучить свою организацию? Вот чем является циркуляр в настоящее время!

На будущее время лучшим союзом будет тот, который меньше всего пошлет циркуляров *(смех)*. Если мы, переходя к новому курсу, полагали, что лучшим союзом явится тот, у которого будет меньше забастовок и конфликтов, то теперь уровень организованности союза будет измеряться так: у кого меньше служащих, у кого меньше канцелярий и меньше циркуляров, это и есть хороший союз!

На первых порах нам пришлось встретиться с циркулярами, этим наиболее характерным выражением попытки чисто формального подхода к осуществлению новых задач.

Со стороны многих союзов мы видели, можно сказать, пассивное сопротивление.

«Резолюцию приняли? — Приняли. Против нее не спорят? — Не спорят. Подписали такую-то бумагу? — Делать так-то». И все. Это делалось в целях скрыть под новыми формами старое содержание, и эти старые методы сказались на первых порах очень сильно. Я приведу, как очень характерный пример, вопрос, который усиленно обсуждался в нашем профессиональном движении, обсуждался на Пленуме ВЦСПС и принял одно время характер чуть ли не принципиальных разногласий,— это вопрос о взаимоотношениях касс взаимопомощи с союзами и о роли касс и фондов взаимопомощи.

Как мы попытались справиться с новым старыми методами, как применили их к новому, к кассам взаимопомощи? Во-первых, об'явили кассы взаимопомощи органом союзным, затем выпустили циркуляр, что члены кассы взаимопомощи выбирают свое правление, а правление союза утверждает эти выборы, затем суммы кассы взаимопомощи перенесли в союзную кассу, затем положили в один ящик с фондом взаимопомощи, при чем по этому фонду получались самые разнообразные графы. Например, к фонду взаимопомощи, состоящему из пуда муки, присоединяли членские взносы, принадлежащие кассе взаимопомощи, переводили все это в общесоюзный фонд и расходовали на аппарат. Круг завершен. Из органов самодеятельности рабочих на основе взаимопомощи получилось дополнительное обложение членов в пользу союзного аппарата. Это было. Затем более высокие органы, наблюдая все это, решили создать централизованный фонд взаимопомощи. Дальше постановили, что только члены профессиональных союзов могут быть членами касс

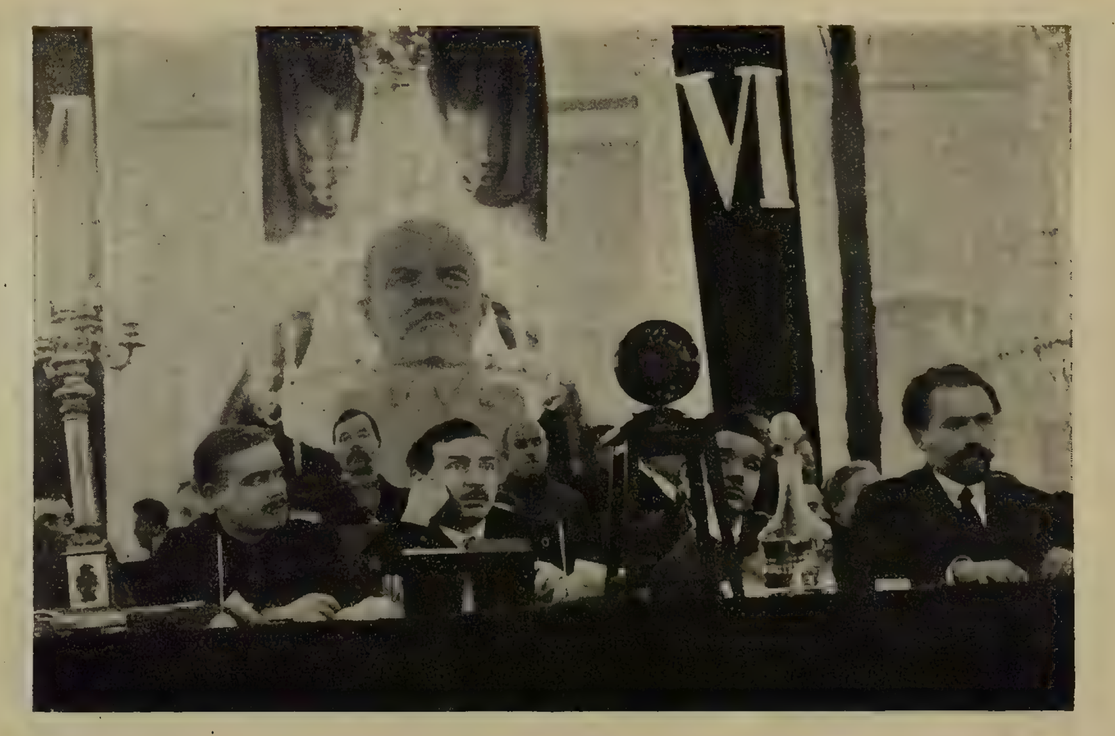
взаимопомощи. Наконец, стали все это «укрупнять» (это модное слово, как вы знаете) и централизовать, и от касс взаимопомощи грозили остаться рожки да ножки.

Нам пришлось выдержать очень серьезную борьбу, чтобы восстановить действительное лицо и действительные задачи касс взаимопомощи, определить роль и задачи фондов. Более точно надлежит сделать это нашему с'езду, мимо этого с'езд не может пройти. Ибо, что такое специальный фонд в организации, которая не знает, сколько она получает, не знает, сколько в этом месяце израсходует, не знает, как она концы с концами сведет,— а такие организации были и, к сожалению, есть,— и не знает, чем она покроет дефицит! И такая организация создает «бронированный фонд специального назначения»,— это смешно. Представьте себе человека, который, получив заработную плату и зная, что ему ее не хватит, создает в своем бюджете бронированный фонд. Для него «бронированный фонд» — это ведь вопрос о том, где он займет денег. Это несомненно.

Фонд предполагает, и это мы предложим сказать данному с'езду, такую устойчивость финансовой политики, при которой, во-первых, союзная организация знает, сколько она получит, знает, сколько она израсходует, знает, сколько у нее останется, знает, что этот бюджет проверен рядом месяцев, что устойчивость его определенно выяснена. Только после этого можно сказать, что такая-то часть доходов пойдет на культурно-просветительные нужды, такая-то — в стачечный комитет, такая-то — в фонд взаимопомощи и т. д. Иначе выходит так: получил циркуляр о фондах, циркуляр подписал и выполнил — и да будет фонд! А какой смысл, каково содержание этого фонда? Никакого, так как, когда нечем выплатить заработную плату служащим, то берут одинаково из любого фонда, из культ-просветительного или какого-либо иного, потому что и без этих фондов и с ними все равно средств нехватает.

В области финансовой политики нужно проводить самые четкие мероприятия, и если есть еще некоторые организации, где существует дефицит, то нужно их приучить быть бездефицитными. Я много говорил на эту тему в провинции и знаю, что сейчас раздадутся голоса — как быть без дефицита, когда в союзе всего 500 членов, как тут можно выйти из дефицита? Очень просто,

Фот. П. Оцуп.



В Президиуме VI С'езда Профсоюзов СССР (1924 г.).

(*Слева направо:* А. А. Андреев, М. П. Томский, А. И. Догадов, С. А. Лозовский).

товарищи, очень просто. В 1906 году секретарем районного союза металлистов на Васильевском острове, в Петербурге, состоял известный вам М. И. Калинин. М. И. Калинин исполнял должность токаря на Трубочном заводе и там получал свое жалованье. Аккуратно в 7 часов вечера он приходил в отделение союза, отделение открывалось, и он ни копейки не получал в союзе, ибо хороший токарь получал хорошую заработную плату. В отделении была пара тысяч рабочих-металлистов, и никакого дефицита не было у Михаила Ивановича. *(Д. Б. Рязанов:* «У самого М. И. был дефицит!»). У самого М. И., как у всякого работника рабочего движения, всегда был и будет дефицит. *(Смех).* Такова должность наша.

Если у вас в данном отделении только 500 членов и при этом вы нанимаете платного секретаря и к нему платных делопроизводителя, счетовода и т. д., то, конечно, нехватит членских взносов даже 3—4 таких союзов. Но ведь нельзя сказать, что для обслуживания 500 членов обязательно нужен платный работник,— наши работники должны от этого отвыкнуть. Я не верю и никто из старых работников профессионального движения не поверит, чтобы среди наших рабочих не нашлось людей, которые безвозмездно, исключительно из преданности интересам рабочего класса и интересам союза, не отдали бы своего вечернего труда на пользу союза. А если среди 500 человек служащих или рабочих такого человека не найдется, то оставьте еще на год неорганизованным их об'единение,— они еще не доросли, не дозрели. Такие 500 человек, где нет ни одного сознательного члена союза, это не великая находка для профессионального движения или для рабочего класса! Но я не верю в возможность такого факта, и никто из старых работников никогда не допустит его возможности.

Циркулярный поток, попытки отдельных организаций в новых условиях и на новых принципах работать старыми методами заставили нас подумать о взаимоотношениях между отдельными звеньями союзного аппарата. Первым побудителем в этом был циркуляр. Мы попытались проследить, как идет циркуляр по ступеням профессиональной лестницы и что из него получается там, внизу, как он осуществляется в жизни.

Должно сказать откровенно, что эта попытка нам не удалась. Мы дошли до того места, где написано: «получили, приняли

к сведению» — и точка. Это место — фабзавком. Но, когда мы просмотрели, какое количество циркуляров он получает, мы увидели, что фабзавком нельзя обвинять. На несчастные фабзавкомы сыплется поток этих циркуляров.

Дальше — анкеты от различных учреждений. Всякий, у кого есть перо, бумага, досужая канцелярия, посылает анкеты фабзавкому. И фабзавком должен если не отвечать на них, то хотя бы принимать их к сведению. И на это требуется достаточно времени.

Кроме того, фабзавком, как оказалось, выдает всякие удостоверения на случай свадьбы, крещений... *(Д. Б. Рязанов:* «Октябрин...»). Затем завком стал справлять еще октябрины, он заготовлял и дрова для рабочих, он все делал, делал он и делает много хорошего, но не делал только одного, а именно: органом союза он являлся в весьма и весьма слабой степени. И поэтому главное внимание Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов было обращено на фабзавком, на оживление его деятельности и на принятие ряда мер, которые действительно превратили бы его в союзный орган. Мы произвели ряд обследований — не по старому, а по новому методу. Здесь я хочу коснуться в двух словах методов инструктирования и обследования.

Я думаю, что опыт хотя бы обследований фабзавкомов научил нас, что старые обследования мест со стороны центральных организаций никуда не годятся, и старый метод этих обследований нужно как можно скорее забыть. Старый метод, это — когда приезжает сверху чиновник, будь это чиновник из ВЦСПС, ГСПС или ЦК,— приезжает и начинает обследовать местную организацию. Естественно, человеческое желание каждого обследуемого таково: «Вот тебе бумажки, возьми, подавись ими и уезжай от нас, не виси у нас на шее!» *(Смех).* Потом на все вопросы один ответ: конечно, все хорошо, все, мол, у нас благополучно. А тот, со своей стороны, с миной ревизора, задает вопросы и получает ответы, что все хорошо и благополучно. Ну, этот уехал, а те вздохнули свободно, надеясь, что не скоро он вновь приедет. Это одинаково и для губпрофсоветов и для фабзавкомов. Если какая-нибудь организация захочет обследовать другие организации, то, помимо формальных ревизий финансовой отчетности, которые необходимы и которые могут и должны проводиться по голой книге, единственным методом действительного обследования каких-нибудь организаций может

быть лишь внимательное изучение живой деятельности этих организаций.

И потому мы поставили этот вопрос в порядок дня работы союзов, и на настоящем с'езде мы должны обсудить эти мероприятия и закрепить в резолюции с'езда необходимость внимательного, методического и систематического обследования деятельности низших организаций со стороны высших. Вместо того, чтобы наскоком ревизовать эти организации, нужно посылать месяца на два работников высших организаций в низшие. Нужно, чтобы члены союзных правлений органически входили в жизнь фабзавкомов, чтобы члены ГСПС были действительно прикрепленными к нескольким правлениям губотделов, которые они посещали бы, жизнь которых знали бы, а не то, что наскочил раз в году, порылся по отделам, нашел недостатки, получил ответ, что все, мол, хорошо и благополучно, при чем плохое прячут, хорошее выставляют на вид и т. д. — этот метод обследования никуда не годится!

Эти уклоны были. Вернее, не уклоны, а недостатки в работе, они были и некоторые из них остаются и до сих пор. Они были очень сильны в первом этапе после V С'езда, они еще в слабой степени сохранились и теперь.

Если мы будем подводить итоги нашей организационной работы, то думаю, что и без цифровых материалов, которые вам доложит А. И. Догадов, мы можем живо и ярко чувствовать наши успехи. Конечно, профессиональные союзы теперь не те, чем они были два с половиной года тому назад, не та жизнь в них теперь, чем была два с половиной года тому назад.

Перейдем к области заработной платы. Низовые организации, вероятно, не раз упрекали Всероссийский Центральный Совет в течение этих двух лет за его политику в тот или иной момент в области заработной платы. Я помню только два момента, наиболее тяжело сказавшиеся на местах, это — кампания золотого займа и переход в начале текущего года от товарного индекса к червонному рублю. Вы помните, как тяжело отозвалось на местах наше согласие, выраженное правительству, на то, чтобы часть заработной платы выплачивалась облигациями золотого займа. И вы помните, как тяжело мы переживали переход от товарного индекса на червонный рубль. С трудом, с большим трудом и очень медленно

за этот год росла заработная плата. Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов ясно видел это, особенно в конце прошлого и в начале настоящего года, ясно видел это и шел на жертвы в области заработной платы рабочим. Но тот, кто посмотрит на результаты и поймет цель, во имя которой мы это делали, тот ни на минуту не сможет упрекнуть нас. Мы знали, что без проведения золотого и хлебного займов не может быть и речи о финансовой реформе и о переходе на твердую валюту. Вы помните, что вопрос о финансовой реформе и о переходе на твердую валюту еще год тому назад являлся дискуссионным вопросом, при чем спорили не только финансисты, но спор шел и внутри рабочего класса и внутри нашей партии. Спорили о том, своевременно или несвоевременно переходить к твердой валюте, не является ли это риском, чрезмерной тяжестью и т. д. Мы были сторонниками денежной реформы, мы были сторонниками твердой валюты, мы верили и были убеждены, что нам удастся это сделать, правда, не без жертв со стороны рабочего класса. Мы твердо и ясно видели, что те жертвы, которые мы приносим в данный момент, окупятся в будущем. И если бы кому-нибудь предложили вернуться к старой валюте, хотя бы путем повышения заработной платы, то никто бы на это не пошел. Мы знали, что мы идем на жертвы, но мы при этом знали, что они через некоторое время целиком и полностью оправдаются и это почувствует весь рабочий класс. И эта политика оказалась правильной. В области заработной платы мы шли по линии введения коллективных договоров, как правила, и теперь это для нас уже как-будто история, быль,— но это история всего лишь двух последних лет.

В течение двух лет коллективный договор стал единой повсеместной формой регулирования и установления заработной платы. А два года тому назад коллективный договор только в незначительной степени охватывал рабочие массы. Мы шли, и С'езд должен признать, что и дальше мы должны пойти по пути упрощения коллективных договоров. Еще после V С'езда мы имели коллективные договоры, которые содержали в правовой своей части до 185 пунктов. Мы упростили коллективные договоры в этой их части, сократили ее вдвое, а я думаю, что в ближайшем будущем надо будет ее примерно еще вдвое сократить, и дальнейшая задача, которая перед нами стоит, над которой мы работали и которой

занималась тарифная секция V С'езда, это — установление единой квалификации для всех производств.

В области культурно-просветительной работы мы сделали ставку на осуществление директивы V Всероссийского С'езда Профессиональных Союзов, т.-е. ставку на рабочий клуб. В этой области нам тоже пришлось выдержать борьбу с целым рядом предрассудков, с применением к этому живому делу ряда старых методов из эпохи военного коммунизма [14]). И в самом деле, еще перед V С'ездом стоял вопрос, «принципиально» спорный для работников культотделов, вопрос о том, можно или нельзя танцовать в рабочем клубе. Таким же «принципиально» неразрешенным был и вопрос, можно или нельзя продавать пиво в клубе, могут ли рабочие в клубе пить или нет. Все время в основной линии, принятой V С'ездом в области культурно-просветительной работы, были колебания в ту или иную сторону, колебания, вполне понятные и законные в области культработы, потому что это самая молодая и самая неизученная нами область работы.

Каждый профессионалист великолепно, на зубок, знает организационный вопрос, по организационным вопросам у нас есть колоссальный опыт, по этим вопросам есть литература. Эта работа для нас основная, и этой работе мы уделяли большое внимание. Культурно-просветительная работа в пять раз труднее, сложнее и разнообразнее, культурной работой мы меньше всего занимались. Только сейчас мы приступили к ней в массовом масштабе, и поэтому путаница и ошибки на этом пути были и в ближайшее время, вероятно, еще будут. Мы сделали ставку на рабочий клуб, на тот очаг культурно-просветительной работы, который обязан и должен обслуживать все духовные запросы рабочего. И мы видим, как, помимо циркуляров и вопреки циркулярам, вплоть до циркуляров ВЦСПС, рабочий клуб стал проявлять новую жизнь, пускать новые ростки и создавать новые отрасли работы, которые нам и не снились. Рабочий клуб стал строить при себе кружки обучения ремеслам, кружки кройки и шитья, стал осуществлять целый ряд новых работ и методов. Если мы только вспомним, что задача нашей культурно-просветительной работы — охватить и удовлетворить все культурные и духовные потребности рабочих, мы поймем, какое необ'ятное поле здесь открывается для культурно-просветительной работы. Если циркуляр вреден вообще,

то во сто раз он опаснее и вреднее в области культурно-просветительной работы. Это дело, это необ'ятное поле работы, мы должны изучить терпеливо и внимательно, изучить, обобщая и подытоживая опыт работы. Если эту живую работу инструкцией, циркуляром пытаются запихивать в какие-то рамки, если этот живой, реально существующий организм пытаются захватить железными тисками, канцелярскими тисками, то подобное стремление является преступной ошибкой.

Задача культурно-просветительных органов всех наших союзных организаций сверху донизу на ближайшее время остается та же: внимательное изучение всех видов и форм этой работы, предоставление большей, максимальной самодеятельности клубам,— большей жизни, большей самодеятельности и большей инициативы, без какой бы то ни было попытки втиснуть жизнь клубов в циркуляр. Отбирать лучшее из этого опыта и это лучшее и примерное делать образцовым, поправлять ошибки и уклоны,— такова задача культработы, но ни в коем случае не навязывать клубам какой бы то ни было однобокости и односторонности, которая может вполне удовлетворить одну сторону духовной жизни и ни в коей степени не охватит другую. Смешны, странны и нелепы старые споры, которые и теперь еще кое-где существуют, споры о том, что представляет собою клуб: должен ли он быть школой, политшколой или местом развлечения? Это архинеправильная постановка вопроса, и мне не раз уже приходилось об этом говорить. Я еще раз повторяю с'езду, что с такой однобокой постановкой вопроса следует бороться. Это все равно, что спросить человека, что он, главным образом, должен делать: есть или дышать или заниматься политикой? — Ведь это же нелепо!

Что вы, главным образом, любите: есть или пить? — И есть, и пить, и дышать, и заниматься политикой, и все прочее. Как можно ставить вопрос таким образом: только ли просветительное учреждение или уклон в сторону просветительного учреждения? — Ведь говорить об этом нелепо. Это совершенно неправильно. Я боюсь, что в области культурно-просветительной работы,— считаю, что должен высказаться по этому поводу сейчас, ибо вряд ли по этому вопросу мне удастся говорить в культурно-просветительной секции,— я боюсь, что в этой области у нас может появиться реакция. После того как мы поняли и убедили всех, что

посмеяться в клубе, потанцовать и заняться театральным представлением для рабочих и коммунистов ей-ей не грешно и не позорно,— после этого был известный уклон, как прямая реакция, вызванная системой лекционно-докладного удушения рабочих: так как до этого были исключительно лекции, исключительно доклады, исключительно все умное и исключительно все беспорядочное, то после этого поднялась волна реакции. Клубы излишне много внимания уделяли драматической деятельности, чересчур много танцовали и слишком мало занимались политикой. Пугаться и вдаваться в панику по этому случаю нечего; это вполне естественная реакция на неправильный, односторонний уклон. Но сейчас есть угроза и признаки появления второй волны реакции, против которой надо бороться, это — стремление опять превратить клубы, главным образом, в органы политграмоты и т. д. Не надо ничего однобокого. Если был уклон в сторону драматической деятельности клубов, поправьте этот уклон, но не выплескивайте с водой и ребенка. Если рабочие в клубе мало занимались политграмотой — пропагандируйте, агитируйте, убеждайте, но не проводите этого насильно. Я сейчас позволю себе в нескольких словах остановиться на методах союзного воспитания. Вот передо мной лежит выписка об исключении из союзов. Союзы знают, что они — школы коммунизма. Они знают все, но не всё, повидимому: они не знают, как, какими методами союзы должны выполнять свою роль школ коммунизма в отношении общих задач рабочего класса. Они забывают слова Владимира Ильича, написанные им собственноручно, которые вошли в резолюцию V С'езда, слова о роли профессиональных союзов, как передаточного механизма от авангарда, от верхушек рабочего класса, от коммунистической партии (в идейном отношении — верхушки) ко всей массе беспартийных. В крестьянской стране большая опасность заключается в том, что авангард слишком далеко забежит вперед, а массы останутся, оторвутся; в этом случае происходит отрыв передаточных ремней от главных. И вот именно это и забывают.

Я напомню здесь те уклоны, которые имели место в связи с антирелигиозной пропагандой, когда работники профессионального движения, не читая своих резолюций, бросались на партийные циркуляры, а так как антирелигиозная пропаганда была одно время вещью весьма модной, так как антирелигиозной пропагандой

занимались решительно все, то и профессиональные работники занимались ею, вплоть до борьбы с религиозными предрассудками, совершенно забывая в данном случае основную задачу профессиональных союзов: служить передаточным аппаратом между авангардом и классом в целом, между партией пролетариата и всеми пролетариями вообще. Дело в том, что авангард состоит из 600—700 тысяч человек, а беспартийной массы — 6 с лишком миллионов; кроме того, есть еще рабочие, которые не входят в профессиональные союзы. Профессиональные союзы являются организацией, об'единяющей лиц наемного труда, независимо от их политических убеждений, независимо от их религиозных убеждений, независимо от их национальности. Вот этот основной признак профессиональных союзов в данном случае был забыт.

Был определенный уклон, увлечение антирелигиозной пропагандой, борьбой с религиозными предрассудками, вследствие чего по этому вопросу, с нашей стороны, потребовался даже циркуляр, предостерегающий от ошибок. Но эти ошибки продолжаются в том смысле, что методы партийной работы, которые правильны и хороши для нее, некоторыми механически переносятся в профессиональные союзы. Если коммунистическая партия, которая должна это делать, производит в своих рядах чистку, то некоторые профессиональные союзы механически и слепо начинают чистить свои ряды. От кого, от чего? От политически неблагонадежных элементов. Но разве это их дело? Дело в том, что мы завоевали профессиональные союзы, когда нас была ничтожная группка, постепенно добивались большинства в условиях, когда мы имели против себя всех. Мы не применяли и не рекомендуем применять насильственных методов, а завоевали рабочих постепенно, получив в профессиональных союзах большинство. Когда мы читаем об исключении из профессиональных союзов, мы наталкиваемся на целый ряд нелепостей. Здесь я предупреждаю с'езд о величайшей опасности, которая кроется в следующем: многие союзы слишком подражают партии, механически проводят у себя то, что делается в партии, и тем самым слишком далеко отрываются от рабочей массы. Например, в Витебске коммунальники постановили: исключить из союза за антисоветское выступление и одновременно постановили исключить из союза, условно на 1 год, за грубое обращение со служащими. (Я не возражаю, может быть, здесь так и нужно было

поступить). Нельзя от вступающих в союз требовать благонадежности. *(Смех).*

Вот вам некоторые примеры:

Белоруссия.— Строители. Резолюция: исключить из союза за непосещение общих собраний. Должно быть, интересные общие собрания бывали, если членов союза нужно на эти собрания загонять. Если члены союза не ходят на общие собрания, это значит, что союз не умеет эти собрания сделать интересными. *(Смех).*

Белоруссия.— По амнистии, об'явленной профессиональными организациями к 1 мая *(громкий смех в зале),* принять обратно в союз исключенных... как вы думаете за что?.. за непосещение школы по ликвидации неграмотности. *(Громкий смех).* Вот образец, как просвещают отсталых и неграмотных! *(Смех).*

Белоруссия.— Химики: исключить из союза 50 рабочих на 2 месяца за празднование благовещения. *(Смех).*

Белоруссия.— Нарпит. Исключение из союза. В данном случае исключение применяется, как метод борьбы с пьянством...

Я не стану оглашать материалы, касающиеся Пензы, где есть целый ряд подобных исключений. Это, товарищи, далеко не смешно; возможно, что это было бы очень смешно, если бы не было так грустно, на самом же деле это очень грустно, и я лично сомневаюсь, кто менее сознателен: те ли неграмотные рабочие, которые не хотят ходить в школу по ликвидации неграмотности, или те вожди, которые исключают этих рабочих из союзов... Ибо исключить из союза — это значит лишить права быть организованным членом своего класса. Кто имеет такое право, кто имеет право карать рабочего и за какое тяжкое преступление? Когда вы считаете, что тот или иной человек есть тягчайший преступник перед рабочим классом или когда он совершил злоупотребление по союзной должности, вы его можете карать, но вы видите, что в приведенных случаях исключают из союза и за празднование благовещения, и за непосещение общих собраний, и т. д. И это делают наши профессиональные союзы, которые являются организацией, об'единяющей лиц, работающих по найму, независимо от их религиозных и политических убеждений. [illegible]

Вот, где опасный уклон. Я боюсь, что надвигается некоторая реакция и со стороны рабочих клубов. Многие возражают против

театральщины, против любительщины, которая, возможно, иногда и очень плоха, но если она плоха, то нужно изучить, почему происходят те или иные ошибки, почему наблюдается тот или иной уклон, и после этого изучения исправить эти ошибки, устранить их в дальнейшем, но не просто кричать: «Долой театральщину, долой любительщину!»

Очень часто мы натыкаемся на то, что наши культотделы начинают слепо подражать агитпропам партийных организаций, начинают себя рассматривать, как таковые. Но что такое представляет собою каждый союзный орган? Ведь каждый союз является не чем иным, как агитационно-пропагандистским собранием, и плохи те работники, которые не могут связать задач, стоящих перед их союзом, с нашими общими задачами. Весь союз в целом является агитационно-пропагандистским органом, потому он и школа коммунизма. На каждом собрании, на каждой конференции, на каждом делегатском собрании,— разве мало агитационно-пропагандистской и воспитательной работы? Термин «агитпроп» здесь является неверным, он может повести к ряду уклонов в ущерб политико-просветительной работе.

Еще раз повторяю: ничего нельзя навязывать рабочим насильно. Если вы имеете плохое посещение кружков, не вините в этом рабочих. Не рабочие в этом виноваты, а, очевидно, плохо, неинтересно были поставлены кружки, значит вы были плохими агитаторами и пропагандистами. Но не вините рабочих в том, что они не являются в эти кружки.

Рабочие работают 8 часов на фабрике или заводе. Мы требуем, чтобы эти 8 часов рабочие работали хорошо, следовательно, рабочие приходят оттуда усталые.

Вы должны приспособиться к их интересам, вы должны дать все в такой форме, чтобы им было интересно; никак нельзя подходить с методом, обязывающим клубы организовать столько-то таких-то кружков, обязывающим там-то нажать и т. д. Никаких методов принуждения в клубах не должно быть.

Я хочу коснуться еще одного вопроса нашей внутренней союзной работы, вопроса о работе среди женщин.

Мне уже неоднократно приходилось говорить о том, что в сущности эту формулу «работа среди женщин» нужно свести к другой — «работа среди мужчин по вопросу о равноправии

женщин», но равноправии не на словах, а на деле *(голоса:* «Правильно!»). Я считаю, что некоторые деятельницы по работе среди женщин преувеличенно и несколько подчеркнуто выпирают права женщин на представительство везде и всюду, во всех органах, и тем извращают перспективы самого этого вопроса. Сущность же вопроса заключается не в том, чтобы везде и всюду проводить женщину, потому что она женщина,— это было бы глубоко неправильно и это было бы даже оскорбительно для женщины. Но в то же время вопрос не исчерпывается и тем, что Октябрьская революция [8]) в своих декретах формально признала равноправие женщины, на этом еще нельзя успокоиться. Мы знаем, что в демократических государствах рабочие пользуются формальным равноправием, пользуются всеобщим избирательным правом, что рабочие участвуют в выборах, а получается так, что, несмотря на то, что у рабочих больше голосов, правят все-таки тори [69]). Мы видим, что это равноправие может превратиться в неравноправие. Вот вследствие этого и нам нужно к этому формальному равноправию в нашей рабочей среде прибавить еще желание помочь осуществлению этого равноправия и помочь не только резолюциями, потому что резолюций хороших мы выносили очень много («вовлечь женщину», «выдвинуть женщину», «привлекать женщин» и т. д.). Правда, при помощи этих резолюций мы кое-что сделали за этот год в низовых органах, но этого еще недостаточно, нужно больше развить эту работу и не только резолюциями, а пробуждением у каждого работника профессионального движения сознания необходимости выполнения этой работы.

Со стороны профессионалистов часто наблюдается довольно законное, но неверное, в данных об'ективных условиях, отношение, выражающееся в преувеличенном отпоре или особой нервности в вопросе о создании женотделов, о которых говорят, что они хотят взять себе монополию. Это неверно, потому что, если существует убеждение, что женщина должна быть таким же рядовым членом профессионального союза, каким должен быть мужчина, и что не должно быть обособленных организаций женщин, то хотя последнее, может быть, и верно, но не для данного момента. Для того, чтобы женщина действительно могла себя чувствовать рядовым членом, участником единого профессионального движения, чтобы не приходилось изобретать для нее особых организаций, —

для этого необходимо создать обстановку, в которой женщина чувствовала бы себя действительно равноправной и одинаковой. А у нас, нечего греха таить, наблюдается критическое отношение к женщине, и когда женщина приходит в организацию, то обычно говорят: «а ну, посмотрим, что баба сделает?!» Когда выходит женщина говорить на заводе, то отзываются: «а ну, послушаем, что баба говорит?!» Есть именно такое отношение. Когда приходит работница, член профессионального союза, в правление, то и другие товарищи, члены правления того же союза, мужчины, находящиеся на положении господствующего класса, критически посматривают — «что женщина тут может сделать, что у нее выйдет!»

Я утверждаю, что поставьте любого из вас, меня или любого работника профессионального движения в такую обстановку, с таким критическим отношением, — когда ты работаешь, а на тебя иронически посматривают, — так у каждого дело из рук повалится. Вот почему нам нужно помочь не резолюциями, не на словах, а в повседневной работе, помочь женщине выбиться, потому что это ей сугубо трудно, ибо она веками угнеталась не только как член класса, но угнеталась и как женщина.

В заключение считаю долгом коснуться одной из важнейших отраслей нашей работы — международной работы. В отчете ВЦСПС к VI С'езду, следом за введением, вы найдете раздел «Международная деятельность русских профессиональных союзов». Там приведен ряд писем, которые мы писали Амстердамскому Интернационалу до 1 января 1924 года, и те ответы, которые мы от него получили [70]). Эта глава нашей международной деятельности, взаимоотношений с Амстердамским Интернационалом, напоминает собою очень плохой, недорогой роман в письмах. *(Смех)*. Мы пишем ему, он пишет нам, мы пописываем, они отписывают, оба одинаково любезны, оба одинаково горячи; при чем роман этот напоминает роман в гамсуновском стиле, когда оба друг друга любят и оба друг другу говорят пакости! *(Смех)*.

После 1 января 1924 года проблема единого фронта [71]) и проблема общепрофессионального об'единения ставится в несколько иную плоскость. Перед нами, вследствие установления более тесной связи с английским рабочим движением, ставится все яснее и яснее проблема создания более серьезной организации единства

профдвижения. Первое выражение это наше стремление получает в резолюции-телеграмме, которая подписана тов. А. И. Догадовым и послана Венскому конгрессу Амстердамского Интернационала [72]) на имя тов. Перселя [73]).

«По поручению Пленума ВЦСПС Президиум с удовлетворением отмечает выступление представителей английских профессиональных союзов на конгрессе в Вене в пользу сближения Амстердамских союзов с союзами СССР. Пленум со своей стороны заявляет о полной готовности при известных условиях пойти навстречу предложению английских союзов, которое совпадает, без сомнения, с желаниями лучшей части профессионально организованных рабочих всего мира.

Секретарь ВЦСПС А. Догадов».

В ответ на это Венский конгресс, по инициативе, главным образом, английской делегации, один из членов которой, тов. Персель, присутствует здесь, и небезызвестного деятеля международного движения Эддо Фиммена [74]) поставил вопрос об отношении к русским союзам, и в результате обмена мнений и столкновений Венский конгресс вынес, как всегда, компромиссную резолюцию, которая считала необходимым вовлечь в Амстердамский Интернационал русские профессиональные союзы. Эта резолюция имела целый ряд оговорок и оговорочек; одна из них предусматривает «присоединение русских союзов к международному профессиональному движению путем обязательного присоединения их к статутам и условиям нашего Интернационала»; вторая оговорка: «поскольку это совместимо с достоинством международного об'единения профессиональных союзов». Эту резолюцию мы получили в июле, в виде письма Амстердамского Интернационала. Я думаю, что не стоит оглашать это письмо, потому что оно было опубликовано в газетах; это письмо в основном содержит опять продолжение и отзвук переговоров и наших встреч, но с приведением резолюции Венского конгресса, как базы и платформы для переговоров. Мы на это предложение не могли ответить иначе, нежели мы ответили. Мы заявили, что переговариваться мы желаем, но считаем несправедливым и глубоко несправедливым при переговорах предписывать с чьей бы то ни было стороны какие-нибудь условия, что среди рабочих организаций не может быть такой постановки вопроса,

что мы желаем с вами разговаривать на следующих условиях. Когда мы будем говорить об об'единении, тогда можно сказать, что мы с вами согласны об'единиться «на следующих условиях». Но неужели для того, чтобы встретиться и разговаривать, необходимо признание со стороны будущего собеседника каких-то предварительных условий?

После этого было получено второе письмо, и о чем же оно говорит? — О том, что они устанавливают, что между нами и ими существуют разногласия в тактике и политике, при чем разногласия бо̀льшие, чем просто тактические разногласия. Поэтому они желают иметь от нас в письменном виде изложение наших принципов. Товарищи! Мы, конечно, ни на минуту не сомневаемся, что Амстердамский Интернационал прекрасно знает наши принципы. После той переписки, которая была, после всего этого, после постановления Венского конгресса, писать «расскажите нам, как вы веруете» — ей-ей, это очень наивно, если не сказать больше. Потому что, что же это значит, как не то, что Венский конгресс Амстердамского Интернационала не знает, что такое Союз Советских Социалистических Республик, не знает ни нашей платформы, ни нашей деятельности, просмотрел 6 лет деятельности рабочего движения, которое насчитывает в своих рядах 6.000.000 членов; однако, в таком невежестве нельзя упрекнуть Амстердамский Интернационал, потому что там сидят люди просвещенные, политики и деятели рабочего класса, а раз они нас знали и на основе этого знания вынесли решения о необходимости вступить в переговоры, то чего же они в таком случае хотят от нас сейчас? Мы ведь не скрывали от них того, что основной наш принцип, это — беспощадная борьба с капиталистами и что никакого соглашения с ними мы не допустим. Мы указали, кроме того, в письме, что мы не прочь, при личной встрече, более обстоятельно развить основные принципы нашего движения.

Но, в конце концов, я с глубоким сожалением принужден констатировать, что продолжается все тот же скверный роман, хотя и в более смягченных тонах, все та же переписка, как-будто мы такие страшные, что даже встретиться с нами опасно для политической невинности деятелей Амстердамского Интернационала!

Констатируя это, я в то же время считаю, что наша политика была правильной, и что мы, несмотря на затруднения, которые

большинство Амстердамского Интернационала нам ставит (говоря о большинстве, я несколько отделяю деятелей бюро Амстердамского Интернационала, с которыми не хочу смешивать Перселя, председателя Амстердамского Интернационала, который в меньшинстве и которому, как представителю меньшинства, приходится подписывать документы, которые не всегда ему по вкусу, но, состоя в организации, ему приходится исполнять ее дисциплину), достигнем лучшего положения, при чем я не сомневаюсь, что если бы это зависело от английских тт., мы бы, конечно, этот вопрос двинули гораздо дальше, чем он стоит в настоящий момент. Но должен сказать, что целиком и полностью я удовлетворен вчерашним заявлением ответственного руководителя английских рабочих А. Перселя, и думаю, что он верно и ярко выражает настроение английских рабочих, говоря, что «мы, английское профдвижение, твердо считаем, что если Амстердам не может этого сделать, то наша задача заставить осуществить это».

Я уверен, что у английских товарищей, у английских рабочих и их представителей, слово не расходится и не разойдется с делом. И когда, действительно, мы совместно увидим, что всякое человеческое терпение истощается на подобной переписке, когда после нескольких лет переписки, взаимной ругани и обстрела из легких и тяжелых орудий нас спрашивают — скажите, пожалуйста, как вы веруете и каковы принципы вашего движения? — то я думаю, что мы скоро дойдем до того, что из Амстердама напишут запрос — скажите, пожалуйста, вы брюнеты или блондины? *(Смех, аплодисменты).*

Вполне понятно, что тем, кто фактически руководит Амстердамом,— а фактически руководит германская с.-д. партия через Лейпарта и других, фактически руководят люди, близко связанные с германской с.-д. партией и II Интернационалом, — конечно, им не хочется соприкасаться с зараженными коммунизмом представителями русских профессиональных союзов. Но я думаю, что перед рабочим классом всего мира ясно вырисовывается то, что казалось еще недавно сомнительным и по поводу чего, когда я говорил на III Конгрессе III Интернационала [75]), были некоторые сомнения у некоторых западно-европейских товарищей; они возникали у них, когда я говорил, что наступление капитала не останавливается, что оно еще будет продолжаться, — в правильности этого положения

сомневались. Я думаю, что теперь ясно для всех, что наступление капитала не приостановлено, как вы вчера видели из прекрасной речи тов. Зиновьева, не приостанавливается оно и в экономической области. А мы знаем, что политика никогда не расходится с экономикой. «Политика — концентрированное выражение экономики», — как говорил Владимир Ильич. И с того момента, когда тори стали у власти в Англии, по мере их правления должно будет итти и экономическое наступление на рабочий класс. Иначе капиталисты не были бы капиталистами, будучи у власти, они не могут забыть экономических интересов. Это было бы чепухой, вздором, абсурдом и ересью. Капиталисты лучше кого бы то ни было знают свои экономические интересы и умеют их защищать, что они неоднократно доказывали.

В настоящее время мы стоим перед новой волной наступления капитала. Она поднялась в Германии политическими репрессиями, и разгромленный сначала политически фронт рабочих будет потом разгромлен и экономически. Не понять этого, не видеть этого нельзя. Тот, кто этого не видит, не понимает того, что западно-европейской промышленности тесно, что она не имеет внешних рынков, что для того, чтобы завоевать этот рынок, перед промышленностью каждой страны, Англии, Франции или Германии, стоит вопрос о том, как удешевить себестоимость производимых той или другой страной товаров. Тот же вопрос, который стоит и перед нами, вопрос о том, как добиться дешевых товаров.

И здесь первое, чему уделяется внимание, это, конечно, рабочий вопрос: в Западной Европе свободных капиталов нет, а если и есть, то их боятся вкладывать в долгосрочное, сложное, дорогостоящее переоборудование предприятий.

Для всякого ясно и очевидно, что общий вой западно-европейских капиталистов заключается в том, что сейчас невыгодно работать — рабочие руки дороги, товары дешевы, деньги колеблются — невыгодно работать. — И это общий разговор. Мне самому приходилось видеться с капиталистическими дельцами в Англии, и они в один голос говорят, что невыгодно работать, что для того, чтобы было выгодно, нужно нажать на рабочих. — Вот, где лежит неизбежность новых экономических наступлений на рабочий класс. И те, кто не понимают, что на чашке весов борьбы капиталистов с рабочими шесть миллионов русских рабочих, стоящих у власти

Фот. П. Оцуп.

А. И. Рыков и М. П. Томский.
(На VI С'езде Профсоюзов СССР, 1924 г.).

во главе большого, значительного, величайшего, хотя и бедного, государства, которое, волей или неволей, а должно быть признано западно-европейскими капиталистами, — кто не понимает, что они на этой чашке весов кое-что да значат, кто этого не понимает, тот ничего не понимает в рабочей проблеме. — Нам нужно единство, потому что мы чувствуем грядущие бои на Западе, в которых должны будут принять участие западно-европейские рабочие, — а то, что касается западно-европейских рабочих, то близко, дорого и кровно и каждому русскому рабочему, ибо их поражение есть и наше поражение, ибо фашистское движение, став сегодня у себя на путь политической реакции, потом, перекинувшись на экономический фронт, несомненно, будет угрожать и нам [58]). Мы это понимаем. А те, кто не понимают, что в этой борьбе иметь своим союзником рабочий класс, организованный в профессиональные союзы и стоящий у власти в одной шестой части света, кое-что да значит,— скоро это поймут, потому что более сознательная часть рабочего класса заставит и научит их понять это.

Мы можем и имеем основания констатировать, что нам оказывают бешеное сопротивление, — не открытое, а тупое, скрытое, пассивное сопротивление, — нам ставят рогатки, колючую проволоку, но мы,— русские рабочие, русские большевики,— и не с такими препятствиями справлялись. И когда мы намечали себе какую-либо цель, мы шли к ней всегда прямо и решительно. Но, конечно, среди некоторых товарищей может явиться сомнение: а принципиально допустимо ли, возможно ли нам входить в один Интернационал профессиональных союзов совместно с социал-демократами, которые достаточно показали себя за эти 7 лет после войны, уже не говоря о том, что они представляли собою во время войны? — Мы им цену знаем и знаем цену их принципов. Конечно, будут сомнения: не пострадают ли наши принципы, не повлечет ли это принесения в жертву хотя бы части наших принципов? Я думаю, товарищи, что мы свои принципы действительно выковывали в горниле огня и железа; они закалены в гражданской войне [39]) и в двух революциях и еще раньше в революции 1905 года [76]), мы показали, как нужно стоять за свои принципы не только в кабинетных дискуссиях, мы дискуссировали за них и с пулеметами, и с винтовками в руках; мы их проверили на опыте массового рабочего движения у себя в стране; проверку этих принципов

мы проделали с не менее «прекрасными» нашими русскими реформистами — меньшевиками. В каждой ячейке профессионального союза, по каждому практическому вопросу, шла у нас проверка этих двух принципов, и проверка оказалась не в пользу реформизма [77]) и меньшевиков: их принципы теперь где-то там далеко, а наши принципы осуществлены, закреплены и оформлены во всех отраслях рабочего движения, они оправданы жизнью, что способствует неуклонному росту нашего движения. И где бы мы ни были, какую бы организацию ни создавали, мы ее создаем во благо и в интересах рабочего класса. И мы будем работать с кем бы то ни было, кого бы ни послали нам западно-европейские рабочие, но от своих принципов мы не отступались и не отступимся. И если придется на практике западно-европейского рабочего движения, на практических вопросах применить наши принципы, мы с полной уверенностью пойдем на этот экзамен. На опыте мирового рабочего движения и борьбы будем мы испытывать наши, проверенные в огне русской революции, принципы. И мы уверены, что проверка будет в нашу пользу, в пользу большевистских, старых ленинских принципов рабочего движения! *(Продолжительные, шумные аплодисменты).*

Заключительное слово[78]).

Товарищи! Мне подано около сотни записок. Большинство этих записок носит специальный характер и касается тех вопросов, которые, относясь к двум пунктам порядка дня с'езда, будут детально рассматриваться в секциях. На эти записки я совершенно не отвечу, так как по этим вопросам товарищи могут найти ответы в работах секций. Имеется ряд записок о некоторых вопросах, которых я не касался в докладе. Части этих вопросов я не коснулся в докладе исключительно потому, что они стоят особыми пунктами в порядке дня с'езда и затронуты в тезисах, это — частью организационные, частью культурно-просветительные вопросы, частью вопросы заработной платы. В частности, я укажу тов. Плаксину, председателю саратовского ГСПС, что ответ на интересующий его вопрос о работе среди национальностей он найдет в тезисах по организационному и культурно-просветительному вопросам. Тезисы розданы уже два дня тому назад, и все уже могли прочесть их. Некоторые товарищи вменяют мне в вину то, что я не касался

в отчете таких вопросов, как вопросы о молодежи, студенчестве, о заработной плате, о взаимоотношениях с РКИ, о жилищной кооперации и еще целого ряда других вопросов. Я их не касался, так как не предполагал и никто не предполагал, что после моего доклада сейчас же закроется с'езд. Все эти вопросы будут детально и подробно рассматриваться в других докладах, и исчерпать все вопросы в своем докладе — такой задачи я на себя не брал. Вопросы о заработной плате, в частности, будут затронуты Наркомтруда В. В. Шмидтом, эти же вопросы будут затронуты и в докладе А. И. Рыкова.

Переходя к сущности возражений, я должен указать, что то, что здесь говорилось против ВЦСПС, от имени которого я имел честь отчитываться, — было слишком жидко. Я ожидал услышать критику посерьезнее. Тов. Гулый и тов. Плаксин, выступая здесь, начинали свои речи с утверждения, что следует остановиться на недостатках работы ВЦСПС, чем заставили меня насторожиться: вот-вот, сейчас что-нибудь да найдут! Но они ничего не нашли. Я указывал, товарищи, на два циркуляра. Вот вам циркуляры тарифно-экономического отдела ВЦСПС. Здесь есть и тот циркуляр, на который нападал тов. Гулый. Он был издан в переломный момент перехода от товарного рубля к червонному. Это был болезненный перелом. ВЦСПС знал, как я уже упоминал в своем докладе, что этот период не может быть пережит без некоторых жертв со стороны тех или других категорий рабочего класса, что этот переход фактически вел к некоторому снижению заработной платы, которая потом, при переходе государства на твердое исчисление, выравнялась. Вот этот циркуляр, и я прошу всех интересующихся членов с'езда ознакомиться с ним и вот с этой папкой, и вы увидите, что в этом циркуляре нет ничего нездорового. А в речи тов. Гулого есть что-то болезненное. Он говорит: «масса растет». Да, я знаю, что масса растет, но, кажется, вожди растут медленнее. *(Аплодисменты).* ВЦСПС вменяют в вину все, вплоть до того, что мне пришлось заниматься дипломатией. *Но от хорошей жизни вообще дипломатией не занимаются.* Не по своей собственной воле я дипломатией занимался, и если перед рабочим классом, на любой фабрике или заводе, или вот на этом с'езде честно поставить и обсудить вопрос, правильно ли поступил ВЦСПС, когда в состав дипломатической миссии, отправляемой

в Лондон, включил некоторых профессионалистов, в том числе и меня *(голоса:* «Правильно»), то все скажут, что он сделал правильно. *(Аплодисменты).* И если от этого несколько пострадала наша профессиональная работа, ничего не поделаешь, — часто так случается. Сейчас нам придется посылать работников в очень многие места, люди на белой лавочке не сидят, их приходится отрывать от другой работы, но нет худа без добра и нет добра без худа. Это вызовет некоторые лишние денежные расходы, некоторые неудобства, но что же, разве из-за этого не следует заниматься дипломатией? Ничего подобного, это неверно. Вопроса о золотом займе коснулся тов. Плаксин, который сказал, что своевременно не было дано директивы по этому вопросу. Неверно, тов. Плаксин! Немедленно же, за подписью, если мне память не изменяет, тов. Андреева, был разослан циркуляр о золотом займе. Повидимому, канцелярия у вас, тов. Плаксин, плохо работает (а тогда она работала очень плохо, это видно из обследования саратовского ГСПС нашими инструкторами). И если Плаксин сослался на недостаток руководства, то это совершенно неверно. Мы циркуляров немного посылали, но как раз в Саратов мы направили ответственнейших, компетентнейших инструкторов проверить работу саратовского ГСПС и просмотреть низовые организации. Отчеты обследования говорят, что саратовский ГСПС согласился с указанием инструкторов, исправил свою работу и работу низовых организаций. Руководство было. И если вы не все знаете о нашей работе, то мы о таких ГСПС, как саратовский, все знаем. Мы произвели обследование вас в 1923 году, знаем кое-какие черточки из вашей работы и знаем о ней вообще лучше, чем вы о нас.

Ряд возражений направлен, по-моему, совершенно неправильно; в записках говорится относительно того вопроса, который был мною затронут, а именно — о дефицитности профессиональных союзов. Насколько мне помнится (товарищи могут в этом убедиться из стенограммы с'езда), я ставил вопрос только таким образом, что если в союзе 400—500—700 членов и он все свои доходы от членских взносов тратит на содержание аппарата, при чем все равно денег нехватает и он имеет дефицит, — то надо либо сократить аппарат, либо перейти на вечернюю работу. Товарищи, чтобы немного замутить воду, истолковали это таким образом, что я вообще всем профессиональным организациям рекомендую перейти

на вечернюю работу и рекомендую в первую очередь сделать это ВЦСПС. Ведь это же курьез! Я вовсе не рекомендую союзу московских пищевиков переходить на вечернюю работу. Зачем? У них частная промышленность, они имеют большой доход, солидный капитал и т. д. — зачем им это? Большому кораблю — большое и плавание. А у кого денег нет и собрать он их не умеет, тот по одежке протягивай ножки. И кто же будет платить членские взносы, если вы все свои взносы истратите на аппарат, а из центра будете требовать деньги? А наверху откуда их возьмут? Все финансовые средства союзов лежат в карманах рабочих и служащих — членов профессиональных союзов. Сумеешь ты оттуда их достать — у тебя будут деньги, а чтобы достать, надо, чтобы эти члены правую полу свою отвернули, достали бы деньги из кармана и сказали: «союз, получай!» А это они сделают только тогда, когда увидят, что вы выполняете взятые на себя обязанности, действительно решаете задачу улучшения экономического положения рабочих и служащих, поднятия культурного уровня и т. д., а не тогда, когда вы вертите аппарат для аппарата — это никому неинтересно.

Здесь, в одной из записок, мне задан вопрос: «Как практически перейти к методам работы 1905—1906 гг.?» Я вовсе не предлагал взять методы только 1905—1906 гг. Я выдвигал это только, как один из характерных моментов, и говорил, что так можно работать. Тут говорят, что клуб и библиотека, это — дело политпросвета. Это совершенно неверно: это дело союза. Только ничего непонимающие люди могут говорить, что дело поднятия духовного уровня рабочих есть дело только политпросвета.

Затем здесь говорится об экономической работе союзов, что эта новая задача требует больших расходов, но я не думаю, чтобы была большая экономическая работа в союзе, где 300—400 человек и где экономика заключается только в самом насущном.

Распространение изданий различных издательств — это вовсе не работа профессиональных союзов. Разве вы являетесь комиссионным бюро, которое берет на себя работу по распространению изданий различных издательств? Зачем вам это? Тут люди стараются оправдать свои дефекты. Автор записки заканчивает, говоря, что ему приходится работать в 16 органах, кроме союза. И скверно делает. Я не поспеваю работать в 3 организациях, потому что на это нехватает времени, а что касается того, кто

говорит, что работает в 16 организациях, то я думаю, что он только бегает по 16 организациям, и дай ему бог только обойти их за день! Мое искреннее и горячее пожелание вам: не работайте в 16 организациях, а работайте хорошо в одной, остальные же 15 организаций оставьте для других; не занимайте стульев и не делайте серьезного вида, будто вы по горло заняты, в то время как на самом деле вы нигде ничего не делаете!

Теперь пару слов о статистике, чтобы окончательно покончить с этим вопросом. Я принимаю предложение тов. Кроля. Он имеет на это право, но я очень сожалею, что он это предложение не внес в ВЦСПС, где мы могли бы и разрешить этот вопрос. Я не вижу, зачем с этим вопросом апеллировать к с'езду, но я принимаю его предложение, чтобы была назначена авторитетная комиссия — она будет такая, какой хочет тов. Кроль,— чтобы обследовать цифры пищевиков. Может быть, здесь и была ошибка, но вот передо мною таблица, где имеется средний месячный заработок по крупной промышленности в процентном отношении к 1913 г. Если по отношению к вашей промышленности вы протестуете, что взята только крупная, то ведь по отношению к другим отраслям промышленности взята тоже только крупная. Какой же смысл ВЦСПС делать чуть ли не цифровые подлоги? Я не знаю, почему, собственно, нападают на пищевиков за высокий заработок. Я считаю, что заработная плата пищевиков растет быстрее, чем по другим союзам, не только благодаря высокой кон'юнктуре, не только благодаря тому, что эта промышленность работает на рынок, не только благодаря тому, что есть спрос и полная нагрузка, не только благодаря этому.

Те, кто помнит быт и жизнь рабочих пищевой промышленности, рабочих парфюмерных и конфектных фабрик и знаменитой ф-ки «Дукат», те знают, что работницы этих фабрик, фабрик Ралле, Эйнем, «Дукат», в былое время часть заработка своего добывали на московских панелях. Мне вспоминается, что когда я жил в старое время в Москве и проходил по известным частям Тверской, то от ходивших по Тверской проституток пахло табаком,— это были работницы «Дуката». В настоящее время, при диктатуре пролетариата, правильно и справедливо, чтобы эти наиболее обездоленные поднялись несколько выше довоенного заработка, который заставлял их ходить по панелям. Вот секрет роста заработной

платы пищевкусовой промышленности. Конечно, когда «Дукат» грабил по 50 к. в день у каждой из 200 работниц, то получалась очень крупная сумма дохода, которую не может получать наша промышленность — табачная и пищевкусовая. Но советская власть не может платить такую заработную плату, которая рассчитана на подсобный заработок на панелях. Такой подход исключает возможность, тов. Кроль, какого-либо сознательного искривления ваших цифр, но если они все же искривлены, то давайте создадим комиссию и исправим их.

Теперь я вынужден подойти к тем вопросам, о которых говорили, что они пропущены в моем докладе, это — вопросы о работе в деревне. Одной из целей моего доклада было не повторять того, о чем уже было сказано на с'езде. На с'езде, в речи тов. Зиновьева, — а я целиком и полностью солидарен и согласен с ним, — было достаточно сказано о необходимости работы в деревне, и если товарищи ставят вопрос о том, что ВЦСПС детально не указал методов работы в деревне, то я скажу, что мы больше всего избегаем шарлатанства и избегаем учить людей тому, чего мы сами не знаем. Кто из нас знает, как правильно работать в деревне и как практически подойти к этому делу? Это работа новая, здесь новые методы и новые опыты. На с'езде мы можем указать основное направление работы, но опасайтесь предсказывать детали. Когда вы проработаете на протяжении хотя бы года, когда у вас будет опыт работы в деревне, тогда можно будет указывать на детали, а до сих пор — я это утверждаю, — в этой работе ни один союз не нащупал правильного метода. На первых порах нам приходится возложить эту работу на те союзы, которые не являются самыми крепкими, ибо, например, союз работников земли и леса — это один из самых молодых союзов, в нем наиболее трудна и сложна работа, и он сам еще нуждается в помощи. Второй союз, на который мы возлагаем эту работу, это — союз работников просвещения. Это тоже молодой союз, который, как я считаю, начал по-настоящему жить всего два года тому назад, ибо на протяжении двух лет у него у самого работа еще не клеилась. Мы на эти союзы и возлагаем эту новую трудную работу. Ни металлисты, ни химики, ни печатники, ни горняки не работали в деревне, и когда мне говорят: «укажите нам, как работать в деревне», то я скажу, что было бы величайшей ошибкой давать детальные

практические указания относительно этой работы на с'езде. У нас еще нет достаточного опыта. Давайте посмотрим на этот опыт, и тогда скажем, что вот так нужно работать, а так не нужно; а с'езд может дать только общие указания и в организационных вопросах и в вопросах общекультурно-просветительных.

Мы выдвинули теперь новый вид помощи в этой работе — шефство над деревней, — это приравнивание подшефных крестьянских деревень и крестьян этих деревень к членам союза в отношении предоставления им права на юридическую помощь. Пусть союзы попытаются осуществить этот метод и, когда вы эту юридическую помощь окажете, вы встретите в крестьянах самых благодарных и близких союзников. Помимо культурной работы, именно юридической помощи и нехватает крестьянам. Мы имеем методы политического воздействия, мы имеем опыт в этой области, мы не раз это делали. Избы-читальни установлены не кем другим, как московскими рабочими, текстильщиками, главным образом, иваново-вознесенцами, которые в продотрядах ездили иногда с книжками в качестве агитаторов, а иногда в качестве продармейцев с винтовками. Что это работа трудная, что особо больших средств мы на эту работу не выделим, это бесспорно, но бесспорно также и то, что организациям союзов в деревне нужно помочь. Мы отдельно поговорим по этому вопросу в организационной секции с'езда, ибо некоторые вопросы встречали разногласия в Президиуме ВЦСПС. Мы их передали на разрешение практиков, людей с мест. У украинцев есть кое-какой опыт в этом отношении, — это нам известно. Давайте по-деловому подойдем к этому вопросу.

Теперь — о производительности труда. Наше отношение к задачам в области производительности труда в основном уже наметилось в той речи, которой я открывал с'езд, и затем этот вопрос был развит в речи тов. Зиновьева. Я считал возможным этого не касаться в отчете ВЦСПС. Но раз вопрос о производительности труда затронут, затронут тов. Рязановым, я принужден начать говорить по вопросу о производительности труда, и начать именно с тов. Рязанова. Тов. Рязанов начал свою речь с указания на то место в печатном отчете ВЦСПС (на 8 странице), где неправильно, нелитературно сформулировано одно положение, носящее не основной, не принципиальный характер, а употребленное лишь как сравнение. Я считаю, что это неудачно, нелитературно, но у нас

в Президиуме ВЦСПС литераторов нет. *(Д. Б. Рязанов:* «Не скромничайте, тов. Томский!»). И мы вынуждены оказать тов. Рязанову: «куда нам за вами!», — но мы не особо этим огорчаемся. Не один раз слышали мы выступления литераторов, говоривших по вопросам рабочего движения... *(Д. Б. Рязанов:* «Кто вам поверит, что я литератор?») ...и каждый раз, кроме путаницы, они ничего не вносили. Но, тов. Рязанов, мне все поверят, что вы очень мало понимаете в очередных задачах рабочего класса. *(Д. Б. Рязанов:* «Возможно»). Во всяком случае. *(Д. Б. Рязанов:* «Докажите»). Тов. Рязанов, вы произнесли своим прекрасным басом очень бурную декламацию, упрекнули нас в дешевом эффекте. Полегче, тов. Рязанов, полегче. Не думаете ли вы, что ВЦСПС и те товарищи, которые писали отчет и при этом допустили неправильность и неточность, — оскорбительную для рабочего класса, — захотели этим стяжать дешевый эффект? Я думаю, нет. Вы выступаете защитником рабочего класса. От кого? От нас? Не пугайте нас белогвардейцами. Белогвардейцы не придали бы этому никакого значения, но когда тов. Рязанов сделал из этого целый политический вопрос — тут белогвардейцы подхватят. Неужели тов. Догадов и другие товарищи желали оскорбить русский рабочий класс за его поведение в эпоху военного коммунизма, рабочий класс, который мы мобилизовали по 70 тысяч и отправляли на фронт, не всегда при вашем одобрении, — рабочий класс, для которого мы вводили сдельщину, который многим жертвовал? Подозревать нас в том, что мы хотели оскорбить рабочий класс, идя на дешевый эффект, — это неверно, неправильно и некрасиво, тов. Рязанов!

Но я спрошу вас, товарищи, члены с'езда, понял ли кто-нибудь из вас, что говорил тов. Рязанов о производительности труда? *(Голоса:* «Очень мало»). Я думаю, никто ничего не понял. *(Д. Б. Рязанов:* «Не выдавайте с'езду свидетельства о бедности»). Рабочему профессиональному движению те азбучные истины, которые голосом пифии вещал тов. Рязанов об интенсивности и производительности труда, давным-давно известны. Это знает каждый рабочий. Скажите мне, тов. Рязанов, вы за поднятие производительности труда или против? *(Д. Б. Рязанов:* «Против»). *(Смеется).* Вы против, но вы, товарищ, не в единственном числе. Есть многие, кто против поднятия производительности труда, ибо она ведет к усилению Советской республики. *(Аплодисменты).* Тов. Рязанов смеется, но

я боюсь, что он над собою смеется. Он смеется над собою потому, что в это время перед рабочим классом стоит в качестве основной задачи поднятие хозяйства страны, потому что в это время мы бьемся не над одной этой задачей, потому что мы подошли к тому моменту, когда мы видим, что экономическое положение рабочих далеко еще не блестяще. Все признают, что и в дальнейшем мы должны стремиться к повышению заработной платы рабочих, и мы видим не только это, но и то обстоятельство, что при данных хозяйственных ресурсах, при данной степени производительности труда это дальнейшее повышение не выходит, товарищи. Вот откуда лозунг поднятия производительности труда, ибо только в этом залог дальнейшего развития нашего хозяйства и повышения производительности труда. Это написано Владимиром Ильичем два года тому назад и остается верным до настоящего времени, ибо ведь до сих пор нам не дают заем, ведь пока у нас нет денег, крупная промышленность не особенно поднята, — верно утверждение тов. Акулова, что производительность горнорабочих низка, верно ведь, что поднятие крупной индустрии, восстановление производительности идет чрезвычайно медленно, верно ведь, что иногда оно ведется более быстро хозяйственниками, чем это следует делать, и это отражается болезненно на рабочих — пока все это имеет место, мы ничего, в смысле повышения заработной платы, достигнуть не сможем.

Какой ряд мер должен быть предложен для повышения производительности труда? Простые ли фразы об интенсификации труда, т.-е. простые крики по адресу рабочего класса: «нажми», «грянем дубинушку, двинем» — это ли? Это? Нет, не только это. Кроме этого, необходима лучшая организация нашего хозяйства и лучшая организация всех тех мелочей, которые необходимы при труде, вплоть до инструментальных складов, до раздачи инструментов, до подбора инструментов, до организации рабочих масс, до траспортирования и подачи материалов, необходимо дальнейшее сокращение штатов и в том числе достижение и более высокой личной интенсивности труда. Мы от этого не отказываемся и не отпираемся. Как поднять эту интенсивность труда? Для нас бесспорно, что путем сдельной системы. Рязанов против сдельной системы. (*Д. Б. Рязанов:* «Ничего, подобного! Стенограмма есть»). В довоенное время мы по понятным причинам, когда работали

на капиталиста, были против сдельных систем. После взятия власти в свои руки... *(Д. Б. Рязанов:* «Не слышно»). Когда вы говорили, я вас не перебивал ни в одном слове и терпеливо слушал вашу декларацию до конца, позвольте теперь и мне высказаться. И я сделал ошибку вместе с Рязановым в 1918 году, когда мы спорили против Владимирова, Гастева и других, которые уже в 1918 г. выдвинули лозунг интенсификации труда. *(Д. Б. Рязанов:* «Что выдвинули?»). И я спорил тогда против них. Но можно ошибаться в течение одного года и нельзя ошибаться в течение 7 лет. Вы думаете, что это способствует поднятию производительности труда, тов. Рязанов, когда вы выходите на трибуну VI С'езда, откуда вас слушает вся рабочая масса и откуда через рупор передается на Театральную площадь ваша речь, в которой вы рассказываете нам, что сдельщина есть бездельщина? *(Д. Б. Рязанов:* «Неограниченная сдельщина!»). Призовите его к порядку, попросите его замолчать. Может быть, в Социалистической Академии царят подобные нравы, но у нас нужно давать говорить.

Сдельная оплата труда способствует выявлению личной интенсивности труда или нет? Конечно, способствует. Имеет ли она теневые стороны? Имеет теневые стороны. Но теневые стороны имеет вообще всякая интенсификация труда. Мне подали одну записку, где говорят: как поднять производительность труда, когда сегодня поднимем ее, а завтра — сокращение штатов? Как тут поднимать производительность труда? Мы идем на эти жертвы, товарищи. Как мы действуем по отношению к служащим? Чтобы было экономнее, дешевле, — давайте сокращать штаты. А что такое сокращение штатов? Понятно, что за этим отвлеченным словом — штаты — стоят живые люди с плотью и кровью, и сокращать штаты значит — увольнять служащих. Но мы на это идем. Ибо это предпосылка дальнейшего развертывания нашей промышленности и всего нашего хозяйства. Никакой производительности, никакого хозяйства не будет, если предприятие будет работать с нагрузкой в 35%. Но вопросы о сокращении штатов, о полной нагрузке предприятий, о концентрации промышленности давно уже решены для профессиональных союзов. Что сдельщина имеет теневые стороны — это ясно. Может быть, для отдельного предприятия она приведет к непосредственному, прямому сокращению рабочих, но, путем выпуска более дешевых товаров, путем создания рынка,

путем полной нагрузки отдельных предприятий, она послужит толчком для развития и другого и данного производства. Это видно на опыте текстильной промышленности. Потерпела она от концентрации? Нет, она выиграла. Текстильные фабрики и предприятия развернулись в целом ряде случаев с полной нагрузкой.

Сдельная система имеет и другую опасность, которая, может быть, многими профессионалистами, а не только тов. Рязановым, не учитывается. Сдельная оплата труда несет с собою опасность и для хозяйственников и для профессионалистов; в случае, если мы при переходе на неограниченную сдельную систему не устанавливаем правильных норм производительности труда, то производительность труда будет подыматься, но гораздо выше будет подыматься заработная плата, и мы можем оказаться перед таким фактом, когда в ближайшее время общий пред'явленный счет заработной платы окажется не по карману государству и повлечет за собою задолженность, а задолженность, это — такая вещь, и тов. Соловьев говорил об этом, которую циркуляром ВЦСПС не упразднишь. Мало написать циркуляр — не должай, выплачивай во-время заработную плату, но нужно к этому циркуляру приложить деньги, чтобы было, чем оплачивать, одного желания мало. Вот эта опасность существует и не следовало бы профессиональным союзам слишком увлекаться неограниченной сдельной системой и ею увлекаться нельзя особенно в том случае, если под нею нет научных предпосылок в виде соответственных норм выработок. *(Д. Б. Рязанов:* «Правильно. О-го!»). Правильно, тов. Рязанов. Так вы бы просто и прямо сказали это с'езду, а не говорили бы о сдельщине и бездельщине, что может быть очень плохо истолковано с'ездом. Я вижу, что тов. Рязанов убедился и не теряю надежды, что мне удастся еще кое в чем его убедить. *(Д. Б. Рязанов:* «Особенно, когда вы согласны со мною»). С вами нельзя быть согласным. Вы всегда очень красиво говорите, но никто не может понять, что вы говорите.

Как поднять экономическое положение рабочих? Тов. Рязанов дал нам прекрасный рецепт. Он сказал: хозяйственники, которые должны быть кулаками... сжать... и т. д. *(Смех).*

Тов. Рязанов, нужно ничего не понимать в психологии рабочего класса, не отдавать себе в ней отчета, чтобы увлекаться красивыми фразами в ту эпоху, в которой мы живем, чтобы

рекомендовать это профессиональным союзам. Если бы профессиональные союзы, эти массовые организации рабочего класса, хоть на минуту послушали бы одного из седых вождей и пошли бы по его стопам, то, как бы ни были крепки у хозяйственников кулаки, они были бы побиты, но, вместе с тем, были бы побиты и наша государственная промышленность и наше хозяйство. Ибо в каждом вашем наступлении, в каждой вашей травле хозяйственников вы найдете за собою сочувствие несознательных масс, которые видят, что хозяйственник требует работы: «во-время приходи, а получай меньше заработной платы». Это хозяйственник должен делать, соблюдая общие классовые интересы рабочего класса и государственной промышленности. Увеличение работы, понижение заработной платы, вот как должны рассуждать наши хозяйственники, следуя даже рецепту тов. Рязанова. И когда профессиональные союзы скажут: «это дело твое, требуй, что хочешь, а мы требуем понижения работы и повышения заработной платы»,— за кем тогда останется победа? А где будет победа государственной промышленности, а где наше восстановление, где наша тяжелая промышленность, где восстановление всего народного хозяйства? Спасибо за этот рецепт, тов. Рязанов! Этот рецепт годился нам *(Д. Б. Рязанов:* «Никогда не годился») до 25 октября, а если он никогда не годился, то не выходите с такими речами на трибуну VI С'езда Союзов и не морочьте людей. *(Аплодисменты).*

Но дальше происходит уже новая путаница. Я буду говорить не только о Рязанове, но и обо всех товарищах, которые упрекали нас в слабом регулировании заработной платы и выдвинули вопрос о ее регулировании. Это, может быть, простительно многим молодым работникам, но непростительно ни тов. Рязанову, ни тов. Акулову. Не случайность, что когда я задал вопрос тов. Акулову: «а как вы предлагаете это сделать? — он начал говорить «вообще», но не сказал, как регулировать заработную плату. А Рязанову, когда он говорит о том, что надо регулировать заработную плату, не боясь возврата к эпохе военного коммунизма, путем градаций, соответственно роли каждого предприятия в общей системе хозяйства, надо сказать: не прячьте определенного и ясного понятия за разными общими словами: «регулирование», «градация» и т. д. Тот, кто такие слова употребляет, а до точки «не договаривается», желает играть в прятки. Пряток нам не нужно.

Что такое регулирование заработной платы в современных условиях? Значит ли это: если пищевики выдвинулись, то им нужно сказать — «снизьте заработную плату»? Нет. Это значит: не пускать пищевиков по заработной плате вперед и не давать им повышать ее. Это значит, что каждый коллективный договор должен восходить на утверждение какого-то высшего органа, который не утверждает этот договор, если находит заработную плату слишком высокой, и т. д.

А в частной промышленности можно поднимать заработную плату? Может ли тов. Кроль требовать повышения заработной пла платы у частного предпринимателя, колбасника или пекаря? Может и обязан. Если какая-нибудь группа частных пекарей поднимает заработную плату своих рабочих, кто же скажет, что этого нельзя делать? А кто из вас возьмется порекомендовать, чтобы для рабочих частной промышленности была одна плата, потому что они у частного хозяина, а для государственных рабочих — другая? Это создаст очень невыгодное положение для нашей государственной промышленности в глазах рабочих. Особенно смешно это звучит сейчас, когда все вы, на каждом заводе говорите: «по собственной инициативе поднимайте производительность труда, поднимайте прозводительность труда путем сдельных расценок». Вы знаете, как нужно регулировать заработную плату при сдельной оплате труда? Нужно, чтобы ВЦСПС установил нормы выработки и сдельных расценок. Укажите мне другую систему установления выработки при сдельной оплате труда! Не укажете вы такой системы. И что бы вы мне ни говорили, но если вы хотите регулировать заработную плату, то вы должны поставить точку над «і»: тариф, утверждаемый государственным органом,— другого выхода нет.

Ведь то, что вы нам говорите, мы все это проделали, мы шли постепенно от государственно-декретированных тарифов к общегосударственным тарифам, к установлению прожиточного минимума и т. д. И пришли к тому, что система государственного нормирования труда противоречит интересам нашего хозяйства в обстановке новой экономической политики. Ни один хозяйственник не станет работать и не согласится работать, когда мы ему из Москвы будем определять: таким-то рабочим платить столько-то, а больше нельзя. Вы не можете сказать «а», не сказав «б». Вы

говорите: «устанавливать, не давать, не пускать». Мы можем это сделать *только путем общих декретов* и союзной дисциплины, и никаких других форм государственного регулирования заработной платы вы не придумаете. Я спрошу председателей тех союзов, которые, как вы считаете, выдвинулись по заработной плате, товарищей Кроля и Кутузова, давали мы такие директивы? — Давали, — но не всегда во власти ЦК союзов устанавливать заработную плату. Зачем же вы стыдливо подходите и говорите: «градация», «регулирование труда». Говорите просто: недопустимо повышать заработную плату. А если вы говорите: «не повышать заработную плату, не допускать повышения», и принудительно не допускать, т.-е. так, чтобы центр не допускал, то вы должны считаться с теми случаями, когда эти союзы случайно вырываются. А тогда что? Тогда — снижать. Сказавши «а» в области регулирования заработной платы, нельзя не сказать «б», и этим путем вы придете к тем же государственным тарифам. Кто этого не знает и не может продумать до конца, тот не помнит всей истории государственного регулирования заработной платы в России, а мы ее проделали на своей шее, всю, с самого начала и до конца, с первого московского декрета и до последнего времени. А вы нам предлагаете опять пройти этот путь, только с другого конца. Время отошло, и потому никто из центра не сможет регулировать установления сдельщины. Не бросайте нам таких упреков, если вы не сознаете того, что сама по себе производительность труда должна вести не только к повышению заработной платы, но должна и кое-что давать по линии восстановления народного хозяйства, должна удешевлять производство товаров, необходимых для крестьянства. Если вы этого не поймете, то не поможет никакое государственное регулирование. Мы сорвемся тогда: сдельную систему заработной платы вздуем, а производительность труда у нас отстанет. Это должен сказать с'езд по данному вопросу (*Голос:* «Какие справедливые расценки норм?»). Я не могу отвечать с трибуны на вопросы с мест. Прошу подавать записки. Я не коснулся одного вопроса — о работе среди национальностей, о национальной проблеме и о строении всего нашего профессионального движения по областной системе. Вы знаете, что с самого начала, когда мы, большевики, захватили большинство в профессиональных союзах путем упорной борьбы с меньшевиками, среди прочих колоссальных разногласий, которые

нас разделяли, был целый ряд разногласий организационных. Среди этих разногласий был вопрос о централизме, сторонниками которого мы являлись в профессиональном строительстве, или федерализме и усилении роли местных организаций, что предлагали меньшевики. Всякий, кто интересуется этими вопросами, пусть просмотрит прения в организационной секции II С'езда [79]). На II С'езде, ведя с меньшевиками борьбу по этой линии, мы осудили областную систему строительства, видя в ней опасность федерализма. Тогда, при молодости нашего движения, которое слагалось из областных организаций, и в условиях, когда эти областные организации тянули каждая в свою сторону, это был правильный шаг, но теперь, после того как наше профессиональное движение уже 6 лет централизовано, теперь эти тенденции нам не опасны. Мы достаточно пережили с того времени, со времени II С'езда, мы создали одну из сильнейших профессиональных организаций, и эту профессиональную организацию, при новом типе государственного строительства и районирования СССР, мы перестраиваем опять по областной системе. Но когда вы будете обсуждать в организационной секции настоящего с'езда вопрос об организационном строительстве, вы должны будете твердо повторить, что централизм профессионального движения, общее руководство всем профессиональным движением из центра, остается и должно оставаться незыблемым руководящим принципом нашего профессионального движения, ибо в нашей работе какой-нибудь разброд, какая-нибудь самостоятельная политика отдельных организаций является вредной и послужит первой предпосылкой к распаду рабочего класса. Это является неправильным и потому, что на почве известных уклонений от принципа централизма может получиться извращение не только организационное, но и в области экономической политики рабочего класса, и в этом отношении мы должны строго помнить основные принципы профессионального движения. *(Голоса: «Правильно!»)*

Что касается национального вопроса, то я думаю, что этот вопрос, который мы подробно будем разрабатывать в секциях, для нас в основном абсолютно ясен. Для нас должно являться правилом следующее: в национальных республиках, как Грузия, Азербайджан, Украина и т. д., союзы, если таково решение их членов, все свое делопроизводство целиком должны вести на национальном

Фот. П. Оцуп.

На параде подшефной ВЦСПС Кавбригады им. И. В. Сталина во время VI С'езда Профсоюзов СССР (1924 г.). (*В первом ряду:* 3-й справа — М. П. Томский, 5-й — Г. Н. Мельничанский, 1-й — С. М. Буденный, 2-й и 4-й — члены английской делегации тред-юнионов А. Персель и Ф. Брамли, 6-й — А. Марти, 7-й — К. Е. Ворошилов, 11-й — Ю. П. Фигатнер, 13-й — В. В. Шмидт; *во втором ряду:* справа от М. П. Томского — А. И. Догадов, влево от В. В. Шмидта — О. Ф. Чернышева; *в третьем ряду:* справа от Ю. П. Фигатнера — Я. К. Яглом).

языке. С'езд может постановить, чтобы там, где оказываются значительные группы русских рабочих (а это сплошь и рядом бывает), делопроизводство велось на двух или трех языках, в зависимости от данной местности, это — бесспорное положение. Вся культурно-просветительная работа должна вестись, главным образом, на национальном языке. Все это бесспорные принципы нашей работы, которые мы должны закрепить, провести и оформить через организационную секцию.

Я не могу не остановиться на некоторых вопросах, которые я считаю принципиально важными. Меня немного беспокоило, что не один, а несколько ораторов касались вопроса о циркулярах и выражали опасение, как они смогут работать без таковых, как они без них обойдутся: нельзя, мол, без циркуляра! Ставили нам в вину, что мы мало писали циркуляров. Я думаю, что это хорошо, а не плохо. Мне задают вопрос: как без денег и циркуляра обслужить низовые организации? Товарищи! Если вы можете обслуживать низовые организации только путем циркуляров, то никаких низовых организаций у вас не будет. Они должны быть обслужены живой связью. У нас порядок такой: создается правление райкома, которое собирается в два месяца раз, иногда же раз в месяц. Самые демократичные собираются в две недели раз, а все остальное делает президиум. Я не хочу вас вести обратно к 1905—1906 гг., но возьмите вы 1917 год. Я напомню присутствующим здесь многим московским металлистам, как работало в старые годы правление союза московских металлистов, в котором я принимал участие. В то время правление собиралось каждую неделю, каждый член правления нес определенные функции, и от этого ничего плохого, кроме хорошего, не вышло. Когда выбирают правление союза, то иногда демократизм приводит к тому (я считаю это плохим демократизмом), что в члены правления выбирают некоторых рабочих с предприятия, как принято говорить, от станка. И человек осуществляет своим присутствием якобы связь с массами, а что получает этот рабочий от станка во время своего пребывания в правлении? Ничего. Раз или два раза в месяц он придет в правление, посидит там и уходит обратно к своему станку. Никакая связь этим не осуществляется и никакой работы в правлении такой его член не ведет. Если мы так будем осуществлять связь с массами, то у нас из этого ничего не выйдет. Каждый член

правления должен нести в работе определенные функции, он должен быть связан с двумя или тремя, в зависимости от количества и величины предприятий, заводскими комитетами, за работой которых он наблюдает, изучает ее, в меру своих сил и способностей руководит ею, делает о их работе отчеты в правлении и т. д. Вот вам живая связь, которая несравненно лучше циркуляров. Но наши члены президиумов этого не долюбливают. Привыкли к старому методу работы: втроем, вчетвером собрались, решили без всяких прений — коротко и ясно. Это неправильно. Надо выдвигать новых работников, но выдвигать не только путем школьной дрессировки. Школа вещь вообще не плохая, но этого мало: надо выдвигать человека путем испытания в работе, втягивая его в работу постепенно. Очень плохо, если вы возьмете рабочего от станка и он будет носить звание члена правления, а на опыте вы его не проверите и никакой работы с ним не проделаете. Это было бы нелепо и странно, и вы искалечите только человека, если сразу же возьмете его от станка, пошлете хотя бы в президиум губпрофсовета и заставите там работать, если он предварительной профессиональной школы не прошел, если на маленькой работе вы его не проверили и он в нее не втянулся. Такой метод никуда не годится. Если бы мы, тов. Плаксин, прислали вам сотни циркуляров, ваша работа все равно не двинулась бы и вы не сумели бы раскопать тех недостатков, которые были обнаружены, вами признаны и исправлены (за что вам честь и слава!), когда мы прислали вам вместо циркуляра двух дельнейших инструкторов и специалиста по отчетности, делопроизводству и т. д., которые два месяца порылись у вас, все пересмотрели, обсудили с вами и т. д. Я уверен, что это гораздо лучше, и вы сами, положа руку на сердце, скажете, что это гораздо лучше для вас. Конечно, этот метод, может быть, не всегда доступен за отсутствием людей, но другого метода вы не придумаете.

Не плачьте о циркулярах. И если я говорю против циркуляров, то вспомните опять-таки тот же самый отчет саратовского ГСПС. Циркуляры, бумаги, писание и канцелярщина буквально заедали вас в 1923 г. Вот вам характерный пример. За 3 месяца — август, сентябрь и октябрь — саратовским союзом пищевиков выданы членам союза для целого ряда учреждений различные справки и удостоверения, а всего 2.360 удостоверений и свыше

30 бумаг. Один губотдел выдает столько разных удостоверений, да сколько еще вы циркуляров получаете! Исходящие бумаги в некоторых губпрофсоветах за месяц достигали нескольких тысяч штук — исходящие в разные учреждения в виде циркуляров, предписаний и т. д. И, несмотря на это, работа шла гораздо хуже, чем сейчас, в 1924 г., когда мы стали писать меньше бумаг,— это несомненно и против этого спорить нельзя.

Вопрос о неправильных исключениях из союзов заинтересовал больше всех других и вызвал целый ряд замечаний, в том числе и со стороны Белоруссии, которая заявляет, что некоторые факты относятся к старой деятельности союзов 1922 г., что некоторые ошибки ими были немедленно исправлены. Тем не менее, это своевременный и важный вопрос, об этом свидетельствует папка, которая у меня есть, и записка: «как смотреть на работу в союзе в качестве уполномоченного цеха?» Товарищи! Неужели за то, что рабочий по каким-то своим личным соображениям (по каким — трудно сейчас представить) отказывается работать в качестве уполномоченного цеха, за это его надо исключать из союза? Нельзя применять такой метод. Исключать из союза можно за измену, за предательство рабочего класса, за поведение, которое недостойно члена профессионального союза, но исключать человека за то, что он отказался от активной работы,— ведь это немыслимо. Вы можете составить о нем определенное мнение, как о неактивном работнике, можете решить, что выбрали его неудачно, но вы не должны исключать его из состава членов союза.

Еще записка: «Как исключать из союза того, кто неоднократно появляется пьяным на фабрике и скандалит, несмотря на все раз'яснения о недопустимости подобного поступка?» Кто же спорит против того, что пьянство на заводе вещь вредная, что нельзя никому появляться на заводе в пьяном виде? Но для борьбы против этого существуют правила внутреннего распорядка, есть коллективный договор, предусматривающий это. Такого рабочего нужно с фабрики удалить; пусть он протрезвится, походит, погуляет безработным и поймет наконец, что на фабрике нельзя пьянствовать. Но разве из этого следует, что за пьянство нужно исключать из союза, разве союз является обществом трезвости? Я в этом сомневаюсь. И если бы в союзы подбирали только людей непьющих, то у нас было бы в них не 6 миллионов, а человек

600. Тут, товарищи, опять хватание через край. Борьба с пьянством и борьба с самогоном — вещь нужная, но нельзя из-за этого исключать из союза. Я боюсь, что тот, кто исключает за пьянство из союза, если бы его проконтролировать, и сам, вероятно, всю свою жизнь был не таким-то уж трезвенником. Нельзя так жестко подходить к этому вопросу. Это вопрос не сегодняшнего дня, он родился не тогда, когда родился вопрос борьбы с самогоном, и потому исключать за такие вещи, за которые и партия не исключает своих членов, нельзя. А ведь в партии совершенно другая дисциплина и между партией и профессиональным союзом большая разница, и партийную этику и партийные методы нельзя переносить на союзную почву. Союз — не партийная организация. Я еще раз утверждаю, что этим вопросом нужно заняться, что на него надо обратить самое серьезное и сугубое внимание.

Следующий вопрос — «как смотреть на кружки в клубах, которые создаются принудительным порядком?» Товарищи! Если у вас есть такие лектора, к которым слушателей нужно набирать в принудительном порядке, то не ссорьтесь вы из-за этого с рабочими и членами союза, не загоняйте их, а отведите такому лектору отдельную комнату и пускай он сам себе читает. Ведь это же дикий вопрос — «как относиться к созданию принудительным порядком кружков?» Кто же пойдет к вам в клубы при таких условиях? Разве я пошел бы к вам в клуб и записался бы в члены, несмотря на то, что я довольно сознательный рабочий, если бы я знал, что вы меня принудительно назначите в драматический кружок, а я ничего и никого не хочу изображать, или если бы я знал, что вы заставите меня заниматься астрономией, а я по астрономии слаб, у меня голова от нее кружится; если бы я все это знал, то я бы не пошел в клуб. Нельзя так подходить к вопросу. Неужели можно при этом говорить о добровольности вступления в клубы? Ни один здравомыслящий рабочий не пойдет к вам в клубы при таких условиях.

Затем мне задают вопрос, как привлечь в клубы рабочих свыше 40 лет? Привлечь можно в том случае, если вы их ни к чему не будете принуждать. Не хочет ходить в кружок, пусть не ходит; не хочет заниматься музыкой, пусть не занимается. Предоставьте такому рабочему быть тем, чем он сам хочет, а не тем, чем вы хотите. Члены клуба не являются об'ектами воздействия для

правления клуба; они не являются об'ектами, над которыми правление клуба может производить свои эксперименты. Мы должны помнить, что клуб — для рабочей массы, а не рабочая масса — для клуба. Кто не может этого понять, тот ничего не может понять в культурно-просветительной работе. Это — важнейшая и труднейшая работа, на которую мы должны выделять наиболее ответственных работников. За последние два года мы в этой области, несмотря на наши ошибки и уклоны, все-таки достигли колоссальных результатов и успехов.

Мы имеем сейчас около 2.000 клубов, которые распространились везде и всюду и которые растут, как грибы. Мы имеем проявление самодеятельности рабочей массы. Нельзя кабинетными планами воздействия на массы зажать этих членов клуба в какие-то удобные вам рамки. Не забывайте, что культурно-просветительная деятельность — для поднятия духовного уровня масс, а не массы — для культурной деятельности. Масса, это — не придаток к вашим культотделам и вашим клубам. Эти культотделы и клубы существуют для того, чтобы поднимать культурный уровень масс и для того, чтобы давать массам политическое воспитание. Нужно изгнать из этой работы не только тень принудительности, но и тень надоедливости, тень *тенденциозности*. А вы все даете рабочему с тенденцией, с направлением: и театр с направлением, и лекции с направлением, и кружки с направлением — рабочему это надоедает и ему хочется получить что-нибудь и без направления. Нельзя человеку всегда жить с тем направлением, которое угодно правлению вашего клуба. Воспитание и пропаганда должны вестись умело. Этот вопрос стоял перед нами и в старые годы. Хороших пропагандистов чрезвычайно мало. Нужно самому много учиться, чтобы воздействовать на массы, уметь их обработать и научить чему-нибудь. Нужно уметь заинтересовать массы, нужно добиться того, чтобы у массы возникли запросы и сомнения, и чтобы она за разрешением этих сомнений приходила к вам. Нельзя дело ставить так: вот — садись и слушай, а я тебя сейчас начну политграмотой обрабатывать! Так — нельзя.

Теперь, в заключение, пару слов о том, что тут говорилось об инженерах и вообще о техническом персонале в союзах. Инженеры пишут в записке, которая будет приложена к протоколу или оглашена в конце заседания, что инженерная секция, Бюро

инженеров, со своей стороны, прилагает все усилия, чтобы вовлечь инженеров и вообще всю массу техников в общую нашу работу по поднятию производительности труда, и что на ближайшем с'езде инженеров этот вопрос будет поставлен. Я не сомневаюсь, что инженеры так делают и так сделают. Но я должен вообще коснуться вопроса о нашем отношении к техническому персоналу, к инженерам и некоторым другим кадрам специалистов. Нам, конечно, нужно повести очень серьезную и настойчивую линию по извлечению инженеров из канцелярий и привлечению их в производство. Хороший инженер у нас иногда сидит в канцелярии и пишет планы и проекты, может быть, и очень хорошие планы, но планы, которые на местах некому осуществлять за отсутствием технических сил. В Москве мы насчитали около 1.000 безработных инженеров, в то время, когда в провинции и вообще по всему Союзу ССР жалуются на отсутствие технических сил. Я думаю, что с безобразным явлением, когда в Москве имеется куча безработных инженеров, безработных врачей, которые все жалуются на тяжелое существование, но из Москвы никуда ехать не хотят, нужно покончить.

Вся наша страна, целые сотни людей умирают от отсутствия элементарной медицинской помощи, лечатся у знахарей, а у нас находятся безработные врачи, которые не могут приложить свои силы в Москве. Страна нуждается в самой элементарной технической подготовке, рабочий класс нуждается в опытных руководителях, а тысячи инженеров не могут приложить свой труд в Москве и все-таки не желают уехать из Москвы. Здесь надо поставить вопрос о том, нельзя ли их рассматривать, как нетрудовой элемент, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Последний вопрос об Амстердаме. Товарищи затронули вопрос об Амстердаме и гадали о том, какой должен быть брак: по любви или по расчету. Когда тов. Гейро рекомендовал брак по расчету, мне много раз хотелось сказать, что я на это пойти не могу, что, как человек с темпераментом, я желаю заключить брак по любви. *(Смех)*. В основу нашего об'единения должны ставиться не вопросы любви, не вопросы расчета, как равно и не моральные соображения или те вопросы, которые выставлял тов. Петросов со свойственным ему темпераментом. Все это очень трогательно, все это годится иногда для митинга, но не годится для холодного

политического расчета, исходящего из общих интересов рабочих. Не любовь, не материальный расчет, не моральные соображения должны быть положены в основу разрешения этого вопроса.

Только одно соображение может лечь здесь в основу решения. Ведет ли сейчас буржуазия политическое наступление на рабочий класс? Наблюдается ли оно в Англии и Германии или нет? В этом нет сомнений. Сопутствует ли политическому наступлению и экономическое наступление капитала? Да, сопутствует. Вытекает ли все это из всей экономики Западной Европы? Да, вытекает. Должны ли мы оставаться безучастными зрителями предстоящих боев пролетариата и буржуазии Западной Европы: это, мол, нас не касается, мы создали Советскую Республику, а вы деритесь, как хотите, — или мы считаем интересы международного рабочего движения своими и поэтому должны активно вмешаться и бросить на чашу весов все влияние, все значение миллионов рабочего класса, весь революционный пыл, все наше значение, как рабочего класса, стоящего во главе одного из величайших государств мира? Мы должны вмешаться, мы не можем оставаться безучастными. Должны ли мы для этого итти на единство профессионального движения и выступить за него борцами, хотя бы для этого и пришлось иметь дело в том числе и с людьми с сомнительной репутацией? Да, другого пути быть не может! И те товарищи, которые говорят о том, что международная социал-демократия разлагается, что следует подождать, пока она совсем разложится, совершают ошибку. Эта политика не годится.

Это меньшевики говорят рабочему классу: «судьбы капитализма предрешены, капиталистические противоречия назревают». Это сформулировано у Карла Маркса так: «разрывается оболочка капиталистического общества, бьет час падения капитализма и т. д.», а поэтому меньшевики предполагают ждать, пока созреет, лопнет, вылупится новое общество. Но будет плохой тактикой со стороны людей, называющих себя большевиками, предлагать подобные вещи.

Если разлагается, то мы будем содействовать этому разложению, если не разлагается, то мы должны сделать так, чтобы оно разложилось,— вот большевистская тактика. Ошибку делают те товарищи, которые думают, что так как социал-демократия разлагается, гниет в углу Западной Европы, то нам надо подождать.

Ведь западно-европейские профессиональные союзы идут за этой разлагающейся социал-демократией. Они идут за нею со своими миллионами рабочих. Вы можете их оценивать, как хотите; вы можете говорить, что они разлагаются, что они предатели. В этом есть много правильного, много истинного, но миллионы рабочих еще идут за ними; они еще руководят ими, и эти миллионы рабочих являются большой силой, которая будет драться на международной арене борьбы труда с капиталом. И мы не можем рассуждать только таким образом, что они предатели, так как у них на руках кровь того-то, так как кто-то ездил куда-то, так как они якшались с фашистами,— какое дело до этого истории? Так не могут рассуждать активные борцы рабочего класса. Борьба должна быть единой. Мы не отделяем одного пролетариата от другого. Все рабочее движение нам близко. В этом весь смысл нашей борьбы. И победа 25 октября 1917 года была завоевана под флагом международной пролетарской революции. Мы не ошиблись, ибо в своей борьбе, когда на нее со всех сторон напирали капиталистические государства, мы победили не только потому, что у нас была доблестная Красная армия, и не только потому, что у нас был прекрасный красный тыл, но и потому, что симпатии десятков миллионов рабочих английских, французских, немецких и иных были на нашей стороне. И когда французские моряки отказались стрелять, когда английские рабочие отказались давать припасы, когда французские и английские солдаты у нас разлагались и не желали воевать с нами,— вот это-то и было то, что спасало и спасло нашу республику. Ставка на международное движение, это — ставка на окончательное завершение того дела, за которое борются рабочие, ставка на установление диктатуры пролетариата во всем мире. И здесь не годятся ни моральные соображения, ни вопросы любви и расчета.

Поэтому, исходя из соображений, высказанных мною, я считаю политику в отношении Амстердама абсолютно правильной.

Заканчивая свое заключительное слово по отчету, я думаю, что воля ваша судить нашу работу за два года, как вы найдете нужным, но мое впечатление таково: в речах выступавших ораторов, несомненно, ни по одному серьезному вопросу, ни по одному серьезному начинанию ошибок указано не было. Дефекты в работе были, конечно, но, очевидно, они были так незначительны, что их

не сумели вскрыть, а только голословно утверждали, что работа наверху была плоха, или обвиняли нас в том, что плоха была директива за номером 606. Может быть, заменить номер у циркуляра № 606? Мне тут говорили, что 914 тоже очень неприличная цифра, но ведь этих цифр вычеркнуть из наших исходящих мы не можем. Позвольте уж нам номеровать наши циркуляры в том порядке, в каком они идут. Работа ВЦСПС в основном была правильной. Отдельные ошибки, недочеты были. Мы от них не отказываемся.

Но в общем и целом наша совместная работа привела профессиональное движение к такой крепости и оживлению, которых,— я утверждаю это с полным сознанием ответственности,— за всю историю профессионального движения не было. *(Аплодисменты).*

Напечатано в стенографическом отчете VI С'езда Профсоюзов СССР. Изд. ВЦСПС. 1925 г. и в «Избранных статьях и речах» М. Томского. Книгоиздательство ВЦСПС. 1928 г.

Закрытие VI С'езда Профсоюзов СССР.

18 ноября 1924 г.

Товарищи! Прежде, нежели выступить для исполнения поручения, данного мне президиумом с'езда [67]), я позволю себе лишь в двух словах поблагодарить, товарищи, вас за ваше теплое, братское отношение. Лично я целиком отношу его к той партии, в рядах которой я политически вырос и которая на протяжении всей моей сознательной политической жизни руководила каждым моим шагом и поправляла неоднократно ошибки и уклоны и тем самым помогла мне сделать то, что я сделал только лишь с ее помощью. Без этого никто ничего сделать не может.

Теперь перехожу к поручению, данному мне президиумом. VI С'езд Профессиональных Союзов СССР подошел к концу своих работ. На этом с'езде мы видим две особенно характерные черточки: полное единодушие по всем важнейшим принципиальным вопросам, полное единодушие и отсутствие каких бы то ни было споров, трений, оттенков мнений по этим вопросам, при всей напряженной страстности по вопросам практической деятельности союзов, по вопросам взаимоотношений отдельных союзных организаций и, главным образом, по вопросам, являющимся основным нервом союзной деятельности, — по вопросам производства. Это указывает, что наше профдвижение нашло верные пути, твердо убеждено в правильности этих путей и лишь продолжает начатое нами со II Пленума ВЦСПС (февраля 1922 г.) [4]) и V С'езда Профсоюзов упорядочение, установление и углубление принципов, которые дал V С'езд по руководству работой в новых условиях [2]).

Я считаю, товарищи, что этот деловой характер с'езда, свидетельствующий о том, что в нашей среде нет никаких колебаний, никаких разногласий по важнейшим принципиальным вопросам, что мы единодушно разрешаем важнейшие принципиальные вопросы, что с нами голосовали присутствующие здесь беспартийные товарищи,— все это показывает, что будущая наша работа

по укреплению и усовершенствованию союзного аппарата, приспособлению его к наиболее полному, наиболее широкому обслуживанию широких масс будет дружной, что ее можно считать твердо и крепко обеспеченной.

Мы без всякого стеснения, без пощады и жалости к самим себе вскрывали перед всей нашей страной наши внутренние недочеты, наши непорядки, наши ошибки в практической работе. В вопросах практической работы детали являются сейчас важнейшим вопросом. В области принципиального направления, общего направления профдвижения,— у нас нет, не было и впредь, под руководством коммунистической партии, не будет никаких уклонов! *(Аплодисменты).*

У нас еще много такого, что следует поправить, изменить, усовершенствовать, улучшить. Мы видим свои недостатки и сами довольно зло над ними посмеиваемся, ибо мы чувствуем себя настолько сильными, что знаем, что не эти недостатки и мелочи определяют нас. За 7 лет работы профдвижения мы создали мощную, стройную, крепкую организацию, охватывающую свыше 6.000.000 рабочих, и если в этой организации кое-где, в отдельных частях, еще есть те или иные практические недочеты, то они так ничтожны и незначительны по сравнению с нашими успехами, что при том единстве и тесной товарищеской спайке, которая существует у нас, они нам не страшны, и мы все уверены, что в ближайшее же время мы их целиком и полностью изживем и исправим. Важнейшее и главнейшее — заметить свои недочеты. Раз увидел, значит понял, раз понял, значит поправил и устранил. Вот положение, которым должно руководиться в практической работе.

Мы разрешили, как я говорил, с полным единодушием ряд принципиальных вопросов. Для нас не было и не могло быть сомнений, для VI С'езда Профессиональных Союзов, в вопросе о производительности труда. VI С'езд является прямым продолжением V С'езда Профессиональных Союзов, давшего обещание Владимиру Ильичу от имени многомиллионного нашего пролетариата, давшего слово приложить все усилия к поднятию народного хозяйства СССР, а потому мы не могли колебаться в этом вопросе и целиком и полностью приняли на себя обещание V С'езда, и сейчас я от имени президиума с'езда выражаю уверенность, что мы выполним это обещание. *(Аплодисменты).*

Перед нами прошли и неоднократно проходили колоссальной важности вопросы, имеющие историческое значение для всего международного движения, как, например, вопрос о единстве [71]).

Можно было опасаться, что такой чрезвычайной сложности, важности для нашего профдвижения вопрос может вызвать бурные дебаты на с'езде, может поколебать наши ряды. Мы этого не видели. Даже те отдельные товарищи, которые выражали лишь свои сомнения в этом вопросе, дружно со всем с'ездом голосовали основные резолюции. Вопрос этот чрезвычайной важности мы не только разрешили принципиально, нам удалось при братском отношении присутствующей здесь английской делегации [80]) сдвинуть его с места. Мы уверены, что вместе с союзами Англии, олицетворяющими собою рабочее движение в Европе, вместе с другими союзами, вместе с союзами Германии, вместе с союзами Польши, вместе с союзами Франции мы это дело двинем. То обещание, которое мы здесь получили от авторитетнейшей братской английской делегации, внушает нам уверенность, что теперь дело единства не ограничится только нашей перепиской с Амстердамским Интернационалом [70]). 6.400 тысяч русских рабочих, стоящих за этим с'ездом, и около 6 млн. английских организованных рабочих, если дружно возьмутся за какое-нибудь дело,— они смогут и будут иметь достаточно сил, чтобы сдвинуть его с мертвой точки и направить его так, как хотят. Позвольте мне от имени президиума VI Всесоюзного С'езда выразить уверенность, что это дело мы двинем, что за англо-русским об'единением по этому вопросу последует англо-русско-французское, англо-русско-германское об'единение, пока действительно мы не создадим единого крупного Интернационала, об'единяющего рабочих всего мира в одну тесную семью, идущую стройной колонной на борьбу с капиталом!

Позвольте мне от имени президиума с'езда и от имени представляемых вами рабочих пожать, в лице тов. Перселя [78]), руку английским рабочим.

Именем президиума VI С'езда об'являю VI С'езд Профсоюзов СССР закрытым. *(Все встают и поют Интернационал).*

Напечатано в стенографическом отчете VI С'езда Профсоюзов СССР. Изд. ВЦСПС. 1925 г. и в «Избранных статьях и речах» М. Томского. Книгоиздательство ВЦСПС. 1928 г.

Новые задачи союза местного транспорта.

Речь на V С'езде союза местного транспорта 24 ноября 1924 г. [81]).

Товарищи! Сегодня ваш союз празднует пятилетний юбилей. Прошло пять лет упорной и кропотливой работы по созданию единого союза работников местного транспорта. Как и ряд других крупных производственных союзов, ваш союз за эти годы пережил все «детские болезни», которые полагаются производственному союзу. В нем точно так же, как и в ряде других производственных союзов, когда они только складывались, были опасения со стороны отдельных групп, отдельных цеховых работников насчет того, что в большом об'единенном союзе будут подавлены, будут нарушены профессиональные интересы той или иной группы. Теперь это осталось далеко позади. Теперь приходится с улыбкой вспоминать то, что было в 1918 году, когда нам с тов. Садовским [82]) надо было уговаривать довольно неподатливых товарищей грузчиков о вступлении в общий союз местного транспорта, грузчиков, которые так «любезно» и «тепло» встретили меня на своем Волжском с'езде в 1919 г. и также дружно провалили, «единогласно» не дав мне ни одного голоса по вопросу об об'единении с союзом шофферов [83]). Все это осталось далеко позади. Смешными и странными кажутся нам сейчас тогдашние рассуждения теперешних, несомненно, крупнейших работников профессионального движения, выдвинутых грузчиками, которые в то время рассуждали так: «лучше я об'единюсь в одном союзе с лошадью, чем с шоффером и извозчиками». Такие рассуждения были. Когда вы напишете историю своего профессионального союза, очень интересную историю, будет откуда почерпнуть уроки для борьбы с еще неизжитыми цеховыми предрассудками в Западной Европе. Так, напр., в Англии еще и сейчас мне приходилось встречаться с людьми, которые рассуждают ничуть не лучше, чем рассуждали волжские грузчики в 1919 г. Еще и сейчас литейщики в Англии боятся, что

их об'единят с механиками, а механики не желают об'единиться с котельщиками — как, мол, мы об'единимся, когда интересы наши противоположны, касса у нас больше, чем у них, и т. д. и т. п. Даже такой сравнительно молодой союз, как ваш, оставил все это далеко позади. Для него это уже исторические воспоминания. Союз вырос, значительно вырос и окреп. Заслуга вашего союза в том, что он об'единяет по культурному и производственному уровню весьма различные группировки. Это большая заслуга, так как именно потому, что в союзе об'единяются группы различного культурного уровня, работа в нем была и остается трудной. Перед вашим с'ездом стоит задача выработки, на основе резолюций и постановлений VI С'езда Профессиональных Союзов [67]), ряда мероприятий по углублению и расширению работы в массах, выработки системы практических мер, направленных к вовлечению масс в активную союзную работу. И эта задача также трудна потому, что в вашем союзе имеются группы с весьма невысоким культурным уровнем; эти группы отстали в силу чрезвычайно тяжелого физического труда, вследствие неблагоприятных условий, продолжающих для них оставаться таковыми же. Эти же условия с наибольшей остротой ставят перед вашим союзом вопрос о поднятии производительности труда для целого ряда групп, цехов и профессий. Вопрос о производительности труда является более сложным и трудным для вас, ибо он лежит в плоскости механизации труда, усовершенствования приемов работы, что имеет значение для всего союза, кроме работающих на автомобильном транспорте. Союзу пора выступить застрельщиком в деле механизации труда, в деле улучшения обстановки работы, не разбрасываясь, не создавая великих, «планетарных», общероссийских и общесоюзных планов, а принимая на себя инициативу в осуществлении механизации труда там, где это по силам нашему бедному государству, где это возможно на деле, и конкретно разрешая эти, стоящие перед всеми нами, задачи.

Также остро стоит перед вашим союзом и вопрос о культурно-просветительной деятельности. Много достижений имеется на этом пути, но еще больше остается сделать; без поднятия культурного уровня всей массы членов, об'единяемых вашим союзом, не может развиваться, крепнуть и расти ни диктатура пролетариата, ни наше советское народное хозяйство.

Вот ряд задач, которые стоят перед вашим с'ездом. VI С'езд указал,— и каждый из нас понимает справедливость этого,— что корень организационного строительства — в укреплении фабзавкомов и месткомов, в поднятии их авторитета, придании им функций действительно низовых органов союза, освобождении от посторонних мелких полуадминистративных работ, в поднятии и развитии их самодеятельности.

Перед профессиональными союзами VI С'езд выдвинул новую задачу — работу в деревне. Эта проблема недостаточно изучена нами. Союзы в этом отношении имеют мало опыта. Особенно внушительных результатов в смысле накопления необходимого опыта, выяснения новых форм этой работы могут добиться союзы, которые включают в свой состав группы рабочих, тесно связанных с деревней. И здесь, в этой работе, нужно сознаться, мы не имеем готового рецепта. В области организационной, тарифной мы имеем прочный, значительный опыт, в области же работы в деревне мы еще только приступаем к делу, начинаем учиться. Мы эту работу еще мало знаем и потому приступаем к ней с особой серьезностью, проводя ее через союзы, деятельность которых протекает в деревне, через группы рабочих, наиболее близких последней, не потерявших с нею связи. Каждое мероприятие, каждый шаг в этой работе мы должны тщательно учитывать, проверять, обобщать результаты, отбирая полезное и отбрасывая негодное, не разбрасываясь, не распыляя своего внимания на вопросы «вообще». В каждой новой работе — будь то культурно-просветительная деятельность, работа в деревне или же повседневная союзная работа, сейчас, более чем когда-либо, мы должны проверять каждый шаг, каждое наше мероприятие, проверять результаты нашей деятельности, исследовать ее и лишь на основе этой проверки итти дальше, развивая и расширяя работу. Разрешение задачи о влиянии организованного в союзы пролетариата на неорганизованные слои деревни, распространение пролетарского влияния на нее, ставит перед нами вопросы о внутреннем укреплении, внутренней спайке, внутренней дисциплине, более тщательном подборе своих членов в смысле их пролетарского состава. Теперь, более чем когда-либо, опасно разжижать пролетарский состав союзов полупролетарскими элементами. Если пролетариат хочет, должен и исторически обязан иметь свое влияние на деревню, через организованные массы профессиональных

союзов, для укрепления братского союза рабочих и крестьян, он с большим вниманием должен следить за сохранением пролетарского состава в своих организациях. Ведя эту работу, нужно больше и внимательнее смотреть, чтобы кадры союза не разжижались и не ослаблялись, не потеряли своего пролетарского облика. Все эти задачи в совокупности требуют большого напряжения и внимания к деталям повседневной союзной работы. Многое мы сделали, еще больше надлежит нам сделать в ближайшие годы.

Позвольте мне от имени Центрального Совета Профессиональных Союзов СССР выразить уверенность, что настоящий с'езд союза местного транспорта справится со стоящими перед ним задачами и что союз после с'езда, как и раньше, вместе со всем профдвижением СССР с честью выполнит свой классовый, пролетарский долг. *(Аплодисменты).*

Опубликовано в кратком стенографическом отчете V, юбилейного, С'езда МСТР СССР. Изд. ЦК МСТР. 1925 г.

Итоги VI С'езда Профессиональных Союзов СССР.

Между предшествующим V Всероссийским С'ездом [2]) и только-что закончившим свою работу VI С'ездом Профессиональных Союзов [67]) протекло несколько больше двух лет — период, довольно значительный для нашего профессионального движения, которое до сих пор аккуратно, каждый год, собирало свои с'езды.

Однако, это было безусловно не случайно. Предшествующий V С'езд собрался после важнейшего поворота, совершенного нашими профессиональными союзами в обстановке нового курса экономической политики [22]). V С'езд дал исчерпывающие директивы для всех отраслей нашей союзной работы, и хотя за два года, истекшие со времени V С'езда, перед профессиональными союзами и возникал целый ряд вопросов, но то были вопросы исключительно практического характера. Некоторые из этих вопросов были очень сложны, трудны, новы для нашего движения, но это, тем не менее, были исключительно вопросы практики. К таковым относились значительные практические разногласия, которые в течение этих двух лет возникали по вопросу о кассах взаимопомощи, о фондах, о финансовой политике и т. д.

Но в общем и целом V С'езд Союзов дал, как выше уже отмечено, самые исчерпывающие директивы для всех отраслей союзной работы, дал их в настолько разработанном виде, что мы могли вполне спокойно работать над проверкой и проведением этих директив в жизнь в течение двух лет. Эти два года практической работы, как констатировал собравшийся VI С'езд, целиком и полностью оправдали линию, принятую V С'ездом. Я думаю, что вы целиком присоединитесь к оценке, данной VI С'ездом, согласно которой рост и развитие профессионального движения, рост влияния профессиональных союзов в массах, развитие всех отраслей союзной деятельности — и являются теми показателями, которые подтвердили правильность директив V С'езда и их выполнения.

Настоящий с'езд отличался от предыдущих с'ездов тем, что на нем перед нашим профессиональным движением не стояли вопросы большого принципиального значения, вызывающие какие-либо сомнения или колебания, не было спорных вопросов, не было вопросов о задачах, об искании новых принципов и путей для нашего движения в целом. Эти вопросы остались позади.

В порядке работ VI С'езда стояли, главным образом, вопросы о практике союзной работы, об осуществлении важнейшей задачи профессиональных союзов — о методах осуществления наиболее тесной связи органов профессиональных союзов с об'единяемыми ими массами, вопросы об обеспечении наибольшего активного влияния этих масс на выборные союзные органы и, тем самым, вопросы о втягивании каждого члена профессиональной организации в активную и сознательную жизнь своего союза.

Новым на этом с'езде было то, что на этот раз собрался с'езд уже не всероссийский, как это было до сих пор, а VI С'езд Профессиональных Союзов СССР. За это время произошла важнейшая государственная перестройка, самоопределение и образование самостоятельных национальных республик, входящих в Союз Советских Социалистических Республик. Перед профессиональными союзами СССР поэтому, равным образом, встал вопрос о соответствующей новым территориальным перегруппировкам и изменениям в структуре государства перестройке профессионального движения. Частью к этому было приступлено ранее, частью, как мы дальше увидим, это закончил и дал по этому вопросу общие директивы истекший VI С'езд Союзов.

Когда я говорю о том, что перед VI С'ездом не стояли большие принципиальные вопросы, то я разумею это, конечно, в том смысле, что не стояли такие вопросы, которые были бы для нас неясны, которые вызывали бы споры, колебания, искания в нашей среде. Новых, довольно важных вопросов, по которым должен был сказать свое решающее слово VI С'езд, было три: это, во-первых, вопрос о поднятии производительности труда в связи с общими задачами нашего хозяйственного строительства, во-вторых, вопрос об отношении профессиональных союзов к крестьянству и, в частности, их деятельности в деревне, и, в-третьих, вопрос о международной политике нашего профессионального движения, т.-е. в отношении профессиональных союзов других стран.

Так как я уже указал, что VI С'езд носил, главным образом, практический характер и проходил под знаком разрешения насущных практических вопросов профессионального движения, то я позволю себе, в первую очередь, подробнее остановиться на практике и на тех практических вопросах союзной работы, которыми был занят VI С'езд Профессиональных Союзов.

Перед профессиональными союзами всегда стоит, независимо от периода, эпохи, независимо от общего направления задач в данный момент, одна основная задача; задача эта, определяемая самой ролью и значением профессиональных союзов, есть задача всестороннего обслуживания и непрерывной работы над поднятием, улучшением материального и духовного уровня об'единяемых ими масс. Так что, когда мы говорим о задачах союза, о связи с массами, об обслуживании этих масс, то должны помнить, что это никогда и ни в какой степени не является новой задачей. Это — задача, которая на протяжении всей истории профессионального движения стоит, должна стоять и будет стоять перед профессиональными союзами. Успехи профессионального союза определяются тем, насколько полно он осуществляет эту задачу духовного, культурного и материально-экономического обслуживания об'единяемых им масс. Вот это и является мерилом степени успешности работы профессионального союза. Поэтому на всех наших с'ездах важнейшим вопросом, несмотря на различность подхода, несмотря на то, что иногда мы ошибались, так как внешняя обстановка, например, та же гражданская война, не давала возможности вполне правильно развернуть намеченных методов,— всегда стоял вопрос об обслуживании масс, вовлечении их в русло профессиональной работы, то, что мы сокращенно привыкли называть «связью с массой». Когда же, в осуществление решений V С'езда, был наиболее резко и отчетливо поставлен этот вопрос, и мы начали осуществлять данные нам с'ездом задания, то в практике мы должны были наткнуться и наткнулись на необходимость пересмотра и проверки всех организационных звеньев нашего общепрофессионального аппарата под углом зрения их приспособленности и взаимодействия для выполнения поставленной задачи — всестороннего обслуживания массы.

Мы начали свою проверку, идя по пути следования союзной директивы, как она идет по союзному аппарату, т.-е. идя сверху

вниз, изучая, как претворяется эта директива в жизнь. Мы попытались применить этот метод для того, чтобы определить, в каком звене союзного аппарата, начиная с ВЦСПС и кончая губотделом или фабрично-заводским комитетом, эта директива ломается и не доходит, таким образом, до масс, или в каком виде она доходит, проследив самые пути прохождения и видоизменения этой директивы. Однако, когда мы попытались это сделать, то пришли к тому выводу, что самый этот путь, т.-е. наблюдение за движением какого-нибудь циркуляра и за претворением его в жизнь, определение этим способом, где слабо, где плохо в нашем аппарате, потому недостаточен, что сама существующая система циркулярных директив никуда не годится, вследствие чего нужно начинать с другого конца.

Мне пришлось назвать некоторые цифры на с'езде, и я повторяю их здесь. Два всероссийских союза (я не буду их называть) настолько увлекались циркулярной деятельностью, что за один год выпустили по 288 циркуляров. Проследить, как осуществлялись эти 288 циркуляров, не только не было возможности, но являлось и бесполезным. Нижестоящие союзные организации при всем желании не могли выполнить 288 директив в год и проверить их исполнение. До второго звена можно было проследить, там значилось в книге входящих: «получено». Дальше значится в книге исходящих: «послано фабрично-заводскому комитету», а здесь значится: «слушали циркуляр такой-то, приняли к сведению».

Но представьте при таком обилии циркуляров положение губпрофсовета, который должен, со сравнительно небольшим аппаратом, быть не только в курсе всех идущих из центра циркуляров, но и наблюдать за их выполнением по линии всех существующих 23 союзов, а кроме того, за выполнением и своих циркуляров — разве это возможно? Прибавьте к этому еще местные циркуляры губпрофсовета и соответствующего губотдела — примеры разительны,— тогда безвыходность положения фабрично-заводского комитета будет ясна для всех. Что же еще можно сделать, как не «принять к сведению», если каждый день присылается по свежему циркуляру!

Таким образом, неправильное применение циркуляра делало негодным и наш метод исследования. Мы отбросили этот метод и стали изучать, что делает каждое союзное звено, и на основании

этого изучения логически пришли к тому выводу, что самыми важными звеньями союзной организации, которые должны обслуживать массу, являются низшие звенья, т.-е. фабрично-заводские комитеты и губотделы.

Мне неоднократно приходилось говорить на союзных собраниях, что мы можем для теперешнего периода терпеть некоторые недостатки в верхушке союзного аппарата, напр., если тот или иной ЦК будет увлекаться циркулярной деятельностью, если он, будучи литературно-ушибленным, займется творчеством циркуляров. Это будет одна из форм безделья: будет много слов тратиться, будет много бумаги союзной выходить, почта загрузится и прочее, но особенной беды не произойдет, поскольку циркуляры не будут проводиться в жизнь. Конечно, это плохо, так как страдает общее руководство, но это все-таки терпимо. Бюрократизм есть зло, но этот недостаток, если он замечается в ВЦСПС, в ЦК, в МГСПС, еще терпим, но совершенно нетерпимо и недопустимо, чтобы этот недостаток был в низшем органе, в фабрично-заводском комитете, непосредственно обслуживающем массу. Поэтому за истекшие два года мы устремили все свое внимание на низшие звенья союзной цепи. К VI С'езду мы кое-что уже сделали в этом направлении, проведя обследование деятельности низовых союзных организаций. Мы взяли небольшие, наиболее характерные и яркие фабрично-заводские комитеты, и на месте проследили их практическую деятельность. Мы брали фабрично-заводские комитеты Москвы, Ленинграда, Саратова, Н.-Новгорода и обследование производили не в течение одного-двух дней, но в течение недель и месяцев, посылая инструктора для внимательного изучения работы на месте. В результате мы пришли к заключению, что в этом основном звене заключается разрешение вопроса о связи с массой. Вполне понятно, что и VI С'езд не мог не признать вместе с нами, что центр внимания союзной деятельности и главная база развертывания всей союзной работы в данный момент есть фабрично-заводские комитеты. Поэтому целый ряд директив и мероприятий по организационному вопросу, принятых VI С'ездом, направлен на оживление деятельности фабрично-заводских комитетов, а равно на освобождение их от посторонних функций.

Если взять фабрично-заводские комитеты даже год назад, то более несчастных страдальцев, как председатели и секретари

фабрично-заводских комитетов, трудно себе представить: каждый из них, помимо 200 циркуляров, получает несколько десятков или сотен анкет по всевозможным вопросам, которые он должен заполнить, а каждая анкета содержит по сотне и больше вопросов, на которые, конечно, нет ни времени, ни возможности отвечать; за год через его руки пройдут тысячи удостоверений — на случай смерти, болезни, родин, крестин, помещения в школу и т. д. Приходится давать рабочим удостоверения по службе, а если прибавить к этому заготовку дров, разрешение квартирного вопроса и т. д. и прочие обязанности, которые возлагаются на фабрично-заводские комитеты, если представить себе все это, то мы будем иметь такой универсальный орган, который будет заниматься всем, чем угодно, только не союзной деятельностью, потому что у него нет на нее времени. Прибавьте к этому кампании международной и всякой иной помощи, Доброхим, Доброфлот, японское землетрясение и т. д. и т. п.

Вот почему разгрузка фабрично-заводских комитетов — одна из важнейших наших задач. Нельзя упрекать столь загруженных председателей, их заместителей и секретарей фабрично-заводских комитетов за то, что при такой обширной общественной и даже международной деятельности они не справлялись со своими союзными задачами и порой заменяли собою даже фабрично-заводские комитеты. Это приводило к тому, что в некоторых местах фабрично-заводские комитеты вырождались в председателей, секретарей, в так называемый президиум. Члены фабрично-заводского комитета собирались очень редко, их роль в таких случаях сводилась к почетному званию, фактически президиум заменял собою фабрично-заводский комитет. Такая система никуда не годится.

Вот почему целый ряд мероприятий с'езда направлен первым делом и главным образом на фабрично-заводские комитеты. Я думаю, для вас станут ясны те из них, которые необходимы для того, чтобы втянуть в работу фабрично-заводского комитета не только головку президиума, а всех членов фабрично-заводского комитета, и в качестве одной из мер в этом направлении с'езд рекомендовал упразднение президиума фабрично-заводских комитетов и втягивание в работу всех. Для того, чтобы связать фабрично-заводский комитет со всей союзной работой и на деле

превратить его в орган, руководящий союзной работой на предприятии, с'езд предлагает, чтобы комиссии, существующие при фабрично-заводском комитете, были самым тесным образом связаны с общей работой фабрично-заводского комитета. VI С'езд вменил в обязанность всем фабрично-заводским комитетам периодически ставить доклады комиссий перед пленумом фабрично-заводских комитетов, доклады как о их деятельности, так и о предполагаемых планах их работ. Для того, чтобы не умалялась роль этих комиссий и чтобы живее и теснее связать их с деятельностью фабрично-заводских комитетов, с'езд предлагает впредь вести работу так, чтобы вопрос, касающийся круга ведения какой-либо комиссии, не мог быть внесен на повестку фабрично-заводского комитета прежде, нежели он не будет предварительно обсужден в самой комиссии, а то получается иногда, что комиссия работает как-то на отрубу: получался циркуляр и создавали, организовывали соответствующую комиссию. Комиссия создавалась, и через несколько месяцев о ее существовании забывали. Возникает какой-нибудь вопрос, который касается круга деятельности данной комиссии, он ставится на повестку фабрично-заводского комитета, без ведома и заключения комиссии решается, а комиссия либо что-то делает сама по себе, либо вообще ничего не делает.

Все меры, принятые VI С'ездом, таким образом, направлены к оживлению деятельности комиссий и к их подтягиванию под действительное, активное, практическое руководство со стороны фабрично-заводских комитетов.

Принимая во внимание, что без фабрично-заводских комитетов чрезвычайно затруднительно работать на мелких предприятиях, с'езд разрешил давний спор о распространении института фабрично-заводских комитетов на эти предприятия. До сих пор считалось нормой, что фабрично-заводские комитеты могут быть только там, где не меньше 50 рабочих, теперь с'езд разрешил создавать месткомы или фабрично-заводские комитеты при наличии 25 рабочих. С'езд постановил поручить ВЦСПС возбудить перед соответствующими правительственными органами советской власти ходатайство на предмет разгрузки фабрично-заводских комитетов от несвойственных им функций выдачи различных удостоверений. С'езд поручил ВЦСПС ходатайствовать, чтобы союзная книжка являлась

удостоверением во всех случаях жизни рабочего, и было достаточно пред'явления союзной книжки с отметкой об уплате за текущий или предыдущий месяц членского взноса, чтобы это явилось удостоверением того, что рабочий действительно работает и в то же время состоит членом профессионального союза, а то иначе ему приходилось бежать в фабрично-заводский комитет за бумажкой, удостоверением, что он действительно работает и является членом профессионального союза. Надо это дело упростить. С'езд решительно осудил всякую попытку мелочной регламентации сверху вниз, ибо ничем иным не вызвана и не может быть вызвана такая бурная циркулярная деятельность, как попыткой предусмотреть каждый шаг и каждое дыхание каждой союзной организации. Из этой попытки все предусмотреть иногда получалось так, что всему выдвигались препятствия, и деятельность союзной организации затруднялась. Надо оживить и расширить руководство. Вместо руководства сверху обильным количеством циркуляров, с'езд постановил укрепить живую связь об'ездом, инструктированием, обследованием на месте.

С'езд принял и одно практическое мероприятие, на первый взгляд мелкое, но имеющее большое значение для развития самодеятельности фабрично-заводских комитетов и самих союзов, заключающееся в том, что средства, отчисляемые на содержание фабрично-заводских комитетов, не должны итти в союзную кассу, а должны расходоваться на месте лишь фабрично-заводскими комитетами,— по смете, утверждаемой союзом. До сих пор бездефицитность некоторых союзов и рост их касс об'яснялись тем, что отчисления предприятий на содержание фабрично-заводских комитетов производились и поступали в кассу райкома, там эти деньги нередко расходовали, главным образом, на общесоюзную работу.

На больших предприятиях, при наличии крупных цехов и затруднительности частых общих собраний, необходимо выдвинуть еще добавочное, дополнительное союзное звено между фабрично-заводскими комитетами и каждым рядовым членом. Таким вспомогательным звеном являются уже введенные почти повсюду делегатские собрания. С'езд уделяет особое внимание делегатским собраниям, указывая профессиональным союзам на их важность, на необходимость более частого созыва делегатских собраний и всяческого укрепления их авторитета.

На с'езде, для упрощения, некоторые предлагали санкционировать или по крайней мере не отменять и не обсуждать вопроса о слиянии культкомиссий при фабрично-заводских комитетах с правлением клуба. На первый взгляд здесь как-будто простая целесообразность говорит, что если правление клуба ведет культработу и если культкомиссия также ведет культурно-просветительную работу, то зачем же это дробление двух организаций, у которых одна и та же задача?

Зачем это нужно, не лучше ли их соединить? Однако, на самом деле эти органы совершено разного происхождения. Правление клуба, как организация, основанная на дополнительных добровольных членских взносах, организация, избранная членами клуба, может и должна в смысле общего руководства направляться фабрично-заводским комитетом. Фабрично-заводские комитеты должны занимать определенное место в правлениях клубов и оказывать определенное влияние на клубную работу, но правления клубов в то же время не являются органами, в буквальном смысле слова, фабрично-заводских комитетов, а являются органами избравших их членов клуба и формально подотчетны общему собранию членов данного клуба. Культкомиссия, наоборот, является органом фабрично-заводского комитета, подотчетным ему, и им руководится в полном смысле слова.

Эти два органа смешивать нельзя. Иначе мы рисковали бы ввести при заводских комитетах культурно-просветительные органы, которые, с одной стороны, были бы подотчетны избирателю, а с другой — фабрично-заводскому комитету, либо мы рисковали бы ограничить самодеятельность и права членов клуба, что всегда являлось бы величайшей опасностью для нашей клубной работы. В ряде промежуточных звеньев, на больших предприятиях, между фабрично-заводскими комитетами и массой членов — для более тесной связи — необходимо уделить достаточно внимания новому институту, рекомендуя его не как орган, стоящий над фабрично-заводскими комитетами, а как совещательный при фабрично-заводских комитетах орган, втягивающий наиболее активных членов союза в орбиту общесоюзной жизни. В качестве такого совещательного органа с'езд рекомендовал созывать периодические собрания цеховых сборщиков членских взносов совместно с делегатами — и по отдельным цехам, и в общезаводском

масштабе — собрания, которые могли бы обсуждать практические вопросы союзной жизни данного предприятия. Все эти мероприятия направлены к тому, чтобы в большей степени освободить фабрично-заводский комитет от навязанных ему функций административного учреждения, административной организации и превратить его в большей степени в союзный орган массовой заводской, фабричной работы.

Следующим союзным органом, на котором было сосредоточено внимание с'езда, был губотдел. Те же самые методы, которые VI С'езд рекомендовал для оживления деятельности фабрично-заводских комитетов, рекомендуются и для губотделов и даже для губпрофсоветов. Как для фабрично-заводских комитетов, так равно и для губотдела неправильно сосредоточивать всю работу в президиуме. Если выбрали в правление союза (райкома, губотдела) товарища, будет неправильным рассматривать эти выборы как получение некоего чина члена правления, он должен иметь не только звание и права члена правления, но и нести известные обязанности, возлагаемые на члена правления. Последнее время, на почве всем известного недостатка в людях, особенно во время гражданской войны, мы всю работу по необходимости сосредоточивали и исполнительных органах, в президиумах. В маленькой коллегии удобнее и проще решать вопросы. Но итти по этой дороге нельзя, иначе придешь к выводу, что самая простая система решения вопроса, это — в одиночку, но зато эта система не всегда правильна и верна. Конечно, чем меньше собрание, тем проще людям договориться, но это неправильный метод, так как тогда нужно поставить перед массой вопрос о том, что правление из 20—30 человек можно заменить 5—7 человеками, а то можно и совсем в одиночку решать вопросы. Но это совершенно неправильно и непригодно для профессиональных союзов, как массовых органов пролетарской самодеятельности и школ коммунизма. Для того, чтобы решать дела союза, требуется большой коллективный опыт, вовлечение людей в решение вопросов, ибо эти вопросы касаются самых насущных интересов тысяч и десятков тысяч людей. Вот почему член правления должен не только иметь права члена правления, но и нести союзные обязанности. Каждый член правления, если он не будет нести какой-нибудь союзной работы, является не членом правления, а свадебным генералом, который для

украшения стола приглашался в старое время в купеческие семьи. Плох тот член правления, который только в две недели раз является на заседание правления,— и если он даже раз в неделю явится на заседание правления и этим ограничатся все его обязанности, как члена правления,— такой член правления плох. Задача президиума, задача самого правления — распределить работу так, чтобы каждый член правления нес какую-нибудь союзную обязанность, и здесь встает старый вопрос о возможности оплачивать работу многих членов правления. Я не стану скрывать, что на VI С'езде я получил от провинциальных товарищей целый ряд довольно ядовитых записок насчет платности и бесплатности союзной работы. Но эти записки были либо основаны на недоразумении, либо направлены в сторону защиты битой и обреченной и в дальнейшем на это же позиции в области финансовой политики союзов, пытающейся оправдать право на существование дефицитных организаций.

Если в союзе мало средств и если он не может или не чувствует необходимости снимать с работы всех членов правления, то это вовсе и не необходимо. Возьмем союзы, которые имеют десятки работников в своем аппарате. Они не снимают всех членов правления, оставляя их работать в предприятии, но если член правления не выполняет никаких обязанностей члена правления, то такая связь — только декоративная связь. Что бы мы ни говорили о связи с массой индивидуально, через отдельных выборных лиц, как бы ни казалось демократическим выбрать рабочего от станка или верстака в правление, но если он является туда только для того, чтобы раз в неделю быть на заседании правления, а потом снова вернуться к станку,— это плохая связь с массами, так как мы связались бы таким способом только с одним рабочим, но не со всеми. Но можно и должно члену правления, не покидая своей работы, по вечерам, а днем — в особые дни и определенные часы, как и в старое время у нас это делалось, с оплатой лишь за потерянное время, установить связь с отдельными фабриками и заводами, с их заводскими комитетами, ближе к нему расположенными, изучая, наблюдая и руководя их деятельностью по поручению и в качестве члена правления союза. Он может тогда войти в практическую работу, тогда он явится связующим звеном не только с одной фабрикой или заводом, но с об'единенными предприятиями. Тогда он постепенно, на практике, приобретает живой

организационный опыт в своей работе, проходит школу, необходимую для руководства. Так надо действовать, если мы хотим не на словах, а на деле создавать новый кадр государственных и профессиональных работников из рабочих масс,— а ведь тов. Ленин неоднократно говорил, что это наша важнейшая задача — выделять из недр рабочей массы новые и новые кадры руководителей государственного аппарата; это задача, без разрешения которой не может жить и развиваться диктатура пролетариата. Профессиональная работа, союзная работа является подготовительным училищем на управление всем государством в целом.

Мы являемся главным резервуаром свежих пролетарских сил для советской власти и партии, и здесь, в союзе и на опыте союзной работы должно происходить первое воспитание рабочих. Как же мы проводим это воспитание, как мы его можем проводить, если мы ограничиваемся тем, что в правление мы выбрали товарища и сказали ему: «ты приходи раз в неделю на заседание, проголосуй и уходи!» Нельзя довольствоваться тем, что у товарища есть опыт по руководству на одном предприятии. Дайте ему получить еще опыт — на двух, на трех предприятиях. Вовсе нет необходимости его совершенно снимать с работы, а нужно оплачивать потерянное время днем, а вечером — можно и сверхурочно поработать в комиссиях и на заседаниях фабрично-заводского комитета, ибо эта работа для себя, для рабочего класса.

Вот как разрешается вопрос о вовлечении в союзную работу новых кадров работников из масс, их планомерном и правильном воспитании и выдвижении. Вот в чем должна заключаться и сама техника выдвижения. Если же мы законсервируем президиумы в райкомах и внизу, в фабрично-заводских комитетах, превратив пленумы в «представительные учреждения»,— у нас будут создаваться лишь маленькие кучки, ничего нового не втягивающие. Мы будем тогда обречены на то, на что обречено западно-европейское профессиональное движение во многих странах, которое постоянно руководится кастой вышколенных профессиональных чиновников, профессиональных бюрократов, не связанных с массой, — профдвижение всякой страны будет бюрократизироваться, если новая рабочая кровь не будет к нему приливать.

Нужны, товарищи, тысячи и тысячи новых работников, нам нужно воспитывать эти новые кадры работников на опыте живой

практической союзной деятельности, и тогда они, уже ученые, подготовленные для руководства массами, сами тесно и кровно с ней связанные, приобретшие административные способности на практике управления союзным аппаратом будут умело руководить нашим государственным аппаратом, народным хозяйством, кооперацией и т. д.

Одним из больных вопросов, который встал перед нами в промежуток между V и VI С'ездами и который нашел себе отражение в резолюции по организационному вопросу, принятой VI С'ездом, является вопрос, которому я придаю особенно важное значение и на который прошу всех работников профессионального движения также обратить свое внимание, это — вопрос об исключении из членов профессионального союза.

Для того, чтобы подойти к этому вопросу и действительно осветить его,— мы должны понимать один основной принцип организации и построения нашего профессионального движения. Что такое профессиональный союз, что это за организация? Это — организация, во-первых, лиц, занятых по найму. Каких лиц, занятых по найму? Независимо от их национальности,— это раз. Независимо от их религиозных убеждений,— это два. Независимо от их политических взглядов,— это три. Независимо от их пола,— и т. д.

Вот то, что является одним из основных принципов организации профессиональных союзов. Профессиональный союз одинаково включает в свою среду и мусульманина, и православного, и верующего, и неверующего, и независимо от того, какие у данного работника политические убеждения. Это — первый и основной принцип рабочего движения. Если бы профессиональный союз стал подбирать своих членов лишь по определенным политическим, философским и религиозным (вернее, антирелигиозным) и т. п. убеждениям, то у нас, например, в Советской России, где во главе профессионального движения стоят коммунисты, мы бы целиком, точка в точку, повторили Российскую Коммунистическую Партию. Но в Российской Коммунистической Партии 700—800 тыс. членов, а профессиональные союзы об'единяют 6½ миллионов, потому они, будучи непартийными организациями, об'единяют всех работников, занятых по найму. В партии — там мы имеем организацию и единомыслящих и единодействующих, которые во всем мыслят

одинаково. Профессиональный союз — не партийная организация. Чтобы к нему принадлежать, нужно иметь один основной признак: быть работником, занятым по найму, основным источником существования которого является продажа своей рабочей силы, будь то мускульная или нервно-мозговая сила.

Когда мы с этой точки зрения подойдем к вопросу об исключении из профессионального союза, чем особенно увлекались кое-где в провинции, так же как и чисткой профессиональных организаций,— мы увидим, что в практике наших партийных профсоюзников, не в меру ретивых и плохо разбирающихся в профессиональном движении, были такие грехи, когда они целиком переносили в профессиональный союз методы партийной организации. Отсюда, из этого заблуждения, вытекали такие случаи, как, например, исключение из провинциального отдела союза 25 рабочих за то, что они праздновали благовещение. Если они праздновали и не явились поэтому на работу, то пусть бы администрация, согласно Кодексу Законов о Труде и по соглашению с РКК, наложила на них взыскание согласно правилам внутреннего распорядка. Но если эти рабочие, будучи глубоко религиозными людьми, скажут: «вычти за это день, но мы по религиозному убеждению считаем необходимым праздновать праздник благовещения» — можно ли за это исключать из членов профессионального союза? Никак нельзя! Они имеют право исповедывать какую угодно религию. В союзе не нужно и не должно быть увлечения антирелигиозной пропагандой. Оно было. Но мы издали циркуляр, который излечил эту болезнь.

Все те вопросы, с которыми пришлось сталкиваться при обследованиях и собирании материалов, говорят о еще неизлеченных в этой области болезнях. Были факты, например, исключения из членов союзов за нетрезвость, за пьянство, за употребление самогона. Но представьте себе, если бы в один прекрасный день союз сказал, что в союз принимаются только непьющие,— сколько было бы у нас в союзах?! Думаю, что, кроме «инициативной группы», которая попыталась бы создать такой союз, больше никаких членов не было бы или было бы очень мало и, во всяком случае, вероятно, малолетние.

Из тех записок, которые мне подавались на с'езде, я еще более укрепился в том мнении, что в этом вопросе существует путаница.

Смешивают разные вещи. Спрашивают, например: «разве вы будете оправдывать пьянство?» — Но возникает вопрос — кто же будет оправдывать пьянство? Никто пьянство не оправдывает. Таким же образом можно спросить: как может коммунист оправдать религиозность? Никто из коммунистов и не оправдывает религии, но мы должны не забывать, что мы имеем дело не с таким рабочим классом, который создан по мановению волшебной палочки, чистеньким, приглаженным, или подобно легенде о том, как бог из куска глины сделал нового чистого человека, который был награжден всеми добродетелями и не имел ни одного пятнышка! Ведь мы знаем, что даже библия говорит, что как только бог сделал такого человека, он тотчас же испортился — червоточина завелась. А мы взяли рабочего, полученного в наследие от царизма, от обстановки капиталистического общества, выросшего на почве всех противоречий этого общества и его об'ективных экономических условий, которые создали ряд пороков, предрассудков, воспитывая рабочего в темноте, невежестве и т. д. Точно также нельзя судить о рабочих в целом по передовым рабочим. Мы сами все рабочие и мы знаем, что такое рабочий. Рабочий вовсе не таков, как в старое время по книжкам представляла его себе барышня-курсистка, потом на практике разочаровавшаяся в нем.

Мы рабочих знаем, знаем, каковы они. Мы знаем, что пьянство не есть что-то такое, что зависит от испорченности или развращенности человека, как равно мы знаем и то, что оно не излечивается тем, что мы поставим хорошо пропаганду, после чего пьянства будто бы не будет. Пьянство есть сложнейшая социальная болезнь, для развития которой есть много причин: темнота, невежество, усталость, плохое питание,— все это разлагающе действует на рабочего, на этой именно почве и растет алкоголизм. Вот где источник алкоголизма и других тому подобных, тяжелых и опасных пороков.

Не потому, например, рабочий религиозен, что ему нужно религией что-то прикрывать, как это делается в буржуазном обществе. Буржую нужна религия. Ему нужно религией прикрыть свое лицемерие, эксплоатацию и т. д. А рабочий религиозен только потому, что он невежественен, что царское правительство веками воспитывало русского рабочего и крестьянина в обстановке неграмотности и невежества.

Если вы хотите бороться с религией, темнотой и невежеством, то нужно бороться изо дня в день, повседневно и неуклонно ведя работу над поднятием материального и культурного уровня об'единяемых вами масс. Но если вы поведете борьбу таким образом, что будете всякого рабочего с червоточинкой немедленно выбрасывать из союза, то вам придется выбросить и часть руководителей, и все же вы ни к чему не придете. Эта работа должна вестись изо дня в день, повседневно, неуклонно должно поднимать политический и культурный уровень рабочего, неуклонно, всяческими мерами надо поднимать его материальное благосостояние, воспитывая его в духе классовой философии, морали, солидарности. Если же мы скажем: «ты веруешь,— следовательно, мы тебя вышвырнем из союза!», то из этого получится только глупость, несправедливость, непонимание задач, стоящих перед профессиональным движением.

Конечно, у некоторых товарищей, плохо разбирающихся и плохо знающих нашу историю, смешивающих отдельную личность с классом, возникают сомнения относительно того, что, если мы об'единяем в союзах независимо от политических убеждений, значит, как-будто, сами профессиональные союзы политически бесформенны и безразличны. Профессиональные союзы об'единяют рабочих, как продавцов их собственной рабочей силы, на почве общности их интересов в борьбе с капиталом. Профессиональные союзы об'единяют рабочих на той почве, что они, как продающие собственную рабочую силу, должны ненавидеть капиталистический строй и эксплоатирующий их класс капиталистов вследствие того, что между ними и капиталом существует непримиримое противоречие интересов, и нет, и не может быть соглашения! Наконец, профессиональные союзы об'единяют рабочих, как эксплоатируемых продавцов собственной рабочей силы, заинтересованных в свержении капиталистического строя, в основе которого лежит эксплоатация человека человеком. А так как вопрос о капитализме и об освобождении человечества от капиталистической эксплоатации и всех болезненных противоречий капиталистического строя радикально разрешается лишь в международном масштабе,— то поэтому каждый рабочий, как сознательный член своего класса, об'единяется в союз наемных рабочих для борьбы за улучшение своего экономического положения и свержение капитала, об'единяется на почве общности интересов всех вообще лиц, которые

Фот. П. Оцуп.

С. М. Буденный, А. И. Догадов, М. П. Томский и К. Е. Ворошилов.
(А. И. Догадов и М. П. Томский в форме подшефной ВЦСПС Кавбригады им. И. В. Сталина, VI С'езд Профсоюзов СССР, 1924 г.).

живут наемным трудом, пролетариев. Он может думать, как ему хочется, у него могут быть какие угодно религиозные, политические убеждения, но одно, что об'единяет всех рабочих, это то, что они все заняты по найму, что рабочий лишен собственности на орудия производства и что вследствие этого рабочие заинтересованы в свержении ига капитала.

Вот почему вопрос об исключениях из членов профессионального союза, неверно поставленный, является большой ошибкой. Исключать из рабочей организации, из классовой организации можно только за тягчайшие преступления против своей организации, против рабочего класса или в том случае, если данное лицо не принадлежит к рабочему классу. Вот только при таких условиях допустимо исключение, при чем в равной степени следует считать ошибкой, когда пытаются борьбу против организации, измену своей организации подменить разными иными понятиями,— исключают за борьбу против союза, а в чем же заключается эта борьба? Оказывается, что в этом случае была борьба не против союза, а против правления союза. Бывает, что на общем собрании союза обругают правление раз, обругают два, обругают три,— и получается так называемая «борьба против союза». Такой подход неправилен. Правление есть приказчик союза, а союз есть общий коллектив всех членов, которые избрали это правление и которые могут его деятельность критиковать и находить ее неправильной. Если же резкие выступления против правления приравнивать к борьбе против союза, то тогда никто не может критиковать правление. А как же своего приказчика да не критиковать?

Только за преступление против рабочего класса, если члену союза поручили какое-либо дело, а он проворовался, общественное дело провалил, действительно злостно и сознательно сорвал союзную дисциплину,— вот тут действительно нужно исключать! Тут ничего не поделаешь. Все же остальные причины, например, выход пьяным на работу, не есть основание для исключения из союза,— для этого есть правила внутреннего распорядка. Их можно усилить или ослабить, это вопрос второстепенный: это мы, вероятно, сумеем сделать. Борьба с пьянством на работе предусмотрена и коллективным договором, и правилами внутреннего распорядка, и Кодексом Законов о Труде. Но за это, как и за другие подобные проступки, нельзя исключать из союза, союз должен воспитывать

рабочих, а не карать. Вот почему нужно с особой осторожностью относиться к исключению из союза.

Придавая большое значение самодеятельности масс, с'езд уделил большое внимание кассе взаимопомощи. Я не стану долго останавливаться на кассе взаимопомощи. Для тех, кто интересуется вопросом, что такое касса взаимопомощи, есть специальная литература. Я могу указать только, что этот вопрос мною развит в моей книжке «Принципы организационного строительства профессиональных союзов», в ее второй части, где есть несколько страниц, посвященных кассам взаимопомощи современного момента. На с'езде были разногласия по практическому вопросу,— представляется ли необходимым централизовать кассы взаимопомощи, нужно ли создавать кассы при губотделах, или же кассы должны быть организуемы непосредственно при больших предприятиях. С'езд высказался против централизации и за наибольшее приближение касс к членам союзов.

И правильно сделал. Конечно, у нас от старого периода военного коммунизма остались некоторые грешки. К таким грешкам следует отнести, во-первых, влечение к централизации во что бы то ни стало, во-вторых,— концентрацию сил и боязнь их распыления. Между тем, в результате подобных концентраций касс получается вот что (не стану называть союзы, но такие существуют): на каждый выданный из кассы взаимопомощи рубль приходится от 14 до 17% накладных расходов, идущих на централизованный аппарат.

Такая централизация и концентрация никуда не годится! Нельзя ли как-нибудь попроще все это проделать, чтобы без больших централизованных аппаратов, при самой элементарной бухгалтерии, самим членам кассы тщательно проверять, кому нужно и кому не нужно выдавать ссуду, нельзя ли как-либо подешевле это сделать? Ведь если вы все вместе работаете на фабрике или на заводе, то все вы знаете, сколько кто жалованья получает, кто на ком женат, сколько он проживает, что ему действительно нужно, и т. д. Тут уж действительно не сорвешься. Пойдите вы в губотдел; тут нужно уж анкету дать за подписями, а если ко мне, в ВЦСПС, придете, то я не сразу соображу, где такой-то завод вообще находится! Как же тут централизовать кассу взаимопомощи? Ведь кто лучше знает, нужно ли дать человеку пять или десять рублей или

совсем ничего не давать, как не те, кто рядом с ним работают? Только они-то по-настоящему и знают, как он живет, сможет ли он отдать и не берет ли он лишнего. Поэтому с'езд поступил архиправильно, идя по пути дальнейшего развития принципов V С'езда, идя не по пути централизации, а по пути приближения кассы взаимопомощи к массам.

С'езд высказался за полнейшую добровольность кассы и — что чрезвычайно важно — за самостоятельность касс. Все попытки превратить кассы взаимопомощи в органы союза, потом эти органы союза концентрировать и суммы перевести в союзный фонд взаимопомощи, а из союзного фонда взаимопомощи — в общую кассу расходов по союзному аппарату, — все это решительно осуждено. Пусть рабочие добровольно об'единяются, пусть сами выбирают себе правление кассы взаимопомощи, свою ревизионную комиссию. Задачи союзного контроля над кассами заключаются в том, чтобы кассы не превратились в органы, занимающиеся несвойственными им функциями, чтобы не брали на себя функций профессионального союза, чтобы не превратились в акционерные общества спекулятивного характера, которые могут развратить членов союза. Вот задача союза, а как распределяют между собой пособия, правильно или неправильно, пусть разрешается правлением кассы, избираемым членами кассы взаимопомощи, и ревизионными комиссиями той же кассы.

С'езд принял целый ряд важнейших решений по основным вопросам союзной деятельности, по финансовым вопросам. Здесь наибольшее значение имеет вопрос о фондах. С'езд постановил, что фонды специального назначения должно создавать лишь тогда, когда действительно в союзном органе создан устойчивый бюджет, т.-е. когда известно, сколько союз получит и как израсходует.

Отсюда вытекает, что то увлечение, которое наблюдалось у нас в отношении союзных фондов, должно быть изжито. Некритическое отношение к союзной финансовой политике и неясность представлений о роли фондов привели к тому, что их начали создавать почти все союзы. Затем кое-где их централизовали, кое-где сливали, чтобы не «дробить сил», а в конце концов получалась неразбериха. С одной стороны, союз имеет дефицит, а с другой — неприкосновенные фонды. Но в каком смысле речь идет о неприкосновенности фондов? Это далеко не так просто. Представьте себе

рабочего, который сказал бы, что он будет создавать неприкосновенный фонд, то-есть, что на случай безработицы он отложит 5 рублей, на случай болезни и смерти — 5 рублей, а на поверку, когда приходит время получки за месяц, то оказывается, что получка такова, что ее нехватает даже, чтобы концы с концами свести!

Нельзя одновременно жить в кредит и откладывать сбережения. Тем более, не зная точно сумм дохода, нельзя заранее распределять их по графам расхода, создавая «бронированные», да еще «неприкосновенные» фонды. К сожалению, некоторые наши союзы делали именно так. Не зная, сколько будет за этот месяц членских взносов, хватит ли их на расходы текущего месяца или нехватит,— перебиваясь, что называется, «из кулька в рогожку»,— они вдруг создавали «фонд», да еще «неприкосновенный фонд»! Какой же это в конце концов «неприкосновенный фонд», который в итоге идет на пополнение дырок союза?!

Такая система фондов никуда не годится; система фондов правильна лишь тогда, когда союз знает, сколько у него приходов и сколько расходов и как эти последние располагаются: 15% — на культурно-просветительные нужды, 10% — на безработицу, 10% — в стачечный фонд и т. д. Богатые союзы (появились такие союзы, например, металлисты, совслужащие, хотя и относительно богатые, но все-таки богаче других) должны будут столкнуться с вопросом и о запасном фонде: вы, скажем, получаете каждый месяц остаток, этот остаток в известных процентах откладывается, образуя запасной фонд, который сохраняется на случай массовой безработицы, могущей постигнуть данный союз, или на случай какого-нибудь иного бедствия; тогда отсюда, из этого резервного фонда, средства поступят в соответствующий другой фонд. Это — разумно и основательно сберегаемые деньги. Но пока наши союзы финансово слабы, пока они едва сводят концы с концами, а порой и прямо дефицитны — они играют в «фонд», а это несерьезно. С'езд внес ясность в этот вопрос, указав, что система фондов может быть проводима только тогда, когда устойчив и тверд союзный бюджет.

С'езд отчасти затронул вопрос о членском взносе, о системе и методах сбора членского взноса, поручив разработать этот вопрос ВЦСПС. Вопрос ставится таким образом: не своевременно ли перейти от процентного членского взноса к так называемому

фиксированному членскому взносу? В этом вопросе большая путаница, поэтому я позволю себе кратко остановиться на этом, так как в ближайшее время вопрос этот будет обсуждаться союзными организациями.

В основном членские взносы в союзах делятся на два вида: 1) взнос процентный, размер которого находится в прямой пропорции к заработку рабочего в данном месяце, и 2) фиксированный, т.-е. установленный одинаково для каждого месяца, независимо от колебания заработка рабочего. Фиксированный взнос, в свою очередь, разделяется на единообразный членский взнос и разнообразный, разрядный. Единообразный, это — 50 коп., например, с каждого члена союза в месяц, как это было в старое время в России, независимо от заработка. Фиксированный разрядный или разнообразный — практикуется в Западной Европе и отчасти практиковался также и в России, это — когда в зависимости от высоты ставок (квалификации рабочего) члены союза разделяются на несколько разрядов, уплачивая разной высоты членский взнос. Но сам этот взнос является взносом твердо установленного размера, так, например: одни платят 50 коп., другие — 75 коп., третьи — 1 рубль. У английских металлистов 5 или 7 разрядов, при чем в момент безработицы и стачки они получают пособие пропорционально уплачиваемому разрядному членскому взносу. Мы отрицали эту систему, ибо получается система неравноправных членов, разделяемых по классам: I, II, III класс.

Метод и система взимания членского взноса стоят особняком. Единообразный, как и процентный взнос, может производиться через сборщика,— деньги собираются, записываются в книжку, или их можно собирать путем марочным, когда каждый покупает марку данного союза, стоимостью равную его членскому взносу, и наклеивает ее в книжку, это — вопрос механики сбора. ВЦСПС поручено изучить, проверить и рассмотреть вопрос о введении сбора членского взноса по марочной системе.

Особняком стоит вопрос принципиальной важности, но единодушно решенный с'ездом,— он не вызывал никаких разногласий,— это вопрос относительно работы профессиональных союзов в деревне. С'езд, исходя из насущной классовой задачи пролетариата — создания прочнейшего союза с крестьянством, без чего не может быть крепка и прочна диктатура рабочего класса, исходя

из заветов Владимира Ильича,— бесспорно признал необходимость работы в деревне в целях укрепления и усиления пролетарского влияния на крестьянство. Главнейшим органом проведения работы в деревне с'езд признал союз, охватывающий батраков, союз всеработземлес,— вменяя в обязанность всем другим союзам всяческую поддержку этого пролетарского аванпоста в деревне. Другими союзами, которым надлежит сыграть значительную роль в этом отношении, являются союзы работников просвещения, всемедикосантруд и — в некоторой части — советские служащие. От степени того, насколько в крестьянскую гущу вольются члены профессиональных союзов, от степени того, насколько глубоко пройдет их влияние, зависит вопрос о распространении пролетарского влияния в деревне. Нужно прямо сказать, чтобы не было никаких недоразумений: для наших союзов эта работа новая, мы еще планомерно такой работы не вели, в данный момент она является нашими первыми, может быть, робкими шагами, которыми мы нащупываем почву для дальнейшего развертывания работы. Как мы будем работать, сказать в деталях трудно; нужно позондировать почву, испробовать разные методы, негодные отбрасывая, нужные изучая и обобщая, и продвигая тех, которые эту работу будут вести, всячески им помогая. Разрешить ближайшие наши задачи в деревне в области культурно-просветительной, в области шефства, в области распространения пролетарского воздействия на деревню, это — длительная и сложная работа.

В области тарифно-экономической работы союзов несомненно важнейшим вопросом, разрешенным с'ездом, является вопрос о производительности труда; я считаю лишним останавливаться здесь на нем, во всей полноте развивая перед вами необходимость поднятия производительности труда. Многие из здесь присутствующих, если не все, могут многое рассказать о необходимости поднятия производительности труда не хуже меня.

Однако, на некоторых вопросах, связанных с общим вопросом о поднятии производительности труда, я считаю долгом остановиться. При проведении в жизнь на местах решений VI С'езда могут возникнуть две опасности: одна, когда некоторые товарищи, подходя к вопросу о производительности труда, либо упрощают его, сводя все к вопросу о поднятии исключительно интенсивности труда, т.-е. напряжения рабочей силы рабочего, и только к этому,

и вторая,— когда хотя и идут внешне по правильному и верному пути, но на деле забираются в такие дебри теоретической премудрости, что в них теряется и отходит на задний план сам основной вопрос о производительности труда.

В первом случае ответ ясен: вопрос о производительности труда не является вопросом только интенсивности труда, вопросом только напряжения сил данного рабочего. Рабочий может, не напрягая своей рабочей силы, работать с одинаковым напряжением, а производительность труда его будет возрастать. Это будет при тех условиях, если будут усовершенствованы машины, поставлен новый станок, даны лучшие материалы, лучшие инструменты, лучшее помещение и тысячи иных об'ективных условий, способствующих ускорению процесса труда, независимо от рабочей силы. Но может быть и так, что даже тогда, когда у рабочего, вообще говоря, интенсивность труда может подниматься,— при ухудшении общих условий труда производительность его труда будет оставаться на одинаковом уровне, а может быть, даже и падать.

Вопрос о производительности труда не может отделяться как от вопроса о технических условиях, обеспечивающих поднятие производительности труда, так и от необходимости повышения интенсивности труда. Поэтому VI С'езд указал целый ряд мероприятий, направленных по двум линиям, из которых первая лежит по линии поднятия интенсивности труда, установления более справедливой нормы выработки, борьбы с прогулами, системы сдельных расценок и т. п., в осуществление чего профессиональные союзы, со своей стороны, должны сделать то-то и то-то. Кроме того, нужно произвести сокращение штатов в управленческом аппарате, улучшить условия труда, улучшить складское хозяйство и т. д. и т. д., что должны при нашей помощи провести хозорганы.

Я думаю, что это ясно и не требует никаких пояснений. Как меру, поднимающую непосредственно интенсивность труда рабочего, с'езд выставил неограниченную систему сдельной расценки, как форму заработной платы. Я должен буду внести полную ясность в этот вопрос, потому что до сих пор у некоторых товарищей, судя по последним запискам, которые я получил, вызывает сомнение вопрос о сдельщине, да еще о неограниченной. Тут недоразумения двух видов. Во-первых, это — смешивание интересов рабочего данного предприятия с общеклассовыми интересами

пролетариата. Некоторые рассуждают таким путем: когда мы поднимем личную интенсивность труда, введем сдельную расценку, то в результате этого часть рабочих будет удалена. Они рассуждают таким образом, что поднятие производительности труда ведет к сокращению штатов, а это, в свою очередь, парализует интенсивность труда.

Это — неправильно! Это — результат путаницы, смешивания интересов рабочего данного предприятия или данной группы рабочих с общеклассовыми интересами пролетариата. Мы видели, что в свое время очень горячо дебатировался вопрос о концентрации промышленности. Мы концентрировали металлическую промышленность, текстильную промышленность, но в результате, несмотря на концентрацию, несмотря на то, что приходилось закрывать слабые предприятия и увольнять тысячи рабочих, в общем и целом, рабочий класс от этого выиграл, ибо количество занятых в промышленности рабочих непрерывно росло и продолжает расти.

Мы проводим жесткое сокращение в советских учреждениях. Если посмотрим на это с точки зрения группы данных служащих, то, конечно, это для них немножко больно,— людей рассчитывают, они будут безработными,— но с точки зрения рабочего класса в целом — это есть понижение накладных расходов, упрощение, удешевление госаппарата, которое является необходимой предпосылкой смычки с деревней, удешевления всей жизни, без чего мы не смогли бы провести и денежную реформу [65].

Число лиц, занятых по найму в Советских республиках, вообще растет. Без поднятия личной производительности труда, без поднятия личной интенсивности труда нельзя говорить об общей производительности труда, как нельзя весь вопрос сводить к фразе — «пускай администрация вводит технические усовершенствования!» Это — неправильно. Нам нужно поднимать также и личную интенсивность труда. Неверны также вышеприведенные рассуждения о том, что поднятие производительности труда ведет к сокращению числа рабочих. Это — неверно. Ведь в старое время несознательные рабочие те же доводы выставляли против машин, вследствие чего были знаменитые бунты против машин. Питерские текстили выбрасывали и ломали машины. Лафермские папиросницы выбрасывали папиросные машины. Теперь это кажется дикостью. Каждая новая машина имеет своим последствием как-будто

сокращение числа рабочих, но в общем, чем больше вводились машины, тем больше развивалась индустрия и тем больше было занятых рабочих в предприятиях. Это — бесспорный, неопровержимый факт.

Второй вопрос, это — о сдельщине. Иногда приходится слушать таких мудрецов, которые пытаются под свою критику сдельной оплаты подвести глубокий хозяйственный, экономически-научный фундамент и говорят, что сдельщина уже изжита в капиталистических странах, так как сдельщина при данной высоте техники и организации предприятий является несовершенной системой оплаты труда, недостаточно поднимающей производительность труда. Отчасти это верно, отчасти это неверно. Это верно для Америки, верно для предприятий Форда, ибо для Форда это является отсталой системой заработной платы, но при этом надо помнить, что для Форда является отсталой и система квалификации [84]). У Форда нет ни слесаря, ни токаря, и там рабочие получают равную ставку, работая поденно, но фордовская техника и организация поставлены так, что работа рабочего зависит не от него, а от организации самого процесса производства, от организации труда и от подачи материалов. В определенное количество минут, а может быть, и секунд, к рабочему механически подходит известная часть, над которой он должен проделать известную манипуляцию. Если он этого не проделал, то на следующей операции другому рабочему делать нечего, а у этого образуется завал. Исследуя, инструктор видит этот завал и виновного увольняет, а на его место принимает другого рабочего, более способного, который работает без задержки. И, таким образом, части, идя по рукам, выходят к воротам в форме автомобиля. Такой фордовской техники у нас нет, приходится квалификацию труда сохранять, а также сдельную расценку. Нам до американской техники и до фордовской очень далеко. Когда люди, беря голую научную истину, верную при других экономических условиях, преподносят ее нам в России, то она никуда не годится. Для западно-европейских и американских предприятий это верно, но для нас неверно. А для нас верно то, что каждый рабочий знает, что на сдельной работе токарь больше выточит, чем при поденной, и чем больше он выточит, тем больше он и получит. Здесь нужно бороться лишь с одной возможной опасностью, а именно — с опасностью ухудшения качества товаров.

С'езд поставил основной задачей профессиональных союзов в значительной степени оживить упавшую было нашу работу в области хозяйства, при чем хозяйственно-экономическая работа союзов должна распадаться на две линии. Первая — непосредственное участие в хозяйствующих регулирующих органах. Вторая — изучение своего собственного производства. Мы не можем говорить об установлении той или иной ставки, той или иной расценки, не можем вводить того или иного улучшения в положении об'единяемых нами рабочих, если мы не знаем экономики своего предприятия и об'единения. Это касается более высших органов профессионального движения. Фабрично-заводские комитеты знают, что у них делается на предприятии. Хуже дело обстоит в высших организациях. Здесь, для того, чтобы заключить коллективный договор, нужно точно знать состояние данного хозяйства, перспективы его и все возможности, чтобы не просчитаться, чтобы не вышло, как выходило и выходит сплошь да рядом,— хозяйство расширяется, союз радуется, новые рабочие нанимаются, союз — еще более радуется. Потом, бац, оказывается,— и прибавка была не серьезная, и увеличение количества рабочих непрочно, так как переработали выше производственного плана, платить рабочим не из чего, и начинается волынка, задолженность и снова — мучительное сокращение количества работников, перебои и подгонка к плану, который определяет точные финансовые ресурсы и возможности предприятия. Для этого нужно сколько-нибудь правильно регулировать и быть в курсе дела. Ведь вы все помните, как жестко говорил Владимир Ильич относительно союзов, и порой относительно их некомпетентных и невежественных попыток управлять предприятием. Такие грехи были и сейчас наблюдаются, и с ними нужно решительно бороться. Если мы должны участвовать в строительстве хозяйства, а мы должны, то мы должны вполне компетентно, с открытыми глазами, хозяйничать, а для этого нужно внимательно и тщательно изучить ту отрасль производства, которую об'единяет данный союз.

С'езд вынес несколько практических и важных решений по докладу Наркомтруда, при чем одним из таких важных решений является санкционирование превращения бирж труда из органа государственного принудительного распределения рабочей силы в орган посредничества между нанимателем и продавцом рабочей

силы. На самом деле, я напомню старым москвичам, которых здесь, надеюсь, не мало, что мы в Москве построили в 1918 году первую биржу труда в России (благодаря энергичной работе здесь присутствующего товарища Маршева) не как принудительную организацию, а как организацию посредничества. Но с отливом рабочей силы во время гражданской войны, падением производительности труда, распылением рабочей силы в деревне, недостатком ее, мы все больше и больше вливали элемент принудительности в работу бирж труда, и тем самым постепенно превращали их в органы государственного, принудительного распределения рабочей силы. Но новые условия выдвигают новые требования, противоречащие этой системе. Для того, чтобы хорошо поставить предприятие, нужно соответственно подобрать рабочую силу, нужно подобрать рабочих по различным оттенкам квалификации, это очень много значит для правильной организации производства. Нечего греха таить, каждый из вас знает, что нередко были случаи, когда на требование того или другого завода в механический цех присылали слесаря-строителя, а в инструментальный — слесаря по механической части. Таким образом, путаница в оттенках квалификации была. Новые условия ставят новые задачи, но при этом с'езд оговорил решительно и категорически, что считает недопустимым как введение частного посредничества, так и ведомственного посредничества — контор, так как это будет уже не посредничество, а односторонний бесконтрольный наем. Роль посредника между нанимателем и рабочей силой должен попрежнему исполнять Наркомтруд.

Я бы хотел бегло остановиться еще на одном вопросе по докладу Наркомтруда, на вопросе о женском труде. Вопрос о женском труде и об охране женского труда — больной вопрос. В обстановке товарного производства охрана труда есть определенный предел, величина которого зависит от степени зрелости производительных сил данного общества, возможности осуществления и выгодности применения рабочей силы в данных условиях. Когда отдельные мероприятия по охране труда применяются к отдельным категориям рабочих, как-то к женщинам, подросткам, то эти мероприятия должны быть точно согласованы с общими мероприятиями в области охраны труда для всего рабочего класса. Я уверен, что вопрос об охране труда женщин и подростков нам придется еще не раз с вами обсуждать.

При известных условиях чуть-чуть «перегнутая» охрана труда превращается в систему выбрасывания той или иной категории рабочей силы из производства. На опыте охраны труда женщин мы это уже видели, и мне самому в практике моей собственной работы приходилось наталкиваться на такое явление в вопросе о ночном труде женщин. Я не назову союза (думаю, что вы мне на слово поверите), который обратился к нам, в Президиум ВЦСПС, с предложением запретить работу женщин в одной из отраслей промышленности, потому, что там применяется ночной труд, а так как ночной труд для женщин, дескать, вреден, а для мужчин не вреден, то разрешите удалить из производства женщин. А когда я их спросил: «кто сказал, что ночной труд для женщин вреден?» — мне ответили, что так выходит по указаниям охраны труда. А откуда взялся этот пункт и где его физиологическое обоснование, что для женского организма ночной труд вреден больше, чем для мужского, — такого пункта никто нам не мог указать. А этот пункт вытекает из старой условной мещанской морали, что неприлично, безнравственно женщине рядом с мужчиной работать ночью. Таким образом он вкрался в социал-демократическую программу, а оттуда перешел и в наше законодательство, при чем и мы к нему не подошли критически — ну, кто же приведет здесь доказательства того, что женщине действительно работать ночью вредно, а мужчине не вредно,— таких доказательств нет! Однако, это рассуждение годится для выбрасывания женщин из производства, ибо сейчас оно играет именно эту роль: так как для вас, женщин, это вредно,— потрудитесь очистить место для мужчин! Поэтому нужно пересмотреть вопрос об охране труда в части, касающейся вредности работ, и т. д. А то нередко можно слышать заявления: у нас вредная работа, и мы не принимаем женщин и подростков! Исходя из этих соображений, с'езд постановил пересмотреть вредные работы, которые запрещены для подростков и для женщин.

По вопросу о кооперации с'езд рекомендовал всем профессиональным союзам обратить большое внимание на непосредственные практические задачи кооперации. Мы за эти шесть лет отчетливо выяснили себе, что такое кооперация. Мы знаем, что кооперация есть орган будущего социалистического распределения, что ее ближайшей задачей является вытеснение частного посредника-капиталиста,— все это мы знаем, но до сих пор не научились строить

этот аппарат так, чтобы он торговал так же дешево, с таким же малым количеством служащих, давал бы столько же прибыли, как частный аппарат, который мы хотим вытеснить. Теперь нашей задачей уже не является теоретическое признание необходимости вытеснения частного посреднического аппарата, а практическое проведение этого в жизнь. Поэтому одной из крупных задач профессиональных союзов и, главным образом, фабрично-заводских комитетов является вовлечение всей массы членов союзов в русло кооперации, и тем самым усиление ее. До сих пор кооперация об'единяет 60% членов профессиональных союзов, между тем каждый элементарно-сознательный рабочий должен быть членом своего профессионального союза и должен быть членом своего рабочего кооператива. Профессиональный союз должен вовлечь всю массу своих членов в кооперацию, должен подобрать деловых работников для кооперации и под деловым углом зрения приступить к работе, к действительному освобождению рабочего от торговца-посредника.

Мы теперь приступаем именно к деловой работе в кооперации. Теоретические разговоры остались позади. Теперь никто из нас не позволит себе, как это было раньше, давая отчет о рабочей кооперации, сводить его к тому — должен ли быть Церабкооп или Цербаб-секция. Было время, когда об этом спорили по всем союзам. Теперь мы знаем, что нужно другое,— чтобы было дешево, хорошо и удобно для рабочего. Скажи, как дешево ты купишь товар, сколько будет накладных расходов, какой процент отчислений, разговоры же об отвлеченных предметах нас больше не интересуют. Именно под этим углом зрения смотрел с'езд, и, исходя из этого, он принял ряд практических мероприятий, направленных к этой цели.

С'езд уделил много внимания культурно-просветительной работе в профессиональных союзах. Я думаю, что после двух лет, прошедших с V С'езда, всем уже известно и для всех уже бесспорно, что важнейшим и гигантским рычагом союзной деятельности является культурная работа союза. Ясно, что в этой деятельности важнейшим колесом воздействия союза на рабочую массу, каналом, по которому идет просвещение рабочего класса и поднятие его культурного уровня, хотя и медленно, но верно,— бесспорно, является рабочий клуб.

Если нам, профессиональным союзам СССР, есть чем гордиться перед Западной Европой и сейчас, то это, главным образом, культурно-просветительной деятельностью. Несмотря на то, что мы по-серьезному, вплотную подошли к этой работе только около двух лет тому назад, нигде в мире в профессиональных союзах не поставлена так широко и многообразно культурно-просветительная работа, как у нас. Мы имеем уже свыше двух тысяч рабочих клубов, которые добровольно об'единяют сотни тысяч рабочих в своих рядах. Эти клубы существовали и до V С'езда, но имели односторонний уклон, часто узкий, сухой, только просветительный, и вообще не имели серьезного влияния на рабочую массу, но теперь, когда они стали многообразным органом, всесторонне удовлетворяющим духовные и культурные запросы рабочих, они тем самым стали центром сосредоточения значительных масс рабочих. Наши клубы являются важнейшим звеном союзной деятельности. Культурно-просветительная работа на ближайшее время является важнейшей и труднейшей отраслью союзной работы.

В области организационной вопрос для нас всех ясен. Все семь лет, на каждом с'езде, конференции, везде мы занимались организационной работой, не было такого периода, чтобы организационная работа прерывалась. Почти так же обстоит с тарифной работой. Но в области культурно-просветительной деятельности мы всерьез работаем только два года, а в дореволюционное время в этой области у нас почти никакого опыта не было, кроме нескольких отдельных клубов. Большой союзной культработы не велось. Мы впервые применяем новые методы в области культурно-просветительной работы, и тут, конечно, неизбежны ошибки, извращения, уклоны и вот почему приходится больше уделять времени и более строго, более критически относиться к задачам, стоящим перед нами в этой области — это совершенно новая работа.

Еще до созыва VI С'езда, в союзных кругах, среди культурников, возникал вопрос, является ли культотдел агитпропом союза или просто культотделом? Мы решили вычеркнуть это слово «агитпроп», которое нечаянно вкралось в нашу союзную терминологию. Я указывал на культсекции VI С'езда и считаю полезным повторить это и здесь, что неправильная терминология в какой-нибудь отрасли союзной работы (и всякой работы и, вообще, везде) влечет за собою путаницу понятий. Неправильное название, неправильное

представление, если мы, например, говоря о каком-нибудь из наших отделов, даем ему наименование «агитпропагандистского», создает впечатление, что *только* этот отдел должен *заниматься пропагандой* во всех отраслях союзной деятельности, и что других отделов это дело не касается.

Это — неверное представление о задачах культотделов профессиональных союзов, неверное представление о том, чем вообще является наша работа. Профессиональные союзы, мы говорим, есть школа коммунизма. А почему они — школа коммунизма? «Потому, что у них есть культотдел». Да ничего подобного! И без культотделов они являются школой коммунизма. А каждая отрасль союзной работы,— разве это не есть школа коммунизма? Конечно, да! Каждый вопрос союзной деятельности есть вопрос, касающийся тысяч, десятков, сотен тысяч рабочих. Каждый союзный работник любой вопрос союзной деятельности не должен и не может рассматривать как вопрос, совершенно выхваченный, совершенно обособленный от остальной союзной работы.

Если мы возьмем какой-либо вопрос изолированным от всех остальных классовых задач пролетариата,— у нас получится цеховой уклон, однобокость. Вся сила и свежесть нашего движения заключается в том, что в нас силен дух класса, чувство класса, что мы все время, на протяжении всей истории, интересы отдельных групп, отдельных цехов подчиняем интересам класса в целом. Каждый союзный вопрос должен быть поставлен перед членами союза лишь в общей связи с классовыми задачами пролетариата, если это не так,— получается цеховщина. Проводится ли коллективный договор, производственное совещание, организационный вопрос,— разве это не вопросы, касающиеся всего рабочего класса в целом? Разве в процессе обсуждения и разрешения этого вопроса не происходит классовое воспитание рабочего? Разве это не есть агитационно-пропагандистская работа? Каждая ваша конференция губернского отдела того или иного союза, фабрично-заводское собрание, каждое союзное собрание является воспитательным собранием, агитационно-пропагандистским собранием! Каждый активный работник союза является агитатором и пропагандистом. Без этого плохо идет работа: когда не умеют связать тот или другой вопрос с общими задачами союза, с общими задачами профессионального движения,— тогда получается однобокость.

Поэтому неверно, что культурно-просветительный отдел является агитпропом.

«Клуб является главным органом союзной культработы». Но мало сказать только это. Теперь уже внутри клубов, многосторонних, разнообразных, производится известная увязка, известное согласование частей. Мы пережили разные эпохи клубной работы. Был период, когда люди ставили принципиальный вопрос — можно или нельзя танцовать в клубах. Говорят, и теперь такие есть, ну, таких теперь надо показывать на выставках культотделов, как «профессиональную вредность». Этот период прошел. Все знают, что ничего грешного для самого хорошего коммуниста в танцах нет. Для монаха, может быть, и грешно, а для здорового живого человека ничего плохого нет. Пережили и второй этап: прения о том, чем клубы должны быть,— органом политпросветительным или органом отдыха и развлечения. Это — вторая однобокость, вторая болезнь. Ни тем, ни другим, а и тем и другим, вместе взятыми. Если заниматься только политико-просветительной работой, то все члены могут разбежаться: сегодня политико-просветительная работа, завтра то же самое и послезавтра то же самое, это будет напоминать один обед из трех блюд, при чем на все три блюда будет одна и та же картошка,— жареная, вареная, печеная. Это слишком односторонняя культработа,— для самого невзыскательного рабочего.

Но нельзя и не может рабочий клуб вести такую культурно-просветительную работу, когда и сегодня танцуют, и завтра танцуют, и послезавтра танцуют. Это тоже слишком однобоко. Тут духовная жизнь будет выявляться, главным образом, в быстроте ног,— а мышление ногами и только ими — плохая культурно-просветительная школа. Живой, молодой, здоровый человек, естественно, может пожелать заняться и физкультурой, и попеть, и на инструментах поиграть, насколько он сумеет распределить свое время, но нужно и головой поработать, без этого нельзя. «Это плохо будет,— мы должны сказать об этом рабочему,— если у тебя будут очень большие мускулы и очень маленькая голова». Хороший рабочий может быть хорошим спортсменом, если у него есть музыкальное дарование, он может быть хорошим музыкантом, но все это не должно ему мешать быть хорошим борцом за интересы своего класса, быть хорошим членом своего профессионального союза и хорошим

коммунистом. Это ему ни в какой степени не помешает. Но только нужно, чтобы здесь не было однобокости, чтобы все виды и проявления рабочей самодеятельности были увязаны. Кружки физкультуры должны быть при клубе, это не есть что-нибудь постороннее от союза, они должны быть при клубе, и тем самым при союзе. Но нельзя предписать и говорить: вот делайте такую гимнастику, а другая, это — грех, мы ее не будем позволять. Это — однобокость. Это — неверно и неправильно. Союз должен применять не методы принуждения, а методы убеждения, должен говорить: ребята, вы хорошо играете в футбол, а в политграмоте вы слабы, или вот — вы не знаете, что такое профессиональный союз. Как ни умей хорошо мячик ногой швырнуть, но если ты не знаешь задач своего класса и профессионального союза, то любой капиталист тебя забьет. Плохой ты член своего класса, несознательный.

Конечно, будет глубокой ошибкой, если все это будет проводиться по-казенному, т.-е. циркулярами в таком примерно духе: «если ты пойдешь на политграмоту, ты будешь членом союза, а не пойдешь, то исключим тебя за это!» Такие методы не годятся. Если мы не сумеем своих рабочих, членов союза, убедить, распропагандировать, с'агитировать, доказать им необходимость разностороннего развития, плохие же мы с вами будем пропагандисты, никуда не годимся! Однако, это было бы недоверием к нашим союзным работникам, если бы мы думали, что мы не сумеем убедить молодежь, податливую, отзывчивую, энергичную советскую молодежь в том, что хотя заниматься физкультурой так же хорошо, как и заниматься в драматической студии, но что нужно не забывать главного, — что член союза должен быть разносторонним и, в первую очередь, классово-сознательным.

Последний и важнейший вопрос, стоявший на VI С'езде Союзов, вопрос, имеющий значение не только для союзов СССР, но вместе с тем — крупнейшее мировое значение, это — вопрос о единстве международного профессионального движения. Для того, чтобы внести ясность в этот вопрос, я позволю вкратце изложить здесь историю этого вопроса.

После войны, когда мы создали ВЦСПС, I С'езд Профессиональных Союзов дал нам директиву обратиться к профессиональным союзам других стран с предложением собраться на международную конференцию профессиональных союзов [3]). Поэтому

одним из первых шагов нового ВЦСПС было это выступление. Но мы не получили ответа. Западно-европейские профессиональные союзы были заняты другим делом — поддержкой своих правительств и политикой «войны до победного конца». Мы еще раз выступили с воззванием, но нас не замечали, мы обратились со вторым и третьим,— нас опять не замечали. До 20-го года мы по радио и по почте обращались к лидерам разных стран с предложением войти в общую организацию, чтобы работать совместно. Но нас упорно не замечали. В 20-м году мы уже знали, что если мы еще 10 лет будем взывать, то нас все равно не заметят.

В 20-м году мы положили начало новой международной профессиональной организации, которая сначала называлась Межсовпроф, а теперь называется Профинтерн. Тогда нас тотчас же заметили и начали ругать. Нас ругали, но мы этим не огорчились, потому что мы знали, что чем больше нас будут ругать, тем больше будут интересоваться рабочие, за что нас ругают, а потом уже разберут, за что ругают. Профинтерн вырос в солидную международную организацию. Я не стану вникать в область спорных вопросов, кто больше об'единяет рабочих: Профинтерн или Амстердамский Интернационал, это вопрос очень трудный и сложный, и не это является определяющим фактором. Допускаю, что примерно за обоими поровну стоит рабочих. Уже более двух лет, как началось и поднялось известное наступление капитала на экономические завоевания западно-европейских рабочих и одновременно Профинтерн и Коминтерн начали борьбу за восстановление единства в области международного рабочего движения.

Для нас было ясно, что наступление капитала на рабочий класс не является случайным. Расшатанное мировой войной капиталистическое хозяйство неизбежно заставляло капиталистические группы разных стран вступить в бешеную конкуренцию ради восстановления своих производительных сил. Сейчас, после войны, промышленность Англии, Франции и Северо-Американских Соединенных Штатов работает неполной нагрузкой... Рынка нет. Отсюда — бешеная конкуренция между разными капиталистическими странами. Она должна выражаться, в первую очередь, в удешевлении товаров конкурирующих стран.

До войны эта конкуренция шла в области усовершенствования и улучшения техники. После войны над Европой веет «тихий ужас

большевизма». Неуверенность в завтрашнем дне царит над Европой, до сих пор все еще боятся вкладывать крупные капиталы в какую-нибудь отрасль промышленности. Трагическое крушение марки, обесценение франка, которое обошлось не в один миллиард рублей многим западно-европейским капиталистам, всюду чувствуется неустойчивость, красный призрак стоит перед глазами капиталиста, поэтому главный нажим в направлении удешевления себестоимости падает на рабочего за счет снижения заработной платы и увеличения рабочего времени. Отсюда наступление на рабочего и на те скудные завоевания, которые рабочий вырвал во время войны. Это длительный процесс, не так давно на время он как-будто приостановился, некоторой весной повеяло в Европе: наступление капитала как-будто приостановилось, а также наступление фашизма, в воздухе носился пацифизм: в Англии — правительство Макдональда, во Франции — Эррио, все внушало радужные надежды на то, что наступление капитала, повидимому, закончилось. Я думаю, что теперь ясно, что это был весьма короткий период и уже не требуется доказательств, что шквал новой реакции перед глазами у всех *). Правительство Макдональда не очень славно жило и бесславно умерло. Вместо него в Англии мы видим правительство Болдуина, в Германии мы видим роспуск парламента и новый бешеный натиск буржуазии против коммунистов, на Германию распространяется план Дауэса [85]) — все эти обстоятельства говорят, что мы уже имеем политическое наступление капитала, за которым, несомненно, последует наступление экономическое. Консерваторы, конечно, сумеют и сделают попытку экономического наступления против английских рабочих. То же самое целиком и полностью в Германии. Чтобы провести план Дауэса, делаются попытки разгромить коммунистов и действительно выжимать сверхприбыли из немецкого рабочего для бешеных репарационных

*) Пока печаталась эта брошюра («Итоги VI С'езда Профсоюзов СССР» были изданы Изд. ВЦСПС в 1925 г. брошюрой), телеграммы из Англии целиком подтвердили наше положение. В угольной промышленности капиталисты, несомненно, готовят наступление, хотя и заверяют, что они «в данный момент» не намерены увеличивать рабочий день. Больше того, гг. консерваторы откровенно заявляют о своем намерении выступить и против тред-юнионов за «свободу рабочих». Кстати, наши меньшевики и эсеры тоже все свои пакости прикрывают этим же лозунгом — освобождение рабочих от гнета профсоюзов.

платежей. Война ведь не разрешила, а усугубила экономические противоречия Западной Европы. Идет попрежнему бешеная конкуренция между Францией и Англией, все целиком и полностью говорит за то, что опасность войны в Европе не изжита.

Видя все это, мы, русские рабочие, не можем оставаться равнодушными в этом деле. Мы ни на минуту не можем сказать: «это дело их, западно-европейское, пускай западно-европейские рабочие сами считаются со своими западно-европейскими капиталистами, а мы посмотрим!» Мы понимаем, что наша революция есть первый этап международной рабочей революции, что успехом нашей революции мы обязаны ее международному характеру и поддержке рабочих других стран. Мы понимаем, что и в дальнейшем наше существование покоится на крепости рабочего движения в Западной Европе. Не потому нас не трогают, что мы сильны, а потому, что на нашей стороне активное сочувствие десятков и сотен миллионов угнетенных трудящихся всего мира. И когда нашему классу, в Англии или в Германии, где бы то ни было предстоят великие битвы и, быть может, поражения, мы не можем оставаться пассивными зрителями здесь, и мы говорим: для того, чтобы отразить эту атаку, рабочему экономическому движению теперь, как никогда, нужно максимальное единство сил и сплоченности. Мы говорим: важной необходимостью успеха рабочего движения и борьбы рабочих против наступления капитала является единство международного профессионального движения.

Вот почему нам нужно единство, вот почему мы за единство международного профессионального движения, вот почему мы не только протягиваем руку Амстердамскому Интернационалу, но и обращаемся одновременно к рабочим всего мира и говорим: «смотрите, эта рука очень давно протянута и висит в воздухе, заставьте и ту сторону протянуть руку» [70]).

Пусть они остаются с их убеждениями, мы остаемся со своими, но рабочему классу нужно единство действия, единство руководящей организации, давайте построим такую организацию. Конечно, для западно-европейского профессионального движения небезразлично — для тех, кто что-нибудь понимает в борьбе классов, — входят ли в международную организацию борьбы с капиталом русские рабочие или нет. Шесть с половиной миллионов рабочих, связанных крепкими централизованными профессиональными

организациями, рабочих страны, где стоит у власти рабочий класс и держит шестую часть мира в своих руках,— союз с этими 6½ миллионами рабочих кое-что значит на чашке весов борьбы между трудом и капиталом в международном масштабе. И только абсолютные слепцы или тупые педанты, которые, кроме своих узких чиновничьих интересов, не видят ничего больше, могут тормозить дело единства международного рабочего движения.

Перед Венским контрессом ВЦСПС послал туда телеграмму за подписью тов. А. И. Догадова, поддерживая английских товарищей и их предложение о восстановлении единства [72]). Эта телеграмма сыграла свою роль, и Венский конгресс Амстердамского Интернационала, правда, в весьма неопределенной резолюции, высказался за необходимость начать переговоры о единстве с русскими союзами.

После Венского конгресса прошло около шести месяцев, за это время между нами и Амстердамским Интернационалом произошел обмен письмами — по два письма с каждой стороны (они были опубликованы во всеобщее сведение). Смысл первого их письма заключался вот в чем: «мы желаем с вами, русскими союзами, встретиться и вести переговоры на предмет вступления вашего в Амстердамский Интернационал на основе, изложенной в резолюции, вынесенной Венским конгрессом». А резолюция предусматривала, что само вступление (речь идет о вступлении ВЦСПС в Амстердамский Интернационал) должно быть обусловлено признанием русскими союзами тех статутов, положений, резолюций, которые были вынесены Амстердамским Интернационалом и его конгрессами. Мы на это вполне резонно ответили: «встретиться с вами согласны, говорить о единстве согласны и со своей стороны этого желаем, но на каком основании и как мы будем создавать единство, об этом мы будем говорить при встрече, ибо это и есть тема для беседы, но зачем же вы выставляете заранее платформу предварительных переговоров, утверждая, что эти разговоры могут быть на основании резолюций, вынесенных вами, которых мы не знаем и участия в обсуждении которых мы не принимали? Давайте разговаривать без платформ!»

На это мы получили второе письмо, которое говорит: «мы получили ваше письмо, мы за единство профессионального движения, но мы желали бы знать вашу платформу. Мы видим, что наши

разногласия больше, чем тактические разногласия, и что они имеют глубоко принципиальный характер. Нам бы хотелось иметь от вас,— говорит далее письмо,— письменный документ, излагающий взгляды, платформу и т. д.»

Мы, грешным делом, поразились этой наивности; люди ругались с нами года четыре подряд, со смаком и вкусом, ругались от души, потом обсуждали на Венском конгрессе, где нас ругали тоже почти все. Потом, на основе этой критики, ругани, разбора наших писем и резолюций, постановили вступить в переговоры с нами о единстве, предложили нам переговоры. После этого вдруг, во втором письме, пишут: скажите, пожалуйста, что вы собою представляете, как вы мыслите, вообще, кто вы такие будете. Мы, запасшись терпением, вежливостью и скромностью — добродетелями, не весьма нам свойственными, — ответили, что мы согласны в более подходящей обстановке, если это их будет интересовать, целиком и полностью изложить наши взгляды по любому интересующему их вопросу и провести на эту тему дискуссию, но в данный момент считаем вопрос не дискутабельным, однако, считаем необходимым не скрывать от них основных принципов, которыми руководимся в нашем профессиональном движении и которые мы считаем необходимыми, в качестве руководящих, для всех других рабочих организаций.

Мы изложили эти принципы. Мы сказали, что мы стоим на почве признания непримиримости классовых интересов между трудом и капиталом; необходимости борьбы класса наемных рабочих против класса капиталистов за окончательное свержение капитала; что в этой борьбе мы отрицаем всякое соглашение между трудом и капиталом и полагаем, что если бы и другие профессиональные организации встали на эту же почву, то единство было бы гораздо легче, доступнее и возможнее. После этого мы получили письмо, что они обсудят все это в декабре.

Пока шла эта переписка, мы получили приглашение послать свою делегацию на профессиональный с'езд английских рабочих. Мы послали туда братскую делегацию и, со своей стороны, пригласили английские профессиональные союзы послать братскую делегацию на наш конгресс.

Я не стану распространяться о том восторженном приеме, который мы, в качестве представителей от русских рабочих,

встретили на Гулльском конгрессе [86]); это свидетельствовало, что нас, русских рабочих, нельзя изолировать от международного рабочего движения. Впервые после войны широкие слои английских профессионалистов лицом к лицу встретились с настоящими представителями русского профессионального движения; результатом этого было большое взаимное понимание между нами и руководителями английских профессиональных союзов.

Те симпатии, которые многомиллионный английский рабочий класс питает к русским рабочим,— налицо; политика определяется не волей вождей, а более значительными факторами — симпатиями масс рабочих. Вот что определяет политику руководителей английских тред-юнионов, чутких к настроению масс и понимающих, чего масса хочет. Мы видели здесь ответную братскую делегацию английских союзов во главе с тов. Перселем. Здесь, конечно, как и во время нашего пребывания в Гулле, мы не могли не затронуть столь живого и важного вопроса, как вопрос о единстве профессионального движения. Результатом этих переговоров явилось то, что мы с английскими товарищами договорились о необходимости совместно вступить в борьбу за единство международного рабочего движения. Эта борьба мыслится не только при непосредственном воздействии английских тред-юнионов на Амстердамский Интернационал, но и путем создания Комитета Единства из английских и русских союзов, целью которого должна явиться международная пропаганда и борьба за единство профессионального движения. Мы видим новую и очень интересную комбинацию в международном рабочем движении Амстердамского Интернационала. Мы видим, что старейшая и богатейшая организация Амстердамского Интернационала, английские профессиональные союзы, вступает с русскими молодыми союзами, принадлежащими к другому Интернационалу,— в блок для борьбы за единство рабочего движения, в том числе и против Амстердамского Интернационала.

Внутри Амстердамского Интернационала хранительницей худших его традиций остается самая реакционная, самая заскорузлая его часть, это — вожди германских профессиональных союзов, руководимые германскими с.-д., наиболее скомпрометировавшей себя партией. Вожди германского профессионального движения — люди партийные, выдержанные с.-д. со всеми пороками и грехами их партии. Они сейчас одни, в качестве наиболее выдержанных

сторонников единства с буржуазией, являются борцами против единства международного рабочего движения. Они чувствуют, что единство международного движения — могила соглашательству. Против них — новые силы внутри Амстердамского Интернационала — английские профессиональные союзы, и вне Амстердамского Интернационала — русские профессиональные союзы, в блоке с англичанами имеющие за собою целый ряд братских союзов, входящих в Профинтерн.

Вполне естественно, что с.-д. потребовалась поддержка — привести какой-то свежий резерв против русских союзов, и мы с вами видим, как за океаном созывается конгресс Всеамериканской Федерации Труда [87]). Там, на этом конгрессе, всеамериканском с'езде союзов, руководителем является наиболее старый, наиболее развращенный и наиболее опытный соглашатель — Гомперс, для которого Амстердамский Интернационал является левой организацией. Если с.-д., несмотря на все их грехопадение, все-таки еще не решаются отказаться от фигового листочка социализма и все-таки, хотя робко, лепечут о социализме, то Самуэль Гомперс давным давно бросил эту сантиментальную манеру, бросил социализм. Если германские с.-д. сочувствуют только на словах Советской России, а на деле в силу необходимости готовы сделать открыто каверзу, то Самуэль Гомперс является председателем Лиги по борьбе с большевизмом, он открытый враг Советской России, он вместе с Юзом против признания Советской России. Туда-то вот за подкреплением отправились немецкие с.-д. — руководители немецких союзов. Там, на этом конгрессе, мы их видим, а в Гулле мы их не видали. И там же, на конгрессе, присутствуют англичане — представители английских профессиональных союзов, ни в какой степени не коммунисты, которых в коммунизме заподозреть нельзя — члены рабочей партии — с нашей точки зрения беспартийные люди. Но посмотрим, как противник коммунизма Крамп говорит на конгрессе, созванном и руководимом противником коммунизма Гомперсом. Тов. Крамп и тов. Свелс на конгрессе Всеамериканской Федерации Труда дали следующие советы американским профессион. союзам:

первый совет: необходимо бороться за признание Советской России, это — раз;

второй совет: необходим теснейший союз с русскими рабочими — это два, и это неплохо;

третий совет: необходимо прекратить борьбу с революционными рабочими, недопустимо исключение революционных рабочих из союзов — это три, совсем хороший совет, и

четвертый совет: задачи профессиональных союзов лежат в области производственного, а не цехового построения.

Многого не хватает до коммунизма, но и это очень недурно, это очень хорошие советы. И рядом с этими товарищами мы видели немецких представителей, которые изливали потоки слюны и желчи на Советскую Россию и коммунистов, и вместе с ними самого Самуэля Гомперса, явного, открытого врага Советской России и русских рабочих. Вряд ли что-нибудь выйдет из союза германских с.-д. с Самуэлем Гомперсом. Но, несомненно, мы далеко пошли по укреплению братского союза между английскими и русскими союзами, и нервничанье немецких с.-д. это лишь доказывает. Мы уверены, что нам это много даст и, несомненно, это даст много и английским рабочим.

Выступление представителей английских профессиональных союзов на конгрессе американских профессиональных союзов показывает, что это уже делу единства много дало. Их выступление очень и очень не плохое для первого раза.

Обмен братскими делегациями повел к установлению крепкого сплочения двух международных профессиональных организаций. Когда раздаются голоса о том, как скоро будет это об'единение, на это можно ответить, что это будет зависеть от ряда обстоятельств. Против об'единения многое. Удегест на-днях опубликовал статью. Этот генеральный секретарь Амстердама пишет, критикуя наше письмо, так, слегка: «Русские союзы говорят, что они за классовую борьбу. Мы тоже за классовую борьбу. Они говорят, что они против соглашения с капиталом. Мы также против соглашения с капиталом. Но отказались ли русские союзы от выставленного нам 21 условия?» Никогда мы, ВЦСПС, никому не ставили 21 условие. Они нарочно нас спутали с Коминтерном — организацией партийной, и тут глубокомысленно заявляют: «Неизвестно, на какой позиции стоят русские профессиональные союзы в вопросе о социальном законодательстве». Что касается 21 условия, мы никогда их не пред'являли, это он прибавил. А одно «условие» Удегест забыл: именно, Бюро Труда при Лиге Наций [25]). Недаром английские профсоюзы против чрезмерно интимной связи

Амстердамского Интернационала с Лигой Наций. А мы знаем, что в числе создателей Бюро Труда при Лиге Наций были Удегест и К°.

Если Удегест смущается по поводу социального законодательства и нашего отношения к этому вопросу, то мы можем просто разрешить этот спор. Благоволите, чтобы не было сомнений, ввести наш Кодекс Законов о Труде для первого случая в Германии и Голландии [19]). Если это им не подходит, мы предлагаем, чтобы они попробовали сами провести хотя бы такую пустяковую меру, которую мы беремся всячески поддержать, как ежегодный отпуск для рабочих, хотя бы провести это в Германии и Франции для первого раза, а мы бы поддержали, энергично поддержали, и я с уверенностью мог бы на любом всемирном конгрессе говорить от 6½ миллионов русских рабочих, что, несмотря на наш скудный заработок, мы бы отчисляли с полной душой на борьбу за 8-часовой рабочий день в Германии и во Франции — только за настоящий 8-часовой рабочий день! Не только на словах, а на деле показали бы, что мы за это. А что они могут нам предложить? Мы согласимся на первый случай сговориться на Кодексе Законов о Труде, а когда он будет проведен у них, мы примем всякое предложение, исходящее от них и направленное к его улучшению.

Не плохо было бы, если бы они подняли борьбу за социальное страхование нашего типа, хотя бы теперешнее, несколько сокращенное. Это было бы не плохо. В этом отношении между нами и ими не будет разногласий. Мы за самое широкое социальное законодательство, и если они считают, что мы плохо боремся, пусть они проведут Кодекс Законов о Труде, а потом будем проводить всякие меры и поправки к нему,— в этом направлении наше согласие обеспечено!

Подобное выступление только показывает, что люди под всяким предлогом хотят улепетнуть от правильной и роковой для них постановки вопроса о единстве международного профессионального движения. А вопрос поставлен довольно роковой, именно потому, что, как теперь выясняется, может быть вполне осуществлен и закреплен блок английского рабочего движения с нами, а это значит — 12 миллионов рабочих. Если 12 миллионов рабочих в Европе говорят: мы требуем единого Интернационала профессиональных союзов,— можно им ставить перегородки, преграды, колючую проволоку, но 12 миллионов — есть 12 миллионов. А когда эти

12 миллионов знают, чего они хотят, они за собою увлекают новые и новые миллионы, и такая масса растет, как снежный ком, все сметая на своем пути. Самые хитрые, самые консервативные и прожженные немецкие и голландские с.-д., как бы они ни пытались противостоять этому движению, вынуждены будут убедиться, что противостоять напору миллионов и даже свыше чем 10 миллионов рабочих, это — не по их силам!

Мы можем твердо сказать, что на VI С'езде Профессиональных Союзов мы сделали, быть может, по отношению к нашей цели не очень большой прыжок, но шаг-то вперед мы во всяком случае сделали. Быть может, это даже скромный шаг, но он сделан вперед. Он ставит дело борьбы за международное об'единение на твердые рельсы, на твердую, реальную базу. Мы, конечно, попрежнему остаемся частью Профинтерна, и до тех пор, пока не будет создан новый Интернационал, мы, как часть Профинтерна, нами созданного, считаем для себя обязательным все его постановления, которые являются нашими постановлениями, но дело международного об'единения не за горами, так мы считали и так будем считать. Мы будем бороться за то, чтобы это об'единение произошло посредством единого международного конгресса всех профессиональных союзов, независимо от того, в какой Интернационал они входят, чтобы там, на этом новом едином конгрессе, был создан новый единый Интернационал профессиональных союзов. За это мы боремся и за это будем бороться.

То, что вопрос о создании блока между рабочими России и рабочими Англии есть реальный факт, дает нам уверенность, что мы своего добьемся. Мы согласны там, внутри единого Интернационала, вместе и дисциплинированно вести борьбу. Там, внутри этого Интернационала, на любом с'езде и конгрессе, мы удовлетворим и согласны удовлетворить любознательность правой части руководителей Амстердама относительно наших принципов. Мы с полной ясностью согласны их развернуть на любом международном конгрессе, конференции, если будет предоставлено достаточное количество времени для этого. Мы согласны в едином Интернационале, на практике экономической борьбы, проверить наши принципы — в огне этой практики, так, как мы проверяли их на практике русской революции. Проводя наши принципы, в процессе строительства профессиональных союзов, борьбы рабочих за диктатуру,

борьбы рабочих за восстановление своего хозяйства, мы эти принципы проверяли, но, конечно, рядом с нами свои принципы также в огонь революции совали и меньшевики. Однако, в то время, как наши принципы претворены в мощную профессиональную организацию, меньшевики со своими принципами оказались вне рабочих организаций и рабочего класса.

Мы еще раз с кем угодно, с любым идейным противником или идейным врагом, согласны снова проверить наши принципы на практике международной борьбы рабочих, которую они ведут за свое освобождение. Мы уверены, что наши принципы выдержат любую пробу, выдержат искус, выдержат проверку и в горниле экономической борьбы и в огне революции, ибо вся русская революция их проверила и подтвердила. Так и под этим углом зрения решал вопрос о единстве VI Всесоюзный С'езд Профессиональных Союзов.

Перед этим с'ездом нами поставлен ряд задач — от практических, мельчайших задач повседневной работы до величайших задач международного масштаба. По важнейшему вопросу единства мирового профессионального движения не было сколько-нибудь значительных разногласий, отдельные товарищи высказывали опасения, сомнения, колебания в этом вопросе, но два основных документа — заявление Президиума VI С'езда и резолюция, предложенная Президиумом по вопросу о единстве, голосованы были VI С'ездом единогласно. То единодушие и та согласованность в работе, которые царили на VI С'езде Профессиональных Союзов и которые, несомненно, отражают общее наше единодушие и товарищескую спайку во всем нашем профессиональном движении, служат лучшим залогом того, что от VI до следующего VII С'езда мы все, дружными усилиями, на благо дела рабочего класса, двинем вперед нашу организацию, крепче сплотим союзные массы и вместе с союзами других стран создадим общий, единый Интернационал!

Выпущено Издательством ВЦСПС отдельной брошюрой в 1925 году.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Вопросы, охватываемые примечаниями:

История русской революции — №№ 8, 14, 19, 22, 29, 39, 47, 48, 58, 62, 75, 76.

История ВКП(б) — №№ 12, 13, 24, 75.

История профессионального движения — №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 20, 21, 23, 24, 25, 27, 28, 30, 31, 35, 36, 37, 38, 40, 42, 44, 45, 52, 54, 55, 56, 67, 68, 70, 71, 72, 73, 74, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 86, 87.

Биографические сведения — №№ 27, 33, 41, 49, 50, 59, 61, 63, 64, 73, 74, 82, 84.

Разные — №№ 16, 17, 18, 26, 32, 34, 43, 46, 51, 53, 57, 60, 65, 66, 69, 77, 85.

Примечания.

[1]) II об'единенный С'езд союза работников железнодорожного и водного транспорта состоялся 2—5 октября 1922 г.

Об'единение ЦК прежде самостоятельных союзов железнодорожников и водников было произведено в августе 1920 г. в связи с централизацией в одном ведомстве управления железнодорожным и водным транспортом. I об'единенный С'езд состоялся в марте 1921 г.

На II С'езде присутствовало с решающим голосом 338 делегатов (коммунистов 321, беспартийных 17), с совещательным — 49, представлявших более миллиона членов союза. Из решений с'езда следует отметить постановление о создании вновь двух отдельных союзов — железнодорожников и водников — с'езд признал, что «опыт работы об'единенного союза показал величайшие трудности в одинаковой мере успешно обслужить обе части союза: железнодорожников и водников», и «для наилучшего обслуживания интересов членов союза и действительного привлечения широких масс к делу восстановления транспорта» решил «создать два союза: железнодорожников и водников». (Стр. 7).

[2]) V Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов состоялся в Москве 17 — 22 сентября 1922 г. На нем присутствовало 775 делегатов с решающим и 195 с совещательным голосом, представлявших 5.100.000 организованных рабочих и служащих. По партийной принадлежности они распределялись так: коммунистов — 721, кандидатов в РКП — 6, меньшевиков — 2, беспартийных — 46. Среди делегатов с совещательным голосом был 1 с.-р.

Повестка дня состояла из следующих вопросов: 1) итоги и перспективы профдвижения, 2) организационный вопрос, 3) тарифно-экономическая работа, 4) культурно-просветительная работа, 5) социальное страхование, 6) организация производства, 7) международные задачи союзов.

Это был первый с'езд после того, как окончательно выявились условия работы при новой экономической политике и после того как предшествовавший ему II (февральский) Пленум ВЦСПС 1922 г. наметил основную линию работы при нэпе, которую V С'езд одобрил.

В резолюции об итогах и перспективах профессионального движения с'езд отмечает новые условия работы и новый характер задач следующим образом:

«Своеобразность нового периода российского профессионального движения заключается в том, что при наличии диктатуры пролетариата в лице советской власти, в руках которой находится большая часть промышленности и транспорта, в пределах, допускаемых рабоче-крестьянским государством, развиваются частная промышленность и товарный рынок. Принцип хозяйственного расчета при наличии отношений вольного рынка, конкуренции и т. п., значительно изменяя взаимоотношения между отдельными государственными хозяйственными единицами, не изменяет содержания и задач госпромышленности и всего государственного хозяйства, ибо сущность пролетарского государства остается неизменной.

Развивающийся рынок в различной степени оказывает влияние... на различные отрасли промышленности и создает, в свою очередь, для профессиональных союзов... необходимость разнообразных форм и методов осуществления защиты экономических интересов своих членов...

Но это своеобразие ни в коем случае не может нарушить основного принципа строительства союзов по производству, а равно выливаться в дробление крупных профессиональных об'единений на мелкие, слабые союзы... Задача защиты интересов наемных рабочих при наличии товарного рынка и частновладельческих предприятий требует от них наибольшей классовой выдержанности и наиболее строгого отношения к классовому составу их членов...

Профессиональные союзы, как и прежде, признавая, что восстановление государственной промышленности есть коренной вопрос укрепления диктатуры пролетариата, должны всячески стремиться к сохранению, укреплению и развитию крупной государственной промышленности...; находя необходимым всячески поддерживать концентрацию промышленности по хозяйственным соображениям, с'езд поручает ВЦСПС и ЦК тщательно следить за тем, чтобы сокращение промышленности происходило только по хозяйственным соображениям и чтобы в каждом отдельном случае дело решалось при участии профессиональных союзов...

Отстаивая в коллективных договорах возможно лучшие в данный момент условия труда и заработной платы, профессиональные союзы не могут отказываться от установления гарантированной производительности труда, стремясь к неуклонному повышению таковой, как гарантии от дальнейшего сокращения производства и необходимой предпосылки его развития... Правильность системы... коллективных договоров подтверждена опытом почти годовой работы. В обстановке диктатуры пролетариата коллективный договор имеет двоякое значение в отношении частного и государственного предприятия. В первом случае... договор является отражением соотношения сил в экономической борьбе между трудом и капиталом; во втором — отражением экономического положения госпромышленности в целом и данного предприятия в общей

хозяйственной системе пролетарского государства. Поэтому одинаково неправильны как идея уравнения зарплаты в данный момент, независимо от экономического положения и характера предприятия, так и идея декретирования обязательности коллективных договоров...

В своей повседневной работе профессиональные организации и отдельные профессиональные работники должны суметь связать каждый вопрос союзной деятельности, как бы сух и конкретен он ни был, с общими задачами профессионального движения и конечными идеалами рабочего класса. Лишь исходя из общих задач пролетариата, как класса в целом, лишь освещая все вопросы союзной деятельности под углом зрения конечных целей рабочего класса, профессиональные союзы смогут выполнить одну из своих основных задач — школы коммунизма — и быть гарантированы от уклонов с правильного классового пути...»

В специальных резолюциях по организационному, тарифно-экономическому вопросам, культурно-просветительной работе, социальному страхованию и организации производства с'езд дал ряд подробных конкретных указаний о формах и методах работы.

Центром культурно-просветительной работы с'езд признал клуб, создаваемый на основе добровольного членства в нем. Государственное обеспечение лиц, занятых наемным трудом, с'езд решил заменить «социальным страхованием с возложением тягот непосредственно на работодателей».

В. И. Ленин, не имевший возможности вследствие болезни лично присутствовать на с'езде, обратился через М. П. Томского к V С'езду с письмом, в котором следующим образом определял положение и задачи нашей республики:

«Наше положение особенно трудно потому,— писал тов. Ленин,— что нет средств для восстановления основного капитала, машин, орудий, зданий и т. п., а ведь, именно эта промышленность, так называемая «тяжелая индустрия», есть основная база социализма. В капиталистических государствах обычно восстанавливают этот основной капитал посредством займов. Нам не хотят дать займа, пока мы не восстановим собственности капиталистов и помещиков, а мы этого сделать не можем и не сделаем.

Остается необыкновенно трудный и долгий путь: скапливать понемногу сбережения, увеличивать налоги, чтобы постепенно восстановить разрушенные железные дороги, машины, здания и прочее. Во всем мире мы пока остаемся одни, как государство, в котором трудящиеся крестьяне, под руководством рабочих, строят социализм, решительно отказываясь от руководства капиталистов, которые, прикрываясь всякими пышными словами о демократии, свободе и т. п., на деле укрепляют частную собственность капиталистов и помещиков, создают господство немногих богачей, делящих весь земной шар и воюющих между собою за его переделы, за порабощение сотен миллионов народов более слабых и отсталых.

Пока мы остаемся одни, задачи восстановления нашего народного хозяйства ложатся на наши плечи необыкновенно тяжело. Необходимо величайшим образом напрягать силы всех крестьян и всех рабочих, необходимо усовершенствовать и удешевить наш государственный аппарат, который у нас еще очень плох, чтобы улучшать положение трудящихся и восстанавливать, хотя бы понемногу, наше, разрушенное войной империалистической и войной гражданской, хозяйство». (Стр. 7, 14, 36, 86, 130, 203, 250, 257).

[8]) I Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов открылся в Петрограде 7 января 1918 г., на следующий день после роспуска учредительного собрания, и закончился 14 января. На с'езде присутствовало 416 делегатов с решающим и 75 с совещательным голосом, присланных от 19 всероссийских союзов, 20 областных об'единений, 48 советов профессиональных союзов, 162 местных союзных организаций. Партийный состав: большевиков — 273, меньшевиков — 66, беспартийных — 34, левых эсеров — 21, с.-р. максималистов — 6, анархо-синдикалистов — 6. Кроме главного вопроса о задачах профдвижения, в повестке дня с'езда стояли вопросы: об организационном строительстве союзов, об отношении к фабрично-заводским комитетам, устав ВЦСПС, борьба с безработицей, рабочий контроль над производством, регулирование и демобилизация промышленности. С'езд признал, что «политическая победа рабочих и беднейших крестьян... в России подводит... одновременно к началу социалистической революции и к победе над капиталистическим способом производства», что Октябрьская революция создала «совершенно новые условия для деятельности профессиональных организаций, на долю которых выпадает большая роль в борьбе за проведение в жизнь социализма».

Исходя из этих положений, с'езд отверг меньшевистскую идею «нейтральности» союзов в политической борьбе и «независимости» их от советской власти. Он заявил, что идея «нейтральности» профессиональных союзов была и остается буржуазной идеей, что за словесной нейтральностью почти всегда скрывалась фактическая поддержка буржуазной политики и измена интересам рабочего класса. С'езд, наоборот, подчеркнул, что в процессе развития социалистической революции союзы постепенно превратятся в органы социалистической власти и призвал союзы «поддержать политику социалистической советской власти, проводимую Советом Народных Комиссаров».

Этот с'езд признал, что «центр тяжести работы профсоюзов в настоящее время должен быть перенесен в область организационно-хозяйственную», что «профессиональные союзы, как классовые организации пролетариата, построенные по производственному принципу, должны взять на себя главную заботу по организации производства и воссоздания подорванных производительных сил страны» и высказался за создание при союзах так называемых контрольно-распределительных комиссий.

Подтвердив выдвинутый еще III Конференцией производственный принцип организационного строительства, с'езд решил для проведения его в жизнь создать при межсоюзных об'единениях комиссии по размежеванию. На этом с'езде было принято решение о том, что бывшие до того времени самостоятельными фабзавкомы «должны быть органами соответствующих союзов на местах».

На I С'езде был принят устав постоянного ВЦСПС.

Кроме того, С'езд постановил созвать на 15 февраля 1918 г. международную конференцию профессиональных союзов в целях установления связи с международным профдвижением.

Историческое значение этого с'езда в том, что он революционно формулировал задачи профессионального движения. (Стр. 7, 15, 289).

[4]) II Пленум ВЦСПС состоялся в Москве 16—19 февраля 1922 г. К этому времени достаточно выявились конкретные формы новой экономической политики и накопился опыт практической работы союзов в новых условиях. Поэтому на II Пленуме впервые могла быть достаточно четко намечена общая линия работы и строительства профессиональных союзов в условиях нэпа. Центральными пунктами повестки дня Пленума были доклады М. П. Томского о задачах союзов и Я. Э. Рудзутака по организационному вопросу. Решения Пленума явились детализацией постановления ЦК РКП(б) (см. примеч. 13). В резолюциях, вынесенных по этим докладам, II Пленум ВЦСПС признал «необходимость для профсоюзов изменить направление своей деятельности соответственно значительно изменившимся экономическим условиям». Он постановил, что «одной из главных задач союзов является отныне всестороннняя и всемерная защита экономических интересов пролетариата в его борьбе с капиталом»... «По отношению к государственным предприятиям на профсоюзы ложится обязанность защищать интересы трудящихся, способствовать, по мере возможности, повышению материального их быта, постоянно поправляя ошибки и преувеличения хозяйственных органов, поскольку они вытекают из бюрократического извращения госаппарата».

В области тарифно-экономической Пленум высказался за отказ союзов «не только от непосредственного вмешательства в ход производства, но и от принципа равной стороны в деле назначения заводоуправлений и прочих органов управления промышленностью», и признал, что «самым правильным путем нашей тарифной политики является переход к системе коллективных договоров»... «Задачей союзов в области конфликтов является содействие наиболее быстрому и безболезненному улаживанию конфликтов с максимальными выгодами для представляемых ими рабочих групп, поскольку эти выгоды могут быть осуществлены не в ущерб другим группам и без вреда для рабочего государства и его хозяйства в целом»... «В настоящих условиях стачка является не только опасным, но и вредным оружием в экономической борьбе и поэтому непригодна для разрешения экономических конфликтов».

На этом Пленуме было установлено, что «соответственно с изменением задач меняется общая политика профессиональных союзов в области организационного вопроса в сторону предоставления большей самостоятельности, инициативы и самодеятельности отдельным профессиональным организациям сверху донизу», что линия «на постепенное превращение профессиональных союзов и их всероссийских об'единений в секции при межсоюзных об'единениях...» «...безусловно принципиально правильная в перспективе того развития и того пути, по которому до сих пор шли профессиональные союзы, является безусловно непригодной к тем конкретным задачам, которые в данный момент стоят перед союзами». Пленум решил, что «при существующем положении, когда от союзов отпадает целый ряд функций государственной власти, профсоюзы должны от политики существования, главным образом, на счет государства перейти к новой союзной финансовой политике — к существованию исключительно на членские взносы», что «основным лозунгом... должен быть лозунг «ближе к массам», который надлежит практически осуществить путем целого ряда изменений как самого аппарата союзов, так и системы взаимоотношений и приемов работы» и что «следует неуклонно стремиться к восстановлению в полной чистоте порядка добровольного членства».

«В связи с стремлением со стороны предпринимательских элементов перенести в среду пролетариата самое низкосортное, бульварное искусство и мещанские развлечения»... «одной из важнейших задач союзов следует признать обслуживание духовных потребностей своих членов путем развития и оживления культурно-просветительной деятельности».

Решения этого Пленума имеют большое историческое значение потому, что он впервые, после перехода к нэпу, формулировал новые задачи профсоюзов. (Стр. 8, 14, 36, 80, 86, 130, 173, 250).

[5]) Речь идет о I об'единительном С'езде производственного союза железнодорожников, закончившемся 1 марта 1919 г. Выборы на с'езд происходили на 8 секционных с'ездах. Общее число делегатов — 375 — распределялось среди главнейших, об'единившихся на с'езде секций, следующим образом: 1) мастеровые и рабочие — 200 делегатов, 2) кондуктора, младшие служащие, курьеры — 81, 3) паровозные бригады — 20, 4) конторщики — 50, 5) агенты движения — 9, 6) телеграфисты — 13, 7) техники и чертежники — 2. С'езд положил конец дроблению железнодорожников по отдельным цеховым об'единениям и создал единый производственный союз железнодорожников. (Стр. 9).

[6]) IV Всероссийский С'езд рабочих полиграфического производства состоялся 18—21 октября 1922 г.; на с'езде присутствовало 130 делегатов с решающим и 17 с совещательным голосом, представлявших 64 губернских отдела и 50.021 члена. Среди делегатов с решающими голосами были 91 коммунист и 34 беспартийных; с совещательным — 12 коммунистов и 5 беспартийных.

В центре внимания с'езда стоял вопрос о приспособлении методов союзной работы к условиям нэпа в соответствии с общей линией, намеченной II (февральским) Пленумом ВЦСПС 1922 г. и V Всероссийским С'ездом Профессиональных Союзов. (Стр. 14).

7) Петербургский союз рабочих печатного дела — один из первых профессиональных союзов России. Он был организован в апреле 1905 г. Союз добился того, что в течение 1906—7 гг. почти во всех печатных заведениях прием и увольнение производились не хозяевами, а комиссиями выборных от мастерских; заработная плата к 1907 г. была повышена для всех групп рабочих на 30—50%; рабочий день был сокращен с 10—11 часов до 9 часов повсеместно, а в цинкографиях и на газетной работе до 8 часов; был установлен воскресный и праздничный отдых для газетных рабочих. Союз разработал однообразный общегородской тариф для работников печатного дела и вел борьбу с предпринимателями за проведение его в жизнь, но не успел осуществить этого вследствие закрытия его 16 октября 1907 г. полицией и перехода на нелегальное положение.

За 27 месяцев своего существования союз об'единил 13.451 члена, т.-е. 70% всех рабочих полиграфического производства в Петербурге и свыше 40% всех организованных печатников России. Являясь самой мощной организацией печатников, петербургский союз служил главной поддержкой центрального совета печатников, избранного на всероссийской конференции 57 союзов 1 апреля 1907 г. и являвшегося первой попыткой всероссийского об'единения печатников.

Заканчивая разработку тарифа, правление союза, в начале 1907 г., решило «перейти к наступательной партизанской борьбе в тех типографиях, где это вызывается необходимостью и настроением рабочих». Под «партизанской борьбой» разумелись забастовки отдельных предприятий, проводимые в разбивку, но по сообща выработанному плану. Новые предприятия вступили в забастовку после удовлетворения требований рабочих и возобновления работ на забастовавших ранее. Бастующим союз предоставлял право поступать на работу в другие заведения; безработным оказывалась материальная помощь из средств, получаемых от особых сборов. Рабочих небастующих типографий он призывал не выполнять заказов, передаваемых из забастовавших предприятий. Такой тактики союз держался в виду недостатка средств и невозможности материально поддержать продолжительную общую забастовку. Первые же две стачки, начавшиеся в январе 1907 г. в крупнейших типографиях Тренке и Лесмана, через три месяца закончились победой рабочих.

В это же время владельцы московских типографий начали борьбу с московским союзом печатников, об'явив локаут. В ответ последовали забастовки рабочих типографий Яковлева и Кушнерева. Петербургские печатники сначала оказали москвичам денежную поддержку, а затем провели бойкот заказов, передаваемых из московских типографий, и об'явили забастовку солидарности в петербургских

отделениях типографий Яковлева и Кушнерева, не пред'являя собственных экономических требований. Одновременно был отчислен в пользу москвичей однодневный заработок. Через 3 недели московские предприниматели предложили третейский суд, который высказался в пользу рабочих. Предприниматели вынуждены были уплатить за время забастовки.

Положение с уплатой членских взносов, о котором говорит тов. Томский, было таким: за время с 1905 по 1907 г. союз должен был получить около 60.000 руб. членских взносов (по 30 коп. с человека в месяц), фактически же было внесено 25.618 р. 80 к.; наряду с этим добровольные сборы по мастерским дали за то же время 23.357 р. 98 к. (Стр. 14).

[8]) Февральская революция низвергла царизм. 15 марта государственной думой было образовано временное правительство под председательством князя Львова. Правительство было чисто буржуазным: из социалистов туда входил только Керенский, член партии социалистов-революционеров; министерство иностранных дел было отдано вождю буржуазной партии (конституционно-демократической) Милюкову. 1-го мая Милюков разослал ноту о верности России союзным договорам, т.-е. о согласии России продолжать войну в империалистических целях. Демонстрации рабочих и солдат в Петрограде и Москве 3, 4 и 5 мая против политики временного правительства вызвали замену буржуазного правительства коалиционным из представителей буржуазии и представителей социалистических партий под председательством опять-таки князя Львова. В новое правительство вошли социалисты-революционеры (Керенский и Чернов) и меньшевики (Церетелли, Скобелев). Однако, и оно продолжало политику предшествующего. 16—18 июля рабочие и солдаты вышли вооруженными на улицу с требованием передачи власти Советам. Демонстрации были подавлены, и Керенским было сформировано новое правительство опять-таки с участием представителей буржуазии. Начались преследования большевиков. Был отдан приказ об аресте В. И. Ленина, Зиновьева и Каменева. Продолжавшаяся война принесла новые поражения русской армии и усилила промышленную разруху. Рабочий класс, поддержанный крестьянством (армия по своему социальному составу состояла из крестьянской массы), стал настойчиво требовать передачи власти Советам. В ответ на это генерал Корнилов 8 сентября двинул войска с фронта на Петроград, требуя установления военно-буржуазной диктатуры. Представители буржуазии кадеты (члены конституционно-демократической партии) вышли из правительства. Усилиями рабочих корниловское выступление было ликвидировано. Снова встал вопрос об организации власти. Сторонники коалиции с буржуазией настояли на том, чтобы для разрешения этого вопроса было созвано особое («демократическое») совещание из представителей всех демократических организаций (городских дум, кооперативов, армейских комитетов, советов и т. д.). Совещание было созвано 27 сентября, при чем состав его искусственно

был подобран так, что большинство получили сторонники коалиции. Совещание не дало ясного решения вопроса о власти, признав коалицию, оно отвергло участие в ней кадетов — единственной партии, вокруг которой об'единилась вся буржуазия. Тем не менее Керенский сформировал новое коалиционное правительство с участием этой партии. В целях укрепления временного правительства, в противовес советам депутатов, 20 октября начал свои работы «Временный Совет Российской Республики» (предпарламент) из представителей общественных организаций. Большевики, сначала пославшие туда своих представителей, затем демонстративно ушли оттуда и приступили к подготовке восстания против временного правительства.

Находившийся тогда в подполье тов. Ленин в начале октября 1917 г. писал Центральному Комитету социал-демократов-большевиков: «События так ясно предписывают нам нашу задачу, что промедление становится положительно преступлением... Если нельзя взять власти без восстания, надо итти на восстание тотчас». На заседании Центрального Комитета было постановлено приступить к организации восстания. Временное правительство, в целях борьбы с нараставшей революцией, решило вывести из Петрограда наиболее революционные военные части и заменить их частями, на которые буржуазия рассчитывала опереться. В ответ на это решение находившийся тогда в руках большевиков Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов 20 октября постановил создать Военно-Революционный Комитет. Вечером 25 октября Военно-Революционный Комитет при помощи революционных частей Петроградского гарнизона, Кронштадтского флота и боевых рабочих дружин Красной гвардии занял ряд правительственных учреждений и Зимний дворец, где находилось временное правительство, охранявшееся ротами юнкеров и женского батальона. Открывшийся в тот же день II С'езд Советов рабочих и солдатских депутатов постановил взять власть в свои руки, принял декрет о безвозмездной передаче земли крестьянам и декрет о немедленном принятии мер к заключению мира. Тогда же было организовано советское правительство в лице Совета Народных Комиссаров, под председательством тов. Ленина.

Бежавший из Зимнего дворца глава временного правительства — Керенский с фронтовыми частями двинулся на Петроград. Служащие правительственных учреждений забастовали. В Москве контрреволюционная буржуазия также организовала восстание против Совета. Но все эти восстания были разбиты рабочим классом, выдвинувшим свою собственную вооруженную силу — Красную гвардию. Саботаж чиновников был сломлен реорганизацией всех учреждений. Народные массы сплотились вокруг правительства, созданного Октябрьской революцией и давшего действительное удовлетворение всем требованиям народа: все царские долги были аннулированы (об'явлены уничтоженными), помещичья земля передана крестьянам, банки национализированы; над производством установлен рабочий контроль, ко всем народам и правительствам направлено обращение с приглашением заключить

перемирие и начать переговоры о мире, всем народностям страны предоставлено право свободного развития, церковь была отделена от государства. (Стр. 15, 165, 194, 219).

[9]) II Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов состоялся в Москве с 16 по 25 января 1919 г. На с'езде были представлены 30 всероссийских об'единений, 82 местных совета профессиональных союзов, имевшие всего 3.422.000 членов. Состав с'езда — 748 делегатов с решающим и 131 с совещательным голосом; из них коммунистов — 374, сочувствующих коммунистам — 75, меньшевиков — 29, с.-д. интернационалистов — 18, левых с.-р. — 15, анархистов — 5, бундовцев — 4, беспартийных — 23; остальные — 228 не указали в анкетах своей партийности.

С'езд протекал в обстановке гражданской войны и состоялся через полгода после всеобщей национализации промышленности.

Главными вопросами, стоявшими перед с'ездом, были участие и помощь в работе хозорганов (организация управления национализированной промышленности), продовольственный вопрос, поддержка Красной армии, сплочение неорганизованных еще рабочих и последовательное проведение организации централизованных производственных союзов.

С докладом о задачах профессиональных союзов на этом с'езде выступал тов. Ленин.

Подводя итоги годовой работы ВЦСПС, с'езд подчеркнул, что попытки под флагом «единства» и «независимости» профессионального движения противопоставить экономически организованный пролетариат органам его классовой, политической диктатуры — привели группы, поддерживавшие этот лозунг, к открытой борьбе против советской власти и поставили их вне рядов рабочего класса.

По вопросу об огосударствлении профсоюзов, курс на которое был взят на I С'езде, II С'езд решил, что «было бы ошибкой на данной стадии развития профдвижения, при недостаточно оформившихся организациях, как немедленное превращение профсоюзов в органы государственной власти и слияние их с таковыми, так равно и самовольное проявление профсоюзами функций государственных органов». Он установил, что «процесс полного слияния профессиональных союзов с органами государственной власти» должен явиться «совершенно неизбежным результатом их совместной теснейшей и согласованной работы».

Особенное историческое значение имеет решение II С'езда по организационному вопросу. Он дал точное и конкретное определение понятия производственный союз, установив, что это союз, об'единяющий всех рабочих данного предприятия, независимо от их профессий. Кроме того, с'езд наметил до сих пор действующую схему организационного аппарата профсоюзов. «Всероссийские центры, их отделы или подотделы на местах, об'единяемые советами профсоюзов, фабрично-заводские комитеты или коллективы служащих, как первичные ячейки профсоюзов, — вот наиболее целесообразная схема организационного

построения, соответствующая основным задачам профессионального движения в данный момент», — заявил II. С'езд.

По вопросам нормирования труда и заработной платы с'езд постановил, что «основным принципом регулирования заработной платы в связи с борьбой за восстановление хозяйственных сил страны должна служить ответственность рабочих и служащих за производительность труда перед своим союзом, а последнего — перед общеклассовыми об'единениями пролетариата».

В области организации народного хозяйства с'езд признал, что коллегии руководящих хозяйственных органов «должны составляться преимущественно из представителей профессиональных союзов по соглашению между соответственными всероссийскими производственными об'единениями или ВЦСПС и президиумом ВСНХ».

По вопросам культработы с'езд высказался за «использование в наиболее полном об'еме» созданных Наркомпросом возможностей «в деле обязательного бесплатного обучения, внешкольного образования и технического обучения» и за создание самими союзами «образовательных учреждений и организаций, отвечающих непосредственным задачам профессионального движения». (Стр. 15).

[10]) III. Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов состоялся в Москве 6—13 апреля 1920 г. На с'езде присутствовало 1.226 делегатов с решающим и 362 с совещательным голосом. На нем впервые после гражданской войны были представлены: Украина, Сибирь, Кавказ и Север. С'езд об'единял 59 губернских советов и 30 всероссийских союзов с 4.227.000 членов. Среди делегатов с решающим голосом было 940 коммунистов и сочувствующих им, 45 меньшевиков и сочувствующих, 191 — беспартийный, остальные 50 человек принадлежали к другим партиям.

На этом с'езде было принято решение о вступлении российских союзов в Коминтерн. Решения с'езда по вопросам союзной политики были проникнуты общей идеей милитаризации труда, идеей, которая представляла собой законченное выражение эпохи военного коммунизма.

Подведя итоги политической деятельности союзов, этот с'езд признал, что «профессиональные союзы в целом, стоя на платформе осуществления коммунизма через диктатуру пролетариата, в своей политической деятельности на протяжении всей революции неуклонно следовали за верховным вождем пролетарской революции — коммунистической партией».

Большое внимание с'езд уделил вопросам восстановления хозяйства. «Вся союзная политика, начиная от тарифной работы и кончая пропагандистскими задачами, — решил он, — должна быть направлена к одной цели — восстановлению производительных сил страны путем поднятия производительности труда».

По организационным вопросам с'езд высказался за «укрепление всего союзного аппарата». В тарифной области он выдвинул «введение

поощрительной оплаты труда лишь в строгой зависимости от ее результатов» и «целевое снабжение продовольствием и предметами первой необходимости». Главной задачей культурно-просветительной работы с'езд признал «повышение квалификации труда всего промышленного пролетариата».

III С'езд решил, что «союзные организации непосредственно не вмешиваются в ход предприятия и в административно-хозяйственные распоряжения экономических органов», а лишь намечают «по соглашению с хозяйственными органами кандидатов».

Необходимо отметить еще постановление с'езда по докладу о международном профессиональном движении. «III С'езд Профессиональных Союзов,— говорится в его резолюции,— поручает ВЦСПС войти в организационную связь со всеми профессиональными союзами других стран, ведущими революционную борьбу за низвержение капитализма, и с революционными меньшинствами тех профессиональных союзов, которые еще стоят на старой точке зрения... С'езд поручает Президиуму ВЦСПС в надлежащий момент принять все меры к созыву Международного С'езда профессиональных союзов и совместно с Исполкомом III Интернационала издать обращение к рабочим всех стран, выясняющее задачи профсоюзов в эпоху мировой борьбы за диктатуру пролетариата». (Стр. 15, 90, 131).

11) IV Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов состоялся в Москве 18—25 мая 1921 г. в самый момент перехода к новой экономической политике, когда еще не были ясны пути ее дальнейшего развития. Поэтому постановления IV С'езда не носили еще того характера определенности, который был внесен позже решениями II Пленума ВЦСПС в феврале 1922 г. (см. прим. 4). На с'езде присутствовало 2.354 делегата с решающим и 748 с совещательным голосом; представлены были 79 губерний, областей и автономных республик с 8.485.000 об'единенных в союзы рабочих и служащих. По партиям делегаты с решающими голосами разбивались следующим образом: коммунистов и сочувствующих — 1.953, меньшевиков — 9, анархистов — 10, левых с.-р. — 2, правых с.-р. — 5, беспартийных — 374.

По вопросу о задачах с'езд признал, что союзы должны «направить главное внимание на улучшение быта рабочего класса, прилагая все усилия к облегчению, в пределах реальных экономических возможностей, экономического положения рабочих».

В организационных вопросах с'езд взял курс на создание «единого» союза, на «все большую концентрацию работы производственных союзов в центре и на местах в межсоюзных об'единениях и постепенное превращение, таким образом, последних в единый союз с производственными секциями». При этом было оговорено, что единый союз не должен «искусственно формироваться во вред союзной деятельности, а совершаться в процессе все большего и большего об'единения отдельных функций в межсоюзных об'единениях». Одновременно с'езд высказался за «приближение союзной организации непосредственно

к фабрично-заводской массе» и за «введение института делегатских собраний на предприятиях».

В тарифном вопросе с'езд признал необходимым «прежде всего переход к натурализации заработной платы, вернее, к замене денежной формы снабжения рабочего класса материально-вещественным государственным снабжением». Задачи культработы с'езд определил как «коммунистическое перевоспитание пролетарских масс» .

Решения этого с'езда были проникнуты духом военного коммунизма и вскоре были пересмотрены (II февральским 1922 г.) Пленумом ВЦСПС, как совершенно несоответствующие новой обстановке. (Стр. 15, 86, 131).

[12]) Дискуссия о профессиональных союзах началась на V Всероссийской Конференции Профессиональных Союзов (2—6 ноября 1920 г.) после выступления Троцкого, утверждавшего, что профессиональное движение переживает «тягчайший кризис», выходом из которого является «обеспечение за союзами господствующего положения в хозяйственной жизни». Состоявшийся после конференции пленум ЦК РКП(б), обсудив тезисы, внесенные Троцким по этому вопросу, 9 ноября 1920 г. создал комиссию в составе Зиновьева, Томского, Рудзутака, Троцкого и от фракции V Конференции Профессиональных союзов — Андреева, Лозовского, Шляпникова и Лутовинова, поручив ей выработку инструкции для профессиональных союзов по вопросам: а) усиления ВЦСПС и его общесоюзной работы, б) развития демократизма в профессиональных союзах, в) участия профессиональных союзов в управлении производством, г) привлечения и использования специалистов, д) изменения методов работы профессиональных центров в связи с новыми задачами союзов. Троцкий от участия в комиссии отказался и своей брошюрой «Роль и задачи профессиональных союзов» открыл дискуссию, которая приняла широкие размеры, выявив целый ряд «платформ». Основу дискуссии составлял спор о том, какую роль должны играть профессиональные союзы в производстве, каковы должны быть их взаимоотношения с органами управления промышленностью и какими способами следует добиваться разрешения этих вопросов.

Опираясь на пункт партийной программы, где говорилось, что профессиональные союзы должны перейти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым, Троцкий доказывал, что задачи профессиональных союзов не ограничиваются воспитанием масс в духе коммунизма и снабжением работниками военных и продовольственных организаций. Он утверждал, что производственный союз является организацией рабочих не только по производствам, но и для производства, и предлагал провести огосударствление профессиональных организаций в форме так называемого «сращивания», т. е. взаимного представительства органов профдвижения и органов Совета Народного Хозяйства. Он предлагал установить такой порядок, чтобы

в состав ВЦСПС и президиум ВСНХ входило от $^1/_3$ до $^1/_2$ членов, общих обоим органам, а в коллегии от $^1/_2$ до $^2/_3$. В качестве предварительного условия этого сращивания Троцкий выдвигал требование: теперь же приступить к реорганизации союзов, т. е. прежде всего к подбору руководящего персонала и «перетряхнуть» работников профессиональных организаций. Этот шаг он мотивировал тем, что большинство союзных работников не понимает новых производственных задач, стоящих в данный момент перед профессиональным движением.

Троцкий рекомендовал метод, как он выражался, производственной демократии. Он говорил, что подбирать работников надо в зависимости от их хозяйственных навыков. Таким образом, он предлагал ограничить выборность и демократию в профессиональных организациях рамками того, что соответствовало интересам производства.

Исходя из того же пункта партийной программы, несколько иные взгляды развивал Шляпников. Он доказывал, что профессиональные союзы должны сосредоточить в своих руках все управление всем производством. Шляпников предлагал увеличить права и преимущества профессиональных организаций в деле формирования хозяйственных органов и ввести такой порядок, что кандидатуры работников, выдвинутых союзами на хозяйственные посты, не могут отводиться хозорганами. Центральный орган управления народным хозяйством, по мнению Шляпникова, должен был выбираться на всероссийском с'езде производителей, а союзы, подготовленные к делу управления народным хозяйством, должны немедленно же приступить к выполнению своих новых функций.

Совершенно иначе были поставлены эти вопросы в тезисах Рудзутака, принятых V Всероссийской Конференцией Профессиональных Союзов. Основная мысль их заключалась в том, «что профессиональным союзам необходимо целесообразно использовать каждую трудовую единицу, вовлечь в сознательное участие в процессе производства всю массу производителей в целом»; союзы должны были по мысли Рудзутака участвовать в организации производства «не только персональным представительством в экономических органах, но как организация в целом». Производственную программу устанавливает ВСНХ, исходя из наличия сырья, топлива, состояния машин и пр., а «профессиональные союзы должны подходить к этому вопросу с точки зрения организации труда... и целесообразного использования его». Все это, по мысли тезисов, можно было выполнить «лишь при сознательном участии всей массы участников производства в осуществлении этих задач. Этого не достигают бюрократические методы и приказы сверху, а необходимо, чтобы каждый участник производства понял необходимость и целесообразность выполняемых им производственных задач... и сознательно принимал участие в исправлении всех недочетов... в области производства». Конкретные пути к достижению этой цели тезисы намечали в виде применения широкой производственной пропаганды, натурального премирования, товарищеских дисциплинарных судов.

Кроме полемики в печати, вопросы эти разбирались на дискуссионном собрании фракции РКП VIII С'езда Советов в Колонном зале Дома Союзов 30 декабря 1920 г. Выступая на этом собрании, тов. Ленин поддерживал точку зрения Рудзутака и V Конференции, указывая на роль профессиональных союзов, с одной стороны, как «привода» от партии-авангарда, осуществляющего диктатуру пролетариата через органы советской власти, к массам и на роль их как школы коммунизма, а с другой, как «резервуара государственной власти», откуда, из низов, черпаются пополнения для формирования органов власти. Указав, что дискуссия возникла и ведется вокруг общих, кабинетно-надуманных положений, тов. Ленин настаивал на необходимости, вместо таких дискуссий, изучать конкретный опыт и прорабатывать такие вопросы деловым образом исключительно в комиссиях.

Критикуя платформы Троцкого и Шляпникова, тов. Ленин доказывал неправильность их отправной точки, непонимание ими партийной программы.

Он раз'яснил, что организационный аппарат промышленности, по мысли программы, должен опираться на профессиональные союзы «в первую голову», а «не исключительно», и что опираться должен «не всякий аппарат», а лишь «организационный». Тов. Ленин подчеркнул, что программа говорит о необходимости для союзов «освобождаться от цеховой узости», что они смогут сделать только «под руководством партии» и в процессе «воспитательного и всякого иного воздействия пролетариата на непролетарские трудящиеся массы». Таким образом, программа ставит очень строгие и требующие очень длительной работы условия. При этом она имеет в виду не данный момент, а дальнейшее развитие.

Тов. Ленин указал, что программа очень осторожно называет союзы только участниками органов управления промышленности. Говоря же о том, что союзы должны притти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления народным хозяйством, она подчеркивает, что это хозяйство надо брать как единое хозяйственное целое. Другими словами, она имеет в виду не управление отдельными отраслями промышленности и даже не управление только промышленностью, а управление всем народным хозяйством. Тов. Ленин раз'яснил, что это экономическое условие в наличности будет не раньше, чем мелкие производители и в промышленности и в земледелии уступят место крупному производству. Это условие будет выполнено лишь тогда, когда они составят меньшую, чем половину, долю и в населении и в народном хозяйстве.

Тов. Ленин подчеркнул, что участие профессиональных союзов в управлении народным хозяйством и привлечение ими к этому широких масс, программа считает вовсе не единственным, а только главным средством борьбы с бюрократизмом. Это участие, по мысли программы, дает возможность поставить контроль широких масс над результатами производства.

Тов. Ленин указал на то, что в программе это участие вовсе не рассматривается как гарантия осуществления такого контроля, там всего лишь говорится, что оно дает возможность, только дает возможность поставить этот контроль.

Раз'яснив, таким образом, партийную программу, тов. Ленин доказал, что платформы Троцкого и Шляпникова содержат синдикалистский уклон.

Тезисы Рудзутака послужили основой «платформы десяти» членов ЦК РКП, в духе которой вопрос был окончательно разрешен X С'ездом партии в марте 1921 г. (См. Н. Ленин: 1) «О профсоюзах, о текущем моменте и об ошибке тов. Л. Троцкого», «Кризис партии», т. XVIII, ч. I, стр. 1—37, и другие статьи его по этому вопросу в том же томе. 2) Сборник под редакцией Г. Зиновьева «Партия и союзы». 3) Л. Каменев — «О роли и задачах профессиональных союзов». 4) Л. Троцкий — «О проекте десяти»). (Стр. 15, 149).

[18]) Речь идет о постановлении ЦК РКП(б) о профсоюзах, напечатанном в «Правде» 17 января 1922 г., и предшествовавшем решениям II, февральского, Пленума ВЦСПС 1922 г. (см. примеч. 4). 28 декабря 1921 г. Пленум ЦК РКП(б) рассматривал, в связи с новой экономической политикой, вопрос о роли и задачах профессиональных союзов. Там были заслушаны доклады тт. Рудзутака, Андреева, Шляпникова (намеченный доклад тов. Лутовинова не был заслушан лишь потому, что не удалось своевременно вызвать докладчика). После обмена мнений было постановлено сдать первоначальный набросок тезисов тт. Рудзутака и Андреева в комиссию из этих двух товарищей с добавлением тов. Ленина. Выработанный этой комиссией проект постановления, автором которого был тов. Ленин, всецело поддержанный бюро фракции ВЦСПС, был утвержден единогласно Политбюро ЦК РКП(б).

Учитывая, что «новая экономическая политика вносит ряд существенных изменений в положение пролетариата, а следовательно, и профсоюзов», Политбюро признало, что «...одной из самых главных задач профсоюзов является отныне всесторонняя и всемерная защита классовых интересов пролетариата в борьбе его с капиталом», что, в свою очередь, должно привести к соответственным перестройке, видоизменению и дополнению аппарата профессиональных союзов.

Констатируя, что новая экономическая политика, связанная «...с неизбежным ведомственным интересом и преувеличением ведомственного усердия, неминуемо порождает известную противоположность интересов по вопросам условий труда в предприятии между рабочей массой и директорами...», постановление возлагает на профессиональные союзы «...обязанность защищать интересы трудящихся, способствовать, по мере возможности, повышению материального их быта, постоянно поправляя ошибки и преувеличения хозяйственных органов, поскольку они вытекают из бюрократического извращения госаппарата».

Постановление ЦК говорит, что «...при пролетарском государстве переходного типа,— каково наше,— конечной целью выступления рабочего класса может быть лишь укрепление пролетарского государства и пролетарской классовой госвласти путем борьбы с бюрократическими извращениями этого государства, его ошибками и слабостями, с вырывающимися из-под его контроля классовыми аппетитами капиталистов и т. п.» Отсюда следует, что «...задачей профсоюзов является содействовать наиболее быстрому и безболезненному улажению конфликтов с максимальными выгодами для представляемых ими рабочих групп, поскольку эти выгоды могут быть осуществлены не в ущерб другим группам и без вреда для развития рабочего государства и его хозяйства в целом, ибо только это развитие может создать основу для материального и духовного благополучия рабочего класса». Основным средством быстрейшего улаживания этих конфликтов признается «посредническое участие профсоюзов» путем переговоров с соответствующими хозяйственными органами или путем обращения союзов к «высшим государственным инстанциям», при чем союзы должны стремиться «к удовлетворению законных и осуществимых требований масс». Постановление ЦК особо подчеркивало, что одним из мерил правильной работы союзов является успешное предупреждение массовых конфликтов на государственных предприятиях путем такой политики, которая ограждала бы интересы рабочей массы.

В этом постановлении ЦК впервые высказывается мысль о добровольном членстве в профессиональных союзах. Роль союзов в организации народного хозяйства постановлением сводится к их участию в составлении всех хозяйственных и государственных органов, «связанных с экономикой», путем предложения своих кандидатов, при чем окончательное решение вопроса должно принадлежать исключительно хозорганам. В качестве задач союзов постановление указывало на подготовку и выдвижение администраторов из рабочих и трудящихся масс, участие во всех плановых органах пролетарского государства, в выработке хозяйственных планов, программ производства и расходования фондов материального снабжения рабочих, в отборе предприятий, оставляемых на государственном снабжении и сдаваемых в аренду или концессии.

Важнейшей составной частью работы союзов «в деле строительства социализма и участия их в управлении промышленностью» ЦК признал выработку тарифов и норм снабжения. Все эти задачи, по мнению ЦК, могли быть успешно решены путем постоянной непосредственной и живой связи союзов с массами, правильных взаимоотношений со специалистами, и при наличии идейной борьбы с мелкобуржуазными влияниями, еще сохранившимися в среде профессиональных союзов.

Постановление ЦК РКП(б) от 28 декабря 1921 г. особо выделяет чрезвычайно важный вопрос о противоречиях между различными задачами союзов при диктатуре пролетариата.

«Из всего вышеизложенного вытекает ряд противоречий между различными задачами профсоюзов», — говорится в постановлении. С одной стороны, их главный метод действия — убеждение, воспитание; с другой — они не могут отказаться, как участники госвласти, и от участия в принуждении. С одной стороны, их главная задача — защита интересов трудящихся масс в самом непосредственном и ближайшем смысле слова; с другой — они не могут отказаться от нажима, как участники госвласти и строители всего нархозяйства в целом. С одной стороны, они должны работать по-военному, ибо диктатура пролетариата есть самая ожесточенная, самая упорная, самая отчаянная война классов; с другой — именно к профсоюзам всего менее применимы специфически-военные методы работы. С одной стороны, они должны уметь приспособиться к массе, к ее данному уровню; с другой — они никоим образом не должны потакать предрассудками и отсталости массы, а неуклонно поднимать ее на уровень все более и более высокий и т. д. и т. п.

Эти противоречия не случайны и не устранимы в течение ряда десятилетий. Ибо, пока есть остаток капитализма и мелкого производства, неизбежны противоречия во всем общественном строе между этими остатками и ростками социализма.

Практические выводы отсюда двояки. Первое: для успешной работы профсоюзов недостаточно правильное понимание их задач, недостаточно правильное строение их; необходим еще особый такт, уменье подойти к массе особым образом в каждом отдельном конкретном случае, достигая с минимумом трений под'ема этой массы на ступеньку выше в отношении культурном, хозяйственном, политическом.

Второй вывод: указанные противоречия неизбежно будут порождать конфликты, несогласованность, трения и т. п. Необходима высшая инстанция, достаточно авторитетная, чтобы разрешить их немедленно.

Такой инстанцией является компартия и международное об'единение компартий всех стран — Коминтерн». (См. сборник «Новые пути профессионального движения». Изд. РИО ВЦСПС, Москва, 1922 г., стр. 5—13). (Стр. 15).

[14]) В первые месяцы Октябрьской революции коммунистическая партия рассчитывала привести страну к социализму через государственный капитализм. После Октябрьского переворота вся земля была об'явлена собственностью государства и передана в бесплатное пользование трудящихся; были признаны недействительными займы и долги царского правительства и национализированы банки; промышленность же, за исключением национализированных властью наиболее важных или саботируемых владельцами предприятий, была оставлена в частных руках и поставлена под рабочий контроль, который должен был подготовить рабочий класс к управлению фабриками и заводами. Однако, саботаж, разрушение промышленности и прямая гражданская

война, начатые буржуазией и помещиками при поддержке иностранной буржуазии, вынудили советское государство перейти к политике так называемого «военного коммунизма». Сущность ее заключалась в полном отстранении буржуазии от управления промышленностью — в национализации всех без исключения предприятий, бесплатном из'ятии у крестьян всех излишков сельскохозяйственных продуктов и в централизованном государственном распределении (вместо отмененной торговли) всех предметов потребления. В области административной была проведена строжайшая централизация. Политика военного коммунизма дала возможность, несмотря на наличность хозяйственной разрухи, победоносно закончить гражданскую войну, но, уничтожив материальную заинтересованность крестьян и рабочих в производстве, она вызвала понижение производительности труда, сокращение посевной площади в крестьянском хозяйстве и общий упадок хозяйства страны. Переход к мирному строительству по окончании гражданской войны потребовал иных методов хозяйствования и вызвал введение новой экономической политики (см. прим. 22). (Стр. 15, 173, 213).

[15]) Тарифное движение в дореволюционной России и в СССР. Одним из первых в России тарифных соглашений является соглашение, подписанное 1 февраля 1905 года, после забастовки на Харьковском паровозостроительном заводе, уполномоченными от рабочих и администрацией этого предприятия.

Соглашение, состоявшее из 28 пунктов, устанавливало 9½-часовой рабочий день с сокращением до 8 часов по субботам и кануна двунадесятых праздников; гарантировало уполномоченных от возможных преследований; давало рабочим право выбора бригадиров с последующим утверждением администрацией; устанавливало распределение по указанию рабочих задельной заработной платы бригад; устанавливало минимальные ставки для разных категорий рабочих и определяло, для каких из них и в каком порядке могут устанавливаться сверхурочные работы; предусматривало выборы в каждом цехе комиссий, которым поручались совместно с администрацией разборы недоразумений с администрацией и вопросов о причинах увольнений, рассмотрение выработанных администрацией расценок работ в случае несогласия с ними рабочих, выработка правил перевода учеников с одной работы на другую; устанавливало выдачу заработной платы два раза в месяц с окончанием работы в день платежа на 1 час раньше и оплату за работы, забракованные вследствие дурных чертежей и материалов; обязывало администрацию безотлагательно провести гигиенические улучшения в цехах, улучшить качества лекарств и разрешить отпуск их из больницы по рецептам посторонних врачей. По этому соглашению администрация согласилась на выдачу пособий по болезни, но вопрос был отложен до выяснения размера пособий; расценки было решено вывешивать на видном месте. Кроме того, администрация обязалась рассмотреть с представителями рабочих вопрос об улучшениях в домах заводской колонии и ввести их.

Следующим шагом в развитии тарифных соглашений является распространение их за пределы отдельного предприятия и заключение их от имени организации, об'единяющей рабочих ряда предприятий. Это стремление к расширению встречало особенно упорное сопротивление предпринимателей. Во время Иваново-Вознесенской стачки 1905 г. предприниматели настаивали на соглашениях по отдельным предприятиям, указывая, что общее соглашение означало бы признание фабрикантами «некоторой рабочей организации, помимо которой никакие соглашения между предпринимателями и рабочими не были бы возможны».

Таким образом, здесь борьба сосредоточивается уже вокруг вопроса о признании рабочих организаций. Бакинские нефтепромышленники прикрывали свое намерение вести переговоры с неорганизованной массой рабочих тем доводом, что «союз еще слаб, чтобы представлять интересы всех рабочих».

С появлением постоянно действующих профессиональных союзов тарифные договоры, с одной стороны, распространялись на предприятия целого города или района (напр., Московское отделение союза портных заключило весной 1907 г. договор с хозяевами в Калуге), с другой — более подробно разрабатывался самый договор и для проведения его применялась более сложная и гибкая тактика, как это было, например, у петербургских печатников (см. прим. 7).

После февральской революции, вызвавшей быстрое развитие профессиональных союзов, широко развернувшаяся стачечная борьба привела в августе 1917 г. к заключению Центральным Правлением Петроградского союза металлистов с Обществом фабрикантов и заводчиков первого тарифного договора, составленного по типу действующих теперь коллективных договоров. Свыше 100 включенных в него профессий были разбиты на 4 группы квалифицированных рабочих и 5 групп чернорабочих, а заработная плата на 3 категории. При установлении минимума ее союз исходил из роста цен, превышавших цены 1914 года в 4—6 раз. Вслед за металлистами заключил коллективные договоры и ряд других союзов.

В эпоху военного коммунизма, при всеобщей трудовой повинности и отсутствии частных предприятий, договорных отношений найма вообще не существовало, и государство при участии профессиональных союзов само устанавливало условия труда.

Введение нэпа изменило положение вещей. II Пленум ВЦСПС (февраль 1922 г.) признал, что «в создавшихся условиях самым правильным путем является переход к системе колдоговоров», V Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов признал, что колдоговор должен быть добровольным соглашением. Условия же, в которых протекает сейчас заключение колдоговоров, резко отличаются не только от условий дооктябрьской России, но и от наиболее демократических буржуазных государств. Большая часть рабочих занята в государственных предприятиях, обязанных проводить в отношении оплаты

труда политику рабочего класса; удельный вес частных предприятий по сравнению с государственными мал, и уже в силу этого наши профессиональные союзы, опираясь на массу членов, занятых в государственной промышленности, находятся в отношении борьбы с частным предпринимателем в более благоприятных условиях, чем союзы в буржуазных государствах. Кроме того, за нашими союзами стоит Кодекс Законов о Труде и вся мощь советского государства. Кодекс Законов о Труде устанавливает тот минимум, ниже которого не могут опускаться условия, устанавливаемые в договорах. Целью заключения на ряду с ним коллективного договора является установление тех по сравнению с указанными Кодексом условий труда, которые могут быть проведены в зависимости от состояния данного предприятия или отрасли промышленности и для разрешения вопросов местного характера, не предусмотренных законом. В правовом отношении наш колдоговор имеет ряд особенностей по сравнению с буржуазными странами. В СССР колдоговор от имени рабочих может заключать только профессиональный союз, при чем союз действует, как орган пролетарской диктатуры, — в буржуазных же странах договор может заключать любая организация рабочих. В СССР за нарушение колдоговора предприниматель подлежит уголовной ответственности с наложением штрафа не ниже 100 рублей или ареста до года и более; ни одно из буржуазных законодательств уголовного преследования за такое нарушение не устанавливает. В СССР колдоговор автоматически распространяется на всех рабочих, занятых в предприятии, включая и не-членов союза; французское законодательство распространяет его лишь на желающих и тем открывает предпринимателю возможность путем нажима иметь на предприятии рабочих, «желающих» работать на худших условиях, чем установленные в колдоговоре; германское законодательство лишь после революции 1918 г. сделало колдоговор обязательным, но и то лишь для рабочих, входящих в союз, заключивший договор. В Англии же вообще нет никаких законодательных норм о колдоговорах.

Практика колдоговоров получила в СССР широкое распространение; к октябрю 1923 г. колдоговорами было охвачено 3.945.300 человек, или 83% работавших членов профессиональных союзов (в промышленности процент этот доходил до 90%, на транспорте — 99%, в учреждениях же и неиндустриальных союзах — 56%). Последние данные по отдельным местностям и союзам указывают, что количество всех, охваченных колдоговорами, все более приближается к 100%.

На 1 января 1926 г. было охвачено действующими договорами около 6.700.000 человек, что составляло 87% всех работающих по найму. Всего по СССР заключено 71.000 коллективных договоров, охватывающих 6,2 миллиона работников, и 410 тысяч индивидуально-трудовых договоров, охватывающих 480 тысяч человек. Особенно велико распространение колдоговоров в основных отраслях промышленности и на жел.-дор. транспорте, меньший процент охваченных ими наблюдается среди работников учреждений, что видно из следующих данных:

	Число лиц, охваченных договорами в тысячах	Процент ко всем работающим
1. Металлисты	715,3	97,3
2. Горнорабочие	321,7	98,2
3. Текстильщики	727,0	99,5
4. Химики	201,6	98,1
5. Железнодорожники	845,2	99,9
6. Совторгслужащие	552,5	64,6
7. Работники просвещения	404,8	71,9
8. Медсантруд	260,6	79,3

Индивидуальные трудовые договоры играют особенно большую роль в союзах, об'единяющих преимущественно рабочих-одиночек:

	Число лиц (в тысячах), охваченных		В %% к общему итогу, охваченных	
	коллективн. договорами	трудовыми договорами	коллективн. договорами	трудовыми договорами
1. Нарпит	47,9	68,7	41,1	58,9
2. Работн. сельхозлес	525,4	334,9	61,0	39,0
3. Строители	377,0	41,8	90,1	9,9
4. Коммунальники	145,3	15,5	90,4	9,6
5. Швейники	35,3	2,6	93,3	6,7
6. Кожевники	77,1	4,8	94,2	5,8

(Стр. 20, 46, 52, 67, 97, 143).

[16]) Общества фабрикантов и заводчиков. Развитие рабочего движения вызвало у предпринимателей стремление к об'единению для борьбы с рабочими. Массовый характер эти предпринимательские об'единения принимают, начиная с 1905 г. К концу 1907 г., по неполным данным, было зарегистрировано 120 предпринимательских союзов (торговых — 43, фабрично-заводских — 11, портновских — 11, типографских — 9, об'единений пекарей и кондитеров — 9, сапожников — 8, извозопромышленников — 3, прочих — 23). Из среды этих об'единений выделялись по своей величине и значению два Общества — фабрикантов и заводчиков Петербурга и Московского промышленного района.

Петербургское Общество существовало еще в 90-х годах под названием «Общества для содействия развитию промышленности», а по издании закона 4 марта 1906 г. об обществах, оно зарегистрировалось 24 октября 1906 г. под названием «Общества фабрикантов и заводчиков». По уставу целью общества было «повсеместное в России изучение, развитие и защита интересов промышленности, изучение и улучшение условий труда и производства, изучение условий и развитие сбыта продуктов»; в отношении рабочих устав говорит о миролюбивых соглашениях, третейском разбирательстве, примирительных камерах, выработке нормальных такс и условий труда, устройстве контор

по приисканию работы и рабочих; но в одном из пунктов упоминается о пособиях и поддержке членов Общества в случае стачек; устав вводил известную дисциплину, предусматривая штрафы для неподчиняющихся решениям общества, в обеспечение чего с членов брались векселя.

К десятилетнему юбилею (1916 г.) в него входило 167 фирм с 109.000 рабочих. Деятельность общества носила неприкрыто боевой характер. Так, в ноябре 1905 г. оно ответило локаутом на введение рабочими явочным порядком 8-часового рабочего дня.

Московское Общество фабрикантов и заводчиков возникло из созданной в 1905 г. комиссии по рабочему вопросу при биржевом комитете. Первый проект его устава, составленный председателем этой комиссии, текстильным и мыльным фабрикантом Четвериковым, открыто и подробно регламентировал формы и размеры помощи в борьбе против стачек (покрытие до 75% убытков от забастовки из стачечного фонда), но он вводил слишком жесткое подчинение членов Обществу (напр., предусматривал исключение из Общества без возвращения причитающейся доли из основного капитала: за оплату рабочим дней забастовки, за самовольное изменение продолжительности рабочего дня на своих фабриках и т. д.); соглашение на основе этого устава не состоялось, и Общество было организовано в 1906 г. по инициативе металлозаводчиков во главе с Гужоном. В 1912 г. оно насчитывало 324 предприятия с 230.000 рабочих.

Именно с этими мощными об'единениями предпринимателей и были заключены профессиональными союзами во время февральской революции первые коллективные договоры, охватывавшие целые отрасли промышленности данного района.

Общества эти были ликвидированы советским правительством с началом гражданской войны, в 1918 году. (Стр. 21, 68).

[17]) Т а м о ж е н н ы е п о ш л и н ы, т.-е. пошлины, взимаемые государством с ввозимых и вывозимых товаров, являются не только источником дохода для государства, но и средством для поддержки тех или других отраслей хозяйства страны против заграничной конкуренции. Повышая пошлины на ввозимые товары, государство ограждает свою промышленность от конкуренции иностранных товаров на внутреннем рынке. В СССР, помимо таможенных пошлин, этим регулятором служит монополия внешней торговли. Она служит защитой экономической самостоятельности СССР и препятствует превращению его в колонию капиталистического хозяйства буржуазных стран. (Стр. 22).

[18]) У ч а с т в о в а т ь в в ы б о р а х в г о с у д а р с т в е н н у ю д у м у по закону 3 июня 1907 года имели право лица мужского пола не моложе 25 лет, владевшие определенным имуществом или имевшие определенный доход (обладавшие так называемым имущественным цензом). Сюда относились землевладельцы, владельцы торговопромышленных предприятий или лица, платившие промысловый налог; квартиронаниматели, все получающие содержание или пенсию по

службе государственной, общественной или на железных дорогах, крестьяне и казаки (домохозяева). Из рабочих же избирательное право было предоставлено рабочим лишь тех предприятий горной и горнозаводской промышленности и железных дорог, в которых насчитывалось не менее 50 рабочих; из всей же остальной массы рабочих могли участвовать в выборах лишь те, кто имел квартиру с отдельным входом и отдельной кухней или очагом; последней оговоркой лишалась прав значительная часть рабочих, снимавшая комнаты и углы. Женщины вообще были лишены избирательных прав; только те из них, кто владел недвижимым имуществом, могли подавать голос, но не непосредственно, а через доверенное лицо, каковым мог быть только муж или сын. (Стр. 27).

[19]) Кодекс Законов о Труде. Первый Кодекс (свод) Законов о Труде был издан в декабре 1918 года. Он отражал условия труда, установившиеся в годы гражданской войны и военного коммунизма (см. прим. 14), когда добровольный наем был заменен всеобщей трудовой повинностью; все условия труда до мельчайших подробностей регулировались государством; в отдельном предприятии нормы, установленные законом, не могли не только суживаться, но и расширяться (улучшаться).

С переходом к нэпу новые условия потребовали реформы и Кодекса Законов о Труде, который в декабре 1922 года был переиздан. В основу его были положены принцип добровольного найма и установление условий труда по соглашению. Поэтому закон не устанавливает всех подробностей трудовых отношений, а дает лишь основу для заключения договоров, указывает порядок разрешения конфликтов, закрепляет права профессиональных союзов и устанавливает тот минимум, который выполним при современных экономических условиях в СССР и понижение которого законом запрещается. Теперь профессиональные союзы могут добиваться в каждом отдельном случае дальнейшего улучшения условий труда сверх установленного Кодексом минимума.

По сравнению с законами буржуазных государств и бывшего царского правительства, наш Кодекс Законов о Труде имеет следующие особенности:

1) Он распространяется поголовно на всех работающих по найму и даже на квартирников (в большинстве буржуазных государств трудовое законодательство не распространяется на целый ряд отраслей промышленности, под надзором же царской фабричной инспекции находилось лишь 18,7% работавших по найму).

2) Посредничество при найме составляет монополию государства, осуществляемую через местные органы Наркомтруда; увольнение рабочего, нанятого на неопределенный срок, допускается лишь в случаях указанных Кодексом (ликвидация предприятия, остановка более, чем на месяц по производственным причинам, непригодность рабочего, неисполнение им договора, подтвержденного РКК, неявка на работу без

уважительных причин более трех дней к ряду или 6 дней в месяц, установленные судом уголовные преступления, связанные с работой, прекращение работы на срок более двух месяцев по временной нетрудоспособности или вследствие ареста); сам же рабочий может оставить службу, предупредив за неделю.

3) Устанавливается обязательное заключение трудового договора, в котором не допускаются статьи, ухудшающие условия труда, указанные в законе. Выполнение этого договора контролируется РКК.

4) Рабочий день ограничивается 8 часами с понижением его до 6 часов в особо вредных производствах, а также для подростков; сверхурочные допускаются лишь с согласия РКК и с разрешения инспектора труда и оплачиваются в полуторном и двойном размере. Устанавливается обязательный выходной день в неделю, кроме того, революционные праздники и 8 местных дней отдыха в году и обязательный ежегодный двухнедельный отпуск.

5) Запрещается женский труд в особо вредных производствах; беременные освобождаются от работы (на 16 недель лица физического и 12 недель — лица умственного и конторского труда); обязателен перерыв в работе для кормящих матерей через каждые 3½ часа.

6) Запрещается труд малолетних до 16 лет; в случаях острой нужды малолетние от 14 до 16 лет могут приниматься на четырехчасовой рабочий день; такой же день установлен для школ фабзавуча.

7) Кодекс обязывает предприятия принимать меры к устранению вредностей и опасностей на производстве согласно инструкциям Наркомтруда и предписаниям инспекции труда и устанавливает особые условия во вредных производствах (выдача молока и жиров, спецодежды, сокращенный рабочий день).

8) Надзор за условиями труда ведут инспекторы труда, выбираемые профессиональными организациями.

9) В отличие от законов всех других стран Кодекс устанавливает за профессиональными союзами право быть единственным представителем интересов рабочих, обязывает госорганы оказывать им всяческое содействие; на предприятии определенное число членов месткома освобождается для союзной работы с сохранением среднего заработка рабочих их квалификации; члены месткома не могут увольняться без согласия своего профессионального союза.

10) Социальное страхование осуществляется страховыми кассами, избираемыми самими рабочими, страховые же взносы вносятся только работодателями. За счет страховых средств: а) оказывается лечебная помощь; б) выдаются пособия при временной нетрудоспособности в размере фактического заработка рабочего и за все время временной нетрудоспособности, начиная с первого дня ее (в буржуазных государствах с третьего); в) дополнительные пособия на кормление ребенка, предметы ухода, погребение; г) пособия по безработице; д) пособия при инвалидности; е) пособия семье в случае смерти или безвестного отсутствия рабочего. (Стр. 27, 34, 45, 67, 101, 179, 298).

[20]) IV Всероссийский С'езд работников земли и леса состоялся 16—19 декабря 1922 года. Присутствовали с решающими голосами — 163 и с совещательными — 29 делегатов. Порядок дня с'езда: 1) отчет ЦК, 2) доклад ревизионной комиссии, 3) итоги и перспективы союзной работы, 4) доклад Наркомзема о сельскохозяйственной политике и содоклады Госсельсиндиката и Центрального управления лесами, 5) итоги и перспективы сельскохозяйственной кооперации, 6) тарифно-экономический вопрос, 7) организационный, 8) культурно-просветительный, 9) сельскохозяйственное образование, 10) охрана труда и социальное страхование, 11) международное движение сельскохозяйственных рабочих, 12) выборы ЦК и ревизионной комиссии.

Основным вопросом был вопрос о вовлечении в союз пролетарских элементов — батрачества — и об очистке союза от мелких хозяйчиков. С первой половины 1921 года в союз были включены члены коллективных хозяйств — крестьяне собственники — и к июлю 1921 года всерабземлес насчитывал 1.107.884 члена. С переходом же к нэпу союз стал принимать в свои ряды только лиц наемного труда, в связи с чем к моменту с'езда число членов союза (в сентябре 1922 года) понизилось до 344.952. С'езд подтвердил правильность этой линии и признал необходимым «стремиться к тому, чтобы не было в сельскохозяйственном и лесном производствах ни одного нечлена союза из имеющих право по уставу быть в союзе». В результате очистки от непролетарского элемента к январю 1923 года союз насчитывал 249.072 члена. Затем начался его рост, теперь уже за счет пролетарских элементов: к апрелю 1925 года в союзе было уже 506.800, а в октябре 1926 года — более миллиона членов. Этому росту сильно содействовало принятие в союз, на основании постановлений того же IV С'езда, лесорубов, рабочих свеклосахарных плантаций и др., не входивших ранее во всеработземлес. (Стр. 29).

[21]) В отношении сельскохозяйственных рабочих (батрачества) царское правительство особенно энергично проводило политику подавления. 15 апреля 1906 г. был издан закон о правилах против возникновения стачек среди сельских рабочих, 11 июня — по раз'яснению Столыпина — эти стачки стали рассматриваться как уголовное преступление. Закон 2 декабря 1906 года лишил сельских рабочих и железнодорожников права пользоваться законом 4 марта 1906 года об обществах. Несмотря на это, стачечная борьба сельских рабочих за 1905—1907 гг. охватила 204 уезда Европейской России (из 478 уездов); постоянной союзной организации батрачество в этой обстановке создать не могло и ее заменяли временные стачечные комитеты, иногда об'единявшиеся порайонно; одно из таких об'единений существовало в 1906 году в Киеве. Сельские рабочие не использовали для создания союза и февральскую революцию, отчасти вследствие отсутствия организационных навыков в прошлом, а более всего потому, что игравшие большую роль в профессиональном движении лета 1917 г. меньшевики не интересовались

их организацией. Эсеры же вообще отрицали существование сельского пролетариата, рассматривая сельских рабочих как безземельных крестьян. Характерно, что делегация союза землемеров, обратившаяся летом 1917 г. к «селянскому министру» — эсеру Чернову по вопросу об организации сельских рабочих, получила ответ, что это — вредная идея, таких рабочих нет, а есть безземельные крестьяне, которым дадут землю, и вопрос будет исчерпан. Обращение большевистской «Правды» (статьи Ленина) к III Всероссийской Конференции Профессиональных Союзов о необходимости создать союз сельских рабочих не встретило отклика со стороны возглавлявших тогда профессиональное движение меньшевиков.

Прочие группы работников земли и леса были сравнительно в более благоприятных условиях. Среди специалистов, еще в 1905 году, создавались профессионально-политические организации. Первой из них была организация агрономов и статистиков с центром в Москве, вскоре распавшаяся. Такую же организацию создала верхушка лесоводов (без участия лесной стражи) на первом с'езде лесоводов в Петербурге 15—20 июня 1905 г. Второй с'езд ее (4 декабря 1905 г.) был разогнан полицией за резкую резолюцию протеста против ареста Исполкома Совета Рабочих Депутатов, и организация распалась. 19 декабря 1906 г. образовалось «Общество русских землемеров» с центром в Москве и рядом отделений. Это была скорее научная, чем профессиональная организация, с кассой взаимопомощи и бюро труда, просуществовавшая до лета 1917 года. Наряду с нею возникло такое же «Общество межевых инженеров» и «Общество взаимопомощи агрономов с высшим образованием». Служащие сельского хозяйства — не специалисты (управляющие, экономы, приказчики, счетоводы и т. д.) имели организации в свеклосахарном районе Украины (Киев, Умань, Гнивань), выпускавшие свой печатный орган («Современный Труд» в 1908 г. и «Об'единение» в 1910 г.) и закрытые правительством в 1911.

Во время февральской революции служащие создали два «всероссийских» союза: один с центром в Киеве, типичный «желтый», стремившийся к защите помещичьего землевладения и тем самым своих мест, а другой с центром в Москве, не успевший развернуть своей работы. Специалисты в 1917 г. создали ряд всероссийских союзов: землемеров (из общества русских землемеров), агрономов и мелиораторов с центром в Москве и лесоводов с центром в Петрограде. Землемеры, связанные при посредстве «Лиги аграрных реформ» с другими союзами сельского хозяйства и с.-х. промышленности, не раз поднимали вопрос об об'единении работников земли и леса, но практически это об'единение начало осуществляться лишь после Октябрьской революции и I Всероссийского С'езда Профессиональных Союзов, определенно наметившего курс на постепенный переход к всероссийским централизованным производственным союзам.

В начале 1918 г. организации лесоводов включили в свой союз лесную стражу и часть лесорубов и переименовались в союз работников

леса («соработлес») и 7 декабря 1918 г. были зарегистрированы в ВЦСПС с решающим голосом; землемерам, как узко-профессиональной организации, в регистрации было отказано. Стремление к об'единению проявлялось и среди союзов садовников и огородников, существовавших в 1905—1906 годах и возродившихся после революции. 20 февраля 1919 г. по инициативе землемеров в Москве был созван первый с'езд работников земли (лесоводы, участвовавшие в организации с'езда, в последнюю минуту отказались от участия в нем). В виду слабого представительства на нем рабочих, ВЦСПС постановил считать этот с'езд предварительной конференцией, а избранный им ЦК — организационным бюро, которое должно провести организацию местных отделов и созвать всероссийский с'езд. 15 июня 1919 года на учредительном с'езде был создан всероссийский союз работников земли («Всеработзем»), слившийся в сентябре 1920 г. на основании постановления III Всероссийского С'езда Профессиональных Союзов с союзом лесоводов и переименованный в союз работников земли и леса («Всеработземлес»). На своем II С'езде (6—10 декабря 1920 г.) союз признал главной задачей своей работы вовлечение союзной массы в управление производством и в связи с этим решил включить в свои ряды членов трудовых сельскохозяйственных коммун и артелей. Это привело к разбуханию союза (с 378 тысяч членов в январе 1921 г. до 1.107.800 — в июле) и засорению его непролетарским элементом, в то же время группе наемных сельскохозяйственных рабочих уделялось сравнительно мало внимания. Впервые вопрос о работе среди батрачества был поставлен на третьем всероссийском с'езде союза (декабрь 1921 года), но и после него союзные органы с урезанными правами создавались лишь при наличии в районе не менее 100 батраков, и лишь Украина охватила до 10.000 батраков. Работа среди батрачества широко развернулась лишь после IV С'езда. (О решениях IV С'езда союза см. прим. 20). (Стр. 30).

[22]) Новая экономическая политика. В борьбе с контрреволюционными армиями, тесным кольцом окружившими Советскую Россию в 1918 году, все силы страны были брошены на фронт. Для того, чтобы снабдить продовольствием Красную армию и города, правительство вынуждено было производить реквизицию хлебных излишков у крестьянства (продразверстка) и запретить свободную торговлю.

Промышленность, вследствие ухода рабочих с предприятий на фронт и в деревню за продовольствием, вступила в полосу развала.

Производительность труда на функционировавших предприятиях резко пала, прогулы доходили до 40% всего рабочего времени. Катастрофических размеров достигло начавшееся еще в годы империалистической войны разрушение транспорта.

Состояние промышленности и транспорта лишило советское государство возможности сколько-нибудь удовлетворительно снабжать крестьянство взамен получаемого от него хлеба продуктами промышленности. У крестьянства пропал экономический интерес к расширению

своего хозяйства. А это повлекло за собою сокращение посевной площади и уменьшение валового сбора хлебов.

Каких размеров достигла хозяйственная разруха, видно из следующей таблицы *).

ГОДЫ	Посевная площадь в миллионах десятин	Валовой сбор хлебов в миллиардах пудов	Число рабочих крупной промышленности в тысячах	Валовая продукция промышл. в мил. руб. по довоен. ценам	% больных паровозов
1917	86	4	3.024	4.344	—
1918	84	3,5	2.486	1.941	48
1919	82	3,5	2.035	1.447	55
1920	81	3,2	1.585	1.000	60
1921	77	2,3	1.481	1.161	—

Политика так называемого «военного коммунизма» обеспечила победу над врагом, но одновременно привела страну к неимоверному истощению и обнищанию. После окончания гражданской войны и ликвидации остатков белогвардейских армий, во весь рост стал вопрос о новых методах и путях хозяйственного строительства. Крестьянство мирилось с продразверсткой, поскольку оно видело, что иным путем нельзя было организовать продовольствие Красной армии, которая защищала от нападения бывших помещиков теперь перешедшую в пользование крестьян землю. С окончанием же гражданской войны продразверстка потеряла в глазах крестьян смысл, и они стали все чаще проявлять недовольство. Возникла необходимость пересмотреть экономическую политику. Переходу на новые рельсы в известной мере содействовало кронштадтское восстание, указывавшее на возможность политического разрыва между городом и селом. Оно показало, что нужно как можно скорее воссоздать хозяйственную связь между промышленностью и сельским хозяйством и тем самым укрепить союз рабочего класса с трудовым крестьянством.

Первыми шагами новой экономической политики была замена хлебной разверстки продовольственным налогом (декрет 21 марта 1921 г.) и замена обязательной государственной хлебной монополии свободной продажей сельскохозяйственных продуктов, т. е. допущение товарного оборота.

---

*) Цифры взяты из сборника «Десять лет борьбы и строительства», изд. «Московский Рабочий», 1927 г.

В результате восстановления вольного рынка и товарных отношений, появления частного капитала в торговле и перехода государственной промышленности на хозяйственный расчет стали быстро крепнуть и развиваться все отрасли хозяйства.

ГОДЫ	Посевная площадь в миллионах десятин	Число рабочих крупной промышленности в тыс. рублей *)	Валовая продукция промышленности в миллионах рублей по довоенным ценам
1922	59	1.243	1.526
1923	70	1.446	2.055
1924	76	1.617	2.627
1925	97	1.894	4.058
1926	103	2.422	5.797
1927	106	2.579	6.640

В марте 1924 года была проведена финансовая реформа, которая установила твердую денежную систему, необходимую для нормального товарооборота.

В промышленности новая экономическая политика раньше всего сказалась на легкой индустрии, которая в начале нэпа в общей сумме промышленной продукции составляла 25,4%. В 1926—27 году она составляет уже только 15,5%, в то время как крупная промышленность растет быстрее.

Начиная с 1924—25 года отрасли промышленности, производящие средства производства, развиваются более быстрым темпом, чем отрасли, производящие средства потребления. За 1926—27 год тяжелая индустрия дает прирост в 23,2% в то время как легкая дает лишь 17,2%.

Восстановительный период нэпа в 1926 году сменился реконструктивным. Теперь правительство проводит индустриализацию страны, т.-е. перестраивает промышленность на новой, более высокой, технической базе.

Для того, чтобы уберечь находящийся в капиталистическом окружении СССР от опасности превращения его в земледельческий придаток промышленного капиталистического хозяйства стран Запада, советское правительство проводит целый ряд мероприятий, направленных к тому, чтобы из страны, ввозящей машины и оборудование, СССР превратился

*) Цифры взяты из сборника «Десять лет борьбы и строительства», изд. «Московский Рабочий», 1927 г., и книги В. Сарабьянова «Экономика и экономическая политика СССР». Гиз. 1928 г.

в страну, производящую все это у себя. Оно поднимает технический уровень нашей промышленности путем введения в производство различных технических усовершенствований и перестраивает сельское хозяйство путем широкого применения там машин (тракторов, молотилок, жнеек и т. п.) и электрической энергии.

Все эти мероприятия, носящие общее название индустриализации страны, являются важнейшим путем к победе в нашей стране социализма.

Какие достижения имеются в этой области, видно из следующей таблицы *).

ГОДЫ	Валовая продукция промышленности (в процентах)	
	государственной и кооперативной	частной и концессионной
1924—25	89,2	10,8
1925—26	90,3	9,7
1926—27	91,7	8,3

При новой экономической политике советское государство, сохранив в своих руках большую часть промышленности, транспорт, банки и монополию внешней торговли, постепенно овладевает всем рынком. Таким путем оно совершенно вытесняет частную промышленность и торговлю и осуществляет полный переход к социализму. (Подробнее см. Н. Ленин «Статьи и речи о продналоге», т. XVIII, ч. I, стр. 187—235).

Несмотря на применение принципа хозяйственного расчета, наши государственные предприятия продолжают оставаться предприятиями последовательно-социалистического типа в том смысле, что они имеют целый ряд все развивающихся элементов социализма.

Основным элементом социализма в нашем хозяйстве является уже самый факт государственной собственности на фабрики и заводы, так как советское государство выражает и представляет интересы пролетариата, т. е. широких трудящихся масс, составляющих большинство современного общества. Но социалистические черты нашего хозяйства не ограничиваются только формой собственности на орудия и средства производства. Они проявляются еще и в следующем.

*) Цифры взяты из сборника «Основные вопросы экономики СССР в таблицах и диаграммах», изд. Коммунистической Академии, 1928 г.

Руководители предприятий в форме борьбы за качество продукции и за снижение продажных цен стремятся полнее и лучше обслужить потребителя. В народном хозяйстве широко применяется плановое начало в виде систематического и сознательного согласования и разграничения через государственные органы деятельности трестов и синдикатов. Зарплата устанавливается на основе учета, с одной стороны, потребностей рабочего, а, с другой — материальных возможностей государства, а не под влиянием временного положения на рынке труда, избытка или недостатка рабочих тех или других специальностей.

Широко развита система мероприятий по охране труда и здоровья рабочих, при которой о сохранении способности рабочего к труду заботится государство. Наконец, государство вводит технические усовершенствования, считаясь при этом не столько с их коммерческой выгодностью или невыгодностью, сколько с их способностью облегчить труд рабочего, увеличить количество вырабатываемого продукта и повысить его качество. (Стр. 30, 41, 59, 80, 117, 257).

[23]) V Всероссийский С'езд союза рабочих народного питания и общежитий состоялся 22—27 января 1923 года. На с'езде присутствовал 81 делегат от 56 губотделов, об'единяющих 30.070 членов союза.

Порядок дня: 1) отчет о деятельности ЦК и доклад ревизионной комиссии, 2) о работе Центросоюза в области общественного питания, 3) доклад о перспективах общественного питания (организация паевого товарищества общественного питания), 4) организационное строительство, 5) тарифная политика и охрана труда, 6) культурно-просветительная работа, 7) информация о связи с родственными союзами за границей, 8) редакционно-издательская деятельность ЦК, 9) выборы ЦК и ревизионной комиссии.

Решения с'езда шли по линии, намеченной II, февральским, Пленумом ВЦСПС 1922 г. и V Всероссийским С'ездом Профессиональных Союзов.

С'езд высказался за расширение общественного питания. На с'езде было вынесено постановление о решительной борьбе с чаевыми вплоть до исключения из союза лиц, берущих «на чай», и с несоблюдением 8-часового рабочего дня. С'езд постановил переименовать «Союз работников нарпитания» в «Союз рабочих народного питания и общежитий. (Стр. 36).

[24]) XI С'езд РКП (б) состоялся 27 марта — 2 апреля 1922 г. На с'езд явилось с решающим голосом 520 делегатов, с совещательным — 154. На с'езде было представлено 532.000 членов партии.

Порядок дня с'езда: 1) политический отчет ЦК (Ленин), 2) организационный отчет ЦК (Молотов), 3) отчет Ревизионной Комиссии (Ногин), 4) отчет Центральной Контрольной Комиссии (Сольц), 5) отчет Коминтерна (Зиновьев), 6) о профессиональных союзах (Томский и Андреев), 7) о Красной армии (Троцкий), 8) финансовая политика (Сокольников),

9) чистка и укрепление партии (Шкирятов и Зиновьев), 10) о работе Комсомола (Сафаров).

Этот с'езд установил, что новая экономическая политика изменила не существо советского государства, а только методы и формы социалистического строительства, что она предполагает экономическое соревнование между строящимся социализмом и стремящимся к возрождению капитализмом и представляет лишь временное отступление для более подготовленного наступления на капитализм.

Учитывая, что преувеличенное усердие отдельных хозяйственников в погоне за повышением производительности труда и за прибыльностью предприятий неминуемо порождает в вопросе об условиях труда некоторую противоположность интересов рабочей массы и директоров предприятий, с'езд признал, что союзы должны защищать трудящихся, по мере возможности способствовать улучшению их материального положения и поправлять такие ошибки хозяйственных органов, которые вызываются бюрократическими извращениями госаппарата.

Одной из важнейших задач союзов с'езд считал предупреждение конфликтов путем ограждения интересов рабочей массы и содействия их быстрому и безболезненному улаживанию. При улаживании конфликтов союз, по решению с'езда, должен стремиться к тому, чтобы его члены получили максимальные выгоды при условии, однако, чтобы одна группа рабочих не получила выгоды за счет других групп или ценой нанесения вреда советскому государству или его хозяйству.

Единственно правильным методом улаживания конфликтов с'езд признал примирительное разбирательство. Стачки он рассматривал как нежелательную форму борьбы и поставил перед союзами задачу скорейшей их ликвидации в тех случаях, когда они возникают. Считая, что стачка в нашем государстве может возникнуть лишь в результате неправильных действий хозяйственников, отсталости рабочей массы, непредусмотрительности союза и провокации контрреволюционеров, он признал, что лучшим способом предотвращения стачек является устранение союзом действительных неправильностей и непорядков, удовлетворение законных и осуществимых требований рабочих и политическое воздействие на массы.

Умение предупреждать конфликты с'езд об'явил одним из важнейших мерил правильности линии работы данного союза.

Признав безусловно вредным и недопустимым непосредственное вмешательство союзов в управление предприятиями, с'езд, однако, предостерег от толкования этого решения в том смысле, что необходимо ослабить участие союзов в организации производства и управления промышленностью. Наоборот, он высказался за усиление участия союзов во всех плановых органах, об'явил одной из важнейших задач союзов выдвигание и подготовку администраторов из рабочих. Роль союзов в деле формирования хозяйственного аппарата он ограничил выдвиганием кандидатов, решение же вопроса предоставил исключительно хозяйственным органам.

XI С'езд подчеркнул необходимость решительно осуществить добровольное членство как при коллективном, так и при индивидуальном вступлении в союзы. При этом он указал, что от членов профессиональных союзов в нашем государстве можно требовать лишь понимания товарищеской дисциплины и необходимости об'единения и оказания всемерной помощи советской власти, но нельзя требовать каких-нибудь определенных политических или антирелигиозных убеждений.

Основным условием успеха деятельности профессиональных союзов с'езд признал связь с массой, т. е. с громадным большинством рабочих, а затем и со всеми трудящимися. Он выдвинул поэтому требования, чтобы ответственные работники профессиональных союзов подбирались из числа коммунистов, которые вдоль и поперек знают рабочую жизнь, способны безошибочно определить настроение массы, ее стремления и потребности, степень ее сознательности и силу старых пережитков и предрассудков, и умеют завоевать безграничное доверие к себе.

Главную задачу союзов по отношению к частным капиталистическим предприятиям с'езд видел во всесторонней и всемерной защите классовых интересов пролетариата и в борьбе с капитализмом. Было решено, что союзы не берут на себя непосредственно никаких функций контроля над производством в частных и арендованных предприятиях, а в регулировании частного производства принимают участие лишь через соответствующие государственные органы.

В резолюции XI С'езда о задачах профессионального движения был указан ряд противоречий между различными задачами профессиональных союзов. «С одной стороны, их главный метод действия — убеждение, воспитание, а с другой — они не могут отказаться, как участники госвласти, и от участия в принуждении. С одной стороны... их главная задача — защита интересов трудящихся масс... С другой — они не могут отказаться от нажима, как... строители всего народного хозяйства в целом... Они должны работать по-военному, ибо диктатура пролетариата есть самая ожесточенная, самая упорная, самая отчаянная война классов. С другой — именно к профсоюзам всего менее применимы специфически военные методы работы... Они должны уметь приспособляться к массе, к ее данному уровню, с другой — они никоим образом не должны потакать предрассудкам и отсталости массы, а неуклонно поднимать ее на уровень... все более высокий и т. д. Эти противоречия не случайны и не устранимы в течение ряда десятилетий. Ибо пока есть остатки капитализма и мелкого производства, неизбежны противоречия во всем общественном строе между этими остатками и ростками социализма. Для успешной работы профсоюзов... необходим еще особый такт, уменье подойти к массе особым образом в каждом отдельном конкретном случае, достигая с минимумом трений под'ема этой массы на ступеньку выше в отношении культурном, хозяйственном, политическом». (Стр. 36, 117).

[25]) В напечатанной в № 1 (январь 1923 г.) журнала «Работник Народного Питания» статье «К V Всероссийскому С'езду работников народного питания и общежитий» член ЦК союза нарпит тов. Лаптев указывал, что перед с'ездом стоит вопрос «об организации различных фондов, жизненную потребность в организации которых подчеркнул V Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов. Кроме стачечного, культурно-просветительного и фонда взаимопомощи, с'езд коснется вопроса об организации фонда безработных. При решении этих вопросов необходимо будет избежать создания еще различных подсобных органов, что внесло бы только путаницу и неразбериху». (Стр. 39, 297).

[26]) «Керенками» назывались бумажные деньги достоинством в 20 и 40 рублей, выпущенные правительством Керенского и некоторое время имевшие обращение и при советской власти. Название «крестинок» получили советские денежные знаки, выпущенные при первом наркомфине тов. Крестинском. К моменту введения твердой валюты, в марте 1924 года, ценность их упала до 500 миллиардов рублей за один червонный рубль. (Стр. 41).

[27]) Булочников, Иван Герасимович. Родился в 1886 году, по профессии — повар. Член ВКП(б) с 1917 года. В подпольной партийной работе принимал участие в Москве в 1905—06 гг. В 1905 году был одним из организаторов союза (общества) поваров в Москве. В дореволюционное время участвовал от союза в IV Всероссийском С'езде торгово-промышленных служащих и ремесленников.

С 1907 года неоднократно избирался членом президиума Московского общества поваров, а затем губотдела союза. В 1917 году член Исполкома Московского Совета рабочих депутатов. В 1918 году председатель московского губотдела союза. В 1919—1920 гг. был председателем ЦК союза. С 1918 года работал членом правления Московского Союза Потребительских Обществ (МСПО), ведая делом общественного питания в Москве. (Стр. 42).

[28]) После расстрела 9 января 1905 года петербургских рабочих (см. прим. 29) и вызванной им всеобщей забастовки сочувствия, по всей России началась массовая организация профессиональных союзов. Эти союзы об'единяли отдельные профессии, носили местный характер и в течение первой половины 1905 года ограничивались руководством стихийно развивающимся забастовочным движением (за повышение зарплаты и сокращение рабочего времени). Недостаток организационного и политического опыта толкнул их на создание межсоюзных центральных бюро (Москва, Петербург, Харьков). Совещание по созданию московского бюро, происходившее с 24/IX до 7/X—1905 г., с участием некоторых представителей петербургских и провинциальных союзов, получило название I Всероссийской Конференции. На нем присутствовали 24 союза из Москвы, 4 союза Петербурга, 1 — Харькова, 3 — Н.-Новгорода, 2 — Екатеринослава и 2 всероссийских профессионально-политических организации —

железнодорожников и почтово-телеграфных служащих. В числе делегатов конференции были социал-демократы (большевики и меньшевики), бундовцы, синдикалисты, эсеры и левые освобожденцы — представители левого крыла, основанного в 1901 г. П. Струве «Союза Освобождения» (из правого крыла которого впоследствии развилась кадетская партия). Конференция рассмотрела два вопроса: 1) об образовании московского районного бюро профессиональных союзов, охватывающего «центральные округа России» и имеющего своей задачей «содействие развитию профессонального движения (выработка уставов, организация новых союзов, участие в с'ездах и т. п.) и ведение подготовительных работ к созыву всероссийского с'езда представителей профессиональных союзов» и 2) о созыве всероссийского с'езда представителей профессиональных союзов.

Конференция признала желательным участие как в московском бюро, так и на с'езде «представителей всех политических партий, участвующих в рабочем движении». В виду слабого развития профессиональных союзов было постановлено допустить на с'езд также представителей обществ взаимопомощи и пригласить сормовское общество потребителей, являвшееся по составу членов почти чисто рабочим кооперативом. Общества взаимопомощи смешанного характера, куда, как, например, у приказчиков, входила либеральная интеллигенция, доверенные хозяев и даже сами хозяева, конференция признала возможным допустить на с'езд лишь при условии избрания представителей только «от пролетарской части своего состава». Единогласно было признано «недопустимым участие на с'езде так называемых «зубатовских» обществ, организованных в 1901—1902 гг. по инициативе начальника московской охранки Зубатова в целях отвлечения рабочих от политической и экономической борьбы. На конференции было решено дать право представительства на с'езде «депутатам, свободно избранным рабочими, но никак не тем «старостам», которые выбраны и действуют, согласно закону о старостах 10 июня 1903 г.» (по этому закону предприниматели, для ведения переговоров по вопросам рабочего дня и заработной платы, назначили «старост» — уполномоченных из числа выбранных рабочими кандидатов, а самые правила об этих выборах разрабатывались предпринимателями и утверждались губернатором по докладу старшего фабричного инспектора).

С'езд было предположено собрать в декабре 1905 г., а «для окончательного разрешения вопросов о времени, месте, программе и организации с'езда было решено созвать в средине ноября конференцию из уполномоченных от всех профессиональных обществ и союзов». Подготовка с'езда и созыв конференции были возложены на Центральное Бюро, которое было поручено избрать Московскому Бюро профессиональных союзов. После конференции при Московском ЦБ была создана комиссия по подготовке с'езда, выполнявшая функции и оргкомиссии.

Работа по организации профессиональных союзов и политическая борьба конца 1905 г., а затем репрессии и разгром профессиональных

союзов, последовавшие за подавлением московского восстания 1905 г., заставили отложить созыв второй конференции. Ее удалось собрать только в феврале 1906 г., когда в связи с выборами в первую государственную думу начался новый под'ем политического и профессионального движения. Все же политические условия были таковы, что конференция могла работать лишь полулегально и поэтому собралась в составе лишь 22 представителей от 10 крупных городов. II Конференция состоялась в Петербурге 24—28 февраля 1906 г. Руководство на ней принадлежало меньшевикам, проведшим большинство своих представителей как в президиум конференции (3 из 5), так и в избранную ею организационную комиссию по созыву с'езда профессиональных союзов (6 из 10 членов и кандидатов).

Во время конференции царское правительство подготовляло изданный им 4 марта 1906 г. закон о профессиональных союзах, ограничивавший цели «профессиональных обществ» выяснением и согласованием экономических интересов и улучшением условий труда их членов путем соглашения и третейского разбирательства. Закон запрещал создание производственных и межсоюзных об'единений, а представителям администрации давались широкие права запрещать организацию новых союзов и закрывать существующие. Конференция, отметив, что этот закон лишает рабочий класс основных политических прав и что от правительства и будущей думы нельзя ждать осуществления условий, необходимых для развития профессионального движения легальным путем, рекомендовала организовывать союзы явочным порядком и лишь «в виде исключения, при невозможности существования союзов на других основаниях», допускала «использование этого закона, превращая его из орудия закабаления рабочего класса в исходный пункт новой, еще более упорной борьбы для завоевания права стачек и коалиций».

Заслушав доклад П. Колокольникова о производственном принципе организации, конференция ограничилась тем, что рекомендовала «при организации союзов не дробить их по мелким отраслям профессии».

На конференции было признано, что «профессиональный союз ни в коем случае не должен превращаться в кассу взаимопомощи, а — быть боевой организацией рабочих для борьбы против капиталистов. Поэтому большая часть всех поступлений должна отчисляться в особый стачечный фонд». Вступительный взнос должен быть по возможности невысоким. Выдача всякого рода пособий, кроме упомянутого уже стачечного, была признана лишь возможной, но не обязательной.

Усиление реакции не позволило созвать с'езда. Первый с'езд состоялся лишь после Октябрьской революции, в январе 1918 года. (Стр. 48).

[29]) Неудачная русско-японская война 1904—05 годов и связанный с нею промышленный кризис вызвали среди петербургских рабочих большое недовольство. Поводом к массовому проявлению его послужило увольнение в конце декабря 1904 года с Путиловского завода

4-х рабочих — членов организованного в 1903 году состоявшим на службе у охранки тюремным попом Гапоном общества, так называемого «Собрания русских фабрично-заводских рабочих». После отказа в обратном приеме их, полученного депутацией общества, вмешательство которого администрация завода об'явила неуместным, Путиловский завод забастовал. К нему стали присоединяться остальные заводы и фабрики Петербурга, выставив в числе прочих требований — требование восьмичасового рабочего дня, и к 8 января забастовка стала всеобщей. Петербургская социал-демократическая организация была слаба и не смогла сразу взять движение в свои руки. Во главе движения поэтому оказался Гапон. Он выдвинул мысль искать справедливости у царя, итти всей массой рабочих в Зимний дворец и вручить царю петицию. Составленная гапоновцами петиция эта была прочитана и принята на многолюдных рабочих собраниях. Здесь в её первоначальный текст, по предложению социал-демократов, были включены такие пункты, как требование созыва учредительного собрания, уравнения в гражданских правах всех сословий, обеспечения гражданских свобод, освобождения из тюрем и ссылки политических заключенных и прекращения войны. В воскресенье, 9 января, с утра колонны рабочих двинулись от районных отделов гапоновского союза, с хоругвями и царскими портретами, к Зимнему дворцу. Они были встречены залпами и атаками кавалерии. Общее число убитых и раненых было около 1.000 человек. Расстрел 9 января навсегда уничтожил в русском рабочем классе веру в царя и толкнул его на борьбу с самодержавием. (Стр. 49).

80) IV Всероссийский С'езд союза работников искусств состоялся 26—30 апреля 1923 года; присутствовало 83 делегата с решающими и 23 с совещательными голосами; из них коммунистов — 56, беспартийных — 50. На повестке дня с'езда стояли: отчет ЦК и Ревизионной Комиссии, доклады Наркомпроса, художественных отделов Главпрофобра и Главполитпросвета, центральной секции рабис при Бирже Труда, тарифно-экономическая работа, культшефство и доклад о международном положении.

С'езд подчеркнул первостепенное значение для союза тарифно-экономической работы, поставив новому ЦК задачу сохранить и поднять уровень зарплаты, понижавшейся у работников искусств наряду с тенденцией к повышению, наблюдавшейся в других производствах, усилить практику коллективных договоров вместо преобладавших индивидуальных, усилить борьбу с уклонением предпринимателей от исполнения условий найма и улучшить состав и качество работы РКК, усилить участие союза в регулировании художественного производства, потерпевшего при переходе к нэпу больший урон, чем другие производства. (Стр. 50).

81) Отмена обязательной трудовой повинности, жесткое сокращение штатов во всех предприятиях и учреждениях создали в первые месяцы значительную безработицу. Это обстоятельство, а также

недостаток на рынке продуктов промышленности вызвали массовую организацию производственных и иных артелей и кооперативов, строительство которых первое время протекало при участии и поддержке профессиональных союзов. Однако, вскоре в ряде этих об'единений стали обнаруживаться нездоровые уклоны. Наиболее предприимчивые или же просто недобросовестные члены артелей становились в привилегированное положение фактических хозяев, торговцы и предприниматели прикрывали вывеской артели, а иногда и союза, свои собственные предприятия. Так, в конце 1922 г. и июле 1923 г. Петроградский губотдел союза нарпит выявил ряд таких замаскированных хозяйчиков среди артелей, обслуживавших станционные буфеты прилегающих к Петрограду железных дорог; только благодаря вмешательству союза, эти «артели» были реорганизованы. У работников искусств даже в эпоху военного коммунизма широко практиковались артельные об'единения, владевшие театральным оборудованием (костюмы, декорации и т. д.), в союзе рабис существовал особый устав этих об'единений, переработанный в связи с переходом к нэпу. Здесь маневры «хозяйчиков» (антрепренеров) облегчались самими условиями работы: перебои в выступлениях влекли за собою «потерю публики» и всего театрального сезона, что заставляло работников искусства избегать конфликтов до окончания сезона. (Стр. 51, 83).

[82]) Устроенный в Московском Большом театре «вечер нефти» был первой крупной попыткой дать художественную постановку, в основе которой лежала бы производственная идея. Однако, со стороны художественной формы и содержания попытка эта была неудачной. (Стр. 54).

[83]) Скрябин, А. Н. — один из крупнейших русских музыкантов-композиторов конца XIX и начала XX века. Родился в 1871 г., умер в 1915 г. Проложил собственные оригинальные пути в музыке, создав и используя неизвестные до него звуковые сочетания. (Стр. 54).

[84]) ИЗО — отдел изобразительных искусств Наркомпроса (скульптура, живопись и т. п.); МУЗО — музыкальный отдел. (Стр. 55).

[85]) Меньшевики были все время сторонниками нейтральности профессионального движения. Они признавали, что экономическая и политическая борьба равноценны, и поэтому считали равноправными или, вернее, имеющими одинаковое значение, как экономические организации пролетариата — профессиональные союзы, так и его политические организации — партии. Этот взгляд они позаимствовали у правого крыла германской социал-демократии.

На протяжении 20 лет их точка зрения пережила некоторую эволюцию.

Состоявшаяся весной 1905 года в Женеве всероссийская конференция меньшевистских организаций признала необходимым обеспечить представительство в партийной организации тем профессиональным союзам, которые признают партийную программу. Это постановление по существу дела обозначало намерение фактически перестроить партию

на основе профессиональных об'единений, сделав ее, так сказать, исполнительным органом профессионального движения. Тогда меньшевики представляли себе союзы, как составную часть партии.

Свою точку зрения они пытались навязать всей партии.

Состоявшемуся весной 1906 года в Стокгольме об'единительному с'езду они предложили проект резолюции, проникнутой духом нейтрализма. В их проекте профессиональное движение определялось как необходимый составной элемент классовой борьбы. Эта неопределенная формулировка не указывала удельного веса экономической борьбы и ее значение по сравнению с политической борьбой рабочего класса. Точно также профессиональные союзы определялись, как необходимый элемент классовой пролетарской организации. И тут не был выяснен вопрос о значении профессиональной организации по сравнению с организацией партийной.

Исходя из этого, меньшевики призывали партию всеми мерами содействовать образованию беспартийных профессиональных союзов, а всех членов партии звали вступать в союзы, принимать активное участие во всей их деятельности и укреплять среди членов союзов классовую солидарность и классовое сознание.

На вопрос о взаимоотношениях союзов с партией они отвечали очень неопределенно, говоря, что члены партии в борьбе и агитации должны органически связать союзы с партией. Каков же должен быть характер этой связи и как должны быть распределены между союзами и партией функции — этого они не выясняли.

После Стокгольмского с'езда, где проект меньшевиков был изменен несколькими большевистскими поправками, меньшевики продолжали толковать резолюцию в духе нейтрализма. Они упирали на самостоятельное значение экономического движения рабочего класса и на организацию беспартийных союзов. При этом многие из меньшевиков доказывали необходимость соблюдения союзами нейтралитета в борьбе между социалистическими рабочими партиями и фракциями социал-демократии. Были даже и такие, которые возражали против включения в устав союза пункта о признании классовой борьбы, мотивируя это тем, что такое признание придает профессиональным организациям партийную окраску.

Когда заседавший весной 1907 года Лондонский с'езд партии принял резолюцию, осуждающую нейтрализм, т.-е. занял позицию, которая отрицала меньшевистский взгляд на экономическое и политическое движение, как на равноценные формы классовой борьбы пролетариата, а на партию и профессиональные союзы, как на равнозначные организации, меньшевики и примыкавшие к ним — и в профессиональной печати и на партийных собраниях — выступили с резкой критикой лондонской резолюции.

Меньшевики еще раз пытались предложить партии принять их точку зрения летом 1907 года на партийной конференции в Куоккале (Финляндия). Однако, конференция отвергла их позицию.

Взгляды меньшевиков не изменились и после состоявшегося в Штуттгарте, осенью того же года, международного социалистического конгресса, который, как и Лондонский с'езд, осудил нейтрализм. Этот конгресс признал, что экономическая и политическая борьба пролетариата одинаково важны и высказался за необходимость тесной связи профессиональных союзов с социал-демократической партией. Он подчеркнул, что такая связь должна состоять в руководстве со стороны партии профессиональным движением.

Несмотря на такое решение вопроса Штуттгартским конгрессом, меньшевики продолжали и после него отстаивать свою прежнюю позицию. При этом они исходили из одного только пункта штуттгартской резолюции, не связывая его, однако, с другими пунктами, беря его обособленно, изолированно и, кроме того, толкуя его в свою пользу. Ни слова не говоря о пункте относительно руководства профессиональным движением со стороны партии, они подчеркивали, что профессиональное и политическое движение были признаны конгрессом одинаково важными. Словам «одинаково важные» они придавали значение «равноценные».

Исходя из своих основных принципиальных позиций, меньшевики, на протяжении всего последнего периода, вплоть до февральской революции, вели жестокую борьбу против стремления и попыток большевиков создать в легальных профессиональных союзах нелегальные партийные ячейки — фракции и осуществлять через эти фракции партийное руководство профессиональным движением.

Опираясь на свое понимание резолюции Штуттгартского конгресса, меньшевики к 1917 году разработали целую теорию о полной самостоятельности отдельных форм рабочего движения: политической и экономической. Исходя из этой теории, они на III Всероссийской Конференции Профессиональных Союзов предлагали поддерживать на выборах в учредительное собрание все социалистические партии и добиваться международного об'единения всех профессиональных союзов, независимо от их отношения к мировой войне.

После Октябрьского переворота они выступили под новым лозунгом, который вытекал из их старых принципиальных предпосылок. На I и II Всероссийских С'ездах Профессиональных Союзов они доказывали необходимость полной независимости профессиональных организаций от всякой политической партии и от всякой государственной власти, в том числе от советской власти и от коммунистической партии.

Кроме того, меньшевики афишировали себя, как поборников единства профессионального движения против попыток расколоть его, якобы идущих со стороны борющихся в профессиональном движении партий.

Нейтрализм, единство и независимость были для меньшевиков лишь агитационными лозунгами. По существу же дела они вели в профессиональных организациях обычного рода политическую борьбу, не останавливаясь при этом ни перед какими методами.

Так, в месяцы февральской революции меньшевики, бывшие сторонниками коалиции с буржуазией, призывали профессиональные союзы поддерживать временное правительство и вести свою работу строго сообразуясь с рамками существовавшего тогда государственного устройства, не независимо от государственной власти, а как раз в сотрудничестве с ней.

Точно так же держали себя руководимые меньшевиками союзы и в районах оккупации. Они, по крайней мере, на первых порах поддерживали контрреволюционные правительства в их борьбе с советской властью.

Находившиеся под влиянием меньшевиков профессиональные союзы вовсе не нейтрально отнеслись к борьбе за захват власти Советами и к образовавшемуся после Октябрьского переворота советскому правительству. Меньшевики организовывали и поддерживали саботаж служащих. Отказывались сотрудничать с новой властью. Всяким хозяйственным и политическим затруднением пользовались для демонстративных выступлений против советского строя.

Аналогичным было их стремление к единству профессионального движения. В 1905 году меньшевики пытались рядом с большевистским московским союзом столяров создать мелкие цеховые союзики паркетчиков, ящичников, зонточников. Там, где меньшевики были в большинстве, они не давали большевикам вести работу на равных правах с собою. Так, еще на III Конференции они, пользуясь своим незначительным количественным перевесом, не дали большевикам даже огласить своей резолюции по вопросу о взаимоотношениях между партией и союзами. Конечно, они мотивировали это формальными соображениями, тем, что конференция не заслушала доклада. Однако, по существу дела в основе их поступка лежали фракционные мотивы.

В правления тех союзов, где меньшевики играли руководящую роль, они не пропускали своих политических противников. Это обстоятельство исключало возможность завоевания союзов путем внутренней политической работы. Так, напр., лозунг «единства», толкуемый в смысле монополии меньшевистского влияния, в союзе печатников с неизбежностью привел к расколу.

Таким образом, нейтральность и независимость профессиональных союзов обозначала отказ от выдержанной классовой позиции и политики и в то же время подчинение их влиянию чуждых и даже враждебных пролетариату классов и партий. (Стр. 56).

[86]) III Сессия Центрального Совета Красного Интернационала Профсоюзов состоялась 25 июня — 2 июля 1923 года. На сессии присутствовало 32 делегата с решающими голосами от 14 стран, 51 — с совещательными от 7 стран, и 22 человека гостей.

На повестке дня сессии стояли следующие вопросы: 1) отчет Исполбюро, 2) ближайшие задачи Профинтерна, 3) борьба профсоюзов против фашизма, 4) международные об'единения по производствам,

5) рабочая эмиграция, 6) о формах организации оппозиции, 7) задачи сторонников Профинтерна в Англии, 8) положение дел в Чехо-Словакии. Кроме того, происходила работа в 14 комиссиях по ряду важнейших практических вопросов.

На III Сессии впервые был поставлен вопрос о выработке стачечной стратегии в международном масштабе. Вопрос в виду его сложности не мог быть решен окончательно, и результаты работ соответствующей комиссии были переданы на обсуждение мест.

По докладу М. П. Томского о положении российского профессионального движения сессия приняла следующую резолюцию:

«Центральный Совет Профинтерна с чувством глубокого удовлетворения отмечает улучшение экономического положения русского рабочего класса, в течение долгих лет несшего столь тяжелые страдания в борьбе против мирового империализма.

Центральный Совет шлет братский привет русскому пролетариату и заверяет его, что эксплоатируемые всех стран неразрывно связаны с ним и его профсоюзами, борющимися за окончательное торжество коммунизма во всем мире». (Стр. 58).

[87]) Общество поваров московского промышленного района организовалось 20 ноября 1905 г. Общегородское собрание поваров выбрало комиссию из 24 человек для выработки устава и организации Общества. Устав был утвержден 4 апреля 1906 г., но извещение об этом градоначальство прислало лишь в июне, и деятельность свою Общество начало с июля 1906 г. В течение первых месяцев были проведены выборы делегатов по отдельным предприятиям, был проведен ряд собраний по общеполитическим и бытовым вопросам и была установлена связь с Центральным Бюро профессиональных союзов. К декабрю 1906 г. в состав Общества входило около 600 взрослых поваров и до 300 учеников, и Общество начало первое наступление на предпринимателей. Выступление было приурочено к празднованию нового года, дававшему большую прибыль ресторанам. 24 декабря всем предпринимателям были пред'явлены следующие требования: 1) 10-часовой рабочий день, включая перерыв на обед (вместо существовавшего 16—18-часового), 2) один свободный день в неделю взамен праздничной работы, 3) ежегодный месячный отпуск с сохранением жалованья, 4) вежливое обращение, 5) аккуратная уплата жалованья 2 раза в месяц, 6) уплата при увольнении за 2 недели вперед, 7) участие поваров кухни при найме и увольнении, 8) уплата за дни болезни.

В виду отказа большинства предпринимателей удовлетворить эти требования, 28 декабря началась забастовка. Крупные рестораторы быстро пошли на уступки, и к 10 января в большинстве ресторанов I и II разряда забастовка кончилась победой рабочих; в более же мелких ресторанах забастовка затянулась, и под усиленным нажимом властей, прибегнувших к угрозам и арестам участников, Общество вынуждено было закончить ее, добившись удовлетворения лишь части требований.

Это удачное выступление укрепило авторитет союза и усилило приток новых членов. Но усиление реакции затрудняло работу союза. В течение 1907 года союзу удавалось путем отдельных коротких забастовочных ударов в наиболее оживленные торговые дни отражать попытки предпринимателей ухудшить условия труда. С началом же, после разгона 3 июня 1907 года II государственной думы, правительственного нажима на рабочий класс, предприниматели отбирают одно завоевание за другим.

Изданный правительством 15 ноября 1906 года закон «об обеспечении нормального отдыха служащих торговых заведений, складов и контор» устанавливал пятнадцатичасовую торговлю в предприятиях трактирного промысла, не указывая в то же время продолжительности рабочего дня; этот же закон предоставлял городским и земским самоуправлениям право регулировать торговлю предприятий путем издания обязательных постановлений, вырабатываемых комиссиями из представителей самоуправлений, владельцев предприятий и служащих. Большинство в этих комиссиях было за первыми двумя группами, проваливавшими предложения служащих. Проект обязательного постановления, касавшегося поваров, даже значительно ухудшал существовавшие условия труда. В результате агитационной кампании, проведенной Обществом, 1.138 рабочих 63 ресторанов и трактиров подали 24 февраля 1908 г. в государственную думу письменное заявление, в котором указывали на необходимость дополнить выработанный городской управой проект установлением 10-часового пребывания на кухне без перерыва на обед, ввести пункт о днях отдыха взамен воскресных дней и двунадесятых праздников, оговорить, чтобы сверхурочные работы, разрешенные в целях предотвращения порчи продуктов, допускались не более двух раз в месяц и не более получаса в день, и установить определенные часы отпуска малолетних для посещения школы. Заявление это было подкреплено данными обследования условий труда поваров. Это обследование выяснило, что 10-часовой рабочий день был у 27,4% обследованных; от 10½ до 12 час. — у 42,4%; от 12½ до 15 часов — у 24,6% и от 15 до 17 часов — у 5,6%. Свободные дни имели:

через 6 дней на 7-й	—	192	чел.	(из них 9 потому,
„ 7 „ „ 8-й	—	10	„	что предприятие
„ 11 „ „ 12-й	—	23	„	не работало по
„ 14 „ „ 15-й	—	34	„	праздникам).

Итого имели отдых 259 человек.

Совершенно не пользовались свободными днями 671 человек.

Такое же заявление было послано депутатам государственной думы. И городская комиссия и государственная дума вынуждены были принять некоторые поправки к своим проектам, утверждение и опубликование которых было, однако, отложено в долгий ящик.

В начале 1913 года Общество приняло участие в IV Всероссийском С'езде торговых служащих, где представитель его в своем приветствии

пожелал с'езду «вскрыть все язвы эксплоатации и произвола и наметить платформу борьбы с ними» и выразил надежду, что с'езд «скажет свое авторитетное слово в пользу об'единения всех торговых служащих в одну братскую семью с пролетариатом всей России», так как «только идя рука об руку со всеми рабочими, мы можем улучшить свое экономическое и правовое положение». IV С'езд имел сильную социал-демократическую фракцию, в которой большое влияние имели большевики, и носил яркую социал-демократическую окраску, в виду чего был царским правительством закрыт до окончания работ. Делегатам власти запретили отчитываться на местах.

Из доклада Общества на этом с'езде видно, что условия труда его членов еще более ухудшились к этому времени: десятичасовой рабочий день имели только 20% работников, а количество работающих до 18 часов увеличилось до 14%. Поэтому в 1914 г. правление начинает серьезно готовиться к массовой активной борьбе, но империалистическая война отсрочила её начало до февральской революции. (Стр. 81).

[88]) V Губернский С'езд Петроградских Профессиональных Союзов открылся 17 декабря 1923 года. На повестке дня с'езда стояли следующие вопросы: 1) международное и внутреннее положение, 2) задачи профессиональных союзов, 3) отчет президиума губпрофсовета, 4) отчет ревизионной комиссии, 5) состояние петроградской промышленности и ее ближайшие перспективы, 6) вопросы заработной платы, 7) организационные вопросы, 8) доклад отдела труда и содоклад по социальному страхованию, 9) доклад петроградского ЕПО — первичная кооперация, рабочее питание и индивидуальное кредитование, 10) культработа, 11) выборы.

С'езду предшествовал годичный период работы по линии, установленной для условий нэпа V Всероссийским С'ездом Профессиональных Союзов. Внимание его было сосредоточено на вопросах и методах повседневной практической работы союзов. (Стр. 86).

[89]) Гражданская война. После короткой передышки, наступившей вслед за заключением Брестского мира, выступлением чехословацких войск, началась гражданская война. В мае 1918 года VIII Совет партии социалистов-революционеров постановил начать с помощью Антанты, т.-е. «согласия» Англии и Франции борьбу за учредительное собрание, распущенное ВЦИК 6 января 1918 года. Чехословацкий корпус, сформированный при Керенском из австрийских военнопленных, по соглашению Совнаркома с чешским командованием, должен был эвакуироваться через Сибирь во Францию, на западный фронт. Чехо-словацкие эшелоны, растянувшись по железнодорожной линии от Пензы до Иркутска, начали восстание и послужили опорой для сорганизовавшегося в Самаре «комитета членов учредительного собрания», состоявшего из эсеров и меньшевиков. Вначале им удалось дойти до Казани, но в конце лета Красная армия, вернув Казань, вытеснила их с Поволжья. В момент переворота, сторонники учредительного собрания были поддержаны зажиточной частью крестьянства,

недовольной продовольственной политикой советской власти; из рабочих за ними шло незначительное меньшинство рабочих-меньшевиков. Последовавшая за переворотом мобилизация для борьбы с советской властью встретила сопротивление крестьянства, а репрессии окончательно оттолкнули последнее от самарского правительства. Разогнанный после переворота совет, под давлением рабочих, был вскоре вновь созван и занял большевистскую позицию. Таким образом, «комитет членов учредительного собрания» оказался без опоры в главной массе населения; поддерживавшие его чехо-словаки, видя это, стали колебаться, и он вынужден был искать соглашения с образовавшимся при перевороте в Омске «сибирским правительством», в котором преобладающее влияние имела буржуазия, а также с заведомыми черносотенцами, как атаман Дутов, восставший в Оренбурге. Соглашение было достигнуто на «уфимском совещании», по постановлению которого власть должна была перейти к «директории» из пяти лиц, формирующей министерство, ответственное перед ней. Персонально в состав «директории» вошли эсеры Авксентьев и Зензинов, кадет Виноградов, монархист генерал Болдырев и глава «сибирского правительства» — Вологодский, которого временно замещал профессор Сапожников. В вопросе о формировании кабинета верх взяло опять-таки «сибирское правительство», проведшее большинство своих кандидатов, в том числе на пост военного министра адмирала Колчака, командовавшего при временном правительстве Черноморским флотом. 18 ноября «директория», находившаяся в Омске, была свергнута черносотенным офицерством при сочувствии буржуазии; Авксентьев и Зензинов были арестованы и высланы через Харбин во Францию; Колчак был об'явлен «верховным правителем России». После разгрома его войск Красной армией, Колчак 27 декабря 1919 г. был захвачен повстанцами в г. Нижне-Удинске и 7 февраля 1920 года расстрелян по постановлению Сибирского Ревкома.

На юге гражданская война была начата непосредственно после Октябрьской революции бежавшими на Дон генералами Корниловым и Калединым. На их сторону стала Украинская Центральная Рада, пропускавшая в помощь генералам казачьи части с фронта.

Таким образом, уже к концу 1917 года советское правительство вынуждено было вести военные действия против контрреволюционного казачества и Украинской Центральной Рады. В феврале 1918 года калединцы были разбиты Красной гвардией, а из Киева восставшими рабочими была изгнана Центральная Рада. Под прикрытием германской армии, занявшей Украину, Центральная Рада в марте 1918 года вернулась к власти, но 20 апреля была разогнана немецкими войсками. Власть была захвачена Скоропадским, избранным на с'езде хлеборобов (представителей крупного землевладения и зажиточного крестьянства) гетманом Украины. Восставший затем генерал Краснов при поддержке оккупационных немецких войск захватил Дон и южную часть Воронежской губернии. После ноябрьской революции в Германии в 1918 году

и ухода немецких войск, Краснов был разбит, а на Украине низложен гетман Скоропадский.

Весной 1919 года начал наступление генерал Деникин, бывший командующий юго-западным фронтом царской армии, сорганизовавший белогвардейскую армию на Северном Кавказе. Недовольство продразверсткой обеспечило ему на первых порах сочувствие и поддержку крестьянства и позволило быстро захватить целый ряд губерний. Вынужденный считаться с настроением крестьян, Деникин 23 марта (5 апреля) 1918 г. выпустил декларацию по земельному вопросу, в которой говорилось, что полностью этот вопрос подлежит разрешению будущих законодательных учреждений, впредь до этого создаются прочные мелкие и средние хозяйства при сохранении прав собственности на землю и при переходе избытков частновладельческой земли к крестьянству путем добровольных соглашений или принудительно, но за плату. Наряду с этим было отменено постановление временного правительства о запрещении сделок по продаже земли, что вызвало сильную земельную спекуляцию и мешало крестьянам получать землю в аренду; 22 — 26 июня был проведен закон о сборе урожая 1919 года, по которому $^1/_3$ всего урожая хлебов и ½ урожая трав передавались владельцам земли, не принимавшим никакого участия в ее обработке, и должны были свозиться крестьянами в указанные места. Такая земельная политика вызвала повстанческое движение крестьян, особенно на Украине. В отношении рабочих как колчаковцы, так и деникинцы широко применяли расстрелы, «показательное» повешение на перекрестках улиц, пытки и проч.; так, при занятии Одессы, в первые же дни было расстреляно около 3.000 человек.

24 марта 1919 г. Деникин опубликовал письмо с изложением своих взглядов на «разрешение рабочего вопроса». Письмо говорило о необходимости «восстановить законные права владельцев фабрично-заводских предприятий», «примирить интересы работодателя и рабочего» и т. п., обещало введение 8-часового рабочего дня. 22 октября 1919 г. Деникин утвердил «положение о профессиональных союзах», по которому рабочим и служащим «предоставлялось право образовывать союзы (общества) для защиты профессиональных интересов своих членов», но «союзы не должны преследовать целей, противных действующим законам». Союзы регистрировались окружными судами и могли быть закрыты по их постановлениям, при чем дела о закрытии союзов могли возбуждаться и «по заявлениям заинтересованных лиц», т. е. фабрикантов. Железнодорожники лишены были права образовывать союзы. Фабзавкомы допускались только на заводах с числом рабочих больше 50, месткомы служащих вовсе не разрешалось организовывать. Задачи союза сводились к обследованию быта, условий труда и нужд членов, представительству их перед учреждениями и лицами, изысканию способов устранения недоразумений с предпринимателями, приисканию работ, оказанию юридической и медицинской помощи, помощи при безработице и устройству благотворительных учреждений. В страховых

комитетах на трех представителей рабочих вводилось по 6—7 представителей помещичье-генеральского правительства. Опубликованные Деникиным правила о проведении 8-часового рабочего дня предусматривали сверхурочные работы, как необязательные, так и обязательные, при чем последние не должны были превышать 400 часов в год (т. е. фактически вводился 9½-часовой день).

Остатки разбитой армии Деникина до осени 1920 года занимали под командованием генерала Врангеля Крым, помогая своими выступлениями польским войскам во время войны РСФСР с Польшей в 1920 году.

На северо-западе и севере советских республик оперировали белогвардейцы — Юденич и «северное правительство Чайковского», поддерживавшееся французскими и английскими войсками.

Начав, под прикрытием английских боевых судов в мае 1919 года, наступление на Петроград, Юденич потерпел жестокое поражение, а к ноябрю был окончательно разбит. Под напором Красной армии англо-французские оккупанты оставили север, и в феврале 1920 года правительство Чайковского бежало.

К 1921 году все белогвардейские армии были ликвидированы, был уничтожен ряд мелких контрреволюционных бандитских движений (атамана Махно на Украине, генерала Балаховича в Белоруссии и др.), а в 1922 году с уходом японских оккупационных войск советская власть установилась и на Дальнем Востоке. Гражданская война закончилась. (Стр. 86, 195, 225).

[40]) Здесь имеется в виду вопрос о создании единого тарифа, обсуждавшийся в ноябре 1923 года на специальном совещании при ОТЭ ВЦСПС с участием представителей ЦК союзов, ГСПС, областных бюро и губотделов. По проекту ОТЭ ВЦСПС в основу единого тарифа должна была быть положена, главным образом, квалификация работника (определяемая точностью исполняемой работы и временем, необходимым для обучения) и отчасти стоимость рабочей силы на рынке труда. Как пример недочетов существующей тарификации — в докладе ОТЭ приводился факт, когда конторский персонал был отнесен к 9 разряду, а квалифицированные рабочие к 7—8, тогда как в довоенное время заработок квалифицированного рабочего превышал вдвое заработок конторщика. Совещание одобрило предложенное построение единого тарифа по 17-разрядной сетке на основе квалификации, с поправками на ценность рабочей силы на рынке труда, и на условия труда (вредность, тяжесть и т. д.); совещание предложило понизить конторский и хозяйственный персонал в разрядах, выравняв плату по-довоенному соотношению с высококвалифицированными рабочими. Единый тариф должен был быть введен постановлением Наркомтруда, как минимум и нормальное положение для работы союзов. Одновременно с опубликованием единого тарифа было решено пересмотреть разбивку по разрядам с тем, чтобы введение тарифа не привело к понижению средней реальной зарплаты.

ОТЭ было поручено издать с утверждения Президиума ВЦСПС циркуляр о значении единого тарифа (отчет о совещании опубликован в газете «Труд», № 265, от 23/XI 1923 г.).

В процессе работы выяснилось, что тариф для всех производств занял бы до 20 томов, что для одного ОТЭ ВЦСПС осуществить было бы непосильно. Поэтому было решено, что для каждой отрасли хозяйства тариф разрабатывается ЦК соответствующего союза по согласовании с ОТЭ ВЦСПС. (Стр. 101).

[41]) Драгомиров М. И. — родился в 1830 г., умер в 1905 г. Был командующим войсками Киевского военного округа, а затем Киевским, Подольским и Волынским генерал-губернатором. Смотрел на солдата, как на «святую серую скотинку». (Стр. 102).

[42]) В прениях по докладу тов. М. П. Томского на V Петроградском губернском с'езде профсоюзов (17 декабря 1923 г.) приняли участие, между прочим, следующие делегаты,— их выступлений тов. М. П. Томский касался в своем заключительном слове.

Тов. Рывкин утверждал, что доклад тов. Томского носил только информационный характер — не было указаний «каким путем» выполнять решения с'ездов; в частности доклад не коснулся культурно-просветительной работы и охраны труда. Он говорил, что фабзавкомы перегружены выдачей справок и удостоверений, заполнением анкет и проведением кампаний. Нет согласованности у ЦК союзов, ВЦСПС и губпрофсоветов по вопросу о возврате членских взносов выбывающим членам касс взаимопомощи.

Тов. Шейбухов указывал, что в летних забастовках виноваты не профсоюзы, а бедность государства и низкая, несвоевременно выплачиваемая, зарплата. Заседания пленумов правлений, по его словам, нельзя устраивать часто, как рекомендует тов. Томский, так как в правления входят и иногородные члены.

Тов. Гаврилов говорил — «завком более всего похож на меньшевика, которого стегают и сверху и снизу... рабочие — за то, что он не проводит в жизнь коллективного договора... товарищи из вышестоящих организаций — за то, что мы плохо смотрим за основной работой профсоюза». Первое происходит потому, что ЦК заключил договор с НКПС, не считаясь с возможностями, имеющимися у НКПС, а второе — вследствие загруженности завкома работой (по 6.000 удостоверений в месяц). Фабзавкомы не отчитываются перед массой; вышестоящие организации не учат, как вести работу. Профорганы должны обратить серьезное внимание на кооперативы, которые являются как бы отделами снабжения при профсоюзах.

Тов. Гордон доказывал, что в работе ВЦСПС есть пробелы; во-первых, слишком резко разграничение профсоюзных и хозяйственных задач, в статьях «Труда» нет достаточной об'ективности в оценке нашего положения в промышленности, создается впечатление, что вопрос ставится в плоскости «крой хозяйственников!», отсюда на местах отрыв союзов от хозяйства. ВЦСПС, по его мнению, должен был

раньше начать кампанию за смыкание «ножниц». ВЦСПС за два года не мог дать образцового «европейского» коллективного договора; говорят, что у нас колдоговор из 157 пунктов, а руководящий орган должен бы показать на деле, как его изложить в 27 пунктов. Гордон утверждал, что фабзавкомы будут и должны заниматься бытовыми вопросами — будь то браки, крестины, дрова, трамвайные талоны; если фабзавком не будет помогать рабочему в быту, то он своей роли не выполнит. Тов. Томскому, говорил он, следует заглянуть в свой аппарат, так как присланной ВЦСПС формой финансовой отчетности нельзя пользоваться. (Стр. 110).

[43]) Центральный Институт Труда (ЦИТ) учрежден в 1920 году. Цель его — изучение трудовых процессов, выработка на основе этого изучения рациональных приемов работы, массовая ускоренная подготовка квалифицированных рабочих и инструкторов как по обучению рабочих, так и по организации производства. Начав с двух главнейших в металлопромышленности операций, «рубки зубилом» и «опиловки», ЦИТ распространил свою деятельность и на деревообрабатывающую и текстильную промышленность, подготовил 1.000 инструкторов, работающих в различных пунктах СССР, провел свою методику в школах фабзавуча, организовал отделения ЦИТ в 7 различных городах. Для использования достижений ЦИТ на коммерческих началах в 1923—1924 годах создано акционерное общество «Установка», проведшее к 1925 году работы по рационализации в 66 предприятиях и учреждениях, давшие значительную экономию; с его помощью ЦИТ проводит по заказу Наркомтруда подготовку 10.000 квалифицированных рабочих из числа безработных. В 1924 году ЦИТ принимал участие в международном конгрессе по научной организации труда в Праге. Работы ЦИТ вызвали большой интерес за границей и попытки применить его методику там.

Упоминаемый в заключительном слове тов. Томского А. С. Лабутин в то время заведывал Ленинградским Институтом Труда являющимся отделением ЦИТ. (Стр. 111, 154).

[44]) Речь идет о циркуляре № 586 от 22/XI — 1923 г. «Всем профессиональным и хозяйственным организациям», подписанном зампред. СТО и председателем ВСНХ тов. А. И. Рыковым и председателем ВЦСПС тов. М. П. Томским. Циркуляр этот, указывая, что тяжелое положение промышленности осложнено кризисом сбыта, выдвигал как основную очередную задачу снижение себестоимости и цен и призывал профессиональные органы проявить максимум инициативы в борьбе с недостатками хозяйствования: нерациональным использованием рабочей силы, сырья, топлива и вспомогательных материалов, перегрузкой предприятий непроизводственными рабочими и обслуживающим аппаратом и чрезмерными накладными расходами. Для этого циркуляр считал необходимым обеспечить союзам полную осведомленность о состоянии и работе хозорганов, при полном невмешательстве их в административно-хозяйственную деятельность. В этих целях

предлагалось администраторам делать доклады на общих и делегатских собраниях рабочих и заседаниях правлений союза, с освещением не только производственной, но и финансово-коммерческой стороны дела, не отговариваясь коммерческой тайной; привлекать завкомы к участию в технических совещаниях и к работе экстренных и постоянных ревизионных комиссий; передать союзным органам копии отчетов, посылаемых по административной линии, при чем профессиональные органы в случае несоответствия данных отчета действительности должны были требовать об'яснений администрации и при неудовлетворительности последних сообщать вышестоящим органам по союзной и административной линиям. Циркуляр указывал, что опыт пополнит рекомендуемые им меры, а борьба с бесхозяйственностью укрепит промышленность и хозяйство страны. (Стр. 122).

[45]) Циркуляр председателя ВЦСПС тов. М. П. Томского и председателя ВСНХ тов. П. А. Богданова всем союзным и хозяйственным организациям «О ближайших задачах профсоюзов и хозорганов в области регулирования труда» был опубликован 24 марта 1923 г. В нем ВЦСПС и ВСНХ констатировали, что зарплата поднялась, в среднем, до 50—60% довоенного уровня, но тяжелая промышленность в этом отношении отстала. Под'ем произошел за счет, главным образом, роста производительности труда; под'ем производительности лишь частично оздоровил хозяйство. Он сводится на-нет бесхозяйственностью, большими накладными расходами, перегрузкой предприятий излишними штатами. Хозорганам и союзам надлежит поэтому усилить свое внимание к вопросам организации хозяйства. На ближайший период перед союзами стоит задача лишь подтягивания зарплаты отставших отраслей, дальнейшее же общее повышение может иметь место при улучшении организации хозяйства и улучшении его положения; союзы должны оказать в этом полную и безоговорочную поддержку хозорганам, гарантируя за максимально достаточную зарплату соответственно максимально технически возможную норму выработки. Далее, циркуляр подтвердил необходимость скорейшего перехода на чисто денежную оплату труда, указав, что накладные расходы на зарплату (содержание завкома, соцстрах и т. д.) не могут рассматриваться как часть зарплаты рабочего; предлагал произвести передачу содержимых союзами школ Наркомпросу и ограничить в связи с этим отчисления хозорганов на культработу минимумом (примерно 1%). В заключение циркуляр подчеркивал, что важнейшей задачей в области охраны труда является не установление в колдоговорах невыполнимых норм сверх Кодекса Законов о Труде, а фактическое проведение в жизнь самого Кодекса. (Стр. 122).

[46]) Под названием «ножниц» известно расхождение цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты, наступившее в 1923 г. Если принять за 100 уровень цен на промышленные и сельскохозяйственные товары в сентябре 1922 г., то на 1 октября 1923 г. цены промышленных товаров поднялись до 172, а сельскохозяйственных упали

до 54. Продавая подешевевший хлеб, крестьянин мог купить значительно меньшее количество подорожавших продуктов промышленности (из всей проданной продукции $^{7}/_{10}$ продано в город и только $^{3}/_{10}$ в деревню), значительная часть товаров осталась на складах фабрик, получился кризис сбыта. Понижение хлебных цен было вызвано тем, что сельское хозяйство было дезорганизовано гражданской войной меньше, чем промышленность, и начало восстанавливаться быстрее ее, сравнительно хорошим урожаем 1922 г. и увеличением предложения хлеба крестьянством на рынке. Спрос же на хлеб повысился мало, так как не было вывоза хлеба за границу. С другой стороны, удорожание промышленных товаров вызывалось неорганизованностью заготовок, повлекшей за собою удорожание сырья, употреблением на топливо сырых дров (вследствие чего топливо обходилось дороже и т. д.). Производительность труда повышалась медленнее, чем заработная плата, поэтому на каждый рубль зарплаты вырабатывалось меньше товара; накладные расходы были выше довоенных, вследствие, главным образом, неполной нагрузки предприятий: тресты и синдикаты делали большие накидки на себестоимость товара (высокие отпускные оптовые цены), стремясь к получению большей прибыли для ускорения восстановления промышленности. «Ножницы» лишали крестьянство возможности покупать сельскохозяйственные машины и промышленные товары, останавливали развитие промышленности и тем самым грозили сорвать хозяйственное строительство и смычку крестьянства с рабочим классом. Для борьбы с «ножницами» государство организовало сбыт излишков хлеба за границу, предписало трестам снизить оптовые цены на промышленные товары, устранило лишние аппараты, провело ряд мер по налаживанию работы кооперации, заготовок, сокращению накладных расходов и тем снизило розничные цены. В декабре 1923 года промышленные цены понизились до 152, сельскохозяйственные повысились до 69, а к середине 1924 г. «ножницы» 1923 года были полностью ликвидированы. (Стр. 122).

[47]) II С'езд Советов СССР открылся 26 января 1924 г. Присутствовало 1.500 делегатов с решающими и 584 — с совещательными голосами. Из них коммунистов — 90%, беспартийных — 10%; рабочих — 49%, служащих — 25%, крестьян — 26%.

С'езд, открывшийся на пятый день после смерти Ленина, постановил об'явить 21 января днем траура, сохранить тело Ленина в склепе, поставить памятники Ленину во всех столицах, входящих в Союз республик, а также в Ленинграде и Ташкенте, переименовать Петроград в Ленинград, организовать фонд имени Ленина для помощи беспризорным, поручить Институту Ленина выпустить общедоступное издание его сочинений и полное научное собрание их, и обратился ко всем трудящимся с призывом продолжать начатую под руководством Ленина борьбу за раскрепощение трудящихся.

Из решений с'езда следует отметить постановления о введении единого сельхозналога, взимаемого в золотом исчислении вместо

натуральных единиц, о проведении денежной реформы и учреждении центрального сельскохозяйственного банка для содействия восстановлению сельского хозяйства.

Ко времени с'езда относится получение советским правительством ноты английского рабочего правительства Макдональда о признании СССР де-юре. С'езд, высказав удовлетворение по этому поводу, поручил Наркоминделу предпринять соответствующие шаги. (Стр. 126).

[48]) В статье «О кооперации» Ленин указал на то совершенно исключительное значение, которое приобретает после завоевания власти рабочим классом кооперирование населения и особенно крестьянства.

Планы старых кооператоров о мирном переходе к социализму с помощью кооперации были утопией, так как не учитывали классовой борьбы и задачи завоевания рабочим классом политической власти. «Кооперация в обстановке капиталистического государства, — писал Ленин, — является коллективным капиталистическим учреждением». Совершенно иное положение создалось после перехода государственной власти в руки рабочих и всех средств производства — в руки государства; кооперативные предприятия «не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу», «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией, — это есть строй социализма». Вместе с тем, кооперация дает возможность «перехода к новым порядкам путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина*» (курсив Ленина), «так, чтобы *всякий* мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении».

Ленин предлагал «поставить кооперацию политически так, чтобы не только кооперация вообще и всегда имела известную льготу, но чтобы эта льгота была чисто преимущественной льготой (высота банкового процента и т. п.)». «Надо, — писал он, — ссужать кооперацию такими государственными средствами, которые хотя бы на немного, но превышали те средства, которые мы ссужаем частным предприятиям вплоть хотя бы до тяжелой промышленности и т. д.» «Под этой поддержкой недостаточно понимать поддержку любого кооперативного оборота, — под этой поддержкой надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, *в котором действительно участвуют действительные массы населения*» (курсив Ленина). Давать премию тому крестьянину, который участвует в кооперативном обороте, это — формула безусловно верная, но при этом проверять это участие и проверять его сознательность и его доброкачественность, — вот в чем гвоздь вопроса». «Собственно говоря, нам осталось «*только*» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды поголовного участия в кооперации и наладило это участие. «Только» это. Никакие другие

премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму». «Нэп в этом отношении представляет собою в том отношении прогресс, что он приноравливается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что он не требует от него ничего высшего. Но чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения,— вот для того требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия. Но все-таки это будет особая историческая эпоха, и без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками, и без материальной основы этого, без известной обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т. д.,— без этого нам своей цели не достигнуть». «У нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству. Перед нами являются две главные задачи, составляющие эпоху. Это — задача переделки нашего аппарата, который ровно никуда не годится и который перенят нами целиком от прежней эпохи»; «вторая наша задача состоит в культурной работе для крестьянства. А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себя такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции». (1) «Правда» № 115, 26 мая 1923 года. 2) Собр. соч. Ленина, изд. 1923 г., т. XVIII, ч. II, стр. 139—145). (Стр. 147).

[49]) Август Бебель, родился в 1840 г. в Кельне (Германия); сын фельдфебеля прусской армии; рабочий-токарь. Общественную работу начал в начале 60-х годов в культурно-просветительных рабочих организациях. Первое время находился под влиянием идей либеральной буржуазии, боровшейся в то время с реакционно-помещичьим прусским правительством и пытавшейся опереться в этой борьбе на пролетариат. Поняв вскоре, что пролетариату не по пути с буржуазией, Бебель, под влиянием Вильгельма Либкнехта, пришел к научному социализму. В 1863 г. по его инициативе и под его руководством созывается с'езд германских рабочих общества самообразования, послуживший основой образования соц.-дем. партии, об'единившейся в 1875 г. с основанным Лассалем «Германским Рабочим Союзом».

С 1868 г. — депутат германского парламента, где разоблачает тактику буржуазных партий. Во время франко-прусской войны 1870 г., вместе с Вильгельмом Либкнехтом (отцом Карла Либкнехта), голосует против военных кредитов и протестует против насильственного присоединения Эльзас-Лотарингии к Германии, за что приговорен к 2 годам крепости. Позже неоднократно подвергался тюремному заключению и высылке. После об'явления в 1878 году соц.-дем. партии вне закона, руководит нелегальной работой партии. С середины девяностых годов

участвует в международных социалистических конгрессах, являясь виднейшим участником международного социалистического движения. Наиболее известны его работы: «Женщина и социализм» и «Из моей жизни». Умер перед империалистической войной, в 1913 году. (Стр. 155).

[50]) Карл Каутский — теоретик германской социал-демократии и II Интернационала, экономист и историк. Родился в Праге в 1854 г. В конце 70-х годов минувшего столетия стал марксистом. Написал ряд блестящих работ («Эрфуртская программа», «Экономическое учение Карла Маркса»), в которых дал популярное изложение основ революционного марксизма. В своей книге — «Этика и материалистическое понимание истории» Каутский дал впервые марксистское об'яснение сущности и развития нравственности. Каутский дал ряд крупных теоретических работ, содержащих революционную критику попыток пересмотра (ревизии) марксизма (книги: «Анти-Бернштейн», «Социальная революция», «Путь к власти» и др.).

С 1910 года, на конгрессах герм. соц.-дем. партии и II Интернационала, Каутский начинает выступать с резолюциями, в которых старается примирить правое и левое крыло социал-демократии. С этого момента он все более и более склоняется к правому крылу. Во время империалистической войны Каутский пытался теоретически примирить принципы обороны буржуазного отечества с пролетарским интернационализмом. В момент раскола германской социал-демократии он примкнул не к левой ее группе — спартаковцам, а к центристской — независимцам. После Октябрьской революции в России, Каутский выступил с критикой советской системы и в защиту буржуазной демократии. В 1918 г. К. примкнул к правому крылу соц.-демократии. (Стр. 155).

[51]) Во время VII С'езда II Интернационала в Штуттгарте в 1907 г. состоялась первая международная женская социалистическая конференция, постановившая призвать женщин-пролетарок к борьбе за всеобщее избирательное право вместе со всем рабочим классом. 28 февраля 1909 г. работницы Северной Америки устроили ряд демонстраций и митингов с требованием политических прав для пролетарок. Фактически это был первый «женский день». Летом 1910 г. состоявшаяся в г. Копенгагене вторая международная женская конференция в числе других разрешила вопрос об установлении постоянного общения между работницами различных стран и постановила проводить ежегодно 19 марта «день работницы» в международном масштабе, путем устройства демонстраций, митингов и выпуска литературы. В 1913 г. празднование было перенесено на 8 марта. В России «день работницы» впервые был проведен в Петербурге в 1913 году, при чем для обмана полиции митинг был собран под названием «платного научного утра по женскому вопросу» (5 коп. за вход). В 1914 году уже издавался журнал «Работница» и, несмотря на арест организаторов, митинги и демонстрации состоялись не только в Питере, но и в ряде других городов (Самара, Саратов, Иваново-Вознесенск, Москва, Киев). В годы империалистической войны — 1915 и 1916 — день работницы удалось провести лишь

в нейтральных странах; но в 1917 г. работницы Питера вышли в этот день (23 февраля по старому стилю) на улицы с лозунгами «хлеба, мира и свободы» и «возвращения мужей из окопов». Эти выступления явились началом февральской революции. После Октябрьской революции 8 марта в СССР является днем подсчета годичных достижений в деле раскрепощения женщин-работниц и намечения работы на следующий год. (Стр. 164).

[52]) I Всероссийская Конференция агрономов состоялась 8—9 марта 1924 г. На конференции присутствовало 111 делегатов, из них с решающими голосами 87, с совещательными — 24. На повестке дня стояли следующие вопросы: 1) задачи всеработземлеса и научно-технических секций, 2) организационный вопрос, 3) зарплата и быт агрономов, 4) культпросветработа среди специалистов, 5) рост и значение научно-технических секций в агрономической работе, 6) научно-технические секции всеработземлеса и плановая работа, 7) текущие дела, 8) выборы всероссийского секретариата секций агрономов всеработземлеса.

Конференция постановила признать необходимой организацию самостоятельной секции агрономов при союзе всеработземлеса. Она признала нежелательным и вредным для дела параллельное существование каких-либо иных агрономических обществ, преследующих профессиональные или общественно-производственные цели, а также— необходимость, чтобы агрономы активно работали в союзе.

По докладу тов. М. П. Томского конференция единогласно приняла следующую резолюцию: «Приветствуя в лице М. П. Томского Всероссийский Совет Профессиональных Союзов, I Конференция агрономов всеработземлеса заявляет от имени всех участников, что агрономы вместе со всем организованным пролетариатом строят и будут строить новую Советскую Россию в Союзе Социалистических Республик. Приняв к сведению с удовлетворением заявление председателя ВЦСПС о постановке на предстоящем Всероссийском с'езде союзов вопроса об усилении всеработземлеса, Конференция надеется, что при постановке вопроса об усилении союза в целом будет также уделено внимание и части союза — агрономам, их материальному и бытовому положению. Да здравствует ВЦСПС и всеработземлес!» (Стр. 165).

[53]) Фашизм — контрреволюционное буржуазное движение, представляющее собою крайнюю — террористическую форму борьбы буржуазии за свою диктатуру против движения рабочего класса. Свое название фашизм получил от итальянского слова фашио (союз). Так, в Италии назвали себя первые боевые дружины, созданные в 1918 г. бывшим социалистом Бенито Муссолини для защиты «порядка и собственности». После неудачных попыток итальянских рабочих захватить в 1922 г. фабрики, фашистские дружины получили поддержку со стороны буржуазии. В 1922 г. фашисты предприняли поход на Рим, свергли там парламентское правительство и установили диктатуру

своего вождя — Муссолини. Фашистские организации, сходные с итальянскими, формировались и в других странах, и фашизм стал международным явлением. Его вооруженную силу составляет деклассированная военщина. Путем демагогической агитации руководители фашизма вербуют себе сторонников в рядах средней и мелкой буржуазии, а также в наиболее отсталых слоях рабочего класса. Фашисты ведут пропаганду за «национальные интересы» против интернационализма, за «единство нации» против классовой борьбы, за «свободное соревнование дарований» против социализма и коммунизма. Фашисты борются за отмену буржуазной демократии и парламентаризма, не стесняясь при этом никакими средствами, пуская в ход поджоги, погромы, истязания и убийства. Они громят политические, профессиональные, кооперативные, культурно-просветительные организации рабочего класса. После фашистского переворота в Италии, последовали такие же перевороты в Болгарии (июль 1923 г.), Испании (сентябрь 1923 г.), Польше (май 1926 г.), Литве (декабрь 1926 г.). Но даже и там, где дело не дошло до открытого переворота, правительства буржуазных стран явно или тайно поддерживают фашистские организации и опираются на них в борьбе с рабочим классом. (Стр. 168, 225).

[54]) Инженеры, как и другие специалисты, имели в до-революционное время ряд организаций преимущественно научного характера, лишь отчасти ставивших перед собою профессиональные задачи. Таковы были Политехническое Общество в Москве с кассой взаимопомощи и бюро труда и Русское Техническое Общество с центром в Петербурге и отделом в Москве. С 1919 года инженеры и техники, состоя членами соответствующего производственного союза, входят в местные инженерно-технические секции этого союза, которые, в свою очередь, об'единяются в Центральном Бюро при ЦК своего союза и через него во Всесоюзное Межсекционное Бюро Инженеров и Техников (ВМБИТ) при ВЦСПС. Инженерно-технические секции имеются при союзах: металлистов, горняков, строителей, химиков, коммунальников, железнодорожников, совработников, текстильщиков, водников, всеработземлеса, сахарников, деревообделочников и нарсвязи. Цель таких секций — содействие лучшему обслуживанию союзом специфических нужд и интересов инженеров и техников, развитие среди них большей профессиональной активности, выявление самодеятельности и привлечение к активному участию в экономической работе союза. Секции являются частью союзной организации и работают под руководством и контролем союзных органов. (Стр. 171).

[55]) V С'езд союза рабочих пищевой и вкусовой промышленности СССР состоялся 24—30 мая 1924 г. На с'езде присутствовали 301 делегат (из них членов и кандидатов ВКП(б) и комсомольцев — 282), представлявшие свыше 271.000 членов союза.

Повестка дня: 1) отчет о работе ЦК и доклад ревизионной комиссии, 2) тарифно-экономический вопрос, 3) организационный,

4) культработа, 5) о положении пищевкусовой промышленности и 6) международное положение.

С'езд подтвердил решение ЦК о выходе из международного комитета пропаганды пищевиков в виду принятия союза в международное об'единение и вместе с тем подчеркнул, что выход из комитета не должен рассматриваться как сдача революционных позиций; «внутри международного об'единения союз должен неуклонно отстаивать позицию Красного Профинтерна и добиваться приема в об'единение всех союзов пищевиков, ведущих революционно-классовую борьбу за свержение капитализма».

С'езд постановил организовать в уездах с числом членов союза менее 150 районные фабзавкомы на правах уездных отделений, а мелкие предприятия соединять в групповые комитеты, оставляя самостоятельные месткомы в предприятиях, насчитывающих более 50 членов.

Указав на возможность увеличения зарплаты лишь в зависимости от повышения производительности труда, с'езд предложил при всяком повышении зарплаты иметь в виду снижение себестоимости продукции. (Стр. 173).

[56]) Источником разногласий по вопросу о кассах взаимопомощи послужило неясное разграничение роли и функций фонда и касс взаимопомощи. Пункт 50 резолюции V С'езда по организационному вопросу гласил: «Образование фондов или касс взаимопомощи допускается исключительно из взносов и отчислений членов союза, а равно и специальных поступлений. Союзы, по постановлению своих всероссийских с'ездов, имеют право создавать центральные фонды во всероссийском масштабе. При создании центрального фонда все местные фонды сливаются с единым фондом. Вполне допустима при существовании фонда взаимопомощи организация касс взаимопомощи».

Практика работы показала ошибочность такого подхода и вопрос о кассах взаимопомощи явился важнейшим пунктом в решениях III Пленума ВЦСПС (12—17 апреля 1923 г.). Спор шел о том, сосредоточить ли внимание на кассах или фондах и могут ли участвовать в кассах взаимопомощи не-члены союза. Пленум подчеркнул, что «союзные фонды создаются в целях усиления определенных областей работы» и «составляются из отчислений от получаемых членских взносов (двупроцентных) и добровольных отчислений» и находятся в распоряжении союзных органов. Касса же взаимопомощи «является добровольной организацией, создаваемой членами союза для оказания устанавливаемых видов помощи. Вступление в кассу является делом каждого члена союза и происходит в порядке персональной записи». Обязательность членства в кассе недопустима. «Средства кассы составляются из вступительных и членских взносов участников кассы. Руководит делами кассы правление, избираемое всеми участниками последней. Союз оставляет за собой право ревизии и контроля всех дел кассы... Вопрос о приеме в члены кассы не-членов союза надо

рассматривать исключительно с точки зрения возможности привлечения в союз отсталой части пролетариата, до сего времени по каким-либо причинам стоящей вне союза. Поэтому вполне допустим прием в члены касс рабочих и служащих и не-членов союза».

Увлечение созданием фондов при неокрепших еще финансах союзов Пленум признал неправильным. (Стр. 173).

[57]) I Интернационал, созданный в 1864 году, в 1876 году прекратил свое существование. Основание II Интернационалу было положено на международном конгрессе социалистических партий в июле 1889 г. В новом Интернационале с самого его основания шла борьба за влияние между левым, революционным, крылом и правым, оппортунистическим. Оппортунисты склонны были весьма переоценивать значение отдельных уступок, даваемых буржуазией время от времени рабочему классу, и недооценивать силы организованного пролетариата. Задачу борьбы за диктатуру пролетариата они подменили задачей завоевания на выборах в парламент возможно большего числа мест. Левое, революционное, крыло II Интернационала, обратив главное внимание на борьбу с анархистскими организациями, не развило достаточной энергии для борьбы с оппортунистическим крылом. Последнее, пользуясь большим влиянием в профессиональном движении, стало усиливаться и влиять на политику II Интернационала. В момент об'явления войны 1914 г. оно было настолько влиятельным, что смогло направить политику всех социалистических партий в духе патриотизма. Эти партии, став на точку зрения «обороны отечества» от внешнего врага, голосовали в парламентах за военные кредиты и стали призывать рабочих к гражданскому миру, т.-е. к прекращению классовой борьбы. II Интернационал распался. С прекращением войны и восстановлением международных связей явилась возможность поставить вопрос о восстановлении II Интернационала. На первую международную конференцию социалистических партий в г. Берне (февраль 1919 г.) явились представители 36 стран. На конференции значительное место в спорах занял вопрос о виновниках войны. Однако, под влиянием Октябрьской революции и вызванной ею в мировом пролетариате тягой к международному об'единению, конференция, несмотря на эти споры, вынуждена была восстановить Интернационал. За основу программы было взято положение, что «подлинное развитие социализма возможно лишь в условиях демократического строя» и что «опаснее всего были бы попытки диктатуры, опирающейся на часть пролетариата». Таким образом, II Интернационал возобновил свою деятельность, как орган борьбы против пролетарской революции и коммунистических партий. На конгрессе в августе 1919 г. в г. Люцерне большинство высказалось за одобрение Версальского договора, навязанного державами-победительницами Германии и ее союзникам, приняв лишь пожелание об «исправлении некоторых статей». В своей дальнейшей деятельности II Интернационал держал курс на мирное сотрудничество пролетариата с буржуазией и на поддержку Лиги Наций, созданной буржуазией победивших стран для закрепления

Версальского договора. На Марсельском конгрессе, в августе 1925 г., по настоянию бельгийской делегации было снято весьма умеренное предложение английских делегатов (о кампании с целью пересмотра мирных договоров, отмены выплаты контрибуции побежденными государствами и взаимного отказа от военных долгов). В некоторых случаях деятели II Интернационала, считаясь с ростом революционных настроений в рабочих массах и боясь потерять на них влияние, выступали в тон с этими настроениями. Так, например, на Римском международном конгрессе профессиональных союзов, в апреле 1922 года, они даже вынесли предложение об об'явлении всеобщей забастовки в случае возникновения войны. Но на практике во время войн Греции с Турцией, Англии с Афганистаном, Франции с Марокко и при вторжении английских войск в Китай, к этому средству они не прибегали. С 1923 года пост генерального секретаря II Интернационала занимает лидер австрийской социал-демократической партии Фридрих Адлер. Теоретиком II Интернационала является Карл Каутский. (Стр. 184).

[58]) На осенних выборах 1923 г. в английский парламент консерваторы потерпели поражение,— они не получили большинства. Консервативное правительство подало в отставку и, следуя традициям английского парламентаризма, английский король поручил составление правительства Макдональду, вождю наиболее сильной в парламенте оппозиционной партии — Рабочей партии, хотя она также не имела большинства (консерваторы на выборах получили 258 мест, — Рабочая партия — 191 и либералы — 157 мест). Рабочая партия в число своих избирательных лозунгов включила и признание СССР. Поэтому правительство Макдональда вынуждено было 2 марта 1924 г. заявить о признании советского правительства, при чем последнее получило приглашение делегировать своих представителей на англо-советскую конференцию для заключения соглашений, вытекающих из признания, в первую очередь торгового договора. Советское правительство сформировало делегацию, включив в нее, помимо обычного дипломатического представительства, и деятелей профессионального движения СССР. В состав делегации вошли тт.: Литвинов, Томский, Раковский, Преображенский, Шейнман, Стомоняков, Хидыр-Алиев, Ротштейн, Радченко (председатель донецкого совета профессиональных союзов), Кутузов (председатель ЦК союза текстильщиков) и Житков (член ЦК союза железнодорожников).

Конференция открылась в первых числах апреля 1924 г. Она наметила широкую программу работ. По настоянию советской делегации в задачи конференции было включено также обсуждение вопроса о международном рабочем законодательстве. Но на практике вся работа ее свелась только к обсуждению вопроса о торговом договоре. Правительство Макдональда в переговорах с советской делегацией подчинялось воле буржуазии, державшей в своих руках парламентское большинство, хотя и распадавшееся на две партии (консервативную

и либеральную), но единодушное в вопросах, затрагивавших классовые интересы капитала. Конференция затянулась, при чем обе стороны выдвинули ряд претензий друг к другу: англичане настаивали на возмещении убытков, понесенных англичанами от революции в России, и на уплате долгов по займам, заключенным в Англии предшествовавшими правительствами России; представители Советской России в противовес выдвинули вопрос о возмещении англичанами убытков, понесенных СССР от вооруженного вмешательства Англии в гражданскую войну. В результате переговоров представители СССР, в конце концов, согласились удовлетворить в некоторой части претензии английских держателей российских обязательств по довоенным займам, но поставили это согласие в зависимость от предоставления СССР нового займа. В виду несогласия Англии на предложения СССР, к августу 1924 г. появилась угроза разрыва переговоров. Но рабочий класс Англии через свои профессиональные союзы потребовал непременного заключения соглашения. 8 августа правительство Макдональда уступило натиску рабочих и подписало договор о торговле и мореплавании, а также общий договор, при чем вопросы о взаимных претензиях и о займе были оставлены открытыми. Через два месяца правительство Макдональда, после вынесенной парламентом 8 декабря резолюции недоверия правительству, распустило парламент и назначило новые выборы. На этих выборах большинство в парламенте получили консерваторы (402 места против 151 места Рабочей партии и 41 — либеральной). 4 ноября правительство Макдональда подало в отставку. Сменившее его консервативное правительство Болдуина отказалось утвердить заключенные договоры. (Стр. 187).

[59]) Данте Алигиери — величайший поэт средних веков, родился в зажиточной семье в гор. Флоренции (Италия) в 1265 году, умер в эмиграции в гор. Равение в 1321 году. С 24 лет Данте принимал участие в общественно-политической жизни своего города в Большом и Малом Совете, в Совете Ста, в 1300 году был приором, во время гражданской войны он выступил против партии так называемых «черных гвельфов», находившейся в союзе с папой Бонифацием VIII; черные взяли верх, эмигрировавший Данте был заочно приговорен к сожжению, а имущество его было конфисковано.

По политическим взглядам Данте был сторонником отделения власти светской от духовной (отсюда и борьба со стремлением пап сохранить светскую власть). Его крупнейшее произведение «Комедия» (названная после смерти Данте «Божественная Комедия») — представляет собою «видение», во время которого тени римского поэта Виргилия и возлюбленной Данте Беатриче показывают ему Ад, Чистилище и Рай. Распределение по трем этажам «того света» современных Данте деятелей отразило не только личные, но и партийно-политические симпатии поэта. (Стр. 187).

[60]) Сити — древнейшая часть Лондона; в настоящее время место сосредоточения банков, крупнейших фирм — деловой центр,

который диктует свою волю промышленной и торговой жизни Англии и носитель ее империалистических устремлений. (Стр. 187).

[61]) Речь идет об органе английской Рабочей партии «Дейли Геральд», бывшей в то время единственной крупной рабочей газетой. Характерно, что газета партии, собравшей на последних выборах свыше 5 миллионов голосов, вынуждена была в 1924 г. открыть особую кампанию за финансовую поддержку во избежание превращения ее из ежедневной газеты в еженедельную. (Стр. 190).

[62]) Февральская революция. За период 1905—1914 гг. в экономике России произошли следующие изменения. Под влиянием столыпинской политики (выделение крестьян на отруба) увеличился слой «крепких хозяйственных мужиков». Оживление на европейском хлебном рынке и выгодность вывоза хлеба побудили часть помещиков взяться за рациональное капиталистическое сельское хозяйство. В результате этого в сельском хозяйстве усилились капиталистические элементы за счет полукрепостнических, основанных на аренде крестьянством помещичьей земли. В промышленности создались синдикаты и тресты, связанные с банками, усилился приток иностранных капиталов в промышленность и банки, увеличилась организующая роль банков. Эти изменения увеличили экономическое значение буржуазии и усилили ее тягу к власти и ее захватнические стремления во внешней политике. Империалистическая буржуазия выступила с лозунгом создания «Великой России» за счет окружающих стран. Война 1914 г. выявила всю непрочность самодержавного строя. 23 февраля 1917 г. начались забастовки и демонстрации в Петербурге. 27 февраля (ст. ст.) войска перешли на сторону восставших, и 27 февраля Николай II был вынужден подписать отречение от престола. Самодержавие смел короткий стихийный взрыв. Не будучи двигателем революции, империалистическая буржуазия была тем не менее единственной организованной силой. Поэтому в первое время она и овладела властью. Между тем, началась «самоорганизация революционных масс: пролетариата, солдат, крестьян». (Бухарин). 28 февраля в Петрограде организовался Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. 2 марта государственная дума сформировала временное правительство с участием «десяти министров»-капиталистов и «социалиста» Керенского, вошедшего в него вопреки постановлению Исполнительного Комитета Совета. Во главе временного правительства оказался помещик — князь Львов, министром иностранных дел — Милюков — лидер кадетов и сторонник империалистической политики и войны «до победного конца», военный — Гучков, который в 1905 г., будучи московским городским головой, организовал милицию в помощь адмиралу Дубасову, подавлявшему декабрьское восстание, и т. д. Наряду с правительством существовал Совет депутатов (фактически вторая власть), поддерживавший правительство «постольку — поскольку» оно будет действовать в согласии с Советом.

4 апреля приехавший из Швейцарии Ленин выступил с тезисами «О задачах пролетариата в данной революции». В части, касающейся

войны, Ленин высказывался против господствовавшего тогда «революционного оборончества», доказывая, что в условиях грабительской империалистической войны оно является изменой интернационализму.

Он говорил, что революционное оборончество приемлемо только тогда, когда власть перейдет в руки пролетариата.

Политический момент Ленин оценивал следующим образом. В виду недостаточной сознательности и организованности пролетариата, властью завладела буржуазия. Второй этап революции «должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства». Временному правительству же нельзя оказывать никакой поддержки, наоборот, нужно всячески раз'яснять лживость его обещаний.

Как на одну из основных задач тезисы указывали на «раз'яснение массам, что Советы Рабочих Депутатов есть единственно возможная форма революционного правительства», «не парламентарная республика, а Республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов».

Аграрный вопрос Ленин предлагал разрешить конфискацией всех помещичьих земель и национализацией всей земли, передав ее в распоряжение местных Советов.

Тезисы говорили о немедленном созыве с'езда партии, изменении программы, путем пересмотра, главным образом, вопроса об империализме и войне, указывали на необходимость «создания революционного интернационала против социал-шовинистов».

«Апрельские тезисы» сыграли огромную роль в последующей борьбе за власть Советов, послужив основой тактики большевиков.

18 апреля временное правительство послало «союзникам» ноту с подтверждением всех царских договоров о войне. Возмущение масс заставило Милюкова и Гучкова выйти в отставку. 5 мая создалось под председательством князя Львова — главы первого временного правительства — новое коалиционное (т.-е. смешанное, составленное из разных политических партий) правительство. В состав его, кроме буржуазных министров, вошли: меньшевики — Церетелли (министр почты и телеграфа) и Скобелев (министр труда); эсеры — Чернов (министр земледелия) и Керенский (военный министр); народные социалисты — Пешехонов (министр продовольствия) и Переверзев (министр юстиции). Коалиция была создана на платформе выполнения следующей программы: 1) активная работа в пользу мира на основе манифеста Петроградского Совета от 14 марта; 2) регулирование промышленности и финансовая реформа; 3) подготовительные меры к решению земельного и рабочего вопросов; 4) ускорение созыва учредительного собрания. Ни одно из этих требований не было выполнено. Буржуазия начала дезорганизовывать производство, сваливая вину на рабочих и стремясь натравить на них крестьянство и армию; между тем, рабочие стали устанавливать фактический контроль над производством и повели борьбу за улучшение условий труда и заработной платы. Во имя сохранения коалиции с буржуазией социалистическая часть правительства и в частности министерство труда отказывались

поддерживать, как им казалось, чрезмерные требования рабочих и сопротивлялись введению рабочего контроля. Все это скоро убедило передовой пролетариат в правильности позиций большевиков.

3 июня открылся I С'езд Советов, на котором в большинстве оказались меньшевики и эсеры. Поэтому с'езд не изменил линии, взятой Петроградским Советом. Но назначенная с'ездом на 18 июня «процессия на могилу жертв революции» превратилась в демонстрацию с большевистским лозунгом против политики наступления, которое усиленно подготовлялось временным правительством; в тот же день Керенский бросил войска в наступление против немцев, закончившееся поражением.

В связи с неудачей этого наступления и под предлогом несогласия с заключенным министром иностранных дел Терещенко и Церетелли соглашением с «украинской радой» кадеты ушли из правительства. Несмотря на требования рабочих и солдат взять власть в свои руки, ЦИК, избранный на I С'езде Советов, передал неограниченные полномочия Керенскому. Создалось первое правительство Керенского, «независимое от Советов», с участием кадетов (Кокошкин, Юренев, Карташев и др.).

Воспользовавшись наступлением, буржуазия стала организовывать «союзы георгиевских кавалеров», «ударников», «батальоны смерти» и проч. Среди рабочих все более нарастало недовольство. Уход из министерства кадетов, заявивших себя противниками соглашения, заключенного с «украинской радой», дал толчок выступлению масс 3 июля, проходившему под большевистскими лозунгами «Долой 10 министров капиталистов», «Контроль над производством», «Вся власть Советам». К этому времени основная масса крестьянства и крестьянская в большинстве своем армия шли еще за эсерами. Выступление 3 июля было подавлено войсками, вызванными с фронта; Ленин и Зиновьев вынуждены были скрываться. Буржуазия начала травлю большевиков, об'явив Ленина немецким шпионом и обвиняя большевиков в неудаче июньского наступления. С согласия меньшевиков и эсеров правительством были разоружены революционные войска и пролетариат.

Глава временного правительства князь Львов вышел в отставку, и коалиция распалась. Исполнительный Комитет Советов рабочих депутатов передал все полномочия Керенскому, который составил новое правительство с участием кадетов и промышленников (Терещенко, Коновалов, Кишкин и др.) на платформе независимости его от Советов. На фронте была введена смертная казнь. Буржуазия использовала положение для все более явного нажима на пролетариат. Разрешение земельного вопроса откладывали до созыва учредительного собрания. 27 августа верховный главнокомандующий Корнилов, по соглашению с Керенским, двинул войска на Петроград под предлогом якобы готовившегося большевистского выступления, но в последнюю минуту Керенский заколебался. Обманутые корниловские войска отказались повиноваться. Меньшевики и эсеры в советах, поняв, что опасность грозит и им, обратились за содействием

к большевикам. На борьбу с корниловщиной поднялись широкие массы, всюду создавались революционные органы власти. Мятеж был ликвидирован. Корниловское выступление разоблачило в глазах крестьянства и отсталых слоев рабочего класса истинные намерения буржуазии и ошибочность политической линии меньшевиков и эсеров. Поэтому во всей стране начались перевыборы советов, которые дали большинство большевикам. Этот перелом в настроениях рабочих масс, крестьянства и армии и сделал возможным Октябрьский переворот. (Стр. 194).

[63]) П. П. Рябушинский — крупный московский фабрикант и банкир,— выступая на II Всероссийском с'езде промышленников летом 1917 г., указывал, что при возрастающей разрухе промышленности «костлявая рука голода» принудит рабочих к покорности промышленникам. Ставкой на «костлявую руку голода» была вся последующая тактика русской буржуазии, систематически разрушавшей промышленность с целью подготовки свержения советской власти. (Стр. 195).

[64]) К. В. Кирш — профессор Московского Высшего Технического училища, специалист по теплотехнике. К моменту Октябрьской революции был главноуполномоченным по топливу, позднее — председателем топливного комитета Московского политехнического общества, которым в 1919 году и было издано в виде отдельной брошюры воззвание в связи с топливным кризисом. Умер в 1920 г. (Стр. 196).

[65]) Послевоенное введение твердой валюты. Переход к нэпу означал переход от натурального хозяйства эпохи военного коммунизма к хозяйству денежному, что требовало, в свою очередь, замены все более и более обесценивающихся совзнаков твердой валютой. Причиной падения ценности бумажных денег было то, что расходы государства превышали его доходы и недостаток (дефицит) бюджета покрывался новыми выпусками денежных знаков, не обеспеченных золотом. Задачи укрепления валюты сводились к составлению бездефицитного бюджета (такого бюджета, где расходы не превышают доходов). Бюджет 1922/23 хозяйственного года был составлен с дефицитом в 500 миллионов золотых рублей, транспорт и тяжелая промышленность требовали больших средств для своего укрепления. Первым шагом, подготовлявшим денежную реформу, явилось постановление ВЦИК об ограничении эмиссии 30 миллионами рублей в месяц. Бюджет следующего 1923/24 г., при общем росте доходов был сведен с меньшим дефицитом, и в феврале 1924 года явилась возможность приступить к проведению денежной реформы. 5 февраля был издан декрет о выпуске казначейских билетов, являвшихся разменными знаками по отношению к твердо стоявшему червонцу; 22 февраля — декрет о чеканке и выпуске серебряной и медной монеты советского образца и 7 марта — декрет о выкупе всех обращавшихся совзнаков по курсу один червонный рубль = 500.000 руб. знаками 1922 г., или 500 миллиардов советских рублей, и полной замене их твердой валютой. Бюджет 1924/25 г. уже сведен

без новой эмиссии бумажных денег. Процесс замены эмиссии в государственном бюджете нормальными доходами иллюстрируется следующей таблицей:

Поступления в госбюджет в миллионах рублей:

	1921/22 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
От налогов и пошлин	450	407	666	1.069
Гос. имущества и предприятия.	199	450	838	1.666
Кредитные операции	1	82	217	141
Эмиссия (включая и выпуск серебряной и медной монеты с 1924 г.). . . .	350	394	196	80

Стабилизация — приведение в устойчивое положение — валюты в ряде буржуазных государств произошла в течение 1924—25 г. Великобритания, Южная Африка, Австралия и не участвовавшие в войне Швеция, Голландия и Швейцария подготовили, а некоторые из них и ввели в этот период золотое обращение. Германия, Польша, Австрия и Венгрия стабилизировали бумажную валюту. Французский же и бельгийский франки и итальянская лира продолжали, хотя и с меньшей быстротой, падать. Лишь в 1925 г. началось повышение курса лиры; франк же стабилизировался лишь к 1926 — 27 году. (Стр. 197, 280).

[66]) Речь идет о бывшем «великом князе» Кирилле Владимировиче, эмигрировавшем за границу, ведущем там с другим бывшим «великим князем» Николаем Николаевичем спор о правах на «российский престол» и с согласия группирующихся вокруг него белогвардейских эмигрантов провозгласившем себя «императором всероссийским». (Стр. 199).

[67]) VI Съезд Профессиональных Союзов СССР состоялся 11 — 18 ноября 1924 г. На съезде присутствовало 858 делегатов с решающими и 197 с совещательными голосами, всего 1.055 человек, представлявших 6.367.000 членов профессиональных союзов. По партийной принадлежности: членов РКП — 1.008, кандидатов — 28, РЛКСМ — 6 и беспартийных — 13.

Порядок дня съезда: 1) отчет ВЦСПС (Томский и Догадов); 2) отчет ревизионной комиссии (Львов); 3) отчет Наркомтруда (Шмидт); 4) экономическое положение СССР (Рыков); 5) тарифно-экономическая работа союзов (Владимиров); 6) организационная работа союзов (Яглом); 7) культработа (Сенюшкин); 8) III Конгресс Профинтерна и задачи международного профессионального движения (Лозовский); 9) очередные задачи рабочей кооперации (Сахаров); 10) выборы.

В это время перед страной стояли задачи накопления средств для дальнейшего развития промышленности и дальнейшего удешевления промышленной продукции в целях укрепления союза с крестьянством, что, в свою очередь, требовало повышения производительности

труда. Для разрешения этой задачи с'езд указал два ряда мероприятий в направлении, с одной стороны, «организационно-хозяйственных улучшений в промышленности» (полная загрузка предприятий, улучшение управления, технического оборудования, упрощение ассортимента изделий, сокращение накладных расходов, экономия материалов и топлива и т. п.), с другой — в направлении увеличения интенсивности труда (полное использование рабочего дня, неограниченная сдельщина, твердые нормы выработки, борьба с прогулами, контроль за качеством изделий).

С'езд признал необходимым в целях усиления «влияния союзов на крестьянство» усилить работу союзов в деревне. Он решил, что «одной из основных задач этой работы является организация батрачества в профессиональный союз», и предложил всем местным союзным органам «оказывать поддержку всеработземлесу средствами и работниками», «обслуживать сезонных рабочих не только во время их работы на предприятии, но и, по возможности, по возвращении их в деревню», а также «уделять серьезное внимание работе в деревне и другим союзам, имеющим в ней значительные кадры работников (рабпрос, всемедикосантруд, совработники, пищевики и другие)». Для направления этой работы было решено образовать при ВЦСПС комиссию из представителей союзов, наиболее соприкасающихся с деревней.

В целях установления единства мирового профессионального движения для борьбы с начавшимся наступлением капитала, с'езд единогласно одобрил заявление президиума, сделанное после совещания с присутствовавшей на с'езде делегацией английского Генерального Совета тред-юнионов и совпадавшее с из'явленной Профинтерном готовностью «прекратить обособленное профессиональное существование, если будет собран на справедливых началах всемирный конгресс профсоюзов, на котором будут представлены профессиональные организации, примыкающие теперь к Профинтерну и к Амстердамскому об'единению».

В качестве первых практических шагов на пути к этой цели с'езд единогласно принятой резолюцией уполномочил ВЦСПС на образование, совместно с Генеральным Советом британских тред-юнионов Англо-Русского Комитета для борьбы за единство и на принятие «всяких иных мероприятий, которые ВЦСПС найдет необходимыми в интересах единства международного профдвижения».

Этот с'езд подчеркнул исключительно важную роль низовых союзных органов — губотделов и фабзавкомов, постановил допустить организацию последних при наличии в коллективе предприятия 25 человек (вместо 50), упразднить в них президиумы и перенести центр тяжести работы в пленумы, оживить работу комиссий, разгрузить месткомы от несоюзных обязанностей, закрепить за ними средства, отчисляемые хозорганами на содержание месткомов, и указал на различие роли культкомиссий и правлений клубов; высказался за добровольность и самостоятельность касс взаимопомощи, оставляя за союзами

лишь общее наблюдение за работой касс; одобрил реорганизацию бирж труда в посреднические бюро. (Стр. 203, 250, 254, 257).

[68]) Лозунг независимости профессионального движения русские меньшевики выбросили на I Всероссийском С'езде Профессиональных Союзов. Этот лозунг был выдвинут в противовес позиции большинства с'езда, сводившейся к тому, что профессиональные союзы должны поддерживать советскую власть и что в процессе революции они неизбежно превратятся в органы государства (идея огосударствления союзов). Меньшевики предложили с'езду «отвергнуть попытку Совнаркома превратить союзы в подсобные органы так называемого «Рабоче-Крестьянского Правительства». Понятие «независимость» профессионального движения было раз'яснено ими на III Всероссийском С'езде таким образом, что союзы «не являются ни подчиненными органами государственной власти, ни организациями, подчиненными социалистическим партиям». Идея независимости у меньшевиков была связана с неправильным пониманием идеи единства рабочего движения, вытекала из своеобразного понимания меньшевиками взаимоотношений между различными его формами (политическая, профессиональная, кооперативная). В резолюции по продовольственному вопросу, предложенной Колокольниковым II С'езду Профессиональных Союзов, единство рабочего движения было раз'яснено, как разделение труда между отдельными его формами, с автономией каждой из них, большевики же всегда подчеркивали первенствующее значение политической борьбы и руководящую роль партии. Исходя из этих положений, меньшевики, работавшие в профессиональных организациях, оказывали постоянную оппозицию как мероприятиям советской власти, так и директивам центральных союзных органов. Между тем, в районах белогвардейской оккупации (Украина, Поволжье) они, вопреки своим взглядам, фактически ставили работу профессиональных союзов в зависимость от политики тамошних правительств. (Стр. 203).

[69]) Тори — так называлась в Англии партия крупной поземельной аристократии (консерваторов), возникшая еще в 1688 г.; тогда же зародилась и другая буржуазная партия — виги, ныне называющаяся либеральной. (Стр. 219).

[70]) Амстердамский Интернационал ведет свою историю со времени конференции 1906 года в Копенгагене секретарей общегосударственных центров профессионального движения Германии, Англии, Бельгии, Дании, Финляндии, Норвегии и Швеции. Там был образован международный секретариат, который в 1913 году на конференции в Цюрихе был переименован в международную федерацию профессиональных союзов с международным бюро в Берлине. Генеральным секретарем бюро был избран Карл Легин, председатель Всегерманской генеральной комиссии профессиональных союзов. Во время войны международное бюро формально продолжало существовать, но фактически оно никого не об'единяло, так как профсоюзы каждой страны стали на сторону своей буржуазии. Состоявшаяся в феврале

1915 года в Лондоне конференция английских и французских профессиональных союзов решила перенести международное бюро в какую-нибудь нейтральную страну, но Легин отказался подчиниться этому решению, заявив, что такое решение может вынести только международная конференция. 7 июля в Лидсе была созвана конференция союзов лишь одной воюющей стороны: Франции, Англии, Бельгии и Италии. Другая сторона также два раза созывала конференции: в июне 1917 года в Стокгольме и в октябре 1917 года в Берне, на которых не было представителей Франции, Англии, Италии, Бельгии и Америки. Лишь с прекращением войны, в феврале 1919 года, в Берне состоялась конференция союзов стран победительниц и стран побежденных. На ней было решено созвать международный конгресс профсоюзов, который и состоялся 28 июля — 22 августа в Амстердаме. Здесь дело началось со споров о том, кто является виновником войны. Лишь после того как немецкая делегация согласилась признать виновность Германии в нападении на Бельгию, конгресс перешел к деловой работе, закончившейся основанием Международной Федерации профессиональных союзов с Исполнительным Бюро, находящимся в Амстердаме. С тех пор эта Федерация получила известность под названием Амстердамского Интернационала. Федерация считает необходимой поддержку так называемых либеральных и коалиционных правительств, участие в экономических органах буржуазии, пропаганду хозяйственной демократии (участия рабочих в управлении предприятиями при сохранении частной собственности на орудия производства) и «борьбу с анархией», т.-е. борьбу против всех революционных массовых выступлений рабочего класса. Амстердамский Интернационал деятельно сотрудничает с Лигой Наций. Помимо участия в основанном этой Лигой Международном Бюро Труда, в котором лишь одна черверть голосов, да и то лишь формально, принадлежит представителям рабочих, Амстердамский Интернационал на своих конгрессах принимает резолюции, направленные на поднятие авторитета Лиги Наций в рабочих массах (на своем конгрессе в августе 1927 года он подтвердил «принцип, в силу которого международные конфликты должны передаваться на мирное разрешение Лиги Наций... конгресс требует, чтобы этим путем конфликты на Дальнем Востоке нашли себе мирное и справедливое разрешение»). Таким образом, руководящим принципом деятельности Амстердамского Интернационала является принцип классового сотрудничества пролетариата с буржуазией во имя социальных реформ. Все предложения Профинтерна и Коминтерна относительно образования единого пролетарского фронта для отражения наступления капитала Амстердамом систематически отклонялись. Амстердам ведет борьбу против проникновения революционного влияния в об'единяемые им организации. На совещаниях Бюро Амстердамского Интернационала с представителями международных производственных секретариатов в ноябре 1923 года и в мае 1924 года были разработаны положения, воспрещающие секретариатам принимать в свой состав организации, примыкающие к своему

национальному центру, состоящему в Интернационале, враждебном Амстердаму (здесь разумеется Красный Интернационал Профсоюзов). Виднейшие деятели Амстердама — Жуо (Франция), Мертенс (Бельгия), Лейпарт и Зассенбах (Германия), Удегест и Стенхойс (Голландия) — известны как последовательные противники революционного движения пролетариата. Под их давлением Фиммен, представитель международного секретариата транспортников и защитник идеи единого пролетарского фронта, вынужден был в 1923 году сложить с себя обязанности секретаря Амстердамского Интернационала. То же самое повторилось в 1927 году с Броуном, представителем английских профсоюзов. С 1927 года обязанности генерального секретаря Амстердамского Интернационала исполняет Зассенбах — правый германский реформист. (Стр. 220, 252, 292).

71) Империалистическая война разорвала международные связи профессионального движения. Профессиональные союзы каждой из воюющих стран стали на позицию защиты отечества и приняли участие в войне, тем самым складывавшееся до войны международное об'единение профессиональных союзов распалось на ряд враждующих между собой национальных частей.

Возродившееся с падением царизма в 1917 г. профессиональное движение России поставило в качестве одной из своих задач восстановление интернационала профсоюзов. Собравшаяся в июне 1917 г. III Всероссийская Конференция Профессиональных Союзов постановила: «Профессиональные союзы должны без замедления приступить к местному, областному и всероссийскому об'единению союзов, а также к фактическому международному об'единению профессиональных союзов». Состоявшийся в январе 1918 г. I Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов заявил, что «считает своей задачей посильно содействовать возрождению интернационального профессионального движения и ставит на очередь созыв международного общепролетарского с'езда и ряда международных профессиональных с'ездов по отдельным отраслям производства».

К концу 1918 г. империалистическая война кончилась победой англо-французского империализма и примкнувших к нему стран. Во всей Европе все более резкие формы принимало недовольство пролетариата. Буржуазия очутилась на краю гибели. Она удержала свое господство только рядом временных уступок и соглашений с праворефомистской частью организованного пролетариата. В рядах реформистов оказалось подавляющее большинство старых вождей профессионального движения. Это обстоятельство внесло большой разлад в революционную борьбу. Разрозненность, распыленность мирового профессионального движения и отсутствие единого руководящего центра при измене вождей во всех капиталистических странах ослабили революционную энергию пролетариата, и не дали возможности завершить борьбу победой коммунизма. Вопрос об об'единении революционно-классового профессионального движения принял

особенную остроту после того как в конце июля 1919 г. в Амстердаме состоялся конгресс реформистских вождей профессионального движения, положивший начало Амстердамскому Интернационалу, насквозь проникнутому духом соглашательства с буржуазией. Союзы Советской России взяли на себя инициативу об'единения. В июле 1920 г. в г. Москве ВЦСПС совместно с представителями революционного профессионального движения Италии, Испании, Болгарии, Франции и Юго-Славии, положил основание Профинтерну (Красному Интернационалу Профессиональных Союзов) путем образования Межсовпрофа (Международного Совета Профсоюзов). Межсовпроф ставил себе задачу превратить профессиональные союзы в центры об'единения пролетарских масс для борьбы против диктатуры буржуазии за диктатуру пролетариата.

Связавшие свою судьбу с судьбой буржуазии руководители Амстердамского Интернационала повели во всех странах усиленную борьбу против сторонников Профинтерна и вообще против всех революционных элементов профдвижения, исключая их целыми организациями из об'единяемых Амстердамом профсоюзов. Профессиональное движение, таким образом, по вине реформистов снова оказалось расколотым: на сей раз уже не по линии национальной, а по линии политической. В отдельных странах сформировались параллельные профессиональные союзы — реформистские и классово-революционные, с параллельными национальными центрами, и возглавляемые параллельными Интернационалами: Амстердамским и Красным Профинтерном.

Начиная с 1920 г. положение рабочего класса во всем мире стало ухудшаться. Поднявший голову империализм поставил весь мир перед угрозой новых международных конфликтов и войн. Только воссоздание единства рабочего и профессионального движения в борьбе против наступающего капитала ослабило бы опасность войны. ВЦСПС предложил созванному Амстердамским Интернационалом в декабре 1922 г., в Гааге, Конгрессу Мира «создать Международный Комитет Действия из представителей Амстердамского Интернационала, Второго Интернационала, Венского Интернационала, Коммунистического Интернационала, Профинтерна и Международного Кооперативного Союза для борьбы против войны. Аналогичные Комитеты Действия создаются в каждой стране в составе примыкающих к вышеуказанным Интернационалам организаций... Эти Комитеты Действия имеют также своей задачей предпринимать все шаги для ликвидации раскола массовых профессиональных организаций, для предупреждения новых расколов профсоюзов, при условии соблюдения свободы идейной пропаганды и единства действий в борьбе против буржуазии». Предложение это не было принято Конгрессом. ВЦСПС снова внес такое же предложение на международной конференции, созванной в марте 1923 г. во Франкфурте-на-Майне по инициативе фабрично-заводских комитетов Вестфалии. Амстердам снова отклонил предложение. В мае 1923 г. ВЦСПС

принял участие в совместной конференции русских транспортных союзов с представителями Международной Федерации Транспортников и опять выступил с предложением единого фронта. Интернационал транспортников принял предложение ВЦСПС, но Амстердамский Интернационал не признал соглашения, достигнутого на этой конференции. ВЦСПС тогда обратился с письмом к Амстердамскому Интернационалу, предлагая устроить совещание из представителей общепрофессиональных центров всех стран для выработки программы действий против опасности войны и фашистской реакции. Тот уклонился, что вызвало длительную переписку между ВЦСПС и Амстердамом.

Амстердам не только не принимал предложений ВЦСПС, но 8 ноября 1923 г. принял даже постановление, воспрещающее секретариатам международных об'единений по производствам входить в сношение с русскими союзами без ведома и санкции Амстердамского Интернационала. Но, стоя перед фактами ухудшающегося положения рабочего класса, растущего во всех странах фашизма и угрозы новых войн, рабочие массы, организованные в реформистские союзы, стали освобождаться из-под влияния вождей и открыто выражать симпатии революционным союзам и союзам СССР, настойчиво требуя осуществления единства профессионального движения. Собравшийся в июне 1924 г. в Вене конгресс Амстердамского Интернационала уже не мог отказаться от постановки вопроса о единстве, не рискуя совершенно себя скомпрометировать в глазах об'единяемых им масс. Но руководители Интернационала нашли выход, подменив вопрос о единстве вопросом о вхождении союзов СССР в Амстердамский Интернационал. Они провели на конгрессе резолюцию, рекомендующую Бюро, «поскольку это будет совместимо с достоинством Международной Федерации Профессиональных Союзов, продолжать свои старания в целях вовлечения русских профессиональных союзов в международное профессиональное движение на основе устава и положения Международной Федерации Профессиональных Союзов».

Исходя из того, что Амстердамский Интернационал как-будто бы изменил свою позицию, ВЦСПС снова завязал с ним переписку, выдвигая вопрос о созыве конференции из представителей ВЦСПС и Амстердама для обсуждения условий восстановления единства профессионального движения. Эта переписка не дала никаких практических результатов, так как Амстердам основным условием каких бы то ни было переговоров ставил предварительное заявление ВЦСПС о признании устава и положений Амстердамского Интернационала, в то время как ВЦСПС настаивал на совещании без каких бы то ни было условий.

Серьезный шаг к единству был сделан на VI С'езде Профессиональных Союзов СССР, в ноябре 1924 г. Участвовавшие на с'езде представители английских профессиональных союзов пришли к соглашению с ВЦСПС об образовании Англо-Русского Комитета единства. Такой Комитет был создан на специально созванной для этой цели

англо-советской конференции профессиональных союзов в апреле 1925 г. в Лондоне. Этот Комитет, поставивший своей задачей взаимную поддержку союзов Англии и СССР и совместную деятельность, «чтобы побудить Амстердамский Интернационал искренно согласиться на немедленный созыв свободной, без всяких предварительных условий, конференции с представителями профессионального движения СССР», — быстро привлек к себе сочувствие рабочих масс всего мира. Во всех странах со сколько-нибудь развитым профессиональным движением стали формироваться группы и организации единства и поддержки Англо-Русского Комитета. Эти группы и организации об'единяют членов как реформистских, так и революционных профсоюзов и развертывают все шире и шире агитационно-пропагандистскую работу.

Англо-Русский Комитет единства оказался, однако, недолговечным. Реформистские вожди английского профессионального движения оказались неспособными вести революционную борьбу и прекращением всеобщей забастовки в мае 1926 г. привели бастовавших горняков к жестокому поражению. Союзы СССР, понимая задачу единства в смысле действительной боевой взаимопомощи, остались до конца борьбы вместе с английскими горняками, поддерживая их материально и морально. Само собою разумеется, ВЦСПС не мог обойти молчанием поведения английских вождей, с одной стороны, говоривших в Англо-Русском Комитете о единстве, а с другой — срывавших своим поведением кампанию международной помощи горнякам (отказ принять деньги, переведенные ВЦСПС на поддержку стачки, отказ приступить в международном масштабе к недопущению угля в Англию, прекращение всеобщей забастовки солидарности и т. д.). Правдивая оценка этого поведения не могла не встретить сочувственного отклика в английских рабочих массах. Однако, вожди, принявшие участие в Англо-Русском Комитете, стали тяготиться сотрудничеством с представителями союзов, стоящих на позиции революционной солидарности профессионального движения, т.-е. союзов СССР. Изобразив критику своего поведения, как вмешательство ВЦСПС в английские дела, они на с'езде английских профсоюзов в сентябре 1927 г. добились ликвидации Англо-Русского Комитета.

Но дело единства, опирающееся на сформировавшиеся группы сторонников такового, приобретает все большее и большее сочувствие широких масс пролетариата. (Стр. 220, 252).

[72]) IV Конгресс Амстердамского Интернационала профсоюзов происходил в Вене, в июне 1924 г. На этом конгрессе представителями английских тред-юнионов было сделано предложение об установлении соглашения с профсоюзами СССР и Профинтерном.

Телеграмма секретаря ВЦСПС тов. А. И. Догадова, посланная на имя председателя конгресса А. Перселя, заявляла «о полной готовности, при известных условиях, пойти навстречу предложениям английских профсоюзов, которые совпадают с желанием лучшей части профессионально-организованных рабочих всего мира».

В результате оживленных прений по этому вопросу конгрессом была принята резолюция, в которой «выражается сожаление, что советские профсоюзы, вследствие отказа признать статуты Амстердамского Интернационала, все еще находятся вне этого международного об'единения».

«Конгресс,— гласила далее эта резолюция,— предлагает Бюро Амстердамского Интернационала принять, в пределах возможности, меры к вовлечению в международное профессиональное движение советских профсоюзов без ущерба во всяком случае для авторитета Амстердамского Интернационала и при условии неизменного сохранения основных статутов и постановлений Амстердамского Интернационала». (Стр. 221, 293).

[73]) Альберт Артур Персель, родился в 1872 г.,— член Генерального Совета английских тред-юнионов, член английского парламента. По профессии — полировщик мебели. В 1920 и 1924 гг. был участником английских делегаций, посетивших Советскую Россию. Один из инициаторов создания Англо-Русского Комитета единства. Считался левым деятелем английского профессионального движения, но в 1926 г., во время всеобщей забастовки, об'явленной для поддержки горняков, голосовал вместе с правыми вождями тред-юнионов за прекращение забастовки. (Стр. 221, 252).

[74]) Эддо Фиммен, родился в 1875 г. Работал в качестве служащего в порту. В юности примкнул к рабочему движению, став активным работником профдвижения Голландии, сначала в союзе служащих, а затем в Голландском об'единении профессиональных союзов в качестве его секретаря. С основания Амстердамского Интернационала (1919 г.) был одним из его секретарей. В 1921 г. был избран секретарем Интернационала транспортников. После войны Фиммен занимал крайнюю правую позицию. В 1923 г. Фиммен занял левое крыло в Амстердамском Интернационале, вследствие чего потерял пост его секретаря. В 1924 г. посетил Советскую Россию и с тех пор ведет энергичную борьбу за единство мирового профдвижения. (Стр. 221).

[75]) Идею создания III Интернационала выдвинул еще в начале мировой войны тов. Ленин. 1 ноября 1914 г. В. И. писал: «II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом. Долой оппортунизм и да здравствует очищенный не только от «перебежчиков», но и от оппортунизма III Интернационал». Основание III Интернационалу было положено на международной конференции коммунистических партий, состоявшейся 2—5 марта 1919 г. в Москве. На третий день заседания участники решили конференцию считать Первым Конгрессом Коммунистического Интернационала.

Если Первый Конгресс ставил перед собою, главным образом, декларативную задачу «поднять знамя коммунизма и провозгласить коммунистическую программу», то Второй Конгресс (9 июля — 6 августа 1920 г.) считал своей задачей создание стройной организации Коминтерна и выработку правильной тактики для всех входящих в него

партий. Центральным пунктом порядка дня был вопрос об участии коммунистов в массовых рабочих организациях — профсоюзах, рабочих партиях (типа английской) и т. д. Конгресс дал директиву всем компартиям о необходимости проникновения во все те организации, в которых сосредоточены широкие рабочие массы, и о распространении там идей коммунизма. Конгресс далее формулировал условия, которые должна принять каждая, желающая примкнуть к Коминтерну, партия («21 условие»), и принял устав Коминтерна.

Третий Конгресс (22 июня — 12 июля 1921 г.) обсудил и принял решения о тактике, о работе коммунистов в профсоюзах, о борьбе с Амстердамским Интернационалом и т. д.

Четвертый Конгресс (5 ноября — 12 декабря 1922 г.) занимался рассмотрением положения дел во французской, итальянской, чехо-словацкой, норвежской, датской, юго-славской, польской, американской и других партиях, являющихся его секциями.

Пятый Конгресс (17 июня — 8 июля 1924 г.) свое внимание сосредоточил на вопросе о большевизации коммунистических партий. Конгресс дал директиву о необходимости брать за основу организации производственные ячейки на предприятиях вместо построения организаций по территориальному принципу. Конгресс указал также на необходимость создания фабзавкомов и всемерной борьбы за единство мирового профдвижения.

Из состоявшихся после V Конгресса пленумов особое значение имеют VII, VIII и IX пленумы (1926 — 1928 гг.); среди других вопросов большое внимание на них было уделено вопросу о борьбе с троцкистской оппозицией, взгляды которой они осудили, как мелко-буржуазные, а действия, как дезорганизаторские. (Стр. 223).

[76]) Имея недостаточные земельные наделы, крестьянство вынуждено было арендовать землю у помещиков, которые, пользуясь его безвыходным положением, брали с него высокую арендную плату. И без того небольшой доход крестьянина еще больше снижали взимаемые помещичьим правительством высокие налоги. Это породило у крестьянства сильное недовольство и помещиками и политическим строем. Рабочий класс, под давлением армии безработных, постоянно пополняемой выходцами из разорявшейся деревни, не мог добиться повышения заработной платы, которому буржуазия, стремившаяся завершить процесс первоначального накопления, оказывала упорное сопротивление.

При столкновении рабочего класса с буржуазией помещичье правительство становилось на сторону последней, подавляя стачки, запрещяя легальные рабочие организации, громя нелегальные организации. Это породило и у пролетариата большое недовольство буржуазией и правительством.

Неудачная, потребовавшая от рабочего класса и крестьянства больших и физических и экономических жертв, русско-японская война довела это недовольство до крайних пределов.

После 9 января 1905 года, т. е. расправы правительства с шедшими мирной демонстрацией петербургскими рабочими, пролетариат всей страны поднялся на борьбу с самодержавием. Политическая борьба рабочего класса нашла отклик в крестьянстве и в крестьянской, по своему преобладающему составу, армии. С весны этого года крестьяне стали рубить помещичий лес, распахивать поля, выпускать свой скот на помещичьи луга, захватывать и делить семенной хлеб, громить имения. Летом вспыхнуло восстание в Черноморском флоте (броненосец «Потемкин»).

Стараясь укрепить свое расшатанное революционным движением положение, правительство в августе 1905 года об'явило о созыве законосовещательной думы (по имени автора проекта, министра внутренних дел Булыгина, она получила название «булыгинской»), от участия в которой отстранялся весь пролетариат и $^9/_{10}$ крестьянства.

Однако, эти правительственные реформы не остановили борьбы рабочего класса.

Пролетариат поддержал политическими стачками крестьянские и солдатские восстания и еще более усилил наступление на правительство.

В августе 1905 года по стране прокатилась волна забастовок против законосовещательной думы, а в октябре вспыхнула всеобщая политическая стачка с требованием созыва учредительного собрания.

Растерявшееся под напором политических забастовок правительство сначала фактически допустило полную свободу слова и печати, союзов и собраний («дни свободы»), а затем, оправившись от растерянности, начало наступление на пролетариат и крестьянство: ввело в стране военное положение, стало широко применять посылку в охваченные движением районы карательных экспедиций, военно-полевые суды и смертную казнь. В декабре 1905 года был арестован Петербургский Совет Рабочих Депутатов.

В ноябре 1905 года пролетариат протестовал против карательных мероприятий правительства политической стачкой; в декабре, на арест Петербургского Совета, пролетариат откликнулся также забастовкой, которая в Москве перешла в вооруженное восстание. При помощи гвардейских частей, занимавших в армии привилегированное положение, правительству удалось подавить эту попытку рабочего класса уже в 1905 году открытым вооруженным восстанием захватить власть.

Попытка успокоить рабочий класс и крестьянство созывом в 1906 году законодательной думы не привела ни к каким результатам. И после созыва думы продолжались политические стачки рабочих, восстания крестьян и солдат. Эти разрозненные потоки революционного движения большевики старались слить в одно победоносное общенародное восстание.

Однако, крестьянство оказалось недостаточно активным и организованным. Это дало правительству возможность надолго раздавить революционное движение и 3 июня 1907 года сильно урезать

избирательные права пролетариата и крестьянства (выборы в государственную думу). (См. прим. 18). (Стр. 225).

[77]) Реформизм представляет собою течение, отказывающееся от революционной борьбы за социализм, отрицающее практическую целесообразность диктатуры пролетариата и кладущее в основу своей политики борьбу исключительно «законными» (т.-е. допускаемыми буржуазным законодательством) средствами за реформы, улучшающие положение рабочего класса. Впервые реформизм, как теория, отчетливо оформился в 90-х годах минувшего столетия. Ряд технических улучшений, повысивших в значительной степени производительность труда, захват колоний с неистощенными запасами естественных богатств, и получение, таким образом, новых источников дешевого сырья, новых рынков сбыта и миллионных масс населения, неспособного бороться с самой хищной, чудовищной эксплоатацией — все это позволило капиталу в значительной мере повысить получаемую им прибыль. В целях обеспечения себя от резких социальных конфликтов и революционных бурь, потрясавших нормальный ход хозяйственной жизни, буржуазия стала на путь некоторых уступок тем частям пролетариата, которые оказывались наилучше организованными и наиболее стойкими в борьбе. Все это создало в отдельных слоях рабочего класса (главным образом, в среде так называемой рабочей аристократии, т.-е. более квалифицированных и лучше оплачиваемых работников) иллюзии, что капитализм способен принимать общественно-прогрессивные формы и развиваться не в сторону обострения, а, наоборот,— смягчения и постепенного изживания классовых противоречий. Отсюда некоторыми деятелями социалистических партий был сделан вывод, что политические средства, возможности, какими рабочий класс располагает в передовых капиталистических странах, вполне достаточны для последовательного улучшения всех условий труда. Программа социальных реформ в рамках буржуазного строя и приспособление всей политической тактики к системе буржуазной общественности стали противопоставляться программе революционной борьбы, как нарушающей нормальный ход развития и вредящей делу реформ. Практически деятельность реформистов получила выражение в министериализме — участии социалистов в буржуазном правительстве. В теоретической области она приобрела известность под названием ревизионизма. Самым ярким выразителем ревизионизма явился германский социал-демократ Эдуард Бернштейн, подвергший ревизии (пересмотру) все основные положения учения К. Маркса. Отрицая тезис, что у пролетария нет отечества, реформисты во время войны сделали последовательный вывод из своего отрицания, став на защиту отечества, голосуя за военные кредиты и заключив гражданский мир с буржуазией во имя национальных интересов, поставленных выше интересов классовых. Тем самым они оказались в союзе с самыми реакционными слоями буржуазии против движения рабочих масс, когда те выступали в борьбу за свои классовые интересы. По окончании войны реформисты оказались до такой степени крепко

связанными с буржуазией, что по собственной инициативе подавляли революционные движения масс (так, например, в Германии социалист Носке сам руководил военными силами, уничтожившими движение спартаковцев). Таким образом, ход событий превратил реформизм в орудие буржуазии против классового движения пролетариата. (Стр. 226).

[78]) В прениях по докладам тт. М. П. Томского и А. И. Догадова на VI С'езде Профессиональных Союзов участвовали следующие товарищи, выступлений которых касается в своем заключительном слове М. П. Томский.

Тов. Гулый (из Харькова) заявил, что за два года профессиональные организации, как школы коммунизма, полностью себя оправдали, но утверждал, что в области практической работы ВЦСПС дело обстоит хуже, напр., в области борьбы с бюрократизмом не было руководящих указаний-циркуляров. «Тов. Томский занимается дипломатией, но в ВЦСПС сидел тов. Догадов» и изданный им циркуляр № 606 о регулировании зарплаты — пример безвольного руководства; «для профессиональной работы мы получили минус, а для хозяйства плюса не получили». В заключение Гулый указывал на неправильное освещение в профессиональной печати вопроса о поднятии производительности труда, где «вопрос сводится к тому, чтобы поднимать производительность труда только за счет мускульной силы», а никто не говорит о том, «что делается с материалами, оборудованием, инструментами и т. д., со всем тем, от чего зависит в главном поднятие производительности труда».

Тов. Гейро (Донбасс) указывал на необходимость совместной работы хозяйственников и профессионалистов в вопросах поднятия производительности труда и на необходимость определения роли в этом инженеров и техников; настаивал на урегулировании вопроса о неравенстве ставок первого разряда в легкой и тяжелой индустрии; затронул не относившийся к докладу вопрос о рабочей медицине; перейдя к вопросу о переговорах ВЦСПС с Амстердамским Интернационалом о единстве профессионального движения, предлагал особенно серьезно взвесить указание Зиновьева на то, что меньшевизм в Западной Европе разлагается, и поэтому настаивал на необходимости «на время ограничиться об'единением исключительно наших революционных союзов», «чтобы меньшевики не использовали нашей фирмы... для поднятия своего авторитета».

Тов. Плаксин (Саратов) говорил о том, что неправильно считать лучшей ту профессиональную организацию, которая пишет меньше циркуляров; ВЦСПС этим не грешит, но зато не всегда своевременно дает местам директивы; отсутствие указаний о способах распространения золотого займа вызвало на местах недоразумения и конфликты. Проекты генеральных коллективных договоров, заключаемых в центре, он предлагал прежде всего посылать на места, что часто не исполняется; необходимо наладить взаимоотношения культотделов

с губполитпросветами, упростить отчетность и делопроизводство, особенно в фабзавкомах, и еще более упростить коллективные договоры. Положительной стороной работы ВЦСПС, по его мнению, является живая связь с местами, учет их работы и указания на ее недочеты.

Тов. Акулов (Донбасс) считал слабой стороной работы ВЦСПС борьбу с попытками хозяйственных органов регулировать зарплату; ВЦСПС лишь под давлением жизни и требований местных организаций поставлен был перед необходимостью урегулировать эти вопросы и, таким образом, не шел впереди требований жизни. Низкая зарплата,— говорит он,— существует не там, где производительность труда ниже, и поэтому нельзя согласиться с точкой зрения ВЦСПС. На вопрос М. П. Томского о том, как нужно регулировать зарплату, Акулов ограничился общим указанием: «нам придется решительно бороться с тенденцией итти по пути дальнейшего увеличения зарплаты тех союзов, которые подошли уже близко к довоенным пределам и значительно опередили союзы, об'единяющие рабочих тяжелой промышленности». Далее Акулов указывал, что по вопросу о размежевании союзов на практике, ВЦСПС не всегда берет правильную линию; Акулов признавал правильность упреков в односторонних уклонах клубной работы — «то мы распускаем вожжи и вместо клубов у нас получаются танцульки, то круто подбираем вожжи, и рабочие перестают ходить в клубы»; с этим, по его мнению, нужна борьба.

Тов. Терентьев (Новгород), коснувшись вопроса о дефицитности союзов, сказал: «Томский пытался доказать возможность ликвидировать дефицитность союзов тем, что предлагал союзам, вообще, или дефицитным союзам, по крайней мере, перейти на вечернюю работу». По его словам, союзы уже это практиковали, но получается много неудобств.

Тов. Петросов (ЦК металлистов) указывал, что одним из важных препятствий к поднятию производительности труда является несвоевременная выдача зарплаты. Говорил, что участие ВЦСПС и его аппарата в планирующих органах недостаточно систематично. Обращал внимание с'езда на то, что остро стоит жилищный вопрос рабочих. По поводу единства профессионального движения Петросов говорил: «ВЦСПС должен помнить, что руки вождей германской социал-демократии до сих пор не высохли от крови рабочих, что все эти социал-предатели — против рабочих, и поэтому нечего с ними разговаривать». Рабочие не только хотят единства мирового профдвижения, но рабочие без этого единства не мыслят своей работы, однако, они хотят единства не с гнилыми, отмирающими вождями, а с подлинной рабочей массой.

Кроль (ЦК пищевиков) указывал на неправильность цифровых данных Центрального Бюро Статистики Труда о положении зарплаты пищевиков по сравнению с довоенной; он говорит, что в сведениях ЦБ Статистики Труда приняты во внимание лишь крупные предприятия, охватывающие меньшую часть рабочих-пищевиков; довоенные данные включают и сахарников, не входящих теперь в союз пищевиков; все эти

особенности не оговорены в сведениях Центрального Бюро; довоенная низкая оплата в табачной и конфектной промышленности строилась на жестокой эксплоатации женского и детского труда, абсолютная высота зарплаты пищевиков ниже заработной платы основных отраслей промышленности; сведения же Статистики Труда заведомо неверны и наносят непоправимый вред профсоюзам.

Тов. Р у б е л ь (Одесса) отмечал отсутствие твердых указаний в отношении работы союзов в деревне. Неизвестно, какие законы регулируют труд батраков на селе, что регулирует спрос и предложение труда, кто защищает интересы батрака от эксплоатации кулака; борьба с безработицей затрудняется наплывом батрачества из села, этого вопроса докладчики также не коснулись.

Тов. Д. Б. Р я з а н о в считал нужным (чтобы не дать пищи для белогвардейской агитации) раз'яснить следующее место в отчете ВЦСПС: «процесс распыления пролетариата и деклассирования рабочего класса в эпоху военного коммунизма, когда бо́льшая часть рабочих боролась на фронтах гражданской войны, а остальная часть занималась зажигалками и мешечничеством» и т. д. Такие неосторожные фразы, по мнению Рязанова, об'ясняются только неряшливостью, невнимательностью и желанием достичь дешевого литературного эффекта. Профессиональные союзы и в 1917—18 году не переставали говорить о повышении производительности труда, но вокруг этого вопроса не нужно создавать туман. Производительность зависит не только от интенсивности труда, но и от состояния техники, наличности сырья и проч. «Когда у нас многие товарищи говорят теперь о неограниченной сдельщине, то я здесь вижу неограниченную бездельщину. Ибо нельзя стремиться к неограниченной сдельщине, пока вы не создадите необходимых условий для этой неограниченной сдельщины». Довоенный уровень зарплаты был ниже прожиточного минимума и смешно брать его за исходный пункт для сравнения. «Мы взяли власть в октябре 1917 г. не для того, чтобы притти опять к стихийной волне рыночной кон'юнктуры, регулирующей эту заработную плату». «ВЦСПС должен сказать, что мы не будем выпускать из своих рук, при прочих равных условиях, регулирование заработной платы». «Мы будем отстаивать... чтобы был установлен определенный минимум заработной платы. Но выше этого минимума... соответственно интенсивности, старательности должна быть установлена определенная градация, соответствующая требованиям и условиям развития различных отраслей промышленности». Перейдя к вопросу об установлении зарплаты, Рязанов говорил: «Кто-то из товарищей указал, что у ВСНХ и хребет крепче, и голос голосистей, и кулаки покрепче, и все прочее. Правда, так и должно быть у Высовнархоза, так должен вести себя каждый хозяйственный орган, каждый коммунист, находящийся на хозяйственном посту, но такие же кулаки, голос и хребет должны быть и у профессионалистов — кричит один, кричит и другой, бей один, бей и другой. Высший орган, которому подчинены

и профессионалисты и хозяйственники, Российская Коммунистическая Партия должна схватить за чуб и одного и другого и указать: «Тут вы правы, а тут вы уступайте друг другу, но не до бесчувствия». «Только на здоровом революционном рабочем классе, отдающем всю свою силу работе, но работающем при максимуме благоприятных для себя условий, можем мы строить коммунизм». (Стр. 226).

[79]) Спор в организационной секции II Всероссийского С'езда Профессиональных Союзов между большевиками и меньшевиками был основан, в первую очередь, на различном принципиальном подходе к оценке роли и задач профессиональных союзов. Большевики считали главной задачей момента участие союзов в работе советской власти над перестройкой и укреплением народного хозяйства, взятого рабочим классом в свои руки; отсюда они и делали выводы, что организационное строительство союзов должно итти по линии создания сплоченных производственных союзов с демократически централизованным руководством и кассой, единым тарифом и условиями труда, вырабатываемыми центром, единообразным принципом построения всех органов сверху донизу. Секциям они отводили роль технических подсобных органов. Представительство же интересов работников данной отрасли промышленности они считали необходимым сосредоточить в едином центре. Меньшевики не верили в победу рабочего класса, считали неизбежным восстановление власти буржуазии и утверждали, что тезисы большевиков и в частности уничтожение стачечных фондов «лишают профсоюзы их боевого характера», «извращают в сознании рабочих масс характер профессиональных союзов и грозят оставить их обезоруженными в борьбе с наступающим противником — империализмом». Заявляя, что тов. Томский в своих тезисах предлагает профдвижению «бюрократический централизм, убивающий самодеятельность и инициативу не только широких масс, но и руководителей», и что «особенно губительно» построение профессиональных союзов «на основе формально построенных органов фабрично-заводских комитетов и комитетов служащих», меньшевики предлагали сохранить за секциями право самостоятельного обложения своих членов, создания самостоятельных секционных касс и построения правлений союзов на секционных началах. Организационная секция отвергла точку зрения меньшевиков; из их поправок было внесено в организационные тезисы с согласия докладчика тов. Томского следующее положение: «В случае, если ВЦСПС найдет необходимым распустить ЦК или какой-либо из всероссийских союзов, то он после роспуска должен немедленно созвать всеросойскую конференцию или с'езд данного союза»; в соответствии с этим был сформулирован и пункт устава, предоставлявший ВЦСПС право исключать из своей среды союзы, не подчиняющиеся пролетарской дисциплине. (Стр. 240).

[80]) На VI С'езде Профессиональных Союзов СССР присутствовала делегация Генерального Совета Британских тред-

юнионов, в состав которой входили: А. Персель, Ф. Брамли, Джон Бромлей, Аллан Финдлей, Бен Тиллет, Джон Тернер и Герберт Смит. Председателем делегации был А. Персель, секретарем Фред Брамли. (Стр. 252).

[81]) V С'езд транспортных рабочих (местн. транспорта) состоялся 25 ноября — 2 декабря 1924 г. На с'езде присутствовало 214 делегатов (179 с решающими и 35 с совещательными голосами), представлявших 158.887 членов союза. По партийной принадлежности: коммунистов — 160, членов РЛКСМ — 6, кандидатов РКП — 17, беспартийных — 27 и 4 не заполнили анкет. В повестке дня с'езда стояли следующие вопросы: 1) Доклад о международном и внутреннем положении СССР. 2) Отчеты ЦК и Ревизионной Комиссии. 3) Доклады хозорганов: а) Центрального Управления Местного Транспорта, б) О-ва «Транспорт», в) О-ва «Автопромторг», г) Т-ва «Моспогруз», д) Волжско-Каспийского Паевого Товарищества. 4) Организационный вопрос. 5) Тарифно-экономический. 6) Культурно-просветительный и издательская работа. 7) Работа в деревне, кооперация и кооперативный транспорт. 8) Выборы ЦК и Ревизионной Комиссии.

Значение и итоги работы с'езда могут быть охарактеризованы словами докладчика по организационному вопросу: «сейчас мы не ищем каких-нибудь новых принципиальных вопросов в нашей организационной работе, а лишь углубляем и расширяем работу, которую мы начали после февральского Пленума ВЦСПС в 1922 г.»

С'езд совпал с празднованием 5-летнего юбилея союза, и первое торжественное заседание его 25 ноября было проведено в Колонном зале Дома Союзов в присутствии 2.000 представителей московских транспортников. Приветственная речь тов. М. П. Томского от лица ВЦСПС была произнесена на этом заседании. (Стр. 253).

[82]) Тов. Садовский, Андрей Дмитриевич, родился в 1880 г. в бедной семье на юге России. Он получил среднее образование и окончил Институт Путей Сообщения. С первого года студенчества участвовал в подпольных студенческих и рабочих кружках Петербурга. В 1901 г. вступил в РСДРП, работал, главным образом, по технике в группе «Искра». В 1904 г. был арестован и по освобождении работал в качестве заведующего техникой в группе Центрального Комитета в Петербурге. В 1905 г. активный участник боевых дружин Путиловского завода. В 1906 г. представитель путейской группы РСДРП в об'единенной студенческой организации партии. В момент февральской революции 1917 г. Садовский был рядовым солдатом инженерных войск; был избран председателем ротного и батальонного комитетов 6-го запасного саперного батальона, депутатом и заместителем председателя солдатской секции Петроградского Совета. Совместно с другими солдатами-большевиками Садовскому удалось перевести 6-й запасный батальон на сторону большевиков. В предоктябрьские дни — член Военно-Революционного Комитета Петроградского Совета, руководившего Октябрьским восстанием. После Октябрьской

революции он вел большую работу по об'единению транспортных рабочих в один союз и отвоеванию влияния у с.-р. и меньшевиков, руководивших об'единениями транспортников. Под его руководством состоялся в начале 1919 г. в Москве областной с'езд, а в октябре того же года I Всероссийский с'езд работников местного транспорта, избравший Садовского в ЦК союза, бессменным председателем которого он был до VI С'езда союза. Работая в союзе, Садовский много сделал в области укрепления и улучшения местного транспорта. Кроме того, Садовский был и крупным работником партии, членом Московского Комитета и Замоскворецкого райкома. Осенью 1925 года С. участвовал в международной конференции революционных транспортников в Берлине. Умер 8 июля 1927 г. от злокачественной опухоли легких. (Стр. 253).

[88]) Зачатки «Союза грузчиков волжского бассейна» в виде небольших групп и артелей существовали, несмотря на преследования царского правительства, еще с периода, предшествовавшего революции 1905 г. Самарская конференция в июне 1917 г. избрала Центральный Комитет союза, общее число членов которого к осени 1917 г. достигло 60 тысяч человек. Гражданская война вызвала распад союза на отдельные местные организации, сыгравшие большую роль как в развитии профессионального движения Поволжья, так и в борьбе с учредиловцами, Колчаком и Деникиным. Грузчики послали в Красную армию около 50.000 человек, т.-е. $^5/_6$ состава союза. В августе 1919 г., по инициативе Рыбинского союза, в Самаре состоялось совещание представителей верхней и средней Волги, избравшее организационное бюро по созыву общеволжского с'езда и отклонившее поступившее из Москвы предложение о посылке делегатов от грузчиков на Всероссийский с'езд транспортных рабочих, назначенный на 10 сентября 1919 г., так как «этот, вновь организованный союз — грузчикам не по пути».

Общеволжский с'езд грузчиков открылся в Самаре 28 сентября 1919 г. в составе 49 делегатов от всех городов Волги (за исключением занятого Деникиным Царицына) и Камы, представлявших 15.000 работающих грузчиков (в это количество не входят находившиеся на фронте, в Красной армии). На с'езд приехали из Москвы тов. М. П. Томский и 4 представителя от избранного на московском с'езде ЦК транспортных рабочих, в том числе председатель ЦК — тов. Садовский.

Порядок дня с'езда был следующий: 1) текущий политический момент, 2) доклад организационного бюро, 3) доклады с мест, 4) организационный вопрос, 5) местопребывание исполнительного органа, 6) отношение к союзу транспортных рабочих, 7) тарифная политика, 8) охрана труда и социальное обеспечение, 9) продовольственный вопрос, 10) культурно-просветительная деятельность, 11) выборы исполнительного органа, 12) текущие дела.

С докладом по организационному вопросу выступил председатель ВЦСПС т. М. П. Томский, а с содокладом — председатель оргбюро с'езда — Крылов. После продолжавшихся 3 дня прений, в которых

выступили все делегаты и представители центра, на голосование были поставлены две резолюции. Первая, предложенная М. П. Томским, сводилась к следующему: 1) грузчики, постоянно связанные по условиям труда с каким-либо предприятием, входят в союз, об'единяющий всех остальных рабочих этого предприятия; 2) грузчики, работающие в одном или разных предприятиях периодически — входят в качестве секции во вновь образовавшийся союз транспортных рабочих; 3) для выработки условий слияния и организации секции с'езд избирает временное бюро, которому доверяет до следующего общего Всероссийского с'езда представлять в Центральном Комитете Всероссийского союза транспортных рабочих интересы волжских грузчиков на правах секционного бюро; 4) практические разногласия между временным бюро грузчиков и ЦК транспортных рабочих разрешаются Президиумом ВЦСПС и его полномочными представителями; 5) об'единение заканчивается в течение трех месяцев, после чего организация именуется Секцией грузчиков всероссийского профессионального союза транспортных рабочих.

Вторая резолюция, составленная выделенной с'ездом комиссией, говорила: «представители центра, связывая труд грузчиков с железнодорожным, водным, гужевым транспортом, с производством на фабриках, заводах...» и проч. «и вследствие сего, стремясь разбить массу грузчиков по производствам,— тем самым наносят удар делу нашего об'единения и, распыляя силы рабочих, не дают им возможности правильно наладить ход погрузочных работ и тем притти на помощь по восстановлению хозяйственных сил страны. Предлагая меру дробления по производствам и группам, центр тем самым не идет навстречу желанию грузчиков к предварительному об'единению. Вследствие сего с'езд, по личной совести и убеждению и точно следуя наказам с мест, постановляет: 1) образовать единый союз грузчиков Волжского бассейна и его Центральный Комитет; 2) означенный союз в лице своего ЦК является ответственным полномочным и руководящим органом грузчиков Волжского бассейна впредь до всеросийского с'езда грузчиков, по созыву которого ЦК поручается приступить к подготовительным работам; 3) ЦК именем всей массы грузчиков Волжского бассейна оказывает всемерное на подлежащие органы давление к скорейшему образованию единого, всех видов, транспортного союза, в который только и влиться организованной массой, годной и способной к творческой работе Советской России».

Предложенная тов. Томским резолюция не получила ни одного голоса, при 2 воздержавшихся. Вторая резолюция — с'ездовской комиссии — была принята всеми голосами, также при 2 воздержавшихся.

Обсуждая по уставу функции ЦК, с'езд предложил последнему возбудить ходатайство о создании единого хозяйственного органа — Отдела разгрузки при ВСНХ.

Вопрос об утверждении решения с'езда грузчиков был поставлен на Пленуме ВЦСПС 28 ноября 1919 г., который, отклонив образование

самостоятельного союза грузчиков, принял решение, что все грузчики, где бы они ни работали, должны входить в союз транспортных рабочих; здесь была создана организационная комиссия в составе представителей ЦК транспортных рабочих, областного союза грузчиков и Президиума ВЦСПС для выработки соглашения о слиянии, при чем последний обратился к грузчикам с циркулярным письмом, в котором сообщал, что, не принимая принудительных мер, он поставит вопрос на окончательное разрешение III Всер. С'езда Профсоюзов.

Образованная Пленумом ВЦСПС комиссия постановила произвести слияние по получении согласия расширенного заседания ЦК грузчиков или от созванной последним конференции.

18 января 1920 г. вопрос этот обсуждался в Нижнем-Новгороде на расширенном пленуме ЦК грузчиков с участием всех крупных губернских отделов. На голосование были поставлены опять две резолюции: одна, выработанная комисией ЦК грузчиков, другая — представителем ЦК транспортных рабочих. Первая предлагала признать слияние грузчиков с союзом транспортников вредным «вследствие нахождения в последнем значительного числа мелко-собственнического элемента и бывших владельцев и хозяев» и его неработоспособности, но заявляла о решении подчиниться постановлению, которое вынесет всероссийский с'езд профессиональных союзов. Вторая резолюция высказывалась за вхождение в союз транспортных рабочих на условиях, указанных комиссией Пленума ВЦСПС. Резолюция и была принята 9 голосами против 7, при двух воздержавшихся; первая собрала 7 — за, 4 — против при 7 воздержавшихся.

1 марта 1920 г. произошло фактическое об'единение с образованием секции грузчиков, а уже на II Всеросийском с'езде транспортников она, как особая секция, была упразднена. (Стр. 253).

[84]) Генри Форд. Крупный американский автомобильный фабрикант. На его заводах широко применяется механизация труда; процесс изготовления автомобилей разбит на ряд простейших операций, совершаемых отдельными рабочими и не требующих от исполнителей высокой квалификации; подача готовых отдельных частей и передача частей собираемого автомобиля от одного рабочего к другому производится механически, с определенной скоростью. Такая организация производства позволяет выпускать по несколько тысяч автомобилей в день.

По политическим убеждениям Форд — реакционер и антисемит. Он руководитель антисемитской Лиги «Младохристианская ассоциация», издатель специального антисемитского органа — «Дирборн Индепендент» и десятков тысяч антисемитских листовок. Форд — член буржуазной американской «демократической» партии, от конгресса которой, намечавшего кандидата в президенты, получил «вотум доверия», несмотря на преобладание в этой партии крупной еврейской буржуазии. (Стр. 281).

[85]) Под председательством бывшего адвоката, а в империалистическую войну 1914 года интенданта и генерала, Дауэса — ставленника

американского миллионера Моргана — была образована комиссия экспертов, выработавшая так наз. «план Дауэса», принятый с некоторыми изменениями на Лондонской конференции союзников 16 августа 1924 года. Согласно этому плану все германские железные дороги, оцененные в 26 миллиардов марок, передаются германским правительством в управление специальному обществу, во главе которого стоит совет из 9 лиц, назначенных германским правительством, и 9, назначенных Репарационной Комиссией. Кроме того, Антанта, т.-е. «согласие» Англии и Франции, назначает особого комиссара, который в случае невыполнения советом лежащих на нем обязательств, принимает меры по своему усмотрению и может взять на себя управление дорогами. Общество выпускает на 11 миллиардов марок 6-процентных облигаций и передает их Репарационной Комиссии, выпускает на 13 миллиардов обыкновенных акций (передаются германскому правительству) и на 2 миллиарда привилегированных акций (1½ миллиарда остаются в руках Общества, а 500 миллионов передаются правительству с обязательством продать половину из них и деньги внести агенту по репарациям). Проценты по облигациям первые 3 года уплачиваются в уменьшенном размере, а с 4-го года полностью (5% + 1% на погашение облигаций). Германские промышленные предприятия с капиталом свыше 50.000 марок также выдают 6% обязательства на общую сумму в 5 миллиардов марок (полностью проценты вносятся начиная с 4-го года).

Все поступления налогов на водку, пиво, сахар, таможенные пошлины и транспортный налог передаются налоговому комиссару Антанты, который удерживает определенную по плану сумму, а остаток передает германскому правительству. В случае неуплаты промышленностью и транспортом причитающихся с них взносов недостающее пополняется из собранных налогов, которые по требованию комиссара могут быть повышены. С 5-го года налоговые платежи равны сумме всех прочих платежей. Для установления твердой валюты организуется независимый от германского правительства банк, находящийся под наблюдением специального комиссара; этому банку предоставляется исключительное право выпуска бумажных денег; даже чеканку монет германское правительство обязано проводить через этот банк. Германии предоставляется международный заем в 800 миллионов марок золотом (большую часть вносит Америка). Под обеспечение этих денег германский банк выпускает на 2 миллиарда банкнот, передает их германскому правительству, а последнее оплачивает ими поставки натурой.

В течение первых 5 лет по плану Дауэса Германия должна произвести следующие платежи:

1-й год (с 1/IX 1924 г. по 31/VIII 1925 г.):

Выручка от международного займа	800	миллион.	зол.	мар.
%% по железнодорожным облигациям	200	»	»	»
Итого	1.000	»	»	»

2-й год (1925/26):		миллион.	зол.	мар.
Выручка от продажи привилегированных железнодорожных акций	250	»	»	»
Транспортный налог	250	»	»	»
$^0/_0{}^0/_0$ по железнодорожным облигациям	595	»	»	»
$^0/_0{}^0/_0$ по промышленным облигациям	125	»	»	»
Итого	1.220	»	»	»
3-й год (1926/27):				
Таможенные пошлины и налоги	110	»	»	»
Транспортный налог	290	»	»	»
$^0/_0{}^0/_0$ по железнодорожным облигациям	550	»	»	»
$^0/_0{}^0/_0$ и погашение по промышл. облигац.	250	»	»	»
Итого	1.200	»	»	»
4-й год (1927/28):				
Таможенные пошлины и налоги	500	»	»	»
Транспортный налог	290	»	»	»
$^0/_0{}^0/_0$ и погашения по жел.-дор. облиг.	660	»	»	»
$^0/_0{}^0/_0$ и погашения по промышл. облиг.	300	»	»	»
Итого	1.750	»	»	»
5-й год (1928/29):				
Таможенные пошлины и налоги	1.250	»	»	»
Транспортный налог	290	»	»	»
$^0/_0{}^0/_0$ и погашение по жел.-дор. облиг.	660	»	»	»
$^0/_0{}^0/_0$ и погашение по пром. облиг.	300	»	»	»
Итого	2.500	»	»	»

В дальнейшем, в зависимости от установленного планом «индекса (показателя) благосостояния», эта основная сумма в 2.500 миллионов будет увеличиваться, так что улучшение хозяйственного положения Германии повлечет за собой увеличение платежей, которое будет проводиться за счет увеличения косвенных налогов.

Для того, чтобы перевод этих платежей за границу не вызвал падения германской валюты, он будет производиться лишь по мере возможности, непереведенная сумма до 2 миллиардов хранится в германском банке, а сверх 2 до 5 миллиардов должна использоваться для скупки германских промышленных предприятий или их облигаций. В случае скопления более 5 миллиардов, непереведенных за границу сумм, взимание платежей временно приостанавливается впредь до возможности перевода накопленного за границу. Все требуемые планом законодательные меры были проведены германским рейхстагом в ряде законов, принятых 30 августа 1924 года.

План Дауэса вскоре же принес германским рабочим увольнение 140.000 железнодорожников, увеличение налогов на предметы потребления и усиление эксплоатации рабочих со стороны капитала. (Стр. 291).

[86]) Гулльский Конгресс английских тред-юнионов состоялся 1—10 сентября 1924 года.

Из решений его важнейшими являются следующие:

1) расширение полномочий Генерального Совета тред-юнионов, с предоставлением ему права участия в промышленных конфликтах отдельных союзов и призыва на помощь борющимся всех остальных рабочих;

2) организация союзов по производственному принципу, со сведением числа союзов до минимума и обеспечением возможности единства при выступлениях;

3) поручение Генеральному Совету воздействовать на Амстердамский Интернационал для создания об'единенного Интернационала профсоюзов.

Последнее решение было принято после выступления тов. Томского.

Наряду с этими прогрессивными решениями, Конгресс сделал ряд ошибок. Так, например, он отказал в присоединении к Конгрессу местных профессиональных советов и Национального Комитета безработных (в Англии безработные не состоят в тред-юнионах и имеют собственную организацию). Конгресс не отмежевался от политики рабочего правительства Макдональда, поддерживавшего проведение плана Дауэса в Германии, уклонился от осуждения империалистической политики «рабочего» правительства, интервенции в Китае. Такой двойственный характер решений Конгресса об'ясняется тем, что на нем происходила борьба между левым меньшинством и представителями профсоюзной бюрократии, державшей в своих руках руководство тред-юнионами. (Стр. 295).

[87]) Американская Федерация Труда основана в 1881 году под названием «Федерации Организованных Профессиональных и Рабочих Союзов Соединенных Штатов и Канады» на с'езде национальных и местных союзов. Важнейшую роль в создании ее играл союз сигарщиков, одним из видных деятелей которого был умерший в 1924 г. Самуэль Гомперс. Союз этот первым провел у себя расширение полномочий центрального органа, увеличение членских взносов, выдачу пособий по безработице и контроль центра за местными финансами. Надо отметить, что он всячески старался оградить себя от проникновения неквалифицированных рабочих. Национальные союзы постепенно свели к нулю влияние местных союзов, включавших и неквалифицированных рабочих, и в 1887 году организовались в Американскую Федерацию Труда, опиравшуюся исключительно на вертикальные узко-цеховые об'единения, враждебно относившуюся к неквалифицированным рабочим и заявившую в своей программе, что она будет стоять на платформе узко-экономической борьбы за улучшение положения своих членов. Благодаря централизации внутри отдельных союзов АФТ в 1889—90 годах провела удачно 989 забастовок из 1.163, обеспечив этим свой дальнейший рост; в 1920 году АФТ об'единяла 4.078.740 членов, но положенные

в ее основу принципы и руководство соглашательской бюрократической верхушки привели к вырождению АФТ.

Размер членских взносов в некоторых организациях ее доходит до 300 долларов (около 600 рублей) — отсюда ее замкнутый кастовый характер. Во время стачки в 1924 году 70.000 углекопов получили за первое полугодие 42.000 долларов пособия от союза, а жалованье 7 человек правления союза за то же время равнялось 43.000 долларов. Стачка нью-йоркских печатников в 1923 году была разгромлена руководителем союза майором Берри с помощью полиции и штрейкбрехеров. АФТ вышла из Амстердамского Интернационала Профессиональных Союзов, находя даже его слишком революционным. Руководители АФТ являются более ярыми противниками признания СССР, чем сама американская буржуазия. В последнее время АФТ широко практикует организацию рабочих банков, акционерами которых являются рабочие; таким путем союзы становятся на путь превращения в мелкие акционерные общества, в придаток капиталистической системы. Этот новый уклон в американском профессиональном движении является предметом вожделения и для правой части европейских реформистов, тянущих к АФТ в противовес намечающемуся единому фронту западноевропейского профессионального движения с революционными профессиональными союзами, входящими в Профинтерн.

Предательская тактика вождей АФТ вызвала отлив членов; с 1920 по 1924 гг. АФТ потеряла около 1.250.000 человек.

После смерти Гомперса руководителем федерации является Роберт Грин. (Стр. 296).

Документы.

Из резолюций с'ездов и конференций ВКП (б) *).

XII С'езд РКП (б).

(Апрель 1923 г.).

V. О промышленности.

1. Общая роль промышленности в социалистическом строительстве.

Взаимоотношение, какое существует у нас между рабочим классом и крестьянством, опирается, в последнем счете, на взаимоотношение между промышленностью и сельским хозяйством. Свое руководящее положение рабочий класс может, в последнем счете, сохранить и укрепить не через аппарат государства, не через армию, а через промышленность, которая воспроизводит самый пролетариат. Партия, профсоюзы, союзы молодежи, наши школы и проч. имеют своей задачей воспитание и подготовку новых поколений рабочего класса. Но вся эта работа оказалась бы построенной на песке, если бы не имела под собой растущей промышленной базы. Только развитие промышленности создает незыблемую основу пролетарской диуктатуры.

8. Заработная плата.

Практика заработной платы за истекший период в общем и целом подтвердила правильность решений XI С'езда партии и постановлений V С'езда профсоюзов, в частности, относительно заключения коллективных договоров между профсоюзами и хозорганизациями.

За истекший год можно констатировать значительный рост заработной платы по всем категориям рабочих, что повлекло за собой и значительное повышение производительности труда.

Общая политика заработной платы должна быть в дальнейшем направлена к большему или меньшему выравнению средней заработной платы во всех отраслях промышленности, с необходимыми поправками на среднюю квалификацию так, чтобы рабочие однородной или равноценной квалификации оплачивались приблизительно одинаково в разных отраслях промышленности, по возможности независимо от частных колебаний рынка при действительной обусловленности индивидуальной заработной платы фактической выработкой. Соответственные государственные органы рука об руку с профессиональными союзами должны

---

*) Резолюции с'ездов и конференций ВКП(б) даются в выдержках.

направлять свои усилия на то, чтобы более благоприятная кон'юнктура данной отрасли промышленности шла на пользу не только рабочим этой промышленности, но и рабочему классу в целом, повышая заработок в отсталых отраслях, в первую голову — в тяжелой индустрии и на транспорте.

Всемерно стремясь к улучшению положения рабочего класса, государственные органы и профессиональные союзы должны памятовать, что длительное и всеохватывающее улучшение возможно только на основе развивающейся, т.-е. приносящей прибыль промышленности. С этой точки зрения, такие меры, как поддержание на ходу предприятий с низкой нагрузкой, или содержание на заводе числа рабочих, не соответствующего фактической производительности предприятия, представляют собою самую убыточную и нерациональную форму социального обеспечения и тем самым направлены против завтрашнего дня рабочего класса.

Обременение промышленных предприятий всякого рода, не вытекающими из производства и не предусмотренными законом накладными расходами, как бы важно ни было их значение, приносит неисчислимый вред хозяйству и государству, так как подрывает возможность правильной калькуляции и в полузамаскированном виде навязывает государству расходы, которые при данном состоянии его средств ему не под силу. Произвольные, т.-е. не указанные законами и не регулируемые государством, «пожертвования» трестов представляют собой не что иное, как расточение государственного достояния и, как таковое, должны караться по закону.

Необходима внимательная проверка фактического применения в нынешней обстановке кодекса труда и всех вообще положений о рабочей силе заработной платы, продолжительности рабочего дня для разных категорий, об отчислениях на социальное страхование, культурно-просветительные нужды и пр. и пр., с целью, с одной стороны, удовлетворения интересов рабочих в максимальной степени, какая допускается нынешним положением промышленности, а, с другой стороны, — устранения или временного изменения положений, явно невыполнимых в условиях нынешнего состояния хозяйства. Хозяйственники и профессионалисты должны с полной об'ективностью подбирать совместно строго проверенный фактический материал для указанных выше законодательных изменений или административных мероприятий.

11. Хозяйственники, их положение и задачи, воспитание нового поколения техников и хозяйственников.

Взаимоотношения профсоюзов и хозорганов, определенные решениями XI С'езда партии, правильность которых подтверждена опытом последнего года, должны и дальше развиваться и укрепляться в духе указанных решений.

Система действительного единовластия должна быть проведена в организации промышленности сверху донизу. Подбор работников и их перемещение и смещение являются в руках руководящих хозяйственных органов необходимым условием действительного руководства промышленностью и возможности нести ответственность за ее судьбы. Рекомендации и аттестации профессиональных органов должны учитываться с полным вниманием, но не могут ни в коем случае снимать ответственности с соответственных хозяйственных органов, которым существующие положения предоставляют полную свободу подбора и назначения.

Слабой стороной государственной промышленности и торговли является их тяжеловесность, неподвижность, недостаточная предприимчивость. Причина этого — в далеко еще недостаточном отборе хозяйственных работников, в недостаточном их опыте, в недостаточной заинтересованности их в успехах собственной работы. Необходимы правильные систематические мероприятия во всех этих направлениях. В частности, вознаграждение руководителей предприятия должно быть поставлено в зависимость от баланса, как заработная плата — от выработки.

Работа руководящих хозяйственников (цехов, мастеров, директоров заводов и фабрик, председателей и членов правлений трестов и пр.), поскольку задачей их является понижение расходов производства и извлечение прибыли, наталкивается на чрезвычайные трудности, приводящие нередко к конфликтам, смещениям и перемещениям. Хозяйственник стоит всегда перед двумя опасностями: а) восстановить против себя своей повышенной требовательностью рабочих предприятия и их представительные органы или местные партийные и советские учреждения; б) пойти в вопросах производительности труда, заработной платы и пр. по линии наименьшего сопротивления, поступаясь тем самым прибыльностью предприятия и, следовательно, его будущим. Разумеется, директор советской фабрики должен с величайшим вниманием относиться к материальным и духовным интересам рабочих, к их чувствам и настроениям. Но в то же время он не должен никогда упускать из виду, что высшей его обязанностью по отношению к рабочему классу в целом является повышение производительности труда, понижение себестоимости продукции, увеличение количества материальных благ в распоряжении рабочего государства. Партийные и профессиональные работники обязаны оказывать советскому директору на этом пути всемерное содействие. Внимательность, настойчивость и расчетливость являются необходимыми качествами советского хозяйственника. Его высшей аттестацией является активный баланс предприятия.

Нужно помочь молодой массе понять, что директор, стремящийся к получению прибыли, в такой же мере служит интересам рабочего класса, как и работник профессионального союза, стремящийся поднять жизненный уровень рабочего и охранить его здоровье.

Хорошо справляющийся со своими обязанностями директор должен быть огражден от всяких неожиданностей и случайностей, от всяких, без крайней нужды, перебросок и перемещений.

На защиту и поддержку директора, зарекомендовавшего себя положительными результатами работ, центральные и местные органы партии должны бросать всю силу своего авторитета.

С другой стороны, необходимо со всей решительностью провести, как правило, обязательное на всей территории СССР, что директор, не выполнивший своих обязательств, не может быть приглашен вновь на такую же или высшую работу до тех пор, пока он работой на низших должностях не докажет, что им приобретен достаточный опыт для того, чтобы ему вновь можно было доверить серьезное дело.

Подготовка новых хозяйственных работников должна получить систематический и в то же время глубоко специализированный характер. Суммарные методы, когда обучались наспех, вприглядку, должны быть заменены систематическим обучением по определенному плану с прохождением определенного стажа. Работникам, выдвинутым первым периодом и не успевшим приобрести необходимых познаний, нужно дать возможность заполнить наиболее существенные пробелы.

С'езд считает, в частности, необходимым всемерно усилить подготовку счетных работников, направив на это дело значительное количество членов партии в целях обеспечения более успешного разрешения задач организации правильной отчетности.

Специализация по родам практической деятельности должна, однако, быть тесно связана с повышением теоретического и политического уровня и партийной спайки, иначе специализация могла бы нанести ущерб партии, как всезнайство наносит удары хозяйству.

Партия и профсоюзы должны обратить серьезнейшее внимание на увеличение кадра хозяйственников-рабочих, в особенности коммунистов, в органах управления промышленностью на всех ступенях хозяйственной иерархии, поставив себе в первую голову задачу обеспечить заводы и фабрики соответственным кадром красных директоров.

Обучение технике должно быть для новых поколений не только вопросом специализации, но и делом революционного долга. В условиях рабочего государства весь тот энтузиазм, который расходовался ранее рабочей молодежью на революционно-политическую борьбу, должен направляться на овладение наукой и техникой. Нужно, чтобы учащийся, относящийся небрежно к занятиям, встречал к себе такое же отношение, как дезертир или штрейкбрехер в борьбе против буржуазии. Организация социалистического хозяйства для пролетарского авангарда — не карьера, а подвиг.

12. Привлечение специалистов в производстве.

....Администраторы и техники, зарекомендовавшие себя полезной и инициативной работой в течение продолжительного времени, должны

отмечаться партией, советскими организациями и профсоюзами, как особенно ценные работники, с распространением на них того же общественного уважения, каким пользуются специалисты, успешно работающие в Красной армии.

XIII Конференция РКП (б).

(Январь 1924 г.).

I. О партстроительстве.

4. О контрольных комиссиях.

.....в) Формами привлечения трудящихся к делу изучения и улучшения государственного аппарата могут быть ячейки содействия на предприятиях и в государственных учреждениях, формируемые контрольной комиссией и Рабоче-Крестьянской Инспекцией совместно с профсоюзами. Партийные ячейки на предприятиях должны быть тесно связаны с ячейками содействия РКИ и руководить их работой через фабзавкомы.....

6. Работа в массах и вовлечение масс в практическое строительство.

Работа по вовлечению масс в практическое строительство должна быть усилена именно в виду опасности отрыва госаппарата от масс. Поэтому отчетность и информация со стороны хозяйственников должны быть проведены и по отношению к массам (делегатские и общие собрания рабочих, фабзавкомы, беспартийные рабочие и крестьянские конференции и т. д.).

Особое внимание должно быть обращено также и на приближение профсоюзов к производству. Необходимо усилить влияние профсоюзов в деле подбора и выдвигания новых людей на хозяйственные посты, в деле контроля над работой хозорганов (громадное значение имеет и контроль за своевременной выплатой зарплаты, ее подходящей формой и т. д.); профсоюзы должны созывать производственные конференции по об'единенным трестам (с участием представителей фабзавкомов и руководителей); профсоюзы должны давать отражение своей работы в профессиональной прессе, которую необходимо улучшить и подкрепить.

Всемерно должен быть подкрепляем институт рабочих корреспондентов, который необходимо тщательно оберегать от какой бы то ни было казенщины и бюрократизации. Партийной и советской периодической печати поставить в обязанность максимально прислушиваться к требованиям и предложениям, идущим со стороны масс.

При выборах в советы рабочих и крестьянских депутатов обращать внимание на выдвигание новых людей, проводить наряду с партийными деловых беспартийных рабочих, втягивать этих последних в активную работу (работа секций горсовета, совещание отделов

и исполкомов с представителями рабочих и крестьян, ячеек содействия РКИ и т. д.).

Усилить практику беспартийных широких конференций; способствовать росту всевозможных добровольных, самодеятельных об'единений: культурно-просветительных, спортивных и т. д., в особенности таких, которые непосредственно затрагивают семейно-общественный быт рабочей массы (нарпит и т. п.), обеспечивая им возможность правильного развития.

Необходимо шире развернуть практику открытых собраний в ячейках и на основании опыта этих открытых собраний подбирать кадры беспартийных, активных помощников нашей партии.

II. Об очередных задачах экономической политики.

3. Заработная плата и профсоюзы.

Хозяйственные затруднения, наступившие осенью, сопровождались колебаниями в области заработной платы, а также вызвали ряд недочетов как в сроках выплаты заработной платы, так и в форме ее выплаты. Политбюро в начале августа и пленум Центрального Комитета партии в сентябре приняли ряд решений, направленных к удержанию заработной платы от падения и к увеличению ее среди отставших в отношении зарплаты групп пролетариата (например, железнодорожников).

Партия считает, что состояние промышленности и государственного хозяйства в целом позволяют прекратить выплату зарплаты в таких формах, которые означали бы ее фактическое сокращение (суррогаты, крупные купюры), а также принять ряд решительных мер, направленных против несвоевременной выплаты заработной платы. Партия требует от всех хозяйственных органов дальнейшей борьбы со всеми этими недочетами и настаивает на том, что своевременная выплата заработной платы является первейшей обязанностью хозорганов.

Под'ем промышленности и транспорта, основывающийся на героическом напряжении сил рабочего класса, должен находить свое отражение в улучшении положения рабочих. Постоянное внимание профсоюзных органов должно быть обращено на то, чтобы эти две линии — хозяйственного под'ема и под'ема благосостояния рабочего класса — находились в достаточном соответствии.

Процесс восстановления нашей промышленности неизбежно сопровождается количественным ростом пролетариата, его консолидацией, повышением его материального и культурного уровня. На этой почве перед профсоюзами особенно настойчиво выдвигается задача гораздо ближе стать к делу организации и руководства промышленностью.

С особой тщательностью профсоюзы должны проводить подбор выдвигающихся из рабочих масс организаторов, могущих занять посты руководителей государственной промышленности. Партия, профсоюзы и хозорганы в целях этого выдвижения должны поставить перед собою

задачу, путем специальных школ, а также вовлечения широких масс в обсуждение хозяйственного положения и текущей работы промышленных предприятий, подготавливать кадры таких рабочих-руководителей.

Производственные конференции, на которых для обсуждения текущих вопросов производственной жизни, подведения итогов, обмена опытом должны сходиться представители хозяйственных органов, профсоюзов, партии и беспартийных рабочих, должны устраиваться регулярно. Эти конференции должны дать возможность профсоюзам тщательно изучать и контролировать ведение дел в предприятиях, оказывая всемерное содействие хозорганам в деле улучшения хозяйства, в борьбе с бесхозяйственностью, накладными расходами и т. п.

Практические выводы.

.....б) В области промышленности.

1. Рационализация производства и повышение производительности труда.

8. Всемерная поддержка хозяйственников в их трудной работе по промышленному строительству в условиях ожесточенной борьбы с частным капиталом.

9. Усилить участие профсоюзов в работе по руководству хозорганами, контролю над их деятельностью и по подбору хозяйственных работников.

в) В области заработной платы.

1. Держать курс на под'ем заработной платы, в соответствии с под'емом промышленности и производительности труда.

В частности, обратить особое внимание на дальнейшее подтягивание зарплаты рабочих в тех основных отраслях промышленности и в тех районах производства, где величина зарплаты все еще отстает от среднего уровня.

2. Установить строжайшие кары за задержку выплаты заработной платы; признать вместе с тем необходимым полное возмещение рабочим потери на разнице курсов совзнаков в случае задержки выплаты заработной платы.

В тех случаях, в коих зарплата исчисляется в червонцах, считать необходимым, в целях сохранения реальной высоты зарплаты, устанавливать, по истечении каждого месяца, в зависимости от роста дороговизны, необходимость специальных надбавок на дороговизну.

3. Запретить огульную выдачу тантьем, допустив таковую лишь из чистой прибыли и только отдельным, особо добросовестным и заслуженным работникам, при условии согласия профсоюзов.

4. Улучшить жилищные условия рабочих, признав очередной задачей обеспечение государственного кредита для советского жилищного строительства.

5. Обратить особое внимание на уплату страховых взносов для обеспечения в первую очередь той части безработных, кои представляют действительно пролетарские элементы, и которые должны быть прежде всего вовлечены в производство при его расширении.

XIII С'езд РКП (б).

(23 — 31 мая 1924 г.).

V. Об очередных задачах партийного строительства.

15. Значительно возросшая активность фабрично-заводских ячеек и наличие серьезного политического под'ема в рабочих массах создают новые условия во взаимоотношениях между партийными ячейками и фабрично-заводскими комитетами. Роль партийных организаций на фабриках и заводах, вместе с их ростом, значительно возрастает. Но это ни в коем случае не должно вести к тому, чтобы уменьшилась и суживалась работа и роль общерабочих, в частности профессиональных организаций, на предприятиях. Напротив, и роль общерабочих (профессиональных, советских и др.) органов также должна сильно возрасти.

Ячейка не должна ставить своей целью предрешение всех вопросов на предварительных партийных собраниях. Безусловно оставляя за собою предварительное ознакомление и подготовку вопросов общезаводской жизни, ячейка должна стремиться к тому, чтобы эта предварительная подготовка сосредоточивалась на вопросах руководящего и принципиального значения. Тем самым роль общезаводских собраний и работа общерабочих выборных органов должны не только не суживаться, но развертываться теперь еще шире, при активном участии членов партии и при необходимом руководящем влиянии местной партийной ячейки.

В связи с указанной новой обстановкой, создающейся на предприятиях для совместной работы партийных и общезаводских рабочих организаций, необходима новая проработка этих вопросов как в партийном порядке, так и в порядке работы профсоюзов.

VI. О работе контрольных комиссий.

.....Кроме вовлечения рабочих в непосредственную работу в органах управления и хозяйства, необходима мобилизация усилий рабочих вокруг работы РКИ и ЦКК, являющихся, по мысли тов. Ленина и согласно резолюции XII С'езда, органами, содействующими улучшению государственного аппарата.

В виду этого с'езд утверждает решение Центрального Комитета партии и Центральной Контрольной Комиссии об установлении тесной связи между органами РКИ и фабзавкомами и о взаимном содействии органов профессиональных союзов и органов партийного и советского контроля в деле улучшения производства и управления.

Успешность всех усилий по улучшению госаппарата может быть гарантирована лишь в том случае, если в эту работу будут вовлечены те, которые стоят во главе данного органа или предприятия.

Поэтому органы РКИ и профессиональных союзов должны избегать производить работу по улучшению государственного аппарата оторванно от руководителей соответствующих органов и должны проводить все улучшения аппарата через этих руководителей, являющихся ответственными за положение дела в данном органе или предприятии.

С этой же целью вовлечения широких рабоче-крестьянских масс в дело улучшения государственного аппарата должна быть максимально усилена информация о работе КК и РКИ и органов управления и хозяйства, а также агитация и пропаганда идей В. И. Ленина, положенных им в основу реорганизации РКИ и ЦКК, и популяризация задач, возложенных на эти органы постановлениями партии.

С'езд поручает ЦКК обратить в своей повседневной работе внимание на то, что часто между работниками и руководителями хозяйственных и профессиональных органов нет общего языка и общей линии. Задачей контрольных комиссий должна явиться помощь как ЦК, так и местным парторганам об'единять и выпрямлять линии профессионалистов и хозяйственников при выполнении общей задачи построения государства рабочей диктатуры и укрепления союза рабочего класса с крестьянством.

VIII. О кооперации.

7. Рабочая кооперация.

Слабой стороной рабочей кооперации до сих пор является все еще недостаточный охват рабочего потребителя и слабая реализация его зарплаты, большую часть которой перехватывает частный рынок. Вот почему первейшей задачей рабочей кооперации при полной поддержке профсоюзов является добиться в ближайшее время добровольного кооперирования всех рабочих и через расширение низовой сети кооперативов и улучшение своей торговой практики добиться того, чтобы рабочий большую часть заработной платы отдавал своему кооперативу за доброкачественные и дешевые продукты потребления.

В условиях, когда еще зарплата не достигает таких размеров, чтобы полностью покрыть все потребности рабочего, кооперация может в значительной степени облегчить и улучшить материальное положение рабочих своими льготами (рабочий кредит, удешевление товаров и скидки и т. п.), тем самым борясь с различными формами закабаления и спекуляции по отношению к рабочим со стороны частной торговли. Со стороны кооперативных центров первейшее внимание в смысле организационной и материальной помощи должно быть обращено на основные рабочие районы (Донбасс, Урал, Ленинград, Баку и др.), а также и на транспортную рабочую кооперацию, которая обслуживает работников одной из важнейших отраслей хозяйства.

Особенно важное значение в деле укрепления рабочей кооперации имеет участие в ней профессиональных союзов, которые, с одной стороны, практически, посылкой работников в кооперацию и своими указаниями, должны помочь ей, а с другой — больше чем кто-либо связанные с широкими беспартийными массами, могут лучше всего оказать влияние своей организационно-культурной работой в смысле наиболее полной связи всех рабочих с кооперацией.

11. Жилищный вопрос и кооперация.

Важнейшим вопросом материального быта рабочих все больше становится жилищный вопрос, который может быть правильно и успешно разрешаем не только одними государственными мерами и помощью, а и самодеятельностью самого населения и его материальным участием. Наиболее лучшей формой такой самодеятельности в изживании жилищной нужды трудящихся является жилищная кооперация, которая своим небольшим опытом практической работы доказала свою жизненность и целесообразность. Все органы советской власти должны всемерно поддержать в работе жилищную кооперацию.

IX. О работе в деревне.

О культурной работе в деревне.

11. Необходимо, чтобы профсоюзы, учитывая общегосударственное значение в данный момент работы в деревне, приняли активное участие в общей работе по общему плану. В деле поднятия культурного уровня в деревне профсоюзы, если они займут правильную позицию, могут сыграть крупную роль.

12. В деревенской работе профсоюзов особенно велика роль рабпроса. В условиях совершающегося политического сдвига учительства при соответствующей энергии и инициативе ячеек профсоюза рабпроса на местах, сельский учитель может стать активной культурной силой в деле формирования советской общественности в деревне. Задаче вовлечения сельского учительства в политико-просветительную работу, снабжения его нужным в работе политическим материалом (книжкой и газетой) необходимо придать поэтому первенствующее значение.

X. О печати.

7. Профессиональная печать должна стать массовой и сосредоточить свое главное внимание на обслуживании повседневных экономических и культурных нужд рабочего класса, связывая их с общими задачами профдвижения и обратив в первую очередь свое внимание на работу фабзавкомов, делегатских собраний, союзных организаций, поднимая их авторитет и связывая с ними широкие массы пролетариата. Профпечать должна теснее связываться со своим читателем и подписчиком (массовое вовлечение низовых профкоров, переход на

индивидуальную подписку). Массовые профжурналы должны стать на путь обслуживания широких кругов низовых профработников и передовых членов союзов. Парторганы должны содействовать улучшению и укреплению профпрессы.

8. Печати необходимо поставить в обязанность максимально чутко прислушиваться к требованиям и предложениям, идущим со стороны масс. Нужно всемерно укреплять институт рабочих корреспондентов, тщательно оберегая их от какой бы то ни было казенщины и бюрократизации. Основной формой рабкоровской организации должно явиться их об'единение при газете. Помощь и руководство партии рабкоровским движением должны заключаться в усилении коммунистического воспитания рабкоров, в содействии газетам в подборе рабкоров, в организации политпросветительной работы среди рабкоров (кружки, клубы, краткосрочные курсы, с'езды и т. д.) и в содействии повышению их рабкоровской квалификации. Усиление внимания партии и профсоюзов к рабкорам не должно ни в коем случае превращаться в опеку (цензуру низовых ячеек, фабзавкомов и т. п.). Работа партии в области рабкоровского движения должна ориентироваться на дальнейшее массовое вовлечение свежих кадров рабочего класса в рабкоровскую работу (в особенности из ленинского набора) и всемерное укрепление и усиление связи рабкоров с массой как в процессе производства, так и в повседневном быту.

9. Стенные газеты приобретают все большее значение в системе нашей печати, как орудие воздействия на массы и как форма выявления их активности. Фабзаводские газеты играют уже большую роль в области улучшения производства, правильной его постановки и строительства нового быта в борьбе с неграмотностью и религиозными предрассудками. Работа над стенгазетой в предприятиях должна вестись при всемерном содействии и под руководством парт'ячеек и комсомола. Парткомы должны усилить руководство работой стенгазет.

12. ....Необходимо приступить к созданию литературы для детей под тщательным контролем и руководством партии, с целью усиления в этой литературе моментов классового, интернационального, трудового воспитания. В частности, развернуть дело издания пионерской литературы, привлекая к этой работе в помощь комсомолу партийные, профессиональные и советские организации.

13. Необходимо укрепить существующие периодические издания для работниц и крестьянок, а в общих органах печати уделять больше внимания освещению вопросов труда и быта широких масс работниц и крестьянок. Необходимо усилить участие работниц и крестьянок в нашей печати (рабкорки, селькорки, профкорки), вовлекая в первую очередь «ленинок», делегаток и т. д.

Особое внимание обратить на привлечение работниц и крестьянок к участию в стенных газетах. К обслуживанию изданий для работниц и крестьянок должны быть привлечены также все партийцы, участвующие в общей прессе.

XI. Об агитпропработе.

2. В области пропаганды.

8. В соответствии с общим переломом работы агитпропов в партии и в области пропаганды должны быть выдвинуты на первый план ее массовые формы, а среди них виднейшее место должны занять рабочий клуб, красный уголок, изба-читальня (сельбудынок на Украине) и культшефство над деревней.

9. В настоящее время с большей необходимостью, чем ранее, выдвигается задача действительного превращения рабочих клубов в центры коммунистического воспитания масс рабочих и работниц. Обслуживание ленинского призыва — вовлечение его в организационную работу клуба, создание из него орудия организационного охвата рабочей массы, сплочения вокруг задач партии, государства, кооперации и профсоюзов и дальнейшего втягивания рабочих в ряды партии — должно стать целью всей клубной работы в ближайший период. Этой цели должны быть подчинены все основные виды и формы просветительной и воспитательной работы клуба — общественно-политическая, хозяйственно-экономическая, производственная и бытовая.

Клуб должен быть организован на основе добровольного членства, обеспечивающего максимальную активность его членов.

На первый план должны быть выдвинуты формы массовой клубной работы, и им должна быть подчинена как деятельность всех клубов, так и работа клубной аудитории в целом.

В самом же содержании клубной работы на первый план должна быть выдвинута пропаганда и раз'яснение основных задач, стоящих перед партией, государством и профсоюзами в области хозяйственного, государственного и профессионального строительства, тактики партии и политики советской власти на основах ленинизма. Пропаганде ленинизма должно быть отведено в общей работе клуба виднейшее место. Орудием этой пропаганды должна стать и библиотека клуба, для чего необходим соответствующий подбор литературы.

Значительное внимание необходимо также уделить естественно-научной (антирелигиозной) пропаганде.

Задачи клубов требуют действительного об'единения всей клубной работы под ближайшим руководством и контролем партии. Это руководство должно быть как политическим и организационным, так и методическим, должно связывать деятельность рабочих клубов с работой всех других клубов (партийных, комсомольских, красноармейских и пр.) и должно осуществляться через особые клубные комиссии при агитпропах парткомов, при чем в каждом клубе из числа его членов-коммунистов организуются партколлективы, возглавляемые фракциями правлений клубов и находящиеся в постоянной связи с клубными комиссиями парткомов.

18. .....Вовлечение этих слоев в массовую работу должно происходить в тех же основных формах, что и вовлечение слушателей СПШ

и комвузов. Работа эта должна носить организационный характер, протекать под ближайшим руководством парткомов и парт'ячеек и при ближайшем участии профсекций вузов и рабфаков, проводиться на началах тщательного подбора студентов для каждого рода и вида массовой работы и сопровождаться проработкой ее опыта и результатов в парткружках, с вовлечением в них и беспартийного студенчества, втянутого в эту работу.

4. Кино.

1. Кино должно явиться в руках партии могущественным средством коммунистического просвещения и агитации. Необходимо привлечь к этому делу внимание широких пролетарских масс, партийных и профессиональных организаций. До сих пор партии не удалось подойти вплотную к надлежащему использованию кино и овладеть им.

XII. О работе среди молодежи.

4. Работа РКСМ.

29. В работе среди городской пролетарской молодежи необходима прежде всего усиленная деятельность союза по экономическо-правовой линии. Здесь следует, в связи с ростом безработицы и относительным понижением заработной платы подростков, вести борьбу за сохранение рабочей молодежи, как будущих полноценных квалифицированных работников, проведение в жизнь законодательства об охране труда молодежи, сохранение установленного процента подростков по отношению в взрослым, удержание системы оплаты труда подростков, их социального страхования и т. д.; работа по охране труда, тарифная работа и пр. Особо необходимо обратить внимание на увязку между перспективами развития промышленности и подготовкой рабочих сил соответствующей квалификации. РКСМ должен также систематически работать в сфере защиты интересов подростков в частных, арендованных и концессионных предприятиях, тщательно следя за соблюдением советских законов и организуя в случае их нарушения, совместно с профсоюзами и партией, соответствующее сопротивление.

30. В области борьбы за повышение технически-культурного уровня рабочих подростков и рабочего юношества особо важную роль играют школы фабрично-заводского ученичества и профтехнические курсы. Расширение школ фабзавуча, улучшение постановки преподавания в связи с улучшением материальной их обеспеченности является очередной задачей партии, профсоюзов и совласти,— задачей, в разрешении которой необходимо опираться раньше всего на РКСМ.

31. В школьной работе в городах и деревне необходимо возможно большее приспособление школы к потребностям рабочего класса и крестьянства на основе задач социалистического строительства. Эта работа должна выполняться Наркомпросом в полном контакте с РКСМ. Для разработки всех связанных с этим вопросов необходим созыв

специального совещания при ЦК. Школьная работа должна обязательно соединяться с возможно большим развитием самодеятельности учащихся и созданием их широкой общественности.

Резолюции Всесоюзных с'ездов профсоюзов и пленумов ВЦСПС *).

V Всероссийский С'езд Профсоюзов
(17—22 сентября 1922 г.)

Резолюция «Об итогах и перспективах профессионального движения».

1. Своеобразность нового периода российского профдвижения заключается в том, что при наличии диктатуры пролетариата в лице советской власти, в руках которой находится большая часть промышленности и транспорта, в пределах, допускаемых рабоче-крестьянским государством, развивается частная промышленность и товарный рынок.

Принцип хозяйственного расчета при наличии отношений вольного рынка, конкуренции и т. п., значительно изменяя взаимоотношения между отдельными государственными хозяйственными единицами, не изменяет содержания и задач госпромышленности и всего государственного хозяйства, ибо сущность пролетарского государства остается неизменной.

2. Развивающийся рынок в различной степени оказывает влияние не только на различные виды народного хозяйства, но и на различные отрасли промышленности и создает, в свою очередь, для профсоюзов, в зависимости от экономического положения той отрасли народного хозяйства, работников которой они об'единяют (или роли и характера деятельности данного госучреждения), необходимость разнообразных форм и методов в осуществлении защиты экономических интересов своих членов и улучшения их положения.

3. Это, в свою очередь, влечет за собой необходимость относительного своеобразия организационных форм и структуры союзных органов, в зависимости от роли в общегосударственной экономике и характера деятельности работников, об'единяемых данным союзом.

Но это своеобразие ни в коем случае не может нарушать основного принципа строительства профсоюзов по производству, а равно выливаться в дробление крупных профессиональных об'единений на мелкие, слабые союзы.

4. Разность влияния нэпа на отдельные союзы и вытекающее отсюда разнообразие в общей тактике профсоюзов в деле защиты

---

*) Пленумы ВЦСПС (I — 23 сентября 1922 г., II — 19 — 21 декабря 1922 г., III — 12 — 17 апреля 1923 г., IV — 26 — 30 сентября 1923 г.) не обсуждали общего доклада ВЦСПС и приняли ряд решений лишь по отдельным вопросам союзной работы.

интересов своих членов требуют централизации общего союзного руководства, особенно в вопросах политики заработной платы и финансов, по линии всероссийских профессиональных об'единений.

5. Однако, этим ни в коей степени не должен быть уменьшен авторитет межсоюзных об'единений (губпрофсоветов), как органов представительства всех профсоюзов данной местности. Задачей губпрофсоветов попрежнему должно являться руководство деятельностью об'единяемых ими организаций, контроль за таковой и согласование интересов отдельных союзов с интересами всех профсоюзов данной территории и с общеклассовыми задачами пролетариата.

6. Стоящая перед профсоюзами задача защиты интересов наемных рабочих при наличии товарного рынка и частновладельческих предприятий требует от них наибольшей классовой выдержанности и наиболее строгого отношения к классовому составу их членов. Недопустимые тенденции, проявившиеся в отдельных профорганизациях, на почве тяжелого финансового положения, в сторону предпринимательской деятельности, несомненно, являются результатом влияния непролетарских элементов на союзные органы. Мелкие самостоятельные производители ни в коем случае не должны входить в состав профсоюзов.

7. Профсоюзы, как и прежде, признавая, что восстановление государственной промышленности есть коренной вопрос укрепления диктатуры пролетариата, должны всячески стремиться к сохранению, укреплению и развитию крупной государственной промышленности, всюду отстаивая дальнейшее сокращение промышленности и распыление индустриального пролетариата.

Находя необходимым всячески поддерживать концентрацию промышленности по хозяйственным соображениям, с'езд поручает ВЦСПС и ЦК тщательно следить за тем, чтобы сокращение промышленности происходило только по хозяйственным соображениям и чтобы в каждом отдельном случае дело решалось при участии профсоюзов.

8. Российское общепрофессиональное об'единение, организуя в своих рядах всех лиц, занятых по найму, не может забывать, что авангардом рабочего движения являются, главным образом, промышленные рабочие. В соответствии с этим, как общеэкономическая политика союзов должна быть направлена на укрепление и развитие крупной промышленности, так равно и главное внимание в области организационной должно быть на ближайший период направлено в сторону укрепления профдвижения в городах и промышленных округах. Однако, попрежнему необходимо уделять серьезное внимание работе среди сельскохозяйственного пролетариата и оказывать поддержку союзу всеработземлес.

9. Отстаивая в коллективных договорах возможно лучшие в данный момент условия труда и зарплаты, профсоюзы не могут отказываться от установления гарантированной производительности труда, стремясь к неуклонному повышению таковой, как гарантии

от дальнейшего сокращения производства и необходимой предпосылки его развития.

Поднятие производительности труда в государственной промышленности и хозяйстве и при новых методах работы профсоюзов должно остаться попрежнему предметом систематических забот и энергичнейших усилий профсоюзов.

10. Правильность системы нормирования условий труда и зарплаты посредством коллективных договоров подтверждена опытом почти годовой работы. Коллективные договоры применяются повсеместно как в частных, так и в государственных предприятиях. Тем не менее, неправильное понимание сущности и характера коллективного договора приводит иногда к важным принципиальным и практическим ошибкам.

11. В обстановке диктатуры пролетариата коллективный договор имеет двоякое значение в отношении частного и государственного предприятия.

В первом случае коллективный договор является отражением соотношения сил в экономической борьбе между трудом и капиталом; во втором — отражением экономического положения госпромышленности в целом и данного предприятия в общей хозяйственной системе пролетарского государства.

Поэтому одинаково неправильны как идея уравнения зарплаты в данный момент, независимо от экономического положения и характера предприятия, так равно и идея декретирования обязательности коллективных договоров, являющейся в настоящих условиях, наряду с другими своими отрицательными сторонами, фактором, тормозящим активность и самодеятельность профессиональных организаций.

12. Признавая необходимость регулирования зарплаты и выравнения отставших в зарплате, в силу неблагоприятного экономического положения, рабочих крупной и, главным образом, тяжелой индустрии и транспорта, профсоюзам следует проводить это не путем снижения ставок рабочих, находящихся в благоприятной обстановке отраслей промышленности, а путем правильного участия в регулирующих госорганах и влиянием на правильное распределение ресурсов производства, отстаивая наиболее благоприятные условия для отраслей промышленности и хозяйства, в которых наблюдаются наиболее неблагоприятные условия и оплата труда.

13. Необходимо уделить больше внимания всей работе в регулирующих и плановых органах и сделать ее более систематической, чем это было в последнее время. Наблюдавшиеся случаи отрыва профработников от хозяйственников и обратно должны быть изжиты.

Хозяйственники, выдвигаемые рабочими организациями, должны вовлекаться в сферу профработы и обратно. Только товарищеская спайка между профессионалистами и хозяйственниками может служить залогом успеха борьбы против хищнических элементов, порождаемых нэпом, и гарантией против уклонов как тех, так и других.

14. Исключительное значение в настоящий момент приобретает культурно-просветительная работа профсоюзов, которая до сих пор продолжает оставаться весьма слабым местом в общей союзной работе. Учитывая важность этой работы, профсоюзы должны уделить ей должное внимание, решительно борясь против попыток противопоставления культработы общим задачам профдвижения и обособления ее путем создания самодовлеющей, выборной культорганизации; равным образом должны быть в корне изменены и методы культработы. Культработа должна строиться на основе тех ресурсов, которые имеются в распоряжении союзной организации. Сближение с массами, обслуживание рабочих в их всесторонних духовных потребностях является основной задачей культработы, и лишь под углом зрения той или иной степени выполнения этой задачи может оцениваться культурно-просветительная деятельность профорганизаций.

15. На основе учета опыта работы профсоюзов в новых условиях, подтверждая правильность общей принципиальной линии и программы практической деятельности, данной последним Пленумом ВЦСПС, с'езд считает, что основной задачей всей работы профсоюзов ближайшего момента является конкретизация и практическое осуществление тех положений, которые даны февральским Пленумом ВЦСПС и настоящим V С'ездом.

Центр тяжести работы профсоюзов должен быть перенесен в область практического осуществления связи с массами на почве неустанной работы над удовлетворением экономических, духовных и бытовых нужд рабочих.

Все стороны жизни рабочего должны быть одинаково близки и важны для его союза. Союз должен заботиться не только об охране и улучшении условий труда своего члена, но в равной степени об улучшении его повседневного быта, просвещении его, поднятии его классового самосознания и предоставлении ему здорового, разумного отдыха и удовольствия.

На фабрике и вне ее рабочий должен чувствовать влияние и заботу своего союза.

16. Те колебания, которые наблюдались среди части профессиональных работников, и уклоны в сторону дробления движения на особые «формы» (кооперативная, страховая, культурная), а равно уклоны в сторону дробления самой профорганизации (националистические, областные и цеховые тенденции), свидетельствуют как о неправильном понимании задач рабочего класса, так равно и об отрыве различных сторон и видов деятельности профсоюзов от общесоюзных задач.

17. В своей повседневной работе профорганизации и отдельные профработники должны суметь связать каждый вопрос союзной деятельности, как бы сух и конкретен он ни был, с общими задачами профессионального движения и конечными идеалами рабочего класса. Лишь исходя из общих задач пролетариата, как класса в целом, лишь освещая все вопросы союзной деятельности под углом зрения

конечных целей рабочего класса, профсоюзы смогли выполнить одну из своих основных задач — школы коммунизма и быть гарантированы как от уклонов от правильного классового пути, так равно и от дробления союзной работы на специальные, оторванные друг от друга, части.

18. С'езд уверен, что, попрежнему идя рука об руку с советской властью и партией пролетариата — РКП, российское профессиональное движение не только победит все уклоны от правильного классового пути, но и сохранит стройность и единство своей организации.

V Пленум ВЦСПС

(2 июня 1924 г.)

Резолюции по отчету Президиума ВЦСПС.

Заслушав доклад о работе Президиума, V Пленум ВЦСПС отмечает, что за истекший период в основном политика Президиума ВЦСПС в области зарплаты проводилась в соответствии с интересами народного хозяйства по линии сохранения реальной зарплаты и подтягивания ее размеров в отношении отставших отраслей промышленности и районов.

Особенно Пленум ВЦСПС подчеркивает правильность позиции Президиума ВЦСПС в деле активного участия и содействия проведению денежной реформы, как необходимого мероприятия по оздоровлению народного хозяйства и в устойчивости зарплаты.

В области организационной Президиум своевременно выдвинул на первый план лозунг укрепления фабкомов, оздоровления финансовой жизни союзных организаций и взял курс на развитие массовой работы в экономической, культурной и организационной деятельности союзов, что дало заметные положительные результаты, а потому V Пленум признает общую линию Президиума ВЦСПС правильной и работу удовлетворительной.

Тарифная работа.

1. Пленум подтверждает, что в дальнейшем политика зарплаты должна исходить из необходимости приостановки роста ее в выдвинувшихся отраслях легкой индустрии и подтягивания зарплаты в отставших отраслях тяжелой индустрии и на транспорте.

2. Признавая, что довоенные отношения в зарплате не вполне соответствуют роли каждой отрасли промышленности, ее достижениям и квалификации рабочего состава в ней, Пленум поручает принять меры к разработке этого вопроса.

Пленум считает также необходимым продолжить линию на постепенный под'ем зарплаты отсталых групп работников, оплачиваемых по местному и государственному бюджету (просвещенцы, рабземлес, медикосантруд).

3. Пленум ВЦСПС обращает особое внимание как Президиума ВЦСПС, так и всех профессиональных организаций на необходимость решительной борьбы за своевременность выплаты зарплаты.

4. Признавая, что дальнейший рост зарплаты будет находиться в прямой зависимости от достижений в хозяйстве и от производительности труда, Пленум считает необходимым, чтобы наряду с усилением личной интенсивности, где достигнуты большие результаты, основное внимание союзов и хозорганов было сосредоточено на:

а) возможном расширении производства и сбыта и загрузке предприятия;

б) возможном в наших условиях улучшении оборудования и большем использовании в этих целях амортизационных капиталов;

в) целесообразном распределении заказов в целях упрощения и возможного сжатия ассортимента продуктов производства в отдельном предприятии;

г) экономии в производстве и накладных расходах;

д) полной нагрузке нормального рабочего дня и рационального использования оборудования;

е) правильном отношении между производственными и подсобными штатами;

ж) пересмотре в сторону повышения норм выработки в тех отраслях и производствах, где они не достигли технически возможных.

Успехом этих мероприятий будет в основном определяться и возможный темп роста заработной платы. В силу этого приобретает сугубое значение для правильного направления политики союзов вопрос постановки регулярного учета как индивидуальной, так и общей производительности труда. Этой задаче союзы должны уделять серьезное внимание в своей экономической работе.

5. Пленум считает необходимым усиление регулирующей роли межсоюзных об'единений, и особенно ВЦСПС, в договорной работе.

6. Во избежание дальнейшего разрыва в заработке сдельщиков, с одной стороны, и подсобных рабочих и адм.-техн. персонала предприятий — с другой, Пленум поручает ВЦСПС разработать этот вопрос.

7. Учитывая сложность и трудность работы по единовременному и повсеместному проведению жестких единых квалификационных разбивок, Пленум предлагает постепенное их проведение связать с предстоящими кампаниями по перезаключению коллективных договоров, обусловливая их проведение сохранением реальной зарплаты основных групп, не допуская произвольного перевода в высшие разряды и базируясь на действительных материальных возможностях каждой отрасли производства.

8. В целях более успешного предупреждения конфликтов и правильного их разрешения необходимо усилить инструктирование рабочей части РКК, связав ее с союзом, и поднять авторитет РКК перед рабочей массой.

Равно отвергая как попытки превращения РКК в орган союза, так и ограничение работы РКК чисто конфликтными функциями, Пленум считает необходимым рассматривать РКК как согласительный орган проведения договора.

Экономработа.

9. Одобряя программу экономработы, намеченную в решениях Президиума ВЦСПС, Пленум считает необходимым на ближайший период:

а) усилить работу всех профорганов и ВЦСПС как в смысле участия в организации промышленности, также на ближайший период, особенно в области торговли;

б) усилить работу и участие фабзавкомов в хозяйственной жизни предприятия и в этих целях в крупных предприятиях организовать производственные совещания и комиссии, которые под руководством фабзавкомов об'единяли бы всю экономработу на предприятии и вовлекали бы рабочую массу в рассмотрение текущих вопросов производства;

в) усилить работу профсоюзов по подбору руководящих органов хозяйства в целях большего продвижения на хозяйственные посты кадра рабочих-хозяйственников;

г) усилить работу представителей союзов в рев.-конфликтных комиссиях хозорганов и установить их регулярную отчетность перед соответствующими профорганами.

10. В целях борьбы с бесхозяйственностью и внесения большей планомерности в работу по организации производства Пленум предлагает всем союзным организациям усилить связь с органами РКИ.

Пленум одобряет основные положения о взаимном содействии и сотрудничестве союзов и органов РКИ, установленные в циркуляре ВЦСПС и РКИ.

Рабочая кооперация.

11. Пленум предлагает Президиуму ВЦСПС и всем остальным организациям усилить внимание к рабочей кооперации и контроль за ее повседневной работой.

12. Пленум поручает Президиуму разработать вопрос о вовлечении профсоюзов в работу по созданию жилищной кооперации.

Социальное страхование.

13. Учитывая угрозу, создавшуюся для дела социального страхования в виду систематической неуплаты и просрочки платежей по соцстрахованию, Пленум обращает внимание НКТ на необходимость проведения срочных и энергичных мер к своевременному поступлению страховых взносов.

Пленум считает необходимым поставить перед всеми союзными организациями задачу устранения основных недостатков в работе завкомов, превращения их целиком и полностью в аппараты массовой работы (упразднение президиумов завкомов, оживление работы в комиссиях при них, освобождение завкомов от несвойственных им функций и т. д.). Пленум ВЦСПС, подтверждая жизненность

и необходимость организации касс взаимопомощи, считает необходимым построение всего дела взаимопомощи на принципе наибольшей его близости к рабочим массам и максимального втягивания в работу касс их участников.

В этих целях необходимо стремиться к организации касс взаимопомощи по возможности непосредственно на заводах, максимальной самодеятельности касс, к освобождению от вмешательства союзов в мелкую повседневную их деятельность, широкой отчетности правлений касс перед участниками.

Организационная работа.

14. Пленум считает необходимым на Украине, Белоруссии, в Киргизии, Туркестане и Закавказье создать выборные советы профсоюзов республик, действующих на правах областных органов, и выборные республиканские правления союзов (за исключением Закавказья, где правления союзов в масштабе федерации не организуются). Настоящее постановление внести на утверждение VI С'езда.

Порядок работы и сроки создания республиканских правлений союзов определяются ЦК союзов с утверждения ВЦСПС.

Пленум ВЦСПС поручает Президиуму подготовить к VI С'езду Союзов в окончательной форме вопрос о работе и взаимоотношениях в национальных республиках.

Пленум ВЦСПС поручает по мере проведения административно-хозяйственного районирования отдельных областей проводить и районирование профессиональных союзов, на основе создания в областях полномочных выборных областных органов, оформив их существование в уставах ВЦСПС и производственных союзов. Вопрос о создании в областном центре окружных отделений производственных союзов, наряду с областными отделами, решается Президиумом ВЦСПС применительно к каждой области в отдельности.

15. Пленум ВЦСПС еще раз обращает внимание всех профорганизаций на строжайшее проведение директивы об ограничении различных отчислений с заработка рабочих и служащих определенным минимальным процентом. Президиуму ВЦСПС поручается войти в соглашение с соответствующими органами (партией и друг.) о даче директивы по их линии.

Культработа.

16. Пленум отмечает, что общий под'ем политического и культурного уровня масс (ленинский призыв, повышение общественной активности рабочих и т. п.), выражающийся в росте различных форм добровольных общественных, культурных и бытовых рабочих организаций, диктует профсоюзам более полный охват в своей работе руководства как выросшей активности рабочих масс, так и различных массовых организаций на предприятии.

17. Пленум указывает, что рабочий клуб должен действительно превратиться в центр, вокруг которого сосредоточиваются не только отдых и разумное развлечение членов союза, но и коммунистическое воспитание, обслуживание профдвижения, производственное просвещение и повышение технических знаний рабочих и работниц.

В самом содержании клубной работы на первый план должны быть выдвинуты пропаганда и раз'яснение основных задач, стоящих перед рабочим классом (профсоюзами, партией и государством) и пропаганда ленинизма.

Работа в деревне.

18. Вставшие перед советской властью в настоящее время во весь рост задачи культурного и хозяйственного под'ема деревни требуют от межсоюзных и производственных профсоюзных организаций уделить больше сил и средств, чем это было до сих пор, тем слоям организованного пролетариата, которые по характеру или месту своей работы непосредственно связаны с деревней и крестьянством.

Поручая Президиуму ВЦСПС создать специальную комиссию по изучению методов работы профсоюзов на селе, Пленум ВЦСПС считает, что в первую очередь в этом направлении необходимо усилить работу:

а) союза всеработземлес, как об'единяющего работников, занятых непосредственно в сельском и лесном хозяйстве (сельскохозяйственные и лесные рабочие, батрачество), и деревенских специалистов (агрономов, землеустроителей и лесоводов), обслуживающих нужды крестьянства;

б) союзов: просвещения, медикосантруд, советских служащих, как об'единяющих работников, обслуживающих общественно-государственные и культурно-просветительные нужды деревни (сельские: учитель, фельдшер, ветеринар, служащий сельсовета и т. д.);

в) союзов: строителей, горнорабочих, водников и железнодорожников, об'единяющих в значительном количестве сезонных рабочих, связанных как с городской промышленностью, так и с крестьянским хозяйством;

г) союзов: текстильщиков, писчебумажников, местного транспорта, железнодорожников, имеющих в составе своих членов большой процент рабочих, не порвавших окончательно с землей;

д) союзов: химиков, сахарников, пищевиков, деревообделочников, об'единяющих рабочих в предприятиях, расположенных в значительном числе вблизи сел и деревень.

Культработа среди национальных меньшинств.

19. Пленум ВЦСПС обращает также особое внимание на политико-просветительную работу среди национальных меньшинств. Союзы должны взять решительный курс на усиление среди них политико-просветительной работы на родном для них языке, на ликвидацию среди них неграмотности, на подготовку профессиональных, кооперативных

и хозяйственных работников, на издание на родном языке популярной профессиональной и политической литературы, на командирование молодежи в школы фабзавуча, рабфаки, вузы.

Пленум подчеркивает необходимость сохранения того минимума средств, который хозорганами отчисляется до сих пор на союзную культработу.

20. В связи с сокращением сети учебных заведений необходимо установить более тщательный и сокращенный прием в вузы и рабфаки на основе классового отбора.

VI С'езд Профсоюзов СССР
(11—18 ноября 1924 г.)

Резолюция по отчету ВЦСПС.

1. VI С'езд Профессиональных Союзов СССР, одобряя деятельность ВЦСПС в целом, считает, что общая линия его деятельности на протяжении отчетного периода была правильна и имела целью осуществление и развитие основной директивы V С'езда о приближении союзного аппарата к массам, путем развития самодеятельности профессиональных организаций сверху донизу, максимальной экономии союзных средств, насаждения здоровой финансовой политики, сосредоточения внимания союзов на низовых союзных аппаратах и через это — оживления их деятельности.

2. В области зарплаты с'езд отмечает достигнутые улучшения в экономическом положении рабочих, одобряет общую политику ВЦСПС в выравнении фронта зарплаты, в частности, одобряет мероприятия ВЦСПС, направленные к содействию в осуществлении перехода на твердую валюту, на ликвидацию задолженности по зарплате и к поднятию производительности труда.

3. В области культработы с'езд одобряет линию ВЦСПС, направленную к оздоровлению, расширению культработы и сосредоточению на ней внимания союзных органов и рабочих масс.

4. С'езд предлагает ВЦСПС, на основе постановления данного с'езда, развивать в дальнейшем общую деятельность профдвижения в сторону дальнейшего оживления союзной работы, приближения ее к массам через развитие и поощрение самодеятельности и инициативы низовых союзных органов, для чего необходимо:

1. Усилить связь с местными профорганами, подытоживая опыт повседневной работы.

2. Уделить большее внимание и отдать больше сил культработе, проводя таковую под углом охвата и всестороннего удовлетворения культурных запросов всей массы членов, и особенно усиления и укрепления материальной базы культработы.

5. Считая, что дальнейшее улучшение материального положения рабочих будет зависеть от развития нашей промышленности и сельского хозяйства, необходимо усилить участие профорганизаций

в хозорганах, всемерно помогая последним в их практической работе по поднятию производительности труда.

6. В равной мере необходимо обратить внимание как проф-организаций, так и хозорганов на необходимость более строгого и точного выполнения своих обязательств, вытекающих из заключенных колдоговоров.

7. Констатируя уже начавшееся оживление экономической работы профорганизаций, в частности успех работы производственных совещаний, ВЦСПС должен обратить внимание на углубление этой работы, придав ей более плановой и систематический характер.

8. ВЦСПС должен, внимательно изучая жизнь и работу всех союзных органов, решительно устранить всевозможные уклоны в их деятельности как в сторону возврата к методам военного коммунизма и уродливых проявлений централизма, так и в сторону борьбы с попытками извращения необходимой самодеятельности организации в сторону федерализма, замкнутости и цеховщины.

9. Одной из важнейших задач очередной союзной работы является усиление союзной деятельности в национальных областях и республиках. Национальные союзные организации должны сосредоточить работу по обслуживанию членов союзов применительно к бытовым и культурным особенностям данной нацместности, не забывая при этом интересы меньшинства каждой отдельной области или республики.

10. С'езд обращает внимание всех профорганизаций на необходимость максимального усиления работы среди членов союзов, находящихся в деревне, создания крепких союзных ячеек на селе и усиления низовых органов всеработземлеса, что явится одним из важных орудий связи с крестьянством.

11. С'езд признает необходимым всемерное усиление работы среди работниц, путем поддержки и выдвижения кандидатур их в выборные органы профсоюзов, и более систематическую подготовку из них новых кадров женщин-профработников.

12. С'езд отмечает, что установившаяся связь профсоюзов с РЛКСМ дала положительные результаты и значительно усилила работу среди молодежи. В дальнейшем необходимо еще больше усилить эту совместную работу, попрежнему привлекая представителей ленинского комсомола к профессиональной работе в выборных органах профсоюзов и создавая тем самым новые кадры профработников.

13. С'езд предлагает всем профорганизациям итти дальше по пути организации и сплочения рабочих масс, еще большего участия в организации производства и труда, поднятия культурного уровня, улучшения материального положения и быта, ведя всю эту работу под углом зрения общих задач рабочего класса.

14. VI С'езд Союзов СССР подтверждает все, оставшиеся в силе, решения предыдущих всероссийских с'ездов, не отменяемые решениями настоящего VI С'езда, считая, что ВЦСПС попрежнему должен, оставаясь высшим руководящим органом всего профдвижения СССР,

направлять и руководить всеми профорганизациями на основании прав, предоставленных ему предыдущими с'ездами профсоюзов.

15. VI С'езд Профсоюзов СССР, одобряя общую линию ВЦСПС и его представителей в Профинтерне в области международного профессионального движения, считает правильной и своевременной проявленную им инициативу в постановке с полной отчетливостью вопроса об организационном единстве международного профессионального движения.

16. С'езд выражает глубочайшее убеждение, что установление единства международного профессионального движения явится надежной гарантией против продолжающейся угрозы новой мировой войны и оплотом в борьбе против фашистской реакции и наступления капитала.

17. С'езд призывает профессиональные организации всех стран, во имя этой борьбы, активно выступить и приложить все усилия к установлению единства международного профессионального движения.

Кодексы законов о труде 1918 и 1922 гг.

Кодекс 1918 г.	Кодекс 1922 г.
I. О трудовой повинности.	II. О порядке привлечения к трудовой повинности граждан РСФСР.
1. Для всех граждан Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, за из'ятиями, указанными в ст.ст. 2 и 3, устанавливается трудовая повинность.	11. В исключительных случаях (борьба со стихийными бедствиями, недостаток в рабочей силе для выполнения важнейших государственных заданий), все граждане РСФСР, за из'ятиями, указанными в ст.ст. 12—14, могут привлекаться к труду в порядке трудовой повинности, согласно специальным постановлениям Совета Народных Комиссаров или органов, уполномоченных на то Советом Народных Комиссаров.
III. Порядок предоставления труда.	III. О порядке найма и предоставления рабочей силы.
15. Осуществление права на труд обеспечивается Отделами Распределения Рабочей Силы,	5. Предоставление гражданам РСФСР работы в порядке добровольного найма, за из'ятиями,

Кодекс 1918 г.

профессиональными союзами и всеми учреждениями Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

21. Трудящийся, неимеющий работы по своей специальности, регистрируется в местном Отделе Распределения Рабочей Силы в качестве безработного.

V. О переводе и увольнении трудящихся.

40. Перевод трудящихся во всех предприятиях, учреждениях и хозяйствах, применяющих чужой труд за вознаграждение, может происходить только в интересах дела и на основании постановления соответствующего органа управления.

Примечание. Правило настоящей статьи не распространяется на случай работы у частных лиц, применяющих чужой труд за вознаграждение, если труд применяется в формах, указанных в п. п. б и в ст. 6-й.

42. Перевод, сопровождающийся перемещением трудящегося в другое учреждение, предприятие или хозяйство, расположенное в той же или иной местности, производится соответственным органом управления с ведома Отдела Распределения Рабочей Силы.

46. Увольнение трудящегося от работы в предприятии, учреждении или хозяйстве, где он в данный момент свой труд применяет, допускается в следующих случаях:

а) вследствие полной или частичной ликвидации данного учреждения, предприятия или хозяйства,

Кодекс 1922 г.

указанными в ст. 9, совершается через органы Наркомтруда.

6. Лица, ищущие работы, регистрируются в местном органе Наркомтруда в качестве безработных.

V. О трудовом договоре.

37. Перевод нанявшегося из одного предприятия в другое или перемещение из одной местности в другую, хотя бы и вместе с предприятием или учреждением, может последовать лишь с согласия рабочего или служащего; при отсутствии такового трудовой договор может быть расторгнут каждой из сторон, при чем нанявшемуся в обоих случаях выплачивается выходное пособие, согласно ст. 89.

47. Трудовой договор, заключенный на срок неопределенный, а равно срочный договор до истечения его срока, может быть расторгнут по требованию нанимателя, кроме случаев, предусмотренных ст.ст. 36—37, лишь в следующих случаях:

Кодекс 1918 г.

либо при упразднении отдельных обязанностей или работ;

б) вследствие приостановки работ на срок более месяца;

в) вследствие истечения срока или выполнения работы, если работа носила временный характер;

г) в случае явной непригодности к работе, по специальному постановлению органов управления предприятием, учреждением или хозяйством, с согласия соответствующей профессиональной организации;

д) по желанию самого трудящегося.

Кодекс 1922 г.

а) в случае полной или частичной ликвидации предприятия, учреждения или хозяйства, а равно в случае сокращения работ в них;

б) вследствие приостановки работ на срок более одного месяца по причинам производственного характера;

в) в случае обнаружившейся непригодности нанявшегося к работе;

г) в случае систематического неисполнения нанявшимся без уважительных причин обязанностей, возлагаемых на него договором или правилами внутреннего распорядка;

д) вследствие совершения нанявшимся уголовно-наказуемого деяния, непосредственно связанного с его работой и установленного вступившим в силу приговором суда, а также в случае пребывания нанявшегося под стражей более двух месяцев;

е) в случае неявки на работу более трех дней сряду или в общей сложности более шести дней в месяц без уважительных причин;

ж) в случае непосещения работы вследствие временной утраты нанявшимся трудоспособности по истечении двух месяцев со дня утраты таковой, а в случае временной утраты трудоспособности после беременности и родов — по истечении двух месяцев сверх установленного ст. 92-й 4-месячного срока.

Примечание 1. Расторжение договора в случаях, указанных в п.п. «в» и «г», может последовать не иначе, как по решению расценочно-конфликтной комиссии.

Кодекс 1918 г.	Кодекс 1922 г.
	Примечание 2. При расторжении договора с трудящимся, состоящим членом фабзавкома или иного соответствующего органа, соблюдается правило, установленное ст. 160 сего Кодекса. Примечание 3. При расторжении договора нанимателем в случаях, предусмотренных п.п. «а», «б» и «в», наниматель обязан предупредить нанявшегося об увольнении за две недели; компенсация в этих случаях выдается на общих основаниях (ст. 88). 48. Заключенный на срок трудовой договор может быть до истечения такового расторгнут нанявшимся по следующим основаниям: а) вследствие неполучения им в срок условленного вознаграждения; б) вследствие нарушения принятых нанимателем на себя по договору обязанностей или законов о труде; в) вследствие грубого обращения с нанявшимся со стороны нанимателя, представителей администрации или членов их семей; г) вследствие изменения в худшую сторону санитарно-гигиенических условий работы; д) во всех других случаях, специально предусмотренных законом. Примечание. По протесту нанимателя наличие обстоятельств, указанных в п.п. «а», «б» и «в» сей статьи, устанавливается местной расценочно-конфликтной комиссией, а при отсутствии таковой — в конфликтном порядке.

Кодекс 1918 г.	Кодекс 1922 г.
VI. О вознаграждении за труд.	VIII. Вознаграждение за труд.
55. Размер вознаграждения, получаемого трудящимися за работу в предприятиях, учреждениях или хозяйствах, применяющих чужой труд, подробные условия и порядок его выдачи определяются тарифами, вырабатываемыми для каждого рода труда в порядке, указанном в ст. ст. 7—9 настоящего Кодекса.	58. Размер вознаграждения нанявшегося за его труд определяется коллективными и трудовыми договорами.
7. Условия труда в государственных (советских) учреждениях регламентируются тарифными положениями, утверждаемыми центральной советской властью в лице Народного Комиссариата Труда.	15. Коллективный договор есть соглашение, заключенное профессиональным союзом (ст. ст. 152 и 153), как представителем рабочих и служащих, с одной стороны, и нанимателем — с другой, которое устанавливает условия труда и найма для отдельных предприятий, учреждений и хозяйств или группы таковых (ст. 17) и определяет содержание будущих личных (трудовых) договоров найма (ст. ст. 27 и 28).
8. Условия труда во всех предприятиях и хозяйствах — советских, национализированных, общественных и частных — регламентируются тарифными положениями, вырабатываемыми профессиональными союзами по соглашению с руководителями или владельцами предприятий и хозяйств и утверждаемыми Народным Комиссариатом Труда. Примечание. При невозможности достигнуть соглашения с руководителями или владельцами предприятий и хозяйств, тарифное положение	27. Трудовой договор есть соглашение двух или более лиц, по которому одна сторона (нанимающийся) предоставляет свою рабочую силу другой стороне (нанимателю) за вознаграждение. Трудовой договор заключается как при отсутствии коллективного договора, так и при наличии такового.

Кодекс 1918 г.

вырабатывается профессиональным союзом и непосредственно поступает на утверждение Народного Комиссариата Труда.

9. Труд, в форме предоставления индивидуальных, личных услуг и в форме выполнения отдельной определенной работы, регламентируется тарифными положениями, вырабатываемыми соответствующими профессиональными союзами и утверждаемыми Народным Комиссариатом Труда.

VII. О рабочем времени.

106. Всем трудящимся, проработавшим непрерывно не менее 6 месяцев, независимо от того, производилась ли работа в одном и том же или в различных предприятиях, учреждениях и хозяйствах, должен быть предоставлен двухнедельный отпуск.

VIII. Об обеспечении надлежащей производительности труда.

113. В целях обеспечения надлежащей производительности труда

Кодекс 1922 г.

X. Рабочее время.

105. К производству сверхурочных работ безусловно не допускаются лица, не достигшие 18 лет.

114. Всем лицам, работающим по найму, проработавшим непрерывно не менее 5½ месяцев, предоставляется один раз в году очередной отпуск, продолжительностью не менее 2 недель. Для лиц, не достигших 18 лет, продолжительность очередного отпуска должна быть не менее одного месяца.

Примечание. Непрерывность работы, дающая, согласно ст. 114, право на очередной отпуск, не нарушается в случае перевода, по распоряжению администрации, из одного предприятия или учреждения в другое, или при переходе трудящегося, без перерыва в работе, из одного государственного учреждения или предприятия в другое.

VI. О правилах внутреннего распорядка.

50. Правила внутреннего распорядка устанавливаются в целях

Кодекс 1918 г.

на всех трудящихся в предприятиях, учреждениях и хозяйствах (государственных, общественных или частных), применяющих чужой труд за вознаграждение и в форме организованного сотрудничества, и на органы управления указанными предприятиями, учреждениями и хозяйствами возлагается обязанность точного соблюдения предписаний настоящего раздела Кодекса о нормах выработки, о нормальной производительности и о правилах внутреннего распорядка.

115. Установление норм выработки для трудящихся каждой профессии и определение норм выработки для трудящихся отдельных групп и категорий производится расценочными комиссиями при соответствующих профессиональных организациях (ст. 61).

(Отсутствует).

Кодекс 1922 г.

урегулирования труда в предприятиях, учреждениях и хозяйствах с числом занятых лиц не менее пяти. Таковые правила обязательны для нанявшегося лишь в том случае, если они изданы в установленном порядке (ст.ст. 52—55) и доведены до сведения всех работающих.

VII. О нормах выработки.

56. Нормы выработки устанавливаются по соглашению между администрацией предприятия или учреждения и союзом или соответствующим союзным органом (ст. ст. 151 и 156).

XV. О профессиональных (производственных) союзах рабочих и служащих и их органах в предприятиях, учреждениях и хозяйствах.

151. Профессиональные (производственные) союзы, об'единяющие граждан, работающих по найму в государственных, общественных и частных предприятиях, учреждениях и хозяйствах, имеют право выступать перед различными органами от имени работающих по найму в качестве стороны, заключающей коллективные договоры, а равно представительствовать от их имени по всем вопросам труда и быта.

Кодекс 1918 г.	Кодекс 1922 г.
(Отсутствует).	167. Нарушение правил, установленных в главе XV сего Кодекса: «О профессиональных (производственных) союзах рабочих и служащих и их органах в предприятиях, учреждениях и хозяйствах», карается по ст. 134 Уголовного Кодекса РСФСР.

Указатели.

Предметный указатель.

Указатель имен *).

*) В некоторых случаях установить инициалы имен оказалось невозможным.

Библиографический указатель.

1. **V С'езд Профсоюзов и задачи союза транспортных рабочих.** Речь на II Всероссийском Об'единенном С'езде союза транспортных рабочих 2 октября 1922 г. Опубликована в стенографическом отчете VI Всероссийского С'езда союза работников железнодорожного транспорта. Изд. Лит.-Изд. Отд. Цектрана. 1922 г.

(Краткое содержание. Значение V Всероссийского С'езда Профессиональных Союзов в истории рабочего движения России; важнейшие задачи российского профдвижения вообще и союза транспортных рабочих — в частности: всемерное укрепление диктатуры пролетариата, рост производительных сил страны и защита союзом интересов своих членов; значение транспорта в социалистическом строительстве и планомерная организация труда на транспорте; проведение в жизнь принципов профдвижения, формулированных февральским Пленумом ВЦСПС в 1922 г. и единодушно принятых V С'ездом Профсоюзов; интересы производства и улучшение экономического положения членов союзов; повышение заработной платы в соответствии с ростом производительности труда; «разлияние» союзов работников водного и железнодорожного транспорта; взаимоотношения профессионального союза и его членов; единение рабочей массы с союзными органами; защита интересов транспортных рабочих и борьба со взяточничеством на железнодорожных и водных путях; единодушие и деловитость в работах II С'езда транспортников обеспечат победу над транспортной разрухой и усилят мощь союза.)

2. **Общие вопросы профдвижения и союз печатников.** Речь на IV Всероссийском С'езде союза полиграфического производства 18—21 октября 1922 г. Печатается впервые.

(Краткое содержание. Конкретные задачи, поставленные V Всероссийским С'ездом Профсоюзов в области профессионального движения; российское профдвижение в 1905—1906 гг. и после Октябрьской революции при диктатуре пролетариата, перед I С'ездом Профсоюзов; вопрос о сращивании союзов с государственными органами

перед II и III С'ездами Профсоюзов; профдискуссия перед IV С'ездом и новый курс профдвижения в связи с новой экономической политикой; вопрос о добровольном членстве в профсоюзах; взаимоотношения хозяйственников с органами союзов; права и обязанности фабзавкомов; связь центральных и низовых органов профдвижения и вопросы инструктирования; культурно-просветительная и тарифно-экономическая работа; конфликты и их разрешение; методы обсуждения и заключения колдоговоров; нормы производительности труда, способы ее поднятия и нормы зарплаты; важнейшие недостатки в профсоюзной работе и необходимость борьбы с ними.)

3. **Задачи союза работников земли и леса.** Речь на IV Всероссийском С'езде союза работников земли и леса 16 декабря 1922 г. Опубликована в «Бюллетене IV Всероссийского С'езда работников земли и леса», № 1 от 20 декабря 1922 г.

(Краткое содержание. Основная классовая и политическая задача союза работников земли и леса — установление связи между индустриальным пролетариатом городов и пролетариатом деревни; трудности работы в деревне; крестьянство и сельскохозяйственный пролетариат; гегемония пролетариата в деревне; уездные бюро, волостные секретариаты союза всеработземлес и т. п.; задачи союза работников земли и леса при нэпе; установление тесной связи между членами и культурно-политическое завоевание деревни; вопросы заработной платы, регламентация рабочего дня и защита экономических интересов членов союза.)

4. **Наше профессиональное движение в прошлом и настоящем.** Речь на V Всероссийском С'езде работников народного питания и общежитий 27 января 1923 г. Печатается впервые.

(Краткое содержание. Важнейшие практические задачи текущего момента в профдвижении; финансовая политика профсоюзов и ее правильное построение; членские взносы — главный источник существования союзов; содержание высших профсоюзных органов; создание специальных фондов: стачечного, культурно-просветительного и взаимопомощи; связь союзов с массами и финансовая отчетность; вредные уклоны в союзной работе в форме увлечения артелями, кооперацией и т. п.; вопросы конфликтной тактики; забастовки на частных предприятиях и их проведение; Кодекс Законов о Труде 1918 г. и 1922 г. и проведение последнего в жизнь; технические дефекты профсоюзных организаций и их причины в прошлом; I и II Всероссийские Конференции Профсоюзов и успехи

российского профессионального движения за восемнадцать лет.)

5. **Новая экономическая политика и задачи союза работников искусств.** Речь на IV Всероссийском С'езде союза работников искусств 26 апреля 1923 г. Опубликована в приложении к №№ 7—8 «Вестника Работников Искусств». Москва. 1923 г.

(Краткое содержание. Новая экономическая политика и задачи, стоящие перед союзом работников искусств; вопрос об отношении к частному предпринимателю и артелям; борьба с частным капиталом и эксплоатацией работников искусств в обстановке безработицы; коллективные договоры; задача большего сближения с индустриальными союзами; поднятие культурного уровня рабочих, рабочие клубы и участие в них работников искусств; пролетарское искусство и его роль в будущем; технические вопросы финансовой политики союза работников искусств; расходование членских взносов, организация касс взаимопомощи и т. п.; устранение цеховых предрассудков и установление единой линии с другими пролетарскими союзами.)

6. **Современное положение российских профессиональных союзов.** Доклад на III Сессии Красного Профинтерна 29 июня 1923 г. Опубликован Издательством ВЦСПС в 1923 г. отдельной брошюрой.

(Краткое содержание. Общероссийское профессиональное об'единение по вертикали и горизонтали: ВЦСПС, ЦК союзов и губотделы, ВЦСПС и губпрофсоветы; работа, проделанная ВЦСПС с момента перехода на новую экономическую политику, по перестройке союзного аппарата, по введению новых методов работы и перерегистрации членов союзов; появление товарного рынка и частного капитала; чистка профсоюзов; сокращение количества членов; концентрация промышленности и сокращение штатов; переход на индивидуальное членство; организационные задачи союзов; финансы, отмена государственных субсидий и переход союзов к существованию на собственные средства; экономическое положение рабочих и безработица; повышение зарплаты в промышленных районах; Кодекс Законов о Труде 1922 г.; обследование среднего рабочего дня; тарифно-экономическая политика союзов; коллективные договоры; отношение профессиональных союзов к государственной промышленности и государству; представительство ВЦСПС в высших центральных советских учреждениях и права представителей; культурно-просветительная работа профсоюзов и борьба с неграмотностью; клубная деятельность; содержание стипендиатов

в вузах; общеобразовательные и профессиональные курсы; техника профработы и ее недостатки; взаимоотношения и связь профсоюзов с коммунистической партией, в частности, с ее центральными органами.)

7. **Задачи союза работников питания и общежитий в условиях нэпа.** Речь на юбилейном пленуме союза работников питания и общежитий 25 июля 1923 года. Печатается впервые.

(Краткое содержание. Трудность и сложность работы союза при нэпе; бесправное положение работников питания и общежитий в дореволюционное время; первые профессиональные организации 1906—1907 гг.; Октябрьская революция и ее значение; борьба с цеховыми предрассудками, вредными уклонами и союзная дисциплина; женский труд, его охрана и равноправие женщины.)

8. **О текущей работе наших профсоюзов.** Доклад и заключительное слово на V Петроградском губернском с'езде профессиональных союзов 17 декабря 1923 г. Напечатано в стенографическом отчете V Петроградского губернского с'езда профессиональных союзов. Изд. Петрогубпрофсовета. 1924 г.

(Краткое содержание. Доклад. Практические задачи повседневной работы профсоюзов: организационное укрепление и развитие профорганизаций и установление тесной связи их с рабочей массой; дефекты, обнаруженные обследованием профорганизаций на тех предприятиях, где происходили забастовки: отрыв фабзавкомов от масс, редкий созыв пленумов фабзавкомов, отсутствие на повестках дня общих собраний конкретных и волнующих рабочего вопросов повседневной жизни профессионального союза и т. п.; мероприятия, направленные к установлению действительной связи фабзавкомов с массами: добровольное членство и система индивидуального взимания членских взносов, отмена госсубсидий и переход союзов к существованию за счет членских взносов, правильная постановка информации и финансовой отчетности перед массами, разгрузка фабзавкомов от канцелярских мелочей, анкет, выдачи всякого рода удостоверений и т. п.; необходимость для профсоюзов следить за своевременностью выдачи зарплаты на предприятиях; тарифно-экономическая работа профсоюзов; конфликтная практика и орабочение государственного аппарата; ненормальные взаимоотношения фабзавкомов и хозорганов — экономическая зависимость фабзавкомов от хозорганов; принципы правильной организации касс взаимопомощи; вопросы зарплаты; единая квалификационная сетка и значение

колдоговора в государственной промышленности; вопросы улучшения рабочего быта и кооперация; работа профсоюзов среди женщин и молодежи; отличие российского профдвижения от германского; укрепление наших профсоюзов на основе диктатуры пролетариата и тесной их связи с советами и коммунистической партией. Заключительное слово. Общие ответы на записки по вопросам экономической и культурно-просветительной работы союзов, работы среди студенчества и др.; ответы на выступления отдельных товарищей — Гордона, Шейбухова, Рывкина, Угарова и других — по вопросам: о недочетах в работе ВЦСПС, о формах отчетности союзов, о взаимоотношениях союзных организаций с хозяйственными, о культработе, спорте, экономработе, сокращении штатов и др.)

9. **Заветы В. И. Ленина профессиональному движению.** Речь на II С'езде Советов СССР 26 января 1924 г. Опубликована в «Бюллетене» № 1 II С'езда Советов СССР в 1924 г., в «Известиях ВЦИК», № 24, в «Правде» № 24 за 1924 г. и в «Избранных статьях и речах» М. Томского. Книгоиздательство ВЦСПС. Москва. 1928 г.

(Краткое содержание. Историческая роль и значение В. И. Ленина как учителя и вождя российского пролетариата и российского профдвижения; заветы В. И. Ленина профессиональному движению: не отделять политику от экономики; личные, групповые и цеховые интересы приносить в жертву общим интересам рабочего класса; не противопоставлять профессиональное экономическое движение пролетариата его политическому движению с авангардом рабочего класса — коммунистической партией во главе; методы работы, завещанные В. И. Лениным; лозунг «ближе к массам»; укрепление связи между коммунистической партией и беспартийными рабочими, между профсоюзами и рабочими массами и, наконец, между рабочими массами и крестьянством.)

10. **Очередные вопросы профессионального движения.** Опубликовано в 1924 г. Издательством ВЦСПС отдельной брошюрой.

(Краткое содержание. V Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов и новый курс профдвижения; новые методы работы; установление живой связи между органами профсоюзов и широкими массами членов; введение индивидуального членства; новая система финансовых взаимоотношений; отмена государственных субсидий и признание членских взносов единственным источником существования профсоюзов; новая система финансовой отчетности высших организаций перед низшими; формы

финансовой отчетности союзов перед своими членами; новые задачи в организационной работе профсоюзов; усиление внимания к первичной ячейке — фабзавкому; усиление авторитета фабзавкомов среди рабочей массы и в области хозяйственной; выдвиженчество; работа среди женщин и молодежи; школы профдвижения и подготовка нового кадра профессиональных работников; вопросы заработной платы и введение единой системы ее исчисления в червонном рубле; кооперация и ее роль в советском государстве как аппарата социалистического распределения; установление правильных взаимоотношений между профсоюзами и кооперацией; культурно-просветительная работа профсоюзов после V С'езда и ее достижения в области методологии, организационных форм и по снабжению профсоюзов необходимыми пособиями; значение рабочего клуба как основной и наиболее важной формы культработы; создание сети клубов; пролетарское искусство и методы его правильной оценки; издание популярной литературы по профдвижению; организация школ профдвижения; антирелигиозная пропаганда и ликвидация неграмотности.)

11. **Привет женщине-работнице. 8 марта 1924 г.** Опубликовано в «Труде» от 8 марта 1924 г.

(Краткое содержание. ВЦСПС приветствует женщин — членов союзов по случаю международного женского дня и призывает всех остальных трудящихся женщин вступать в члены союзов, школу коммунизма, в целях хозяйственного возрождения советского государства и раскрепощения женщин от векового экономического и социально-правового гнета.)

12. **Агрономический персонал и задачи профсоюзов в деревне.** Речь на конференции агрономов 8 марта 1924 г. Опубликована в № 1 журнала «Агроном» от 19 июля 1924 г.

(Краткое содержание. Непроходимая пропасть между работниками умственного и физического труда при капиталистическом строе; взаимоотношения интеллигенции и рабочих после Октябрьской революции, разрушившей иллюзии и предрассудки капиталистического общества; об'единение трудовой интеллигенции и рабочего класса в СССР для борьбы с капиталом и строительства социализма; культурно-просветительные задачи союза всеработземлес в деревне; роль агрономического персонала как носителя новой культуры и новых методов коллективной работы и творчества; смычка города и деревни, рабочего класса с крестьянством через союз всеработземлес.)

13. **Новый курс профдвижения и союз пищевиков.** Доклад на V Всероссийском С'езде союза пищевиков 25 мая 1924 года.

Опубликован в стенографическом бюллетене V С'езда союза пищевиков. Изд. ЦК ВСРП. Москва. 1924 г.

(Краткое содержание. Старые задачи профдвижения и новый курс; детализация, оформление и уточнение старых задач; новые методы работы; кассы взаимопомощи и их организация; рабочие клубы как центры культурно-просветительной работы союзов; руководство клубами и вовлечение в них рабочих масс; организационная работа союзов и учет ее; профсоюзная отчетность; национальный вопрос; работа среди женщин; финансовая реформа и заработная плата; международное положение российских профсоюзов, взаимоотношения СССР с Англией и подробное изложение хода переговоров русской профсоюзной делегации с английским правительством и английскими тред-юнионами.)

14. **Профдвижение СССР к седьмой годовщине Октябрьской революции.** Доклад на открытии клуба союза строительных рабочих 7 ноября 1924 г. Опубликован в сокращенном виде в газете «Постройка» в ноябре 1924 г.

(Краткое содержание. Конечная цель рабочего движения — освобождение труда от гнета капитала и всего человеческого общества — от капиталистического строя с его противоречиями; экономическая и политическая формы классовой борьбы; Октябрьская революция и ее значение; гражданская война и эпоха военного коммунизма; продовольственный, топливный и транспортный кризисы; достижения советской власти за семь лет в области международной политики и хозяйственного строительства; развитие производительных сил страны и повышение культурного уровня пролетариата; задачи рабочих клубов.)

15. **Работа ВЦСПС.** Отчет и заключительное слово на VI С'езде Профессиональных Союзов СССР 12—13 ноября 1924 г. Опубликовано в стенографическом отчете VI С'езда Профсоюзов СССР. Издательство ВЦСПС. 1925 г. и в «Избранных статьях и речах» М. Томского. Книгоиздательство ВЦСПС. Москва. 1928 г.

(Краткое содержание. Деятельность ВЦСПС по выполнению директив V С'езда Профессиональных Союзов; оргработа ВЦСПС; переход на добровольное членство; вредные уклоны и ошибки; увлечение нэпом; бюрократизм, циркуляры; организация касс взаимопомощи; обследование фабзавкомов; тарифно-экономическая политика ВЦСПС; кампании (золотого займа, хлебного займа); введение твердой валюты; регулирование заработной платы; культурно-просветительная работа ВЦСПС; значение и задачи рабочего клуба; работа среди женщин; международная

деятельность ВЦСПС; проблема единого фронта и мирового общепрофессионального об'единения в связи с новой волной наступления капитала. Заключительное слово. Ответы тт. Плаксину, Гулому, Рязанову, Акулову, Кролю и другим по вопросам организационным, культурно-просветительным и тарифно-экономическим; дефицитность профессиональных союзов; работа в деревне; производительность труда и сдельная система; национальный вопрос.)

16. **Закрытие VI С'езда Профессиональных Союзов СССР. 18 ноября 1924 г.** Опубликовано в стенографическом отчете VI С'езда Профсоюзов СССР. Издательство ВЦСПС. 1925 г. и в «Избранных статьях и речах» М. Томского. Книгоиздательство ВЦСПС. Москва. 1928 г.

(Краткое содержание. Итоги работы VI С'езда Профессиональных Союзов СССР; деловой характер с'езда и полное единодушие по важнейшим принципиальным вопросам; перспективы англо-русского профессионального об'единения.)

17. **Новые задачи союза местного транспорта.** Речь на V С'езде союза местного транспорта 24 ноября 1924 г. Опубликована в кратком стенографическом отчете V С'езда МСТР СССР. Изд. ЦК МСТР. Москва. 1925 г.

(Краткое содержание. Создание союза местного транспорта в 1918 г.; борьба с цеховыми предрассудками; укрепление и рост союза за пять лет; очередные задачи союза; выработка мер, направленных к вовлечению масс в активную союзную работу; поднятие производительности труда и его механизация на транспорте; вопросы культурно-просветительной деятельности и организационного строительства; работа в деревне.)

18. **Итоги VI С'езда Профессиональных Союзов СССР.** Опубликовано Издательством ВЦСПС отдельной брошюрой в 1925 г.

(Краткое содержание. Практический характер работ VI С'езда Профсоюзов и разрешение им важнейших вопросов в направлении установления наиболее тесной связи союзов с рабочими массами и вовлечения последних в активную союзную работу; переименование VI С'езда из Всероссийского во Всесоюзный; постановления по вопросам: о поднятии производительности труда, об отношении профсоюзов к крестьянству и о международной политике профдвижения; осуждение системы циркулярных директив; признание фабзавкома и губотдела наиболее важными звеньями в профсоюзной работе; результаты обследования фабзавкомов и меры для оживления их деятельности; фабзавкомы и комиссии; постановления VI С'езда: о союзной кассе, об отчислениях хозорганов на содержание фабзавкомов,

о делегатских собраниях, о культкомиссиях, клубной работе и правлениях клубов; постановления о губотделах и выдвиженчестве; вопрос об исключении из членов союза; организация касс взаимопомощи на началах добровольности и самодеятельности; постановления VI С'езда: о финансовой политике союзов; о создании специальных фондов; о системе взимания членских взносов; о работе профсоюзов в деревне; тарифно-экономические вопросы; постановления: о производительности и интенсивности труда, о сдельщине, об усилении хозяйственно-экономической работы союзов, о биржах труда, о женском труде, о кооперации; вопрос о единстве международного профдвижения, история этого вопроса и постановление по нему VI С'езда Профсоюзов.)

Содержание IV книги.

Новая экономическая политика.

Задачи профессионального движения.

От V Всероссийского С'езда Профсоюзов к VI С'езду Профсоюзов СССР.

Приложения.

Иллюстрации.

5р.

Стр.

Приложения.

Иллюстрации.